ПЕРМСКІЙ СБОРНИКЪ.

ПЕРМСКІЙ СБОРНИКЪ.

ПЕРМСКІЙ СБОРНИКЪ

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ типографіи Грачева и Комп.
1860.

S. n. 5176

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, января 24 дня, 1860 года.

Ценсоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

I.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА [1]).

—

I.

Копія съ объясненія, поданнаго въ Пермскую провинціальную канцелярію, горное начальство и магистратъ, отъ секундъ-маіора Папава (sic).

—

За отправленіемъ изъ Верхомуллинскаго села капитана Рылеева до Казани съ партіею, возвратился я сюда съ достальными рекрутами тремя стами осьмьюдесятъ шестью человѣками и двѣнадцатью съ ружьями старыми солдатами, для вспоможенія городу Кунгуру къ оборонѣ противъ наступающихъ злодѣевъ; того ради, какъ Пермскую провинціальную канцелярію, такъ горное начальство и провинціальный магистратъ прошу, чтобы къ отпору отъ злодѣевъ взяты были должныя неусыпныя предосторожности, что уже по усердному всѣхъ господъ воеводы и прочихъ старанію на бекетахъ люди опредѣлены, слѣдовательно и командиры надъ ними, какъ отъ провинціальной канцеляріи и отъ горнаго начальства — оберъ и унтеръ-офицеры, а отъ купечества первостатейные люди поставлены; но чтобъ лучшее могло быть наблюденіе и во всѣхъ кругъ города мѣстахъ состояла исправная готовность, то на важныхъ мѣстахъ во время

[1]) Благодаря просвѣщенному содѣйствію г. начальника Пермской губерніи Константина Ильича Огарева и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, мы имѣли возможность пріобрѣсти въ свое распоряженіе много историческихъ матеріаловъ, касающихся Пермскаго края; между ними занимаютъ первое мѣсто по количеству и интересу различныя бумаги, относящіяся къ Пугачевской эпохѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ мы рѣшили печатать въ нашемъ Сборникѣ цѣликомъ, и на первый разъ предлагаемъ читателямъ три документа, особенно интересные по заключающимся въ нихъ подробностямъ объ осадѣ Кунгура. *Ред.*

нападенія неотступно находиться и оными повелѣвать господамъ воеводскому товарищу, прокурору, горнаго начальства капитану Попову, а отъ купечества—президенту, бургомистрамъ и ратманамъ; господину же воеводѣ Миллеру, какъ градодержателю, не опредѣляя себѣ нигдѣ поста, раздавать всѣмъ вышеписаннымъ особамъ чрезъ г. капитана Буткевича повелѣнія, для чего онымъ неотмѣнно долженствуетъ ему, господину воеводѣ, со всѣмъ, касающимся по службѣ Ея Императорскаго Величества, безъ роптанія повиноваться, чрезъ что узломъ сего послушанія всѣ здѣшніе и собранные изъ селеній обыватели къ общей всѣхъ пользѣ твердо и надежно будутъ стоять и противляться атакующимъ городъ злодѣямъ; а для уничтоженія въ простомъ народѣ вредныхъ отечеству крамолъ, переговоровъ и подметывающихъ отъ злодѣйской толпы къ уловленію и склоненію на свою сторону простолюдиновъ обольщевательныхъ писемъ,—къ чему многихъ жительствъ крестьяне, иные отъ глупости, а другіе по принужденіямъ тѣхъ злодѣевъ на ихъ сторону склонились и, пріобщаясь къ нимъ, увеличиваютъ силы, тѣмъ больше, что зачинщики бунта, поставя себя начальниками, позволяютъ имъ невинныхъ до послѣдней рубахи грабить и раззорять,—прочесть всѣмъ здѣсь въ городѣ, не исключая ни одной души, при молебномъ Господа Бога прошеніи, обыкновенную присягу, печатные манифесты и указъ, полученный предъ симъ здѣшней эпархіи отъ Преосвященнаго, съ увѣщаніемъ, чтобы каждый до послѣдней своей капли крови, за имя Ея Императорскаго Величества, истинной Государыни нашей Императрицы и любовь къ отечеству, какъ вѣрноподданный рабъ, оборонялся. Что жь до меня принадлежитъ, то всѣхъ вышеупомянутыхъ правленій услужно прошу отпустить мнѣ годныхъ ружей съ припасомъ, сколько за раздачею придется, коими я снарядя умѣющихъ въ командѣ моей рекрутъ стрѣлять, опредѣляю себя къ самоважнѣйшему посту, на которое по положенію мѣсто больше чаять надобно непріятельскаго стремленія. Сверхъ же того стану и прочихъ рекрутъ обучать, по короткости время и частымъ тревогамъ, только заряжать ружье, дабы, ежели еще гдѣ порожнія ружья найдутся, всѣ оными въ отпорѣ дѣйствовать могли.

Господинъ воевода, какъ хозяинъ и первое занимаетъ въ провинціи и городѣ мѣсто, благоволитъ приказать чрезъ полицію, чтобъ во всемъ городѣ была тишина; шумъ и пѣсни, особливо по ночамъ, совсѣмъ должны быть прекращены, и не

только по бекетамъ и вокругъ города, но и вездѣ внутри по улицамъ посылать дозоры, чтобъ праздно въ ночи никто не шатался, а всего лучше, ежели заблагоразсуждено будетъ къ общественной пользѣ и всѣхъ цѣлости, питейнымъ домамъ продажу вина и другихъ напитковъ запретить.

Какъ отъ обошедшихъ вокругъ города злодѣевъ частыя бываютъ тревоги, и изъ оныхъ къ одному только бекету, и то малое число, единственно для высматриванія подъѣзжаютъ, а во всемъ городѣ великое отъ того происходитъ смятеніе и безпокойство, то во избѣжаніе таковыхъ колебаній, ежели разсудится, поступать при томъ такимъ образомъ: когда противъ котораго бекету злодѣи станутъ показываться, командиръ, изготовясь оружіемъ къ принятію, тужъ самую минуту даетъ знать господину воеводѣ, который, чтобы одни только вокругъ города бекеты изготовились, приказываетъ ударить въ большой колоколъ нѣсколько разъ, а ежели бы на два или больше бекета подъѣздъ показываться началъ, и отъ тѣхъ бекетовъ *(дошли)* до него извѣстія, тогда бить въ набатъ на всѣхъ колокольняхъ; почему, къ пріумноженію силъ на всѣхъ постахъ, съ крайнимъ поспѣшеніемъ назначенные бѣгутъ съ своимъ изъ домовъ и квартиръ оружіемъ. А что касается по ночамъ, то какъ за темнотою увидѣть не можно—на одинъ-ли только бекетъ стремленіе происходитъ, то по полученному съ перваго бекета извѣстію о приближеніи злодѣйскомъ, по мнѣнію моему, должно уже повсюду въ набатъ ударить.

Когда злодѣевъ вокругъ города видно не будетъ, то вышеписанные господа командиры могутъ въ своихъ квартирахъ находиться, осматривая однакожь въ день по часту, въ точной ли готовности его подчиненные люди находятся и все-ль у нихъ оружіе въ исправности состоитъ; а въ ночи, хотя бъ и не было тревоги, неотходно быть при своихъ мѣстахъ, и тамъ ночевать; а естьли кто отъ своего посту при тревогѣ умышленно отлучится, то сочтенъ будетъ Ея Императорскому Величеству измѣнникомъ, и не достоинъ тѣмъ назваться, что онъ теперь есть, какъ и за то, если, ища покою и страшась смерти, скажется при нынѣшнемъ случаѣ больнымъ.

Впрочемъ, объявя мое мнѣніе — что еще съ совѣту къ лучшему признано будетъ—я на всѣ труды и опасности усердно себя полагаю. Кунгуръ, января 6 дня, 1774 года. Секундъ-маіоръ Папавъ.

II.

Журналъ, какимъ (?) сего 1774 года злодѣйская башкирская и другихъ народовъ толпа дѣлала на городъ Кунгуръ нападеніе и оная съ какимъ пораженіемъ отбита.

—

Генваря 4 числа, по-полудни въ третьемъ часу, состоящая близь города Кунгура въ десяти и въ пяти верстахъ, злодѣйская изъ Башкиръ и Татаръ толпа сдѣлала на городъ Кунгуръ покушеніе и приближаясь къ самому городу, на иренской перевозъ къ пикету, человѣкахъ напримѣръ въ пятидесяти, кои пушечными и оружейными выстрѣлы отбиты и обращены въ бѣгъ, за которыми, для преслѣдованія, изъ города и выступилъ присланный сюда изъ Екатеринбурга подпоручикъ Посоховъ съ пристойною партіею; но перехватя та злодѣйская толпа, отъ Кунгура верстахъ въ пяти, западнями въ перелѣскахъ, превосходными противу нашихъ силъ передовыхъ, до нѣсколько человѣкъ захватили, въ томъ числѣ и онаго подпоручика Посохова, гдѣ тѣми злодѣями оной Посоховъ и казаковъ до шести человѣкъ побиты до смерти, а прочіе возвратились въ городъ.

Потомъ, послѣ того черезъ четверть часа, та злодѣйская толпа показалась передъ городомъ вторично, коихъ, по извѣстію, было до семисотъ человѣкъ, и дѣлали на городъ неоднократныя покушенія, которыя такимъ же порядкомъ отбиты, какъ и первое.

5 числа тажъ злодѣйская толпа, по-полуночи въ 11 часу, собравшись въ многолюдствѣ, неоднократно подъѣзжая къ тому же иренскому пикету, дѣлала на городъ покушеніе до 5 часу по-полудни; но однако оная, такимъ же порядкомъ какъ и выше показано, пушечною и оружейною изъ города по нихъ стрѣльбою отогната, коя и пошла обратно въ подгородныя мѣста.

Въ девятомъ числѣ, по-полудни въ первомъ часу, злодѣйская изъ Башкирцевъ и здѣшняго уѣзду изъ Татаръ и Русскихъ крестьянъ изъ ближнихъ подгородныхъ деревень толпа, съ трехъ сторонъ, въ большихъ силахъ, по дорогамъ осинской, казанской и сибирской отъ Екатеринбурга, подъѣхавъ къ самому городу Кунгуру, чинили ко взятію города неоднократный приступъ и притомъ кричали вслухъ по-русски: „что-де на что себя и насъ мучите? ибо-де мы хотимъ мирно съ вами быти, только-де вышлите къ нашему полковнику воеводу и другихъ начальниковъ, а городъ-де здайте!“ Но тѣ злодѣи, по нѣсколь-

кимъ изъ пушекъ выстрѣламъ, отъ города отбиты, которые, отошедъ, не въ дальнемъ разстояніи стояли до самыхъ сумерокъ, а состоящая по сибирской отъ Екатеринбурга дорогѣ злодѣйская толпа дѣлала по городу многія покушенія, противъ которой выслана была пристойная конная и пѣшая команда и рекруты, подъ предводительствомъ находящагося въ здѣшней провинціи у набору рекрутъ секундъ-маіора Папава, которою командою та злодѣйская толпа и обращена въ бѣгство, гдѣ убитъ одинъ Татаринъ.

А 11 числа, отправленная изъ города команда съ двумя пушками, подъ предводительствомъ предписаннаго маіора Папава, коя, выступя по-полуночи въ 10 часовъ и остановилась въ трехъ верстахъ отъ города, учредя пушки по разну при пѣхотѣ, поставя оную въ три шеренги, которыхъ послѣдняя состояла изъ долгихъ пикъ, у нѣкоторыхъ съ луками. (Правый флангъ прикрывалъ небольшой перелѣсокъ, гдѣ обыкновенно снѣгу бываетъ больше, а конница онаго флангу стояла потянувшись отъ того перелѣска, подавшись нѣсколько назади лѣваго фланга; конница примыкала къ глубокому буераку и долинѣ, идущей къ рѣкѣ Ирени, гдѣ спереди того фланга изъ лѣсу подосланы злодѣи на лыжахъ съ ружьями, противу коихъ командировано до нѣсколька съ ружьями пѣшіе охотники, которыми, по многой съ обоихъ сторонъ перестрѣлкѣ, Башкирцы сбиты, а какъ за ними съ лыжъ въ тылъ нельзя гнаться, то остановлены на томъ мѣстѣ; а между тѣмъ, злодѣи, состоящіе всѣ изъ конницы, приближась на ружейный выстрѣлъ, атковали ихъ, зачиная отъ лѣваго фланга, а больше къ правому стремясь съ великимъ крикомъ, которыхъ, по примѣчанію его, Папава, и капитана Буткевича и купца Емельяна Хлѣбникова, было слишкомъ до пяти сотъ; знаменъ начтено восемь — синихъ, красныхъ и алыхъ). Противъ средины лѣваго фланга пѣхоты былъ ровъ, идущій отъ Ирени, подъ коимъ и посажены были изъ охотниковъ команды его, маіора Папава, подпрапорщикъ Бахиревъ, цирюльникъ Брезгинъ и рядовыхъ два, да рекрутъ десять человѣкъ съ ружьями, коимъ рвомъ и подъѣхало злодѣйское одно знамя съ нѣсколькимъ числомъ Татаръ; но, по выстрѣлѣ по нихъ, возвратились назадъ. (Противъ лѣваго злодѣйскаго фланга высланы были конные охотники, команды его батальонной солдатъ Бенда, на его Папава лошади, которой первой зачалъ перестрѣлку, и съ нимъ изъ купцовъ человѣкъ до десяти). Злодѣи, имѣвшіе ружья, наступали весьма нагло, съ превеликимъ крикомъ. Противъ пра-

ваго нашего фланга былъ сѣнной стогъ, къ которому, для подкрѣпленія нашихъ конныхъ охотниковъ, посажено было пѣшихъ человѣкъ до двадцати съ ружьями; а чтобъ всѣ они отрѣзаны не были, то велѣлъ податься всему флангу впередъ, а потомъ приказалъ выстрѣлить по разу изъ пушекъ. Злодѣи, сдѣлавъ нѣкоторое въ себѣ помѣшательство, ободрившись послѣ, двинулись послѣ всѣми силами впередъ, покушаясь болѣе на правой нашъ флангъ объѣхать въ тылъ; но видя назади протянутую конницу, остановлялись, перестрѣливаясь ружьями и стрѣлами, что онъ видя, выстрѣлилъ по нихъ изъ пушекъ, и самъ сдѣлалъ съ пѣхотою движеніе, отъ чего злодѣи закрычавъ замѣшались, для чего, не теряя времени и еще разъ выстрѣля, приказалъ какъ пѣхотѣ, тожъ и всей конницѣ, крычать и ударить со всѣхъ сторонъ, отъ чего злодѣи обробѣвши, бросились, за коими отрядя большую часть конницы съ означеннымъ капитаномъ Буткевичемъ, самъ съ пѣхотою и съ достальною конницею пошелъ впередъ прямою дорогою въ самое ихъ пристанище, деревню Неволину, отъ города въ пяти верстахъ. Злодѣи въ великой робости бѣжали и приближась къ оной деревнѣ, нѣкоторая часть остановились, куда и онъ сталъ уже приходить, и остановясь велѣлъ части конницы и одной пушкѣ съ пѣхотою, принявъ вправо, отнимать дороги; а самъ по онымъ, стоящимъ противъ него злодѣямъ, съ въѣзду въ ту деревню, сдѣлалъ изъ другой пушки и изъ ружей выстрѣлъ, отъ коего и обратилъ внутрь деревни въ бѣгъ, куда, чтобъ ихъ оттуда выбить, послалъ конныхъ и пѣшихъ съ ружьями, а большую часть конницы съ означеннымъ капитаномъ Буткевичемъ — на преслѣдованіе въ тылъ, охватывая деревню вправо и за оную далѣе до деревни Шубиной, состоящей отъ Неволиной версты полтретей, а отъ города верстъ до осьми, изъ которой Шубиной деревни выгнавъ, за приближающеюся уже ночью, онъ, Буткевичь, возвратился по прежнему къ нему; почему онъ, Папавъ, собравъ всѣхъ безъ остатку и прошедъ сквозь рѣченную деревню Неволину, чрезъ рѣку Ирень, слѣдовалъ на деревню Новую, бывшую тоже подъ постоемъ тѣхъ злодѣевъ и прибылъ съ другой стороны уже въ городъ Кунгуръ. (Въ погонѣ и въ деревнѣ Неволиной и за оною до деревни Шубиной убито злодѣевъ 15 человѣкъ, въ томъ числѣ двое убиты помянутымъ солдатомъ Бендою, подъ коимъ и его, маіора Папава, лошадь подстрѣлена). У злодѣевъ отбито одно знамя, барабанъ мѣдной одинъ, латъ изъ толстаго листоваго желѣза двѣ, лошадей тринадцать; въ полонъ взято сооб-

щниковъ злодѣйскихъ: Русскихъ два человѣка, да плѣнныхъ предъ симъ имъ на дорогахъ захваченныхъ пять человѣкъ; съ нашей же стороны легко ранено только три человѣка изъ конныхъ обывателей; отбиты у злодѣевъ на татарскомъ языкѣ разныя письма и одинъ билетъ на русскомъ языкѣ-жь въ холщевой сумкѣ.

15 числа, по вѣрнымъ извѣстіямъ отправленная изъ города команда съ двумя пушками, подъ предводительствомъ онаго-жь маіора Папава съ капитаномъ Буткевичемъ, состоящая изъ рекрутъ, посадскихъ и крестьянъ, въ село Кишерть вступя пополуночи въ 7 часовъ не по той дорогѣ, откуда злодѣевъ ожидать было должно и нападенія на городъ, для того, что ежели бы они покусились напасть, то бы у него были уже въ тылу отъ села Комарова, находящагося въ лѣвой рукѣ отъ Кунгура, въ 15 верстахъ, куда онъ, маіоръ Папавъ, на ночлегъ и прибылъ, равно и для защищенія онаго села и другихъ по близости селеній, коимъ злодѣи до нынѣ еще не касались; однако, по подсылкамъ отъ него въ ту ночь къ ихъ стану, извѣстился, что оные остались на прежнемъ мѣстѣ, не дѣлавъ ни какого пожелаемому его пути движенія. Для чего, призвавъ Бога въ помощь, вышелъ онъ 16 числа по-полуночи въ 4 часа, чтобъ ударить тѣмъ бунтовщикамъ прямо въ лицо и пришедъ къ первому изъ рѣченныхъ селеній, встрѣтилъ пойманныхъ изъ сей шайки трехъ человѣкъ Русскихъ, объявляющихъ, по спрашиваніи его, о своей силѣ въ 400 Башкирцевъ и 200 сибирскихъ и прочихъ русскихъ казаковъ, вышедшихъ сихъ послѣднихъ наканунѣ его туда приходу къ соединенію въ село Усть-Кишерть, состоящее отъ перваго въ пяти, а отъ города въ 20 верстахъ; почему, не теряя времени, пошелъ туда, и не дошедъ за версту, въ деревнѣ Горбушиной, злодѣи съ конницею нашею начали встрѣчаться, и видно, что не ожидая на себя по той дорогѣ и будучи еще не всѣ, тотъ же часъ стали ретироваться до половины отъ оной деревни къ помянутому селу пути, изъ коего вся сходная съ пойманнымъ объявленная сила, немедленно собравшись, зачала на насъ наступать. Наша партія построена была поперегъ дороги лѣвымъ флангомъ къ рѣкѣ Сылвѣ, гдѣ ни подняться, ни спуститься за крутизностію берега не можно, а правой флангъ пѣхоты вытянутъ былъ въ поле, которой, завернутой нѣсколько назадъ, конница отъ набѣговъ прикрывать могла, и какъ скоро всѣмъ фронтомъ съ движеніемъ по продолжающейся ружейной съ обоихъ сторонъ полтара часа перест-

рѣлкѣ, злодѣи, имѣя у себя въ тылу перелѣсокъ, сгрудились, то въ кучу изъ оружей по два раза сдѣланы были выстрѣлы, отъ коихъ, также отъ нашего съ крыкомъ всею партіею не останавливающагося движенія, злодѣи, оробѣвъ, обратились въ бѣгъ въ показанное село, за коими одна часть конницы съ капитаномъ Буткевичемъ и отряжена, а онъ съ достальною, тожъ и съ пѣхотою, слѣдовалъ за нимъ.

Злодѣи хотя нѣсколько останавливались въ томъ селеніи, однакожь наконецъ изъ онаго выбиты и перестрѣливаясь совсѣмъ показали тылъ въ разныя дороги, изъ коихъ, по большому числу злодѣевъ, онъ, Буткевичь, преслѣдовалъ, а онъ, Папавъ, дабы какимъ-нибудь образомъ по полученному имъ въ то время извѣстію отъ утаившейся въ деревнѣ Пизской, состоящей отъ Усть-Кишерти въ $3^1/_2$ верстахъ, въ двухъ стахъ пятидесяти человѣкахъ злодѣевъ, отъ него отрѣзанъ не былъ, пошелъ къ нимъ въ ту деревню, коими, нѣсколько не доходя, встрѣченъ былъ, и по продолженію съ часъ перестрѣлки и изъ пушекъ пальбы, потомъ ужь наконецъ обращены въ бѣгъ и изъ деревни выбиты, коихъ съ лѣвой стороны по кустарнику преслѣдовали на лыжахъ наши шаквинскіе Татары съ ружьями и луками, а по дорогѣ въ тылъ—конница и за ней пѣхота, при которыхъ обоихъ ему, Папаву, одному, не имѣвъ болѣе при себѣ изъ офицеровъ помощника, распоряжать и всюду поспѣвать весьма было неудобно, особливо что какъ люди, большая часть изъ уѣздныхъ обывателей,—не токмо не знающіе обороговъ, исключая уже смѣльство, что всего надобнѣе по непривычкѣ къ заряженію ружей и по неготовности патроновъ къ узкоствольному оружію,—не могли производить желаннаго успѣха, для чего онъ иногда долженъ былъ останавливать пѣхоту и пушки и слѣдовать съ конницею и стыдить ихъ въ несмѣльствѣ и уграживать съ ласкою, напоминая присягу. И такъ, божіею помощію, всѣ тѣ злодѣи гнаты были по одной дорогѣ 13, а по другой 3 версты.

Чтобъ отличить можно было нашихъ обывателей отъ злодѣйскихъ русскихъ сообщниковъ, находящихся въ ихъ толпѣ, то наканунѣ сего сраженія у всей нашей партіи правыя руки выше локтя перевязать имъ, Папавымъ, приказано было бѣлыми платками.

Такимъ образомъ, по прогнаніи, возвратился онъ, Папавъ, вставъ съ командою въ означенную деревню Пизскую въ сумерки, куда и капитанъ Буткевичь, спустя довольно времени,

прибылъ, гдѣ и ночлегъ всей партіи былъ, а оттуда по-полуночи въ 5 часовъ выступя, прибылъ по прежнему въ городъ благополучно.

Съ злодѣйской стороны убито въ погонѣ и въ показанныхъ селеніяхъ, по ихъ супротивленію: Башкирцевъ и Русскихъ дó 40 человѣкъ, между коими убитъ полковникъ Избашинъ; въ плѣнъ взято: первыхъ 27, Русскихъ (въ томъ числѣ казаковъ) 119; сверхъ того сдались сами собою при сраженіи русскихъ-же казаковъ 15 человѣкъ. Съ нашей же стороны легко раненъ посадской одинъ.

Въ добычь получено: пушекъ чугунныхъ — шести-фунтовыхъ 1, фунтовая 1, полуфунтовыхъ 2, четверть-фунтовыхъ 1, гранатъ нечиненыхъ четыре-фунтовыхъ 114, ядеръ осьми-фунтовыхъ 134, пяти-фунтовыхъ 174, трехфунтовыхъ 10, которые, какъ люди такъ и орудіе, взяты въ канцелярію.

При чемъ онъ, маіоръ Папавъ, рекомендуетъ капитана Буткевича, которой въ третичномъ съ нимъ противъ злодѣевъ сраженіи, сколько онъ, по продолжающейся его полевой службѣ и съ практики и навычки примѣтить могъ, заслуживаетъ по его храбрости, расторопству и трудамъ справедливаго награжденія.

Препровождая сіи извѣстія къ вашему высокопревосходительству [1]), Пермская провинціальная канцелярія свидѣтельствуетъ о истинномъ усердіи и ревности предъявленнаго секундъ-маіора Папава. Воевода Никита Миллеръ. Воеводскій товарищъ Иванъ Кудрявцевъ. Прокуроръ Филипъ Поповъ.

III.

Его высокопревосходительству, господину генералъ-аншефу, кавалеру и Казанской губерніи губернатору, Якову Ларіоновичу фонъ-Брандту, изъ Кунгурскаго провинціальнаго магистрата,

о нашествіи въ кунгурскій уѣздъ отъ извѣстной злодѣйской толпы Башкирцевъ, Татарскихъ и прочихъ иновѣрскихъ и приклонившихся къ нимъ Русскихъ людей многолюдныхъ злодѣйскихъ шаекъ... съ нимъ отъ сего нашего города Кунгура супротивленіи о протчемъ продолженіи,

всенижайшій рапортъ.

Прошлаго 1773 году, декабря отъ 27 числа, къ вашему высокопревосходительству изъ здѣшняго провинціальнаго магистрата

[1]) Казанскому генералъ-губернатору фонъ-Брандту.

представлено съ нарочнымъ доношеніемъ, что онаго декабря на 27 число, въ ночи, Пермская провинціальная канцелярія... а предъ тѣмъ, онаго декабря на 22 и 23 минувшаго года, присутствующіе и секретари, по извѣстной злодѣйской башкирской толпы опасности, оставя всѣ свои порученныя должности и налично имѣвшуюся въ обоихъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ денежную многотысячную казну, а при томъ и содержащихся колодниковъ, не давъ о томъ никому, ниже и остающемуся тогда одному здѣшнему магистрату знать, невѣдомо куда изъ города Кунгура, миновавъ учрежденные караулы, объѣздными дорогами выѣхали.

За которою ихъ отлучностію, Кунгурской провинціальной магистратъ къ сохраненію того и цѣлости всего гражданскаго общества, призвавъ въ помощь Господа силъ, принялъ мѣры ко оборонѣ чаемаго нашествія отъ извѣстной злодѣйской толпы, вступивъ во все то распоряженіе и въ наиглавнѣйшее смотрѣніе, чего для къ предохраненію отъ тѣхъ злодѣевъ прилагая всеусердное и общественное стараніе и неусыпное къ отраженію тѣхъ злодѣевъ заготовленіе, распредѣлясь на учрежденные пикеты командирами въ нужныхъ и опасныхъ мѣстахъ сами магистратскіе присутствующіе, а въ протчихъ изъ первостатейныхъ купецкихъ лучшихъ и надежныхъ людей.

А между же тѣмъ учрежденіемъ и распоряженіемъ, по причинѣ—во первыхъ—отлучки предписанныхъ градоначальниковъ, неминуемо нашелъ требовать, и требовалъ, отъ вашего высокопревосходительства скорѣйшей присылки для защищенія и подкрѣпленія онаго нашего города главнокомандующаго съ пристойнымъ регулярнымъ войскомъ и артиллерійскими орудіями и порохомъ.

Но какъ скораго полученія того войска и команды и артиллеріи, по отдаленности города Казани, возымѣть было безнадежно, а управленія и порядочнаго распоряженія и предохраненія отъ упоминаемой злодѣйской толпы по обоимъ вышеизъясненнымъ присутственнымъ мѣстамъ имѣть было некому, то о скорѣйшемъ прибытіи сюда въ городъ Кунгуръ писано, тогожъ декабря отъ 28, ко обрѣтающемуся въ городѣ Соликамскѣ у порученныхъ слѣдственныхъ интересныхъ дѣлъ здѣшней же Пермской провинціальной канцеляріи господину воеводскому товарищу Кудрявцеву, такожъ о таковой же самоскорѣйшей и безумедлительной присылкѣ въ Екатеринбургъ, въ канцелярію главнаго заводовъ правленія, а особливо по ближайшей находимо-

сти... по прилагаемой къ отраженію злодѣйскому особливой ревности, къ находящемуся при Юговскихъ казенныхъ заводахъ коллежскому ассесору и рѣченной главной канцеляріи члену Башмакову.

А декабря на 30 число, впущенной отъ въѣхавшей въ кунгурской уѣздъ злодѣйской шайки тулвинскихъ Башкиръ и кунгурскаго уѣзду Татаръ, кунгурецъ, посадской Анисимъ Жаравлевъ, пріѣхавъ въ городъ, явясь въ магистратъ, репортомъ объявилъ, что декабря 26 числа былъ онъ, Жаравлевъ, кунгурскаго уѣзда, карьевской четверти, въ татарской деревнѣ Устуркѣ, для собранія долговъ, и будучи у Татарина Камыра Гордина въ домѣ, куда пришедъ къ нему Гордину Татара той же деревни показанной Карымъ Гординъ, Датамагулъ, а чей прозваніемъ — не знаетъ, и взяли его, Жаравлева, и свели изъ того дому той же деревни въ домъ къ другому Татарину, гдѣ имѣлся казакъ Башкирецъ, а какъ зовутъ — не знаетъ же,—коей Башкирецъ, у него, Жаравлева, спрашивалъ: „зачѣмъ-де ты сюда пріѣхалъ?“ а онъ, Жаравлевъ, имъ сказалъ, что пріѣхалъ за собраніемъ имѣющагося на здѣшнихъ Татарахъ долгу. И въ то время, собравшись въ той деревнѣ Устуркѣ Татара многолюднымъ числомъ, вооруженною рукою взяли его съ собой и отвезли той же четверти въ деревню Бырму и объявили находящемуся тутъ въ злодѣйской толпѣ называемому полковнику—уфимскаго уѣзду, тулвинской деревни Барды, Башкирцу Батыркаю Ишкиневу, которой допрося его, Жаравлева, и содержалъ въ оной деревнѣ Бырмѣ подъ карауломъ, а потомъ, призвавъ его вышеозначенной башкирской называемой полковникъ Ишкиневъ вторично къ себѣ и спрашивалъ: „что̀-де вашего города Кунгура начальники и городовые жители—будутъ-ли съ нами драться или впустятъ ихъ въ городъ безъ сопротивленія, и есть-ли-де у нихъ при городѣ пушки и порохъ?“ На что̀ онъ, Жаравлевъ, и сказалъ, что въ городѣ пушки и порохъ есть, а сколько—про то онъ не знаетъ. И тогда оной злодѣйской толпы называемой полковникъ Батыркаи̇̀ отъ себя его, Жаравлева, отпустилъ и велѣлъ ему ѣхать и явиться въ городѣ Кунгурѣ господину воеводѣ Миллеру, съ тѣмъ, чтобъ въ городъ ихъ Башкирцовъ съ товарищи впустили со всей ихъ шайкой; а если же городовые жители съ ними супротивленіе чинить будутъ, то они, собравшись съ великимъ множествомъ Башкиръ и Татаръ, будутъ къ городу приступъ чинить вооруженною рукою, а городовыхъ жителей бить безъ всякаго милосердія, и о томъ ему, Жаравлеву, велѣлъ, справясь,

для объявленія возвратиться къ нимъ въ трои сутки,—гдѣ они находиться будутъ.

И на оной [1]), по опредѣленію здѣшняго провинціальнаго магистрата, велѣно означеннаго Жаравлева задержать въ магистратѣ подъ карауломъ, чтобъ онъ изъ города никуда не выѣхалъ, а здѣшнихъ городскихъ жителей, собравъ всѣхъ въ здѣшней магистратъ, наистрожайше имъ подтвердить, чтобы они возложили упованіе на всесильнаго Бога и на заступленіе пречистыя Его Матери, Пресвятыя Богородицы; ежели — отъ чего Боже сохрани!—отъ злодѣйской толпы будетъ какое на городъ отъ вышеписанныхъ злодѣевъ нападеніе, то бъ они въ такомъ случаѣ, по долгу своей присяги и вѣрноподданической къ Ея Императорскому Величеству службы, противъ тѣхъ злодѣевъ имѣли всѣми силами крѣпкой отпоръ и супротивленіе... стараясь притомъ для своего общественнаго жительства и тишины до послѣдней капли крови, безъ всякой робости и трусости, не взирая на ихъ устрашимости и обольщенія,—въ чемъ здѣшнее купечество обязать, и обязано, подписками. А между тѣмъ, о снабденіи здѣшняго города для подкрѣпленія воинскими командами, равно же артиллеріею и порохомъ, съ прописаніемъ настоящаго обстоятельства, представить, и представлено было, къ вашему высокопревосходительству доношеніе.

А того декабря 31 числа, отъ вышеписаннаго господина ассесора Башмакова присланъ для командованія, какъ по Пермской провинціальной канцеляріи, такъ и по горному начальству для всего потребнаго распоряженія, по общему съ магистратомъ согласію и совѣту, изъ обрѣтающихся при немъ горныхъ офицеровъ, шихтмейстеръ Алексѣй Солнопековъ, съ такимъ повелѣніемъ, что сему магистрату, по полученіи того г. Солнопекова, тотчасъ, обще съ нимъ, всѣхъ содержащихся въ Пермской провинціальной канцеляріи и въ начальствѣ воровъ и разбойниковъ, сколько ихъ найдется, безъ остатку отправить на Кушвинскій заводъ, за крѣпкимъ карауломъ, немедленно; что онымъ Солнопековымъ, при помощи здѣшняго магистрата, и учинено, и тѣ колодники изъ обоихъ тѣхъ присутственныхъ мѣстъ за подлежащимъ конвоемъ отправлены.

Какъ же скоро сіе повелѣніе исполнено, то магистратскіе присутствующіе усердствуя и обще съ нимъ господиномъ Солнопековымъ и со всѣмъ здѣшнимъ кунгурскимъ гражданствомъ,

[1]) Т. е. рапортъ.

для предохраненія отъ нападенія предписанныхъ злодѣевъ, по вступленіи тѣхъ злодѣевъ въ кунгургскій уѣздъ, неминуемо нашли, за неимѣніемъ городоваго укрѣпленія, немедленно сдѣлать около сего нашего городоваго жительства надлежащее отвсюда укрѣпленіе забраніемъ въ необходимыхъ и опасныхъ мѣстахъ лѣсными заплотами и подѣлать баттареи... по нынѣшнему зимнему времени сдѣлать было вскорѣ можно, и пушки, сколько ихъ было отъ градоначальника оставлено, въ пристойныхъ мѣстахъ разставлены, а къ тому и взятыхъ отъ купечества небольшихъ присовокуплено, и для пальбы канонерами изъ отставныхъ, какіе сыскаться могли, удостоены, и для большей устрашимости изъ посадскихъ молодыхъ и проворныхъ людей нѣкоторое число конными гусарами обнаряжены и совсѣмъ къ отраженію тѣхъ злодѣевъ пріуготовлены и по пикетнымъ карауламъ къ очередованію и разъѣздамъ по препорціи разоставлены.

Между же сими распоряженіями и исправленіями, означенныя злодѣйскія толпы, вошедшія въ кунгурскій уѣздъ и по входѣ присоединя къ себѣ своими обольщеніями многихъ кунгурскаго уѣзда Татаръ и государственныхъ... крестьянъ и заводскихъ жителей, разъѣзжая большими шайками, состоящіе партикулярные, заводчиковъ Демидовыхъ и Осокиныхъ, заводы и другіе многіе здѣшняго города купцовъ и посадскихъ людей отъѣзжіе хлѣбопахатныя селенія и жительства, мучныя мельницы и кожевенные заводы разграбили и находящагося въ тѣхъ мѣстахъ скота отогнали, хлѣбные припасы, сѣно, кожи, желѣзныя подѣлки и всякой скарбъ разграбили и увезли въ свои шайки.

Да онаго декабря 29 числа, въѣхавши въ Мѣдянской острожекъ, отстоящій отъ г. Кунгура въ 50 верстахъ разстоянія и имѣвшуюся въ ономъ при учрежденной казенной соляной стойкѣ солянаго сбора денежную казну сборную въ ономъ же декабрѣ мѣсяцѣ розграбили.

А генваря 1 числа увѣдомлено... означеннаго 31 декабря, изъ упоминаемыхъ злодѣйскихъ, одна непріятельская многочисленная шайка вступила уже и въ ближайшія къ городу жительства и расположилась большимъ количествомъ, станціями: въ Степановской острожекъ, въ село Тихановское и Старопосадское, которое отстоитъ отъ г. Кунгура разстояніемъ въ 20 и 15 верстахъ, и откуда прислали отъ себя въ городъ вышеписанныхъ селъ поповъ: Ѳедора Іоаннова и Ивана Лукина здѣшняго города благовѣщенскаго собору къ протопопу Іоанну

Пантелеймонову съ обольстительнымъ письмомъ, съ коими попами означенный протопопъ съ товарищемъ своимъ, успенской церкви попомъ, Петромъ Лукиныхъ, кои находятся по Пермскому духовному правленію присутствующими, генваря на 3 число ввечеру, по-полудни въ 7 часу, въ магистратъ вошли и оное присланное къ протопопу письмо въ судейской комнатѣ здѣшняго магистрата присутствующимъ и прилучившемуся тогда шихтмейстеру Солнопекову объявили, кое письмо съ рѣченнымъ Солнопековымъ прочтя секретно, отдали упоминаемому протопопу обратно и прибывшихъ съ онымъ письмомъ уѣздныхъ поповъ приказалъ оной шихтмейстеръ Солнопековъ, по согласію магистратскихъ присутствующихъ, того-жъ часа бывшему при немъ отъ Пермской провинціальной канцеляріи капралу свести въ Пермское духовное правленіе и приставя къ нимъ двухъ солдатовъ и содержать подъ крѣпкимъ карауломъ. А того же генваря третьяго, изъ означеннаго духовнаго правленія въ здѣшній магистратъ присланною промеморіею сообщено нижеписанное: „того-де генваря 2 дня, поданнымъ-де въ оное духовное правленіе тихоновской—отъ священника Ѳедора Іоаннова, да села Стараго Посаду троицкой церкви священника-жъ Іоанна Лукина объявленіемъ представлено: прошлаго 1773 года, декабря 31-го дня, въ полдни, пріѣхавъ нечаянно башкирская толпа, въ которой признали они карьевской четверти Татаръ, въ первыхъ, въ питейный домъ и пограбивъ въ ономъ денежную казну и выпивши вино, разъѣхались по квартирамъ, гдѣ и нынѣ находятся. А сегожъ-де генваря 2 числа, призвавъ ихъ, священниковъ, усильно той толпы называемый ими полковникъ Башкирецъ Батыркай Ишкиневъ и давъ имъ съ называемаго ими манифеста копію и на имя благовѣщенскаго собора *(протопопа)* Іоанна Пантелеймонова письмо, приказалъ ѣхать въ г. Кунгуръ и велѣлъ оную копію объявить, а протопопу письмо отдать, съ такимъ повелѣніемъ, чтобъ здѣшняго города жители его Батыркая и съ командою, безъ всякаго супротивленія въ селѣ Старопосадскомъ встрѣтили завтрашняго числа, обѣщая при томъ, если на требованіе его здѣшняго города обыватели согласны будутъ, не учинить никакихъ обидъ и раззоренія, при коемъ объявленіи и данную съ манифеста копію пріобщили, а письмо протопопу Іоанну отдали, съ коего, по опредѣленію того духовнаго правленія, въ здѣшній магистратъ пріобщены копіи“.

И на оную въ здѣшнемъ провинціальномъ магистратѣ опредѣлено ту промеморію и копію содержать секретно, а кунгур-

ское купечество и всѣхъ городовыхъ жителей въ магистратъ немедленно и еще вторично собравъ также строжайше имъ подтвердить, съ таковымъ включеніемъ, чтобы они во время вышеписанной злодѣйской толпы на городъ нападенія, по долгу своей присяги и вѣрноподданической къ Ея Императорскому Величеству службы, противу тѣхъ злодѣевъ имѣли всѣми силами крѣпкой отпоръ и супротивленіе, стараясь до послѣдней капли крови, не щадя живота своего, безъ всякой робости и трусости.

А послѣ того вскорѣ означенная злодѣйская толпа перебралася уже и въ самыя подгородныя ближайшія жительства и въ татарскую деревню Басину и въ русскія—Шубину и Неволину, и изъ оныхъ разъѣзжая дѣлали таковыхъ окрестностей обывателямъ, въ томъ числѣ и посадскимъ, грабежи и великія раззоренія, а женамъ беззаконныя насилія, а гражданомъ неописуемыя о сдачѣ города устрашенія, отъ котораго ихъ злодѣйскаго раззоренія, а паче ближайшаго къ городу нашествія, здѣшнее кунгурское купечество и все согражданство, находилися въ большомъ страхѣ, и еслибы сего магистрата присутствующіе съ присланнымъ отъ вышеупомянутаго коллежскаго ассесора г. Башмакова — шихтмейстеромъ Солнопековымъ не учинили подкрѣпленія и всегдашняго увѣщеваніемъ отвращенія, то бъ волость сего нашего города и другіе маломощные люди, по вышеизъясненной причинѣ, а за тѣмъ по малоимѣнію къ оборонѣ пушекъ и другихъ орудій, возъимѣли бы отчаяніе.

Однакожь какъ спѣшно оное гражданство отъ сего несчастливаго предмета отвращены, и потому возложеніемъ на всевышнюю Божію помощь и на заступленіе Его Божіей Матери подкрѣплены и ободрены, и то злодѣйское обольщеніе оставалось втунѣ; а для поиску и отраженія тѣхъ злодѣевъ посланы были отъ здѣшняго магистрата, по согласію вышеупоминаемаго шихтмейстера Солнопекова, кунгурскіе купцы, а сего магистрата президента Ивана Хлѣбникова дѣти: Емельянъ и Пантелеймонъ Хлѣбниковы, отъ купечества съ снаряженными гусары, и отъ горнаго начальства казаки въ 50 человѣкахъ, съ унтеръ-шихтмейстеромъ Келлеромъ, въ означенныя подгородныя деревни: татарскую Басину и русскую—Шодейку, кои состоятъ отъ города въ 8 верстахъ, а въ той деревнѣ Шодейкѣ поймали ѣдущихъ въ злодѣйскую толпу на помощь кунгурскаго уѣзду изъ деревни Казаевы двухъ Татариновъ да двухъ человѣкъ Русскихъ, которые по привозѣ и отосланы того числа въ Перм-

скую провинціальную канцелярію, при промеморіѣ, а чрезъ то тѣ злодѣи ужастію сего подкрѣпленія сдѣлались устрашены, почему они скораго на городъ нападенія не сдѣлали.

А между тѣмъ, того генваря перваго, горнаго начальства присутствующій Поповъ, а на 4 число господинъ здѣшній воевода Миллеръ съ секретарями, а на другой день и воеводскій товарищъ коллежскій ассесоръ Кудрявцевъ съ прокуроромъ въ городъ Кунгуръ прибыли, — въ присутствіе свое и въ должное распоряженіе вступили. А въ самое то время, на подкрѣпленіе и защищеніе изъ Екатеринбурга, при офицерѣ, подпоручикѣ Посоховѣ, сто человѣкъ оружейныхъ казаковъ съ двумя пушками и съ пятью пудами пороху присланы; а къ тому и изъ здѣшнихъ кунгурскихъ доброжелательныхъ крестьянъ не малое число съ ружьемъ, какое у кого случилось, въ городъ доставлено.

А того 4 числа по-полудни, въ началѣ третьяго часа, вдругъ означенная злодѣйская партія сдѣлала на городъ Кунгуръ изъ-за рѣки Ирени, отъ деревни Мериновой, нападеніе и приближась изъ оныхъ человѣкъ до 50 къ самому у иренскаго перевозу пикету, начали имѣть оружейную перестрѣлку, а прочая большая толпа оставалась на называемой Мериновой горѣ, отъ города на другой верстѣ; однакожь увидя на томъ пикетѣ многолюдство, и какъ скоро на тѣхъ подбѣгающихъ ударено нѣсколькими выстрѣлами изъ пушки, то оные злодѣи и обратились въ бѣгство на оную гору, къ своимъ, за которыми для преслѣдованія въ погоню немедленно выступилъ означенный екатеринбургскій подпоручикъ Посоховъ со своею вооруженною конницею и съ нимъ не малое число городовыхъ жителей и уѣздныхъ крестьянъ, кои тѣхъ злодѣевъ и гнали по дорогѣ верстъ съ пять; но между тѣмъ, скрывшіеся въ сторонѣ, въ буеракахъ и кустахъ злодѣи вдругъ у тѣхъ гнавшихъ передовыхъ путь пересѣкли и самого г. подпоручика и съ нимъ одного солдата, да трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ одного посадскаго, да двухъ изъ екатеринбургскихъ казаковъ покололи, да одного изранили, и человѣкъ съ пять съ собою захватили въ полонъ, что видя и наша партія и по своей къ сраженію необыкновенности, принуждена возвратиться обратно въ городъ, а за ними и тѣ злодѣи, видя свою силу, оборотилися и, подогнавши, разстановились большою толпою наипаки на показанной же Мериновой горѣ, отстоящей не болѣе двухъ верстъ, имѣя у себя нѣсколько небольшихъ значковъ на подобіе знаменъ, — а потомъ изъ нихъ многіе таковые же къ городу покушеніе и подъѣзды, какъ и прежде

имѣли; однакожь всѣ были съ пикету изъ пушки отражены, и какъ скоро наступилъ къ вечеру сумерекъ, то они всѣ убрались въ свои станціи, въ подгородныя деревни.

А потомъ 5, 6, 7, 8 и даже до 9 числа никакого сраженія съ ними злодѣями не было, а только изъ тѣхъ въ 5 и 9 числахъ та злодѣйская толпа, выѣзжая подъ городъ на горы, предъ самые городу глаза, и изъ оныхъ многіе наѣздники дѣлали пріѣздомъ своимъ большія покушенія и городскимъ пикетамъ обозрѣнія, требуя съ выѣзжающими противъ ихъ дубовскими казаками и посадскими гусары и другою конницею миру,—чтобъ ихъ впустить въ городъ и оной сдать безъ всякой драки; однакоже всѣ они были пушечными и оружейными выстрѣлами отражены, при чемъ видимо было—изъ нихъ двое поранены. А между тѣмъ, того генваря на 6 число, и бывшій здѣсь въ г. Кунгурѣ у набору рекрутъ г. секундъ-маіоръ Папавъ, для того-жъ защищенія и подкрѣпленія города, съ командою своею, всего въ 386 человѣкахъ рекрутъ и 12 солдатъ, изъ слѣдующаго съ ними въ Казань пути, обратно на помощь возвратился, и въ здѣшній магистратъ письменныя объясненія о себѣ далъ знать,—чему магистратскіе присутствующіе и городовые жители не мало порадованы. Магистратъ же, видя всегдашній тѣхъ злодѣевъ на городъ набѣгъ и приступъ и чрезъ то происходимое всему гражданству и собраннымъ и присланнымъ изъ разныхъ мѣстъ выписнымъ людямъ и казакамъ отъ содержанія карауловъ и частыхъ тревогъ денное и ночное безпокойствіе—и для того принужденнымъ себя нашелъ о учиненіи противъ ихъ надлежащей высылки предлагать канцелярскимъ присутствующимъ словесно и письменно, о чемъ и писалъ въ Пермскую провинціальную канцелярію того самаго 4-го, а напослѣдокъ и 7 числъ онаго генваря промеморіями, представляя къ той высылкѣ на помощь потребное число изъ купечества, какъ конницы, такъ пѣхоты ружейныхъ и надежныхъ людей тоже; *(но)* оная канцелярія высылки даже до самаго того генваря 9 числа не чинила.

А того 9 числа, по-полудни въ 1 часу, злодѣйская толпа показалась большою шайкою за городомъ Кунгуромъ, по сибирской дорогѣ, не далѣе отъ города одной версты, которой для отраженія выступилъ изъ города вышеписанной г. маіоръ Папавъ съ большою конницею и пѣхотою, съ рекрутами и казаками и отъ купечества представленными казаками и другими надежными людьми и съ одною пушкою, кои ту толпу, возъимѣвъ изъ ружей перестрѣлку, и отбили и въ бѣгство отвратили;

а между тѣмъ, въ самое-жъ то время, появилась и на за-иренской полуденной сторонѣ на Бинской горѣ въ 2-хъ верстахъ такая-жъ злодѣйская шайка, которая, знать, показывала одинъ видъ по устрашимости своего увеличенія, противъ которой высланы были дубовскіе и здѣшніе посадскіе гусары и уѣздные казаки и пѣхоты человѣкъ до ста, — что видя оные злодѣи, а паче упоаемо развѣдавши вышеизъясненную высылаемую на сей сторонѣ команду, собравшись вмѣстѣ и нѣсколько постоявъ, обратились на прежнія свои станціи.

11 числа, по-полуночи въ 10 часу, командирована была противъ непріятельской толпы на за-иренскую сторону большая партія конницы и пѣхоты и учрежденныхъ изъ купечества гусаръ, при двухъ пушкахъ, подъ главнымъ предводительствомъ секундъ-маіора Папава и капитана Буткевича, а со стороны магистратской—купца Емельяна Хлѣбникова (а провинціальной канцеляріи и магистратскіе присутствующіе оставались при подкрѣпленіи города), которые не доѣхавъ до деревни Неволиной, гдѣ съ ними и повстрѣчалась вся та выѣхавшая злодѣйская толпа, съ коими они имѣли большое сраженіе изъ пушекъ и мелкаго ружья, и по ономъ сраженіи тѣ злодѣи, съ помощію Божіею и мужествомъ того г. маіора Папава съ товарищи стараніемъ разбиты и побѣждены, и какъ съ того мѣста баталіи, такъ и изъ показанныхъ подгородныхъ деревень выгнаны, а при томъ и плѣнныхъ 4 человѣка выручены, и изъ нихъ злодѣевъ не малое число перестрѣлено и переколото, а иные въ рѣкѣ Ирени потоплены; съ нашей же стороны ранено около 10 человѣкъ, а большею частію изъ посадскихъ гусаръ.

15 числа еще командирована была партія подъ главнымъ предводительствомъ вышеписаннаго г. маіора Папава и съ нимъ капитана Буткевича, а со стороны купецкой подъ командою магистратскаго бургомистра Филипа Кротова и купца Емельяна Хлѣбникова въ большомъ количествѣ на другую сторону города, съ 2 пушками, въ состоящій отъ г. Кунгура въ 20 верстахъ Покровской острожокъ, гдѣ тѣ злодѣи отдѣльною шайкою по въѣздѣ станцію свою имѣли

. .

для общаго соединенія съ собранными изъ селъ Березовскаго и Тазовскаго крестьянъ и съ шаквинскими Татарами чрезъ село Комарово,—куда оная партія прибывъ ночевала... а на завтре, т. е. въ 16 число, прослѣдовали на Кишерть, а оттуда по утру въ Усть-Кишерть, гдѣ съ тѣми злодѣями-Башкирцами и другими

иновѣрцами и присоединившимися къ нимъ крестьяны имѣли большое сраженіе, пушечную и оружейную стрѣльбу, и помощію Божіею совсѣмъ побѣждены, разбиты и прогнаны, и при томъ сраженіи тѣхъ злодѣевъ до 50 человѣкъ убито, да въ плѣнъ взято 5 пушекъ съ ядрами и знатное число иновѣрцевъ и Русскихъ людей, а прочіе, обративши свой путь, всѣ порознь по разнымъ дорогамъ разбѣжались; а потомъ та наша партія переночевала и оттуда на завтріе въ 17 число, купно и съ плѣнными, возвратилась къ вечеру обратно въ городъ.

23 числа, въ четвертокъ, по-полуночи 7 часа во 2-й четверти, во первыхъ, появилась большая злодѣйская толпа близь самаго города по горѣ, по сибирской дорогѣ, по большей части Русскихъ людей и расположившись за первою верстою по всей горѣ, между рѣками Сылвою и Иренью, и такъ жестоко устремилась, нападая на городъ начала имѣть пушечную, а потомъ и оружейную, сильную и ужасную стрѣльбу съ обоихъ сторонъ часу до 12-го, не давая ни мало покоя; а между тѣмъ выѣзжала съ другой западной стороны экономическаго вѣдомства изъ Крестовоздвиженскаго села другая башкирская и татарская шайка въ многочисленномъ собраніи, расположившись по валу *(по)*за Прорывскому лугу, ниже кузничной слободы, между оными рѣками Сылвою и Иренью, вопперегъ болѣе версты, и начали имѣть таковую же пушечную большую стрѣльбу и оружейную, и изъ луковъ стрѣляли,— что все сіе на обоихъ мѣстахъ двухъ сторонахъ продолжалось часу до втораго по-полудни,—наѣзжая и приступая къ городу весьма близко, и едва въ оный разными мѣстами не ворвались; однако съ нашей стороны городовыми жителями и прочими обрѣтающимися въ городѣ людьми ободрясь и имѣли большое супротивленіе и таковой же пушками и мелкимъ ружьемъ всевозможной отпоръ, что видя изъ сихъ злодѣевъ первоприбывшіе на горѣ съ восточной стороны начали ретироваться и вскорѣ, собравши всѣ свои пушки, коихъ, какъ опримѣчено, было до 6, въ томъ числѣ знатнѣйшія большія 2, досягающія выстрѣльными ядрами по поверхности города, по нагорнымъ улицамъ, но даже и подъ гору, и многія ворота и стѣны пробили... уѣхали по большой сибирской дорогѣ обратно. Наѣхавшая же съ западную сторону большая толпа, о которой выше сего объяснено, чиня неоднократное покушеніе, наѣзжала ко крайнимъ дворамъ городоваго жительства и самой кузнешной улицѣ и по берегу, а притомъ съ другаго краю, отъ рѣки Сылвы къ кожевенному купца Хлѣбникова двору, дѣлали

зажигательство, однакожь къ тому стрѣльбою ружейною не допущены, и наконецъ, видя себя отъ города отражаемыхъ и всяко недопускаемыхъ, и къ вечеру начали убираться, и убрались обратно въ село Крестовоздвиженское, кое состоитъ отъ города разстояніемъ на 4 верстѣ. Въ оное сраженіе видѣнъ былъ на обѣихъ тѣхъ сторонахъ непріятельской уронъ, какъ въ людяхъ, такъ и въ лошадяхъ, только числомъ было знать не можно; ибо они, по своему обыкновенію, мертвыя тѣла, не оставляя на мѣстѣ пораженія, захватывая, увозятъ съ собою. Съ нашей же стороны, по здѣшней градской сторонѣ, у пикета...... между собою одинъ изъ ружья нечаянно своею оплошностію убитъ, да во время сраженія въ кузнешной слободѣ наѣздниками, при вылазкѣ, одинъ солдатъ поколотъ, другой тяжело раненъ.

24 числа, по-полуночи въ 8 часу, означенные-жь злодѣи изъ того Крестовоздвиженскаго села, паки выѣзжая съ двухъ сторонъ двумя шайками: первой съ западную, а второй изъ-за Сылвы рѣки — съ сѣверную — приступъ чинили-жь, а съ сѣверную, къ засылвенскому пикету, наѣздники-Башкирцы покушалися доѣзжать до самаго пикету, гдѣ съ выѣзжающими изъ города противу тѣхъ злодѣевъ на вылазку дубовскими казаками и гусарами чинили перестрѣлку изъ ружей, при чемъ оныхъ злодѣевъ нѣсколько поранено; съ нашей же стороны, одинъ изъ гусаровъ, новокрещенный Полякъ Егоровъ, поколотъ, а другой раненъ; а послѣ того оные злодѣи вскорѣ убрались въ свое гнѣздо, въ оное Крестовоздвиженское село, и тутъ ночевавъ, съ полуночи уѣхали къ главной своей толпѣ въ Ильинской острожекъ.

А на 25 число, по-полуночи въ 3 часу, прибылъ сюда въ городъ Кунгуръ командированный изъ Казани отъ его высокопревосходительства, господина генералъ-аншефа и кавалера Александра Ильича Бибикова секундъ-маіоръ и кавалеръ Дмитрій Гагринъ съ командою съ пушками и артиллерійскими снарядами, коей въ защищеніе здѣшняго города и онаго уѣзду вступилъ и по усердію своему, на 30 число того генваря въ ночь, оный г. секундъ-маіоръ и кавалеръ Гагринъ съ своею командою и приданною ему въ помощь городскою большою партіею, обще съ г. маіоромъ же Папавымъ и съ прочими офицеры, имѣли слѣдованіе для поиску и разбитія состоящей въ Ильинскомъ острожкѣ того-жь народа злодѣйской толпы и ихъ сообщниковъ—кунгурскаго уѣзду крестьянъ, гдѣ они гг. маіоры съ командою надъ тѣми непріятелями учинили знатную побѣду и пораженіе; о чемъ

вашему высокопревосходительству отъ онаго г. маіора Гагрина уповательно донесено.

Между же всѣми сими происхожденіями особливо наѣхавшая въ Красноуфимскую крѣпость таковая-жь башкирская и другихъ разныхъ иновѣрцевъ и Мещеряковъ толпа, подъ командою ихъ предводителя, называемаго полковникомъ, изъ Мещеряковъ—Салавата Ялаева въ большомъ количествѣ, и обладавъ оною крѣпостію и воеводу и всѣхъ тоя крѣпости жителей и казаковъ въ свое подданство присоединили, пушки и порохъ обрали, а сверхъ сего и налично имѣвшуюся солянаго сбора денежную казну, во первыхъ, генваря 9 сборную прошлаго 1773 года, сентябрской трети, а потомъ и собираемую въ минувшемъ генварѣ мѣсяцѣ прошедшаго февраля 2 числа потому-жь разграбили и съ собой увезли, всего 2,750 рублевъ 40 коп., да солью безденежно расхитили 80 пуд., по указной цѣнѣ на 32 руб., а обоева въ томъ расхищеніи на 2,782 руб. 40 коп. Да при этомъ въ Мѣдянскомъ острожкѣ того-жь солянаго сбору денежной казны потому-жь оные злодѣи вдвакраты же, то-есть декабря 29, а напослѣдокъ въ генварѣ и февралѣ мѣсяцахъ, разграбили-жь 1,148 рублевъ 75 коп. и наличною солью безденежно, по даваемымъ отъ себя билетамъ и по другимъ посылаемымъ отъ злодѣйскихъ толпъ повелѣніямъ, расхитили 141 пудъ, по указной цѣнѣ на 56 рублевъ 40 коп., а съ оными учинятъ на 1,205 руб. 15 коп., а всего при тѣхъ стойкахъ онаго солянаго сбору денежной казны въ разграбленіи и расхищенной солью состоитъ на 3,987 руб. 55 коп.

Во время же вышеписанныхъ злодѣевъ нашествія въ кунгурскій уѣздъ и къ самому городу Кунгуру, здѣшняго магистрата у присутствующихъ, у кунгурскихъ купцовъ и живущихъ въ кунгурскомъ уѣздѣ посадскихъ людей тѣми злодѣйскими шайками и Башкирцами и кунгурскаго уѣзду Татарами и приклонившимися къ нимъ Русскими людьми пограблено внѣ города съ ближнихъ полевыхъ жительствъ и въ кунгурскомъ уѣздѣ въ деревняхъ, при кожевенныхъ промыслахъ и мельницахъ, денегъ и разныхъ припасовъ, хлѣба, скота, кожъ, желѣза и прочаго экипажу на 4,393 руб. 76 коп., о чемъ въ здѣшнемъ магистратѣ и въ прочихъ присутственныхъ мѣстахъ объявлено доношеніями.

Того ради вашему высокопревосходительству кунгурской провинціальной магистратъ о вышеписанномъ въ извѣстіе покорно и репортуетъ, о расхищенныхъ объявленными злодѣями здѣшняго магистрата у присутствующихъ и посадскихъ людей имѣніяхъ проситъ въ защищеніе благомилостивой резолюціи.

Марта 14 дня, 1774 году. Президентъ Иванъ Хлѣбниковъ. Бургомистръ Михайло Ярышкинъ. Ратманъ Петръ Шаравьевъ. Канцеляристъ Михайло Ярышкинъ [1]).

IV.

Самодержавнаго Императора
Петра Ѳедоровича Всероссійскаго,
и проч. и проч. и прочая,
имянной указъ.

Имянное мое повелѣніе: какъ дѣды и отцы ваши служили, такъ и вы послужите мнѣ, великому Государю,—вѣрно и неизмѣннно, до послѣдней капли крови. Второе: когда вы исполните мое имянное повелѣніе,—и за то будете жалованы крестомъ и бородою, рѣкою и землею, травами и морями и денежнымъ жалованьемъ, и хлѣбнымъ провіантомъ, и свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностію. И повелѣніе мое исполняти со усердіемъ. Ко мнѣ пріѣзжайте, то совершенно меня за оное пріобрѣсти можете къ себѣ мою монаршескую милость; а ежели вы моему указу противиться будете, то въ скорости возчювствовати на себя праведный мой гнѣвъ. Власти Всевышняго Создателя нашего и гнѣва моего избѣгнуть не можетъ никто,—отъ сильныя нашея руки защищать не можетъ. Подлинный подписанъ такъ: Великій Государь Петръ Третій Всероссійскій [2]).

[1]) Сейчасъ приведенный рапортъ сохранился въ дѣлахъ Кунгурскаго магистрата въ черновомъ отпускѣ, весьма неразборчиво писанномъ и притомъ значительно потерпѣвшемъ отъ времени. Неразобранныя нами въ рукописи слова обозначены точками. *Ред.*

[2]) Во время Пугачевщины были распространены въ народѣ три возмутительные листа разнаго содержанія. Одинъ изъ нихъ приведенъ въ статьѣ г. Зырянова, въ первой книжкѣ «Пермскаго Сборника» (отд. I, стр. 51), другой мы печатаемъ здѣсь, а о существованіи третьяго, на татарскомъ языкѣ, заключаемъ изъ разныхъ бумагъ, пріобрѣтенныхъ нами въ послѣднее время, хотя самаго текста мы и не нашли въ нихъ. Приводимый здѣсь *имянной указъ* объясняетъ, между прочимъ, слѣдующія слова въ отвѣтѣ иноковъ Долматовскаго монастыря Пестереву (П. Сб. I книжка, I отд., 65 стр.), казавшіяся намъ до сего времени не совсѣмъ понятными: «. . . а какъ вашъ истинный государь Петръ III, императоръ, въ своемъ ложномъ, и то письменномъ, а не печатномъ манифестѣ, всему обществу въ свѣдѣніе не предъявилъ, гдѣ онъ и въ какихъ мѣстахъ чрезъ двѣнадцатилѣтнее время находился, и для чего только въ одну Оренбургскую губернію вкрался — простыхъ, нашу братью, мужиковъ, особливо отъ прочихъ мѣстъ ослѣпленныхъ не вездѣ, прельщать и приводить въ конечную пагубу и награждать склонившихся къ нему *крестомъ и бородою*, *травами и морями и всякою вольностію* . . .» и т. д. *Ред.*

АРХИМАНДРИТЪ ІАКИНФЪ.

—

Въ прошедшемъ Пермскаго края было много личностей, которыя, по разнымъ причинамъ, невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе изслѣдователя старины. Поставленныя внѣ всякихъ условій умомъ, не рѣдко деньгами, а иногда просто грубою физическою силою, они творили чудеса, которымъ теперь съ трудомъ вѣришь. Къ числу такихъ замѣчательныхъ личностей несомнѣнно принадлежитъ архимандритъ Іакинфъ, бывшій настоятелемъ Долматовскаго, а потомъ Пыскорскаго монастырей. Весьма сожалѣемъ, что не имѣемъ достаточнаго запаса фактовъ, по которымъ могли бы прослѣдить его жизнь, достойную внимательнаго изученія уже по одному тому, что съ его именемъ тѣсно связаны воспоминанія о Дубинщинѣ и Пугачевщинѣ въ за-уральской части нынѣшней Пермской губерніи. Ограничиваясь по необходимости неполными и недостаточно между собою связанными свѣдѣніями объ Іакинфѣ, сообщенными въ редакцію Пермскаго Сборника почтеннымъ долматовскимъ протоіереемъ Григоріемъ Плотниковымъ, мы считаемъ долгомъ искренно благодарить за нихъ отца Григорія и полагаемъ, что, при всей краткости и отрывочности, они все-таки не лишены будутъ нѣкотораго интереса для нашихъ читателей.

Архимандритъ Іакинфъ (Кашперовъ) былъ сынъ священника, переселившагося въ тобольскую эпархію изъ Великороссіи. Человѣкъ неученый, одаренный отъ природы безпокойно дѣятельнымъ характеромъ, способностями хозяйничать и строиться и держать въ ежовыхъ рукавицахъ своихъ подчиненныхъ, Іакинфъ умѣлъ обратить на себя этими качествами вниманіе своихъ вла-

стей. Овдовѣвши на 27 году, онъ былъ постриженъ въ монахи и тотчасъ же сдѣлался самымъ приближеннымъ лицомъ тобольскаго митрополита Сильвестра Словацкаго, опредѣлившаго его экономомъ въ архіерейскій домъ, а черезъ годъ, въ мартѣ 1751 года,—казначеемъ. Далѣе мы видимъ, что 10 февраля 1753 года, тотъ же митрополитъ поставилъ его игуменомъ Кандинскаго Троицкаго монастыря, существующаго среди Остяковъ, близь рѣки Оби и Кандушки, въ 760 верстахъ отъ Тобольска и въ 240 отъ Березова, а 12 марта 1755 года Іакинѳъ былъ уже архимандритомъ приписнаго къ архіерейскому дому Межугорскаго Іоанновскаго монастыря, стоящаго при рѣчкѣ Шанталыкѣ, въ 8 верстахъ отъ Тобольска. Преосвященный Павелъ, послѣдній митрополитъ тобольскій, еще болѣе своего предшественника благоволилъ къ Іакинѳу и, желая облегчить себя въ трудахъ по управленію,—чего требовало его разстроенное здоровье ,—возложилъ на Іакинѳа, кромѣ должности эконома, управленіе всѣми дѣлами Тобольской духовной консисторіи, чѣмъ тотъ и занятъ былъ по май мѣсяцъ 1762. Въ это время особенныя обстоятельства вызвали новое назначеніе для архимандрита Іакинѳа, вполнѣ соотвѣтствовавшее его врожденнымъ качествамъ.—По обнародованіи манифестовъ Императора Петра III, отъ 16 февраля и 21 марта 1762 года, проявилось сильное волненіе въ монастырскихъ вотчинахъ, искавшихъ перемѣны власти, которое особенно усилилось по восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II и утихло только съ изъятіемъ изъ духовнаго вѣдомства крестьянъ, земель и угодій вотчинныхъ. Это волненіе сохранилось въ памяти пермскаго народонаселенія подъ именемъ Дубинщины. Архимандриту Іакинѳу поручалось употребить всѣ мѣры къ водворенію въ монастырскихъ вотчинахъ спокойствія и къ подчиненію ихъ законной власти. Митрополитъ тобольскій и консисторія его не ошиблись въ назначеніи Іакинѳа. Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что убѣжденія и мѣры строгости—все было употреблено имъ для исполненія приказа, хотя и не скоро была достигнута цѣль. Крамольники, питая глубокую ненависть къ своимъ властямъ, рѣшились избить монаховъ Долматовскаго монастыря и въ особенности имѣли въ виду лишить жизни архимандрита Іакинѳа, думая освободить себя такимъ образомъ отъ подчиненія духовнымъ властямъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ пока подробныхъ свѣдѣній объ этомъ возмущеніи и по необходимости должны ограничиться слѣдующими не многими фактами изъ записки протоіерея Плотникова.

Кто съ топоромъ, кто съ косою, ружьемъ или винтовкою,— говоритъ отецъ Григорій,—мятежники расположились двумя толпами,—15 іюня 1763 г. въ 200 человѣкъ, на дорогѣ къ Шадринску при рѣкѣ Суварышѣ, и 15 октября того же года—на дорогѣ къ Челябинску, на горѣ, между деревнями Затечею и Песками, въ числѣ 500 человѣкъ, и держали такимъ образомъ монастырь какъ бы въ осадѣ, стѣсняя сношенія его съ тѣмъ и другимъ городомъ по прямымъ путямъ. Примѣромъ долматовцевъ увлеклись жители и другихъ монастырскихъ имѣній въ Исетской провинціи: Рафаиловскаго монастыря, Кандинской заимки, Воскресенскаго села и иныхъ. Въ такихъ крутыхъ обстоятельствахъ нужны были твердость и распорядительность, какими себѣ уже составилъ извѣстность архимандритъ Іакинфъ. Онъ не смутился, не оробѣлъ, но увидѣвши, что убѣжденіями и средствами монастыря дѣлу не помочь, вытребовалъ, чрезъ Шадринскую управительскую и Исетскую провинціальную канцеляріи, на помощь военную силу. За два мѣсяца до обнародованія духовныхъ штатовъ [1]), вступили въ подмонастырскія селенія,—сначала отрядъ поручика Телепнева, потомъ подполковникъ Аборинъ, едва ли не съ цѣлымъ азовскимъ драгунскимъ полкомъ. Телепневъ утишилъ волненіе въ августѣ 1763 года въ селѣ Николаевскомъ, въ деревняхъ: Смирновой, Широковой, въ Верхнемъ и Нижнемъ Яру. Аборинъ, въ продолженіи времени съ 12 по 23 марта 1764 года, подавилъ бунтъ въ затеченскихъ деревняхъ, со всею жестокостію тогдашняго времени: 161 человѣкъ главныхъ зачинщиковъ нещадно были биты кнутомъ и плетьми. Вскорѣ по водвореніи въ монастырскихъ вотчинахъ спокойствія, Іакинфъ вызванъ въ Тобольскъ, гдѣ ему сданы въ управленіе, по случаю отъѣзда въ Москву митрополита Павла, консисторскія дѣла и архіерейскій домъ. Отсутствіе Іакинфа изъ Долматова продолжалось съ 4 октября 1767 до 14 октября 1768 года. Возвратившись снова въ Долматовъ, онъ дожилъ тамъ до Пугачевскаго бунта. Скопища мятежниковъ, прельщенныхъ свободою, во имя которой Пугачевъ скликалъ простонародье подъ свои знамена, неистовствовали въ Челябинскѣ и его окрестностяхъ. Изъ этихъ шаекъ отдѣлилась подъ стѣны Долматова толпа въ 3000 человѣкъ Русскихъ и Башкирцевъ, подъ предводительствомъ есауловъ Тараканова и Пестерева, призванная сюда зачинщиками извѣстной уже Дубинщины. Мятежникамъ выгодно было завла-

[1]) Духовные штаты обнародованы 24 мая 1764 года.

дѣть Долматовомъ. Монастырь, обведенный каменною стѣною, снабженный съ 1703 года пушками и стоящій на высокомъ берегу Исети, представлялся имъ надежною опорою, въ случаѣ натиска войскъ изъ Сибири. Кровію и пепломъ покрывши путь свой чрезъ слободы Песчанскую и Теченскую, села Бродокалматское и Верхтеченское, деревни Мальцеву, Ключевскую и Верхнеярскую, Пестеревъ и Таракановъ вступили 11 февраля 1774 года въ Николаевское село. Набатъ гудѣлъ на колокольнѣ Долматовскаго монастыря, пушечные выстрѣлы сопровождали вшествіе мятежниковъ, встрѣченныхъ множествомъ простаго народа, который, въ бѣлыхъ перевязяхъ черезъ плечо, толпился по обѣимъ сторонамъ въѣзжей дороги. Пришлыя толпы, соединившись съ туземцами, съ дикимъ воодушевленіемъ тотчасъ же бросились на монастырь; но крѣпки были его сѣверныя ворота и каменныя стѣны, на которыя направлялись изъ обывательскихъ домовъ слободы ядра осаждающихъ: не даромъ Іакинѳъ, при первомъ слухѣ о появленіи самозванца на берегахъ Яика въ октябрѣ 1773 года, употребилъ всѣ мѣры къ приведенію монастыря въ надежное состояніе, на случай вторженія мятежниковъ въ предѣлы долматовскаго заказа. Самого его впрочемъ во время осады не было въ Долматовѣ; еще 16 января онъ выѣхалъ въ Тобольскъ, сколько, можетъ быть, для того, чтобы лично расположить губернатора Чичерина къ высылкѣ войска и снарядовъ въ монастырь, столько же, вѣроятно и опасаясь мщенія мятежниковъ за дѣйствія свои во время Дубинщины. Тщетны были усилія мятежниковъ завладѣть монастыремъ. Каждодневные ихъ приступы были бодро отражаемы монастырцами, стрѣлявшими изъ 92 ружей и изъ пушекъ со стѣнъ монастыря, изъ-за щитовъ и съ башенъ, особенно съ Красной. Защитою управляли іеромонахъ Вонифатій и штатные служители: Потапъ Зайковъ и Дмитрій Зайцевъ. Стойкость ихъ увѣнчалась успѣхомъ: они дождались изъ Сибири генералъ-поручика Декалонга съ войскомъ, который разбилъ 1 марта при деревнѣ Любимовой (уксянской волости) семитысячную толпу мятежниковъ, потерявшихъ при этомъ убитыми до трехъ тысячъ человѣкъ. Таракановъ и Пестеревъ 1 марта отступили отъ монастыря, оставивши подъ стѣнами его до 200 человѣкъ убитыми и 4 пушки, и разсыпались по окрестностямъ. До сихъ поръ еще насквозь пробитыя сѣверныя ворота и изрытыя ядрами каменныя стѣны монастыря свидѣтельствуютъ о настойчивости осаждавшихъ и храбрости защищавшихся. Іакинѳъ возвратился въ монастырь

не прежде, какъ по водвореніи совершеннаго спокойствія въ странѣ, уже въ августѣ 1774 года; не смотря на это, его всетаки сопровождалъ военный конвой. 30 іюля 1774 года Святѣйшій Правительствующій Сvнодъ почтилъ Іакинфа похвальною грамотою, въ которой была выражена благодарность за то, что ввѣренный ему монастырь твердо стоялъ во время осады. Облеченный довѣріемъ начальства, архимандритъ Іакинфъ давно завѣдывалъ всѣмъ заказомъ долматовскимъ; но 1 января 1776 года, преемникъ митрополита Павла, тобольскій архіепископъ Варлаамъ, возвелъ его на степень первоприсутствующаго въ Долматовскомъ духовномъ правленіи, и Іакинфу сданы уже оффиціально въ управленіе 50 церквей и 34 часовни. Неутомимый строитель и хозяинъ, Іакинфъ, въ продолженіе управленія своего долматовскимъ заказомъ, положилъ основаніе многимъ церквамъ и успѣлъ, не смотря на смуты во время Дубинщины и Пугачевщины, произвести множество построекъ и исправленій въ самомъ монастырѣ Долматовскомъ. Кромѣ того, радѣя объ интересахъ монастырскихъ, умѣлъ подчинить снова хозяйственному завѣдыванію монастыря, въ 1776 году, нѣкоторыя заведенія и угодья,—при чемъ не забывалъ и себя, какъ это видно изъ того, что, по его приказу, оброчились на счетъ монастырскихъ суммъ въ пользу его хмѣлевыя угодья и рыбныя ловли, дававшія богатый, по тогдашнему времени, доходъ. Торговые съѣзды, бывающіе въ Долматовѣ 9 мая, 15 августа и 6 декабря, весьма значительные, обязаны также отчасти Іакинфу тѣмъ, что удержались въ Долматовѣ до сихъ поръ и оживляютъ его дѣятельность. Кромѣ хозяйственной части, Іакинфъ обращалъ, по словамъ протоіерея Плотникова, вниманіе и на духовную школу, о которой въ записяхъ монастырскихъ упоминается въ первый разъ въ 1762 году. Школа эта состояла изъ четырехъ классовъ; ученики завершали въ ней образованіе русскимъ и латинскимъ словосочиненіемъ и поступали, по удачной здачѣ экзамена, въ Тобольскую семинарію, въ классъ піитики. Изъ архивныхъ бумагъ видно, что въ 1768 году, во время настоятельства Іакинфа, преподаватели получили за труды свои по 10 рублей; а воспитанники (дѣти священно-служителей), содержимые на монастырскомъ столѣ, заплатили только по 2 р. 50 к. за годъ, каждый. Въ 1774 году архимандритъ Іакинфъ былъ сдѣланъ настоятелемъ Соликамскаго-Пыскорскаго монастыря, гдѣ и оставался до самой смерти, постигшей его 31 января 1793 года. Здѣсь мы приводимъ еще нѣсколько фактовъ, характеризующихъ нѣкото-

рымъ образомъ личность отца Іакинфа. Архимандритъ Іакинфъ—какъ гласитъ соликамскій лѣтописецъ—былъ человѣкъ „*нрава жестокаго*". Изъ архивныхъ дѣлъ Долматовскаго монастыря видно, что въ 1765 году дошли до Петербурга и лично жаловались Свят. Сvноду двое изъ долматовскаго заказнаго духовенства, басмановскій попъ Иларіонъ Задоринъ и пышминскій діаконъ Алексѣй Поповъ, на жестокое обращеніе съ ними Іакинфа, который будто бы „*наказавъ ихъ плетьми, принудилъ въ окровавленныхъ одеждахъ совершать литургію*". Потомъ, также доходилъ до Петербурга и жаловался лично Государственной Коллегіи Экономіи письмоводитель Андрей Мерзляковъ, на то, что Іакинфъ, „*возлагая на служителей труды, превышающіе человѣческія силы, при обзорѣ работъ, бьетъ нещадно плетьми за неисполненіе*". Разбирательство по этимъ жалобамъ приказано было сдѣлать Тобольской духовной консисторіи и Исетской провинціальной канцеляріи, которыя признали жалобы на Іакинфа клеветою. Изъ сообщенной намъ почтеннымъ протоіереемъ Плотниковымъ записки объ Іакинфѣ не видно, къ сожалѣнію, какому наказанію подверглись эти несчастные. Составитель Истобенской рукописи [1]), проникнутый особеннымъ, какъ видно, уваженіемъ къ личности Іакинфа, говоритъ въ началѣ своего сказанія слѣдующее: „*отецъ архимандритъ, будучи, сколько мнѣ извѣстно, совершенно монашескаго житія, въ подчиненныхъ ему не могъ терпѣть ни пьянства, ни малѣйшей лжи, не пропущалъ также каждаго поступокъ безъ возмездія, а симъ пріобрѣсть могъ отъ маломыслящихъ наименованіе неумѣренно строгимъ. Я оставляю сіе описывать далѣе, но только за нужное нахожу помянуть, что поведеніе нѣкоторыхъ монашествующихъ и служителей само по себѣ требовало таковаго съ ними обхожденія*". Понятно, слѣдовательно, что между Іакинфомъ и его подчиненными, не могли и въ Соликамскѣ установиться отношенія братскія. Монахи, работая подъ самыми окнами настоятельской кельи, не могли воздержаться, чтобы его не злословить. Опять послѣдовали жалобы на Іакинфа. Въ 1788 году монахи и служители жаловались Св. Сvноду, что настоятель монастыря, кромѣ неумѣренной взыскательности за ошибки, позволяетъ себѣ еще злоупотребленія въ монастырскомъ хозяйствѣ, содержа на счетъ монастыря своихъ 40 лошадей, приведенныхъ изъ Долматова. Св. Сvнодъ поручилъ изслѣдованіе жалобы на мѣстѣ особой коммиссіи, членами которой съ духов-

[1]) См. ниже.

ной стороны были Верхоченецкаго монастыря архимандритъ Дмитрій и соликамскій протоіерей Симеонъ Черкаловъ. По изслѣдованію коммиссіи оказалось, что извѣтъ сдѣланъ монахами и служителями *„затѣйливо, изъ побужденій недоброхотства“*, и потому Св. Сѵнодъ рѣшилъ, чтобы составители его, какъ ложные доносители, были наказаны, по мѣрѣ вины и участія въ составленіи ябеды. Вслѣдствіе этого, іеромонахи Ааронъ и еще другой какой-то растрижены, прочіе, съ запрещеніемъ священно-служенія, разосланы по разнымъ монастырямъ; служители биты плетьми. Въ 1791 году монахи и служители неоднократно являлись въ Пермь съ жалобами на неумѣренную строгость Іакинѳа; Пермское намѣстническое правленіе каждый разъ возвращало ихъ къ прежнимъ обязанностямъ въ монастырь съ замѣчаніемъ настоятелю, что строгость его переходитъ границы и совѣтомъ *„растворять её благоснисхожденіемъ“*. Но внушенія эти, вѣроятно, мало дѣйствовали на Іакинѳа, и вотъ является намѣреніе убить его. Ходъ заговора, два года скрывавшагося втайнѣ, и трагическій конецъ архимандрита описаны весьма подробно въ дошедшемъ до насъ рукописномъ сказаніи неизвѣстнаго современника, какъ видно весьма интересовавшагося этимъ событіемъ и извлекшаго многія подробности о немъ изъ самого суднаго дѣла. Рукопись эта хранится въ архивѣ соликамскаго Истобенскаго—Троицкаго монастыря и озаглавлена такъ: „Описаніе о убитіи настоятеля ставропигіальнаго Спасопреображенскаго, Пермскаго, состоящаго въ городѣ Соликамскѣ монастыря, высокопреподобнаго отца священно-архимандрита Іакинѳа, — крестьянами соликамской округи, пыскорской экономической вотчины, села Пыскора: Андреемъ Геннадьевымъ, Семеномъ Бурцевымъ, Степаномъ Фотіевымъ, Андреемъ Борисовымъ и Михайломъ Фотіевымъ. Учинено (т. е. убійство) на первое число февраля 1793 года“. Извлекаемъ изъ этого разсказа нѣкоторыя, не лишенныя интереса, подробности.

Крестьянинъ села Пыскорскаго Андрей Геннадьевъ, въ январѣ 1791 года, избѣгая солдатчины, укрылся въ Пыскорскомъ монастырѣ, у брата своего Ивана Геннадьева, монастырскаго писаря. Видя общее неудовольствіе на Іакинѳа монаховъ и служителей, онъ рѣшился воспользоваться имъ, съ намѣреніемъ убить и ограбить настоятеля. Открывшись въ своемъ намѣреніи брату, онъ встрѣтилъ со стороны его полное сочувствіе и они условились дѣйствовать за одно. Увѣренный, что монахи и служители мѣшать ему не будутъ, Андрей Геннадьевъ, весною

1791 года, сталъ искать себѣ пособниковъ. Прежде другихъ сошелся онъ съ крестьяниномъ Пыскорскаго села Семеномъ Бурцевымъ, но такъ какъ и въ двоемъ они успѣть не надѣялись, то отложивъ свое намѣреніе до болѣе удобнаго времени, отправились на соляныхъ судахъ по Камѣ и Волгѣ – поискать счастія, пока въ другомъ мѣстѣ. Еще есть старики, которые помнятъ, какъ шайки бродягъ безнаказанно останавливали и грабили нагруженныя товарами суда на этихъ рѣкахъ. Въ описываемое нами время славился на Волгѣ, какъ предводитель одной изъ подобныхъ шаекъ, крестьянинъ пыскорской волости Федоръ Южаниновъ. Онъ былъ въ бѣгахъ съ 1765 года, во время Пугачевскаго бунта, попалъ какъ-то въ команду маіора Гагрина пушкаремъ, подъ вымышленнымъ именемъ Расковалки, а потомъ работалъ поденно въ Невьянскихъ заводахъ, съ паспортомъ, въ которомъ онъ значился мѣщаниномъ города Кайгорода. Геннадьевъ и Бурцевъ сошлись съ этимъ разбойникомъ на макарьевской пристани, чрезъ кунгурскаго крестьянина Тимофея Сѣменищева. Въ теченіе цѣлаго лѣта 1791 года грабили они съ Южаниновымъ на Волгѣ между Рыбновольскомъ, Нижнимъ Новгородомъ, Казанью и Симбирскомъ, нападая врасплохъ на суда съ солью, желѣзомъ и рыбою. Они воздерживались, впрочемъ, отъ убійствъ и, въ случаѣ сопротивленія, били только судорабочихъ, и особенно сплавщиковъ, линьками. Осенью Геннадьевъ и Бурцевъ возвратились на родину, принявъ къ себѣ въ товарищество, по умыслу на жизнь Іакинфа, крестьянъ Пыскорскаго села, Степана Фотіева и Андрея Борисова; въ великій постъ къ заговорщикамъ присоединились еще крестьяне: пыскорской волости Василій Бурцевъ и Орла-городка — Иванъ Молоковскій. Въ продолженіе цѣлой зимы они не могли однако привести въ исполненіе свой умыселъ, хотя и покушались на это два раза. По вскрытіи Камы, Иванъ Молоковскій, бывшій сплавщикомъ соляныхъ судовъ барона Строганова, пріѣхалъ въ село Новоусольское для наблюденія за нагрузкою. Всѣ участники въ заговорѣ отправились съ Молоковскимъ до устья Камскаго, гдѣ оставивъ его, пробрались въ Нижній Новгородъ и сошлись опять съ Южаниновымъ, который, кромѣ нихъ, завербовалъ еще въ свою шайку какого-то вятчанина и пыскорскаго крестьянина Силу Бурцева. На этотъ разъ они подвизались между Казанью и Нижнимъ Новгородомъ, нападая на суда ночью и укрываясь днемъ въ прибрежныхъ затонахъ, закрытыхъ лѣсомъ. Осенью 1792 года, четверо главныхъ заговорщиковъ снова возвратились на родину.

Здѣсь монастырскій писарь Иванъ Геннадьевъ, въ двукратную побывку у брата своего Андрея, убѣдилъ ихъ, что ограбить Іакинѳа удобно во всякое время, ибо ночной караулъ монастыря слабъ, а монахи и служители, ненавидившіе настоятеля за строгость, не вступятся за него, и далъ слово даже, въ случаѣ нужды, самъ помогать имъ. Къ заговорщикамъ вскорѣ присоединились еще четыре человѣка: пыскорскій крестьянинъ Михайло Фотіевъ и Пыскорскаго завода мастеровые: кузнецъ Иванъ Мишаринъ, коновалъ Тимоѳей Кабановъ и подконюшникъ Спиридонъ Черепковъ. Послѣ неоднократныхъ неудачныхъ попытокъ, Мишаринъ, Кабановъ и Черепковъ отъ разбойниковъ отстали. Остальные, упорно стоя въ своемъ намѣреніи и познакомившись со внутреннимъ расположеніемъ монастыря при помощи плана, доставленнаго имъ писаремъ Геннадьевымъ, 31 генваря, вечеромъ, на парѣ лошадей Михайла Фотіева, выѣхали изъ Пыскорскаго села въ Соликамскъ, взявши съ собою оружіе, огниво и свѣчу. Пріѣхавши туда въ глубокую ночь, они остановились на рѣкѣ Усолкѣ, подлѣ монастырской бани и условились, въ случаѣ какихъ-либо препятствій или сопротивленія, стоять другъ за друга до послѣдней крайности. Михайло Фотіевъ остался при лошадяхъ съ заряженнымъ ружьемъ, а Бурцевъ, Андрей Геннадьевъ, Степанъ Фотіевъ и Борисовъ направились къ монастырю, условившись, что̀ кому надобно дѣлать. Они перелѣзли по сугробу снѣга черезъ ограду и заслышавъ чьи-то шаги, притаились за вѣтхимъ деревяннымъ амбаромъ. Очередной сторожъ вышелъ изъ-подъ крыльца настоятельской кельи, отбилъ въ доску три четверти двѣнадцатаго и возвратился въ сторожку. Увѣрившись, что въ монастырѣ все спокойно, разбойники подвинулись къ обрубу, на которомъ утверждены были столбы, поддерживавшіе недавно отлитый пятисотъ пудовой колоколъ и, замѣтивши въ теплой церкви огонь, приставили къ внѣшней двери ея Борисова. Пославши Степана Фотіева отперетъ западныя большія ворота, дабы обезопасить обратный путь изъ монастыря, Геннадьевъ и Бурцевъ заперли сѣнныя двери монашескихъ келій, заложивши снаружи въ скобы палки, и взобрались вдвоемъ на крыльцо настоятельской кельи. Здѣсь остановила ихъ сосновая дверь непомѣрной толщины и прочности. Не могши съ нею сладить, они прошли по балкону, примыкавшему къ крыльцу, на другую сторону кельи. Окна, выходившія на балконъ, были безъ рѣшетокъ и затворовъ. Разбойники выломали оконницу въ среднемъ окнѣ гостинной кельи, тотчасъ влѣзли туда, но увидѣвъ

двѣ двери, остановились въ нерѣшимости, не зная гдѣ искать архимандрита. Въ это время послѣдній проснулся и встревоженный стукомъ, всталъ съ постели, взялъ изъ-подъ кровати большой ножъ и выйдя изъ спальни въ келью, смежную съ гостинной, крикнулъ: „кто тамъ?"—потомъ догадавшись въ чемъ дѣло, вздумалъ постращать разбойниковъ: „вотъ я васъ зарѣжу!"—опять закричалъ онъ, сильно ударяя въ двери бывшимъ въ рукахъ его ножомъ. Услыша его голосъ, Бурцевъ бросился тотчасъ же къ двери и началъ рубить ее тесакомъ. Архимандритъ, думая, что къ нему ворвались служители, умолялъ ихъ, чтобы они его пощадили, и въ тоже время громко звалъ на помощь казначея іеромонаха Никандра и священника Василія. Крикъ его былъ такъ силенъ, что его слышалъ даже Михайло Фотіевъ, остававшійся съ лошадьми на Усолкѣ. Бурцевъ съ своей стороны кричалъ ему: „монахъ, брось ножъ!" Между тѣмъ Геннадьевъ хотѣлъ выстрѣлить въ дверь изъ пистолета, но пистолетъ разорвало; злодѣй оробѣлъ, въ потьмахъ ему показалась будто оторвало ему ручные пальцы. Выскочивъ черезъ окно на балконъ, онъ успокоился, увидя при свѣтѣ луны, что онъ невредимъ и что въ монастырѣ по прежнему тихо; тогда онъ кликнулъ отъ западныхъ воротъ Степана Фотіева, взялъ отъ него другой пистолетъ и, бросившись снова въ гостинную келью, вторично выстрѣлилъ въ дверь; но и въ этотъ разъ неудачно: желѣзная пуля, миновавъ архимандрита, ударилась въ стѣну, противоположную двери. Два выстрѣла и безпрерывный крикъ архимандрита разбудили крѣпостнаго мальчика, крѣпко спавшаго въ прихожей настоятельскихъ покоевъ. Онъ выбѣжалъ на крыльцо; но Борисовъ, бывшій у дверей теплой церкви, прикрикнулъ на него и тотъ, бросившись обратно въ кельи, залѣзъ со страха въ печь. Геннадьевъ между тѣмъ выскочилъ на балконъ и началъ ломиться въ окно той комнаты, у дверей которой защищался Іакинфъ. Услыша стукъ у окна, послѣдній бросился отъ двери, чтобы не допустить Геннадьева въ келью; но въ это время Бурцевъ выломалъ дверь и кинулся вслѣдъ за архимандритомъ. Ухвативъ Іакинфа за плечи, онъ повалилъ его на полъ, наступилъ колѣномъ на грудь и вцѣпился рукою въ бороду его, крича Геннадьеву, что монахъ уже въ его рукахъ, и безоружный. Геннадьевъ кликнулъ Фотіева, отворившаго уже монастырскія ворота, и оба вскочили въ келью, къ Бурцеву. Пока они высѣкали огонь и зажигали свѣчу, Бурцевъ допрашивалъ Іакинфа— гдѣ у него хранятся деньги?— „Возьмите все", отвѣчалъ тотъ,

„я родился не съ ними". Геннадьевъ и Фотіевъ настаивали, чтобы Бурцевъ убилъ архимандрита. Послѣдній, слыша въ этомъ свой приговоръ, то просилъ пощады, то молился. Когда келья освѣтилась огнемъ, Бурцевъ снялъ съ груди архимандрита колѣно, закрылъ ему голову рясою и крѣпко держа его за руки, продолжалъ допрашивать о деньгахъ. Между тѣмъ Геннадьевъ и Фотіевъ разламывали сундуки и выбирали изъ нихъ — что приходилось по нраву. Геннадьевъ опять приступилъ къ Бурцеву съ требованіемъ, чтобъ онъ не оставлялъ Іакинфа въ живыхъ, на что тотъ отвѣчалъ, что ему убить настоятеля не чѣмъ; въ послѣдствіи же, при допросѣ, показалъ, что это была только отговорка, ибо онъ не хотѣлъ поднимать на него руки. Однако же разбойники, разграбивъ настоятельскую келью, побоялись оставить въ живыхъ опаснаго свидѣтеля и Бурцевъ, взявши топоръ изъ рукъ Фотіева, ударилъ Іакинфа два раза обухомъ по головѣ съ такою силою, что мозгъ разлетѣлся во всѣ стороны; не довольствуясь этимъ, онъ отрѣзалъ у него правое ухо, которое взялъ съ собою и бросилъ въ снѣгъ уже верстахъ въ 20 отъ Соликамска, около деревни Тетериной. Иванъ Геннадьевъ былъ правъ: никто изъ монаховъ и служителей не думалъ защищать настоятеля, и убійцы, забравъ много ассигнацій, золота, серебра, дорогихъ вещей и четыре мѣшка мѣдной монеты, безпрепятственно оставили монастырь. Разбойниковъ вскорѣ переловили; при допросахъ они сознались вполнѣ, будучи доведены до этого весьма обыкновенными въ прежнія времена мѣрами. Составитель Истобенской рукописи весьма наивно разсказываетъ между прочимъ, по этому поводу, слѣдующее: „Исправникъ принужденъ былъ употребить послѣдніе при томъ средства, хотя было то и съ закономъ и не согласно: не давъ ему (т. е. Фотіеву) одуматься, толкнулъ его изъ присутствія въ прихожую по затылку, и въ оной принужденъ былъ употребить его нѣсколько по зубамъ, повторяя одинъ за другимъ удары, — чѣмъ приведенъ будучи (т. е. Фотіевъ) въ растройку и не имѣя случая оправиться".... и т. д.

Указомъ Пермской верхней расправы, изъ перваго департамента въ Соликамскій уѣздный судъ, отъ 10 октября 1793 года, опредѣлено: 1) крестьянъ Андрея Геннадьева, Семена Бурцева, Степана Фотіева, Андрея Борисова и Михайла Фотіева наказать нещадно кнутомъ по двaста пятидесяти ударовъ и вырѣзавъ ноздри до кости, поставивъ указные знаки и заклепавъ въ кандалы, сослать въ вѣчно каторжную работу, въ Иркутскую

губернію; 2) монастырскаго подъячаго Ивана Геннадьева, Ивана Мишарина, Тимоѳея Кабанова, Спиридона Черепкова, наказать кнутомъ, дать по двaста ударовъ, и вырѣзавъ ноздри, поставя на лбу и на щекахъ указные знаки, сослать въ Иркутскую губернію, въ вѣчно каторжную работу; 3) служителя Василья Бурцева, Ѳедора Фотіева, крестьянъ Ивана Молоковскаго и Ѳедора Плотникова (?) наказать кнутомъ, дать по пятидесяти ударовъ, и потомъ, съ обязаніемъ о нечиненіи впредь никакихъ закону противныхъ поступковъ подпискою, отдать начальникамъ ихъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ, яко публично наказанныхъ, никуда изъ селенія своего не отпускать; 4) служителей, бывшихъ въ ночь убійства и грабежа въ монастырѣ караульщиками: Ивана Моисеева, Осипа, Александра и Дмитрія Мироновыхъ наказать плетьми. и потомъ обязать въ нечиненіи впредь никакихъ законопротивныхъ поступковъ подпискою и 5) чтожъ касается до монаховъ того монастыря: до казначея Никандра, іеромонаховъ Венедикта и Іонаѳана, іеродіаконовъ Емельяна и Флегонта и діакона Коровина, кои слыша крикъ и шумъ отъ злодѣевъ и бывъ вообще съ тремя служителями, во время грабежа и убійства архимандрита Іакинѳа, не предприняли никакихъ къ воспрепятствованію въ томъ мѣръ, чрезъ что, по силѣ уложенія 21 главы 59 ст., и оказались они виновными, — но какъ они духовнаго чина, то о сообщеніи о семъ ихъ поступкѣ, куда слѣдуетъ, отнестись въ Пермское намѣстническое правленіе.

*

ПЕРМСКІЯ ДРЕВНОСТИ, НАХОДЯЩІЯСЯ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ЛАЗАРЕВСКОМЪ ИНСТИТУТѢ ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

(Изъ письма къ издателю Пермскаго Сборника).

Въ 1851 году въ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ было доставлено $5^1/_2$ фунтовъ серебряныхъ древнихъ вещей, найденныхъ въ пермскихъ имѣніяхъ гг. Лазаревыхъ. Изъ отношенія г. Лазарева (отъ 23 августа 1851 г.), при которомъ препровождены были въ институтъ вещи, видно, что онѣ найдены были въ соликамскомъ уѣздѣ, крестьяниномъ села Рождественскаго Ипполитомъ Ужеговымъ, который, обработывая въ первый разъ поле, до тѣхъ поръ никогда не бывшее подъ пашнею, выпахалъ ихъ сохою почти съ самой поверхности и представилъ свою находку въ мѣстное управленіе. Къ сожалѣнію, этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія о мѣстѣ, гдѣ были найдены древности. Неизвѣстно — было ли поле, распаханное Ипполитомъ Ужеговымъ, вблизи или даже, быть можетъ, на самомъ мѣстѣ древняго поселенія, или же найденныя древности не находятся ни въ какой видимой связи съ чудскими могилами и городищами. Первое несравненно вѣроятнѣе. Въ Пермской губерніи, пашни часто занимаютъ мѣста городищъ или склоны осыпавшихся кургановъ. Къ тому же относительно села Рождественскаго у насъ есть нѣсколько свѣдѣній, которыми объясняется нахожденіе на этой мѣстности чудскихъ вещей. Вотъ что находимъ мы въ донесеніи г. директору училищъ Пермской губерніи соликамскаго уѣзднаго учителя г. Любимова (отъ 22 октября 1848 г., за № 278): „Городище при селѣ Рождественскомъ, соликамскаго уѣзда, лежитъ къ юго-западу на весьма

возвышенномъ берегу рѣки Обвы, между смежными деревнями Филиповой и Пастоноговой, отстоящими отъ села Рождественскаго на 8 верстъ. Пространство городища въ длину около 200, въ ширину около 150 саженей. Высота сего урочища, уже осыпавшагося отъ времени, отъ уровня земли—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ $^1/_2$ сажени, а въ нѣкоторыхъ и болѣе. Крестьяне деревни Постаноговой обратили это мѣсто въ поле. Преданій у окрестныхъ крестьянъ нѣтъ; вещей находимо не было. Такихъ урочищъ или насыпей разной величины въ дачахъ гг. владѣльцевъ по Инвенскимъ селеніямъ, считается болѣе 11. При раскапываніи находимы были человѣческіе остовы, обращенные головою къ югу, также находимы и вещи, изображащія языческихъ боговъ". Изъ другаго оффиціальнаго письма, относящагося къ этой же мѣстности, узнаемъ слѣдующее: „Городище находится къ югу отъ р. Обвы (неизвѣстно—то ли это городище, которое описано г. Любимовымъ), на возвышеніи 10 саж. съ востока къ западу, между двумя логами, глубиною саженъ въ 10. Съ сѣвера небольшой логъ, у котораго берегъ со стороны городища окопанъ и представляетъ видъ стѣны или землянаго вала, вышиною въ $1^1/_2$ саж. Въ настоящее время (въ 1848 году) пространство чудскаго городища въ длину съ в. на з. около 120, а въ ширину съ ю. на с. около 80 саженъ. Жители деревень Филиповой и Пастоноговой разсказываютъ, что лѣтъ тридцать тому назадъ на этомъ мѣстѣ находимы были чудскія серебряныя вещи и сверхъ того рѣкой Обвой изъ берега городища вымывало человѣческія кости". Въ послѣднее время находокъ не было или, по крайней мѣрѣ, крестьяне о нихъ не объявляли. Такимъ образомъ окрестности села Рождественскаго довольно богаты чудскими городищами и урочищами и пермскія вещи Лазаревскаго института, по всей вѣроятности, найдены были вблизи или на самомъ мѣстѣ древняго поселенія. Весьма важно было бы собрать на мѣстѣ болѣе обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія объ этой интересной въ археологическомъ отношеніи мѣстности и описать тѣ 11 урочищъ, о которыхъ говоритъ г. Любимовъ. Указаній на существованіе этихъ городищъ ни нашли мы ни въ статьѣ архимандрита Макарія о Пермскихъ древностяхъ, помѣщенной въ VIII томѣ Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества, ни въ Хозяйственномъ описаніи Пермской губерніи, такъ что свѣдѣнія, доставленныя въ Пермскую дирекцію училищъ, являются единственнымъ источникомъ, къ сожалѣнію недостаточно полнымъ.

Пользуясь просвѣщеннымъ содѣйствіемъ г. инспектора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, я представляю здѣсь описаніе и рисунки съ древностей, найденныхъ около села Рождественскаго:

1) Серебряная тарелка или мелкое блюдо (рисунокъ № 1 въ $1/2$ настоящей величины и № 2 — тоже блюдо съ боку), вѣсомъ 1 фунтъ, 21 золотникъ. Дно покрыто выбитыми или вытѣсненными золочеными орнаментами въ видѣ цвѣтовъ, сдѣланными вглубь. Въ срединѣ медальонъ, въ которомъ между двумя кругами на золоченомъ фонѣ изображенъ выпукло олень съ тамгою или тавромъ на задней ногѣ. За оленемъ дерево, растущее на какомъ-то возвышеніи. Поддонникъ припаянъ; работа довольно грубая. Г. Абрамовъ говоритъ (Записки Географическаго Общества, кн. XII, стр. 341), что у березовскихъ Остяковъ приносились въ даръ божествамъ нарочно сдѣланныя для того серебряныя тарелки и блюда съ изображеніемъ на нихъ идоловъ, птицъ и звѣрей. Не принадлежитъ ли и это блюдо къ такого рода приношеніямъ?

2) Серебряные витые обручи (рисунки №№ 3 и 7), числомъ 3, двухъ рисунковъ. Каждый длиною около $1\frac{1}{4}$ аршина. На одномъ изъ нихъ (рис. № 3), около 9 гранной пуговицы, какими онъ оканчивается съ обоихъ концовъ, находится подвижное кольцо изъ серебряной витой проволоки, обернутой въ четыре ряда. Другой изъ нихъ (№ 7), разломаный на двое, оканчивается съ одной стороны крючкомъ, съ другой пуговицей.

3) Цѣпь изъ 16 серебряныхъ проволокъ (рис. № 4, въ настоящую величину), вѣсомъ 43 золотника, длиною 14 вершковъ. Съ каждаго конца къ цѣпи придѣлано по серебряному же наконечнику, состоящему изъ трехъ шаровъ, на которыхъ по гладкому золоченому фону размѣщены ободочки изъ витой проволоки и треугольныя украшенія изъ мелкихъ шариковъ, очень обыкновенныя какъ на пермскихъ, такъ и на камско-волжскихъ древностяхъ. Съ низу наконечниковъ по петлѣ, на которыхъ висѣли, кажется, подвѣски; съ боковъ же прикрѣплены застежки, изъ которыхъ вполнѣ сохранилась только одна, оканчивающаяся пуговкой съ тѣми же украшеніями, какія и на самыхъ наконечникахъ.

4) Два полумѣсяца или вѣнчика (рис. № 6, въ настоящую величину), вѣсомъ каждый въ 4 золотника. По всей вѣроятности они были привѣшены къ концамъ цѣпи. Характеръ украшеній одинъ и тотъ же какъ на нихъ, такъ и на наконечникахъ цѣпи.

Тѣже ободки изъ крученой проволоки, тѣже треугольники, составленные изъ шариковъ, тотъ же золоченый фонъ. По срединѣ каждаго былъ вставленъ камень или стекло зеленоватаго цвѣта и съ внутренней, вогнутой стороны подвѣска изъ шарика, прикрѣпленнаго къ кольцу. Вполнѣ сохраненъ одинъ изъ вѣнчиковъ: въ другомъ же не достаетъ камня и подвѣски.

5) Серебряная дощечка (рис. № 5, въ $^2/_3$ настоящей величины), вѣсомъ въ 27 золотниковъ, покрытая листомъ басебнаго серебра, на которомъ по золоченому фону такія же украшенія, что и на вѣнчикахъ. По срединѣ три камня, изъ которыхъ одинъ потерянъ. Съ одной стороны дощечка загнута въ трубочку, для проволоки или снурка, которыми она подвѣшивалась.

Весьма важная особенность въ находкѣ Ипполита Ужегова состоитъ въ томъ, что вмѣстѣ съ другими вещами найдено было два куска серебра: одинъ вѣсомъ въ 20 золотниковъ, другой въ 1 фунтъ $80^1/_2$ золот. Послѣдній съ одной стороны покрытъ письменами, вырѣзанными вглубь. Форма куска весьма неправильна. Изъ отношенія Г. И. Лазарева, при которомъ были препровождены въ институтъ найденныя вещи, мы узнаемъ, что въ Перми этотъ кусокъ серебра былъ показанъ бывшему профессору монгольскаго языка въ Казанскомъ университетѣ А. В. Попову, который отозвался, что письмена повидимому китайскія іероглифическія. До какой степени это справедливо и какой смыслъ имѣетъ эта надпись, пусть рѣшатъ наши синологи. Во всякомъ случаѣ, считаю не лишнимъ приложить точный снимокъ съ той стороны слитка, на которой вырѣзаны письмена. Если удастся разобрать надпись, она можетъ быть послужитъ для нѣкоторыхъ хронологическихъ соображеній относительно прочихъ вещей, найденныхъ вмѣстѣ съ слиткомъ. Къ сожалѣнію средняя часть надписи кажется совершенно изгладилась, но впрочемъ боковыя и въ особенности нижнія группы письменъ сохранились довольно явственно.

Почти въ то время, когда мнѣ сдѣлались извѣстными пермскія древности Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, случайно узналъ я, что въ московскомъ Серебряномъ ряду продаются нѣкоторыя серебряныя древнія вещи, купленныя у крестьянъ на Ирбитской ярмаркѣ. Дѣйствительно я нашелъ тамъ нѣсколько серебряныхъ обручей, совершенно подобныхъ изображеннымъ на рисункахъ 3 и 7 и служившихъ по всей вѣроятности шейными гривнами или поясами, такой же обручъ, свернутый въ четыре оборота и употреблявшійся какъ видно вмѣсто бра-

слета, двѣ круглыя пластинки изъ серебра, чрезвычайно тонкія, изъ которыхъ на одной нацарапаны были острымъ орудіемъ уродливыя изображенія людей, а на другой выбиты были украшенія и т. п. Изъ этого собранія я пріобрѣлъ для себя нѣсколько вещей, которыя по работѣ и характеру украшеній очень походили на древности Лазаревскаго института. Разумѣется нечего было и ждать получить указаніе на мѣстность, гдѣ найдены были эти вещи, но продажа довольно значительнаго числа пермскихъ вещей въ Москвѣ и продажа ихъ на вѣсъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ много еще археологическихъ находокъ попадается въ Пермской губерніи и какъ много гибнетъ ихъ безвѣстно и безполезно для науки. Изъ числа этихъ ирбитскихъ вещей, я уже не засталъ большаго серебрянаго блюда съ изображеніями, проданнаго, по словамъ купца, за нѣсколько времени передъ тѣмъ одному любителю.

Считаю нелишнимъ сообщить описаніе и рисунки нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей. При маломъ числѣ описанныхъ и изданныхъ древностей Пермскаго края, каждое новое свѣдѣніе, думаю, не совсѣмъ безполезно.

Вещи, пріобрѣтенныя мною изъ ирбитскихъ находокъ—слѣдующія:

1) Серебряный браслетъ или серьги (рисун. № 9, въ $^2/_3$ настоящей величины) изъ проволоки, на которой укрѣплены три шарообразныхъ украшенія. Среднее изъ нихъ по срединѣ опоясано двумя обручиками изъ витой тонкой проволоки, такіе же обручики или жгуты находятся около отверстій, чрезъ которыя продѣта проволока. Фонъ между крайними и средними обручиками вызолоченъ и по нему помѣщены такіе же треугольники изъ мелкихъ шариковъ, какіе мы видѣли на вещахъ Лазаревскаго института (напр. рис. № 4). Два другихъ шарообразныхъ украшенія нѣсколько меньше средняго и имѣютъ только жгутики. Одинъ конецъ проволоки свернутъ въ два оборота. Если это сдѣлано уже по нахожденіи, тогда очевидно надобно принять эту вещь за серьгу, потому что для браслета она будетъ слишкомъ мала.

2) Небольшой браслетъ изъ тонкой серебряной проволоки, скрученной до половины (рис. 10, въ $^2/_3$ настоящей величины).

3) Серебряная круглая бляха, съ одной стороны гладкая, съ другой выпуклая (рис. № 11, въ настоящую величину). Съ лицевой выпуклой стороны, по золоченному фону, по срединѣ вставленъ камень, къ сожалѣнію выпавшій, обведенный кругомъ оправы сначала жгутомъ изъ крученой проволоки, потомъ рядомъ шари-

ковъ, за которымъ слѣдуетъ рядъ треугольниковъ, каждый изъ 9 болѣе мелкихъ шариковъ. Кромѣ этого бляха имѣетъ еще два ободка. Одинъ, ближе къ центру, состоитъ также изъ ряда треугольниковъ (каждый изъ трехъ шариковъ), обведеннаго жгутомъ изъ крученой проволоки; другой, ближе къ краю, состоитъ изъ двухъ жгутовъ. Къ этому послѣднему примыкаютъ наконецъ 24 выпуклыхъ возвышенія, обведенныя каждое рядомъ мелкихъ шариковъ. Половина изъ этихъ возвышеній уже отвалилась. По характеру работы и украшеній, бляха представляетъ полное сходство съ вещами Лазаревскаго института (№ № 4, 5, 6).

С. Ешевскій.

ДРЕВНЯЯ СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША.

—

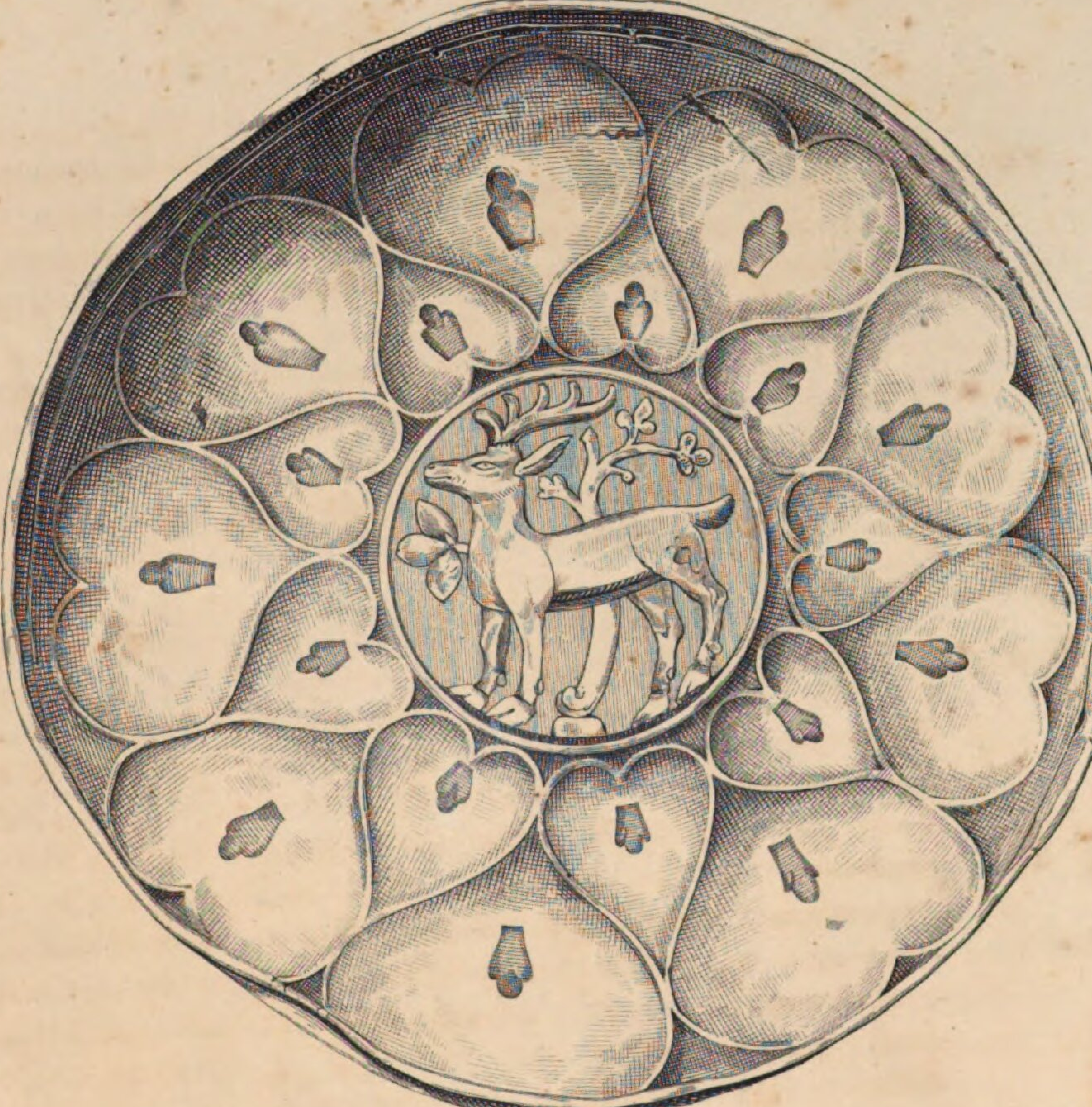
Въ сентябрѣ прошедшаго года г. В., въ Перми, доставилъ мнѣ серебряную чашу, повидимому, весьма древнюю. Вскорѣ послѣ того я выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, 3 октября, представилъ ее въ Археологическое Общество, прося объяснить значеніе изображеній на ней, время и мѣсто ея происхожденія. Чаша эта вѣсомъ около $2^1/_2$ фунтовъ, круглая, въ видѣ большой чайной полоскательной чашки, съ довольно высокимъ поддонкомъ, съ отваломъ по верхнему краю и съ плоскою ручкою. По отвалу, окаймленному жгутомъ, вычеканены барельефно какія-то деревья, тигръ, крокодилы, водяныя птицы, въ томъ числѣ аистъ, рыбы, большая змѣя и другая — сжимающая въ кольцахъ своихъ рыбу. На внутренней сторонѣ, кругомъ, вырѣзаны изображенія вазъ, двухъ различныхъ формъ. На днѣ выбиты рыбы, цвѣтокъ и на немъ — гнѣздо, изъ котораго выглядываютъ двѣ птицы, родъ двухъэтажной башни (маяка?), на которой видны письмена; передъ этою башнею стоитъ юноша въ наклонномъ положеніи, упершись руками въ землю; на спинѣ у него помѣщается другой юноша, и, судя по клину, приставленному одною рукою къ башнѣ, и по молотку въ другой, которою онъ размахнулся, вѣроятно, выбиваетъ какія-нибудь изображенія, а можетъ быть письмена, служащія продолженіемъ изображенныхъ ниже на башнѣ. На ручкѣ — сверху отлито барельефное изображеніе Нептуна, съ трезубцемъ въ одной рукѣ и съ рыбою въ другой, поставившаго лѣвую ногу на дельфина. На исподней сторонѣ ручки ясно видны четыре штемпеля; на одномъ изъ нихъ можно различить чей-то портретъ и конецъ надписи кругомъ его: ...sius.

Г. академикъ Броссе полагаетъ, что чаша эта греческая, VI вѣка. Впрочемъ, подробныхъ объясненій мы пока не имѣемъ отъ Археологическаго Общества. Мы не могли также, къ сожалѣнію, приложить ко второй книжкѣ Сборника рисунка этой замѣчательной вещи.

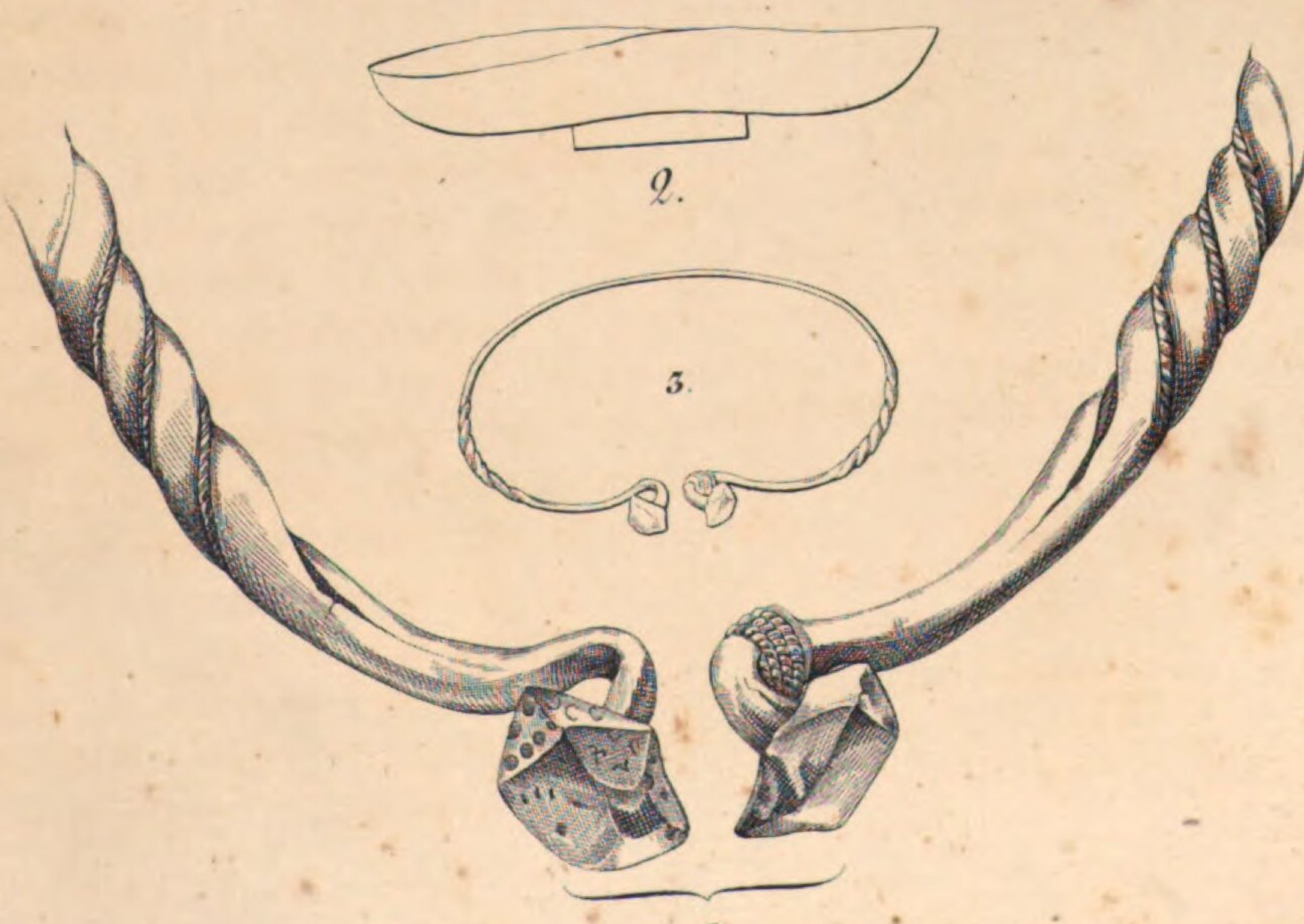
Вопросъ о мѣстѣ находки описанной чаши представляетъ весьма важное значеніе, если припомнимъ сказанія о торговлѣ древней Біарміи съ отдаленными странами, и потому мы не отваживаемся сообщить нашимъ читателямъ что-либо объ этомъ предметѣ, впредь до полученія о немъ подробнѣйшихъ и достовѣрныхъ свѣдѣній.

Здѣсь кстати указать на извѣстіе о подобной же находкѣ, сообщенное авторомъ: „Хозяйственнаго описанія Пермской губерніи“, Никитою Савичемъ Поповымъ, въ № 24 „Казанскихъ Извѣстій“ 1812 года, въ статьѣ: „Нѣчто, относящееся къ древностямъ Пермской губерніи“. „Въ 1810 году, — говоритъ Поповъ, — видѣлъ я въ одномъ домѣ большую серебряную стопу, найденную въ окрестностяхъ Чердыни, на которой снаружи изображены выпуклою работою (отливкою, а не чеканомъ) разныя животныя странъ южныхъ, какъ-то: слонъ, строфокамилъ, съ сидящимъ на немъ человѣкомъ, что весьма любопытно, *крокодилъ*, *тигръ* и другія, въ томъ числѣ и лягушки. По всему видно, что сосудъ сей не европейскаго вкуса и искусства, но индѣйскаго или азійскаго народа“.

S.

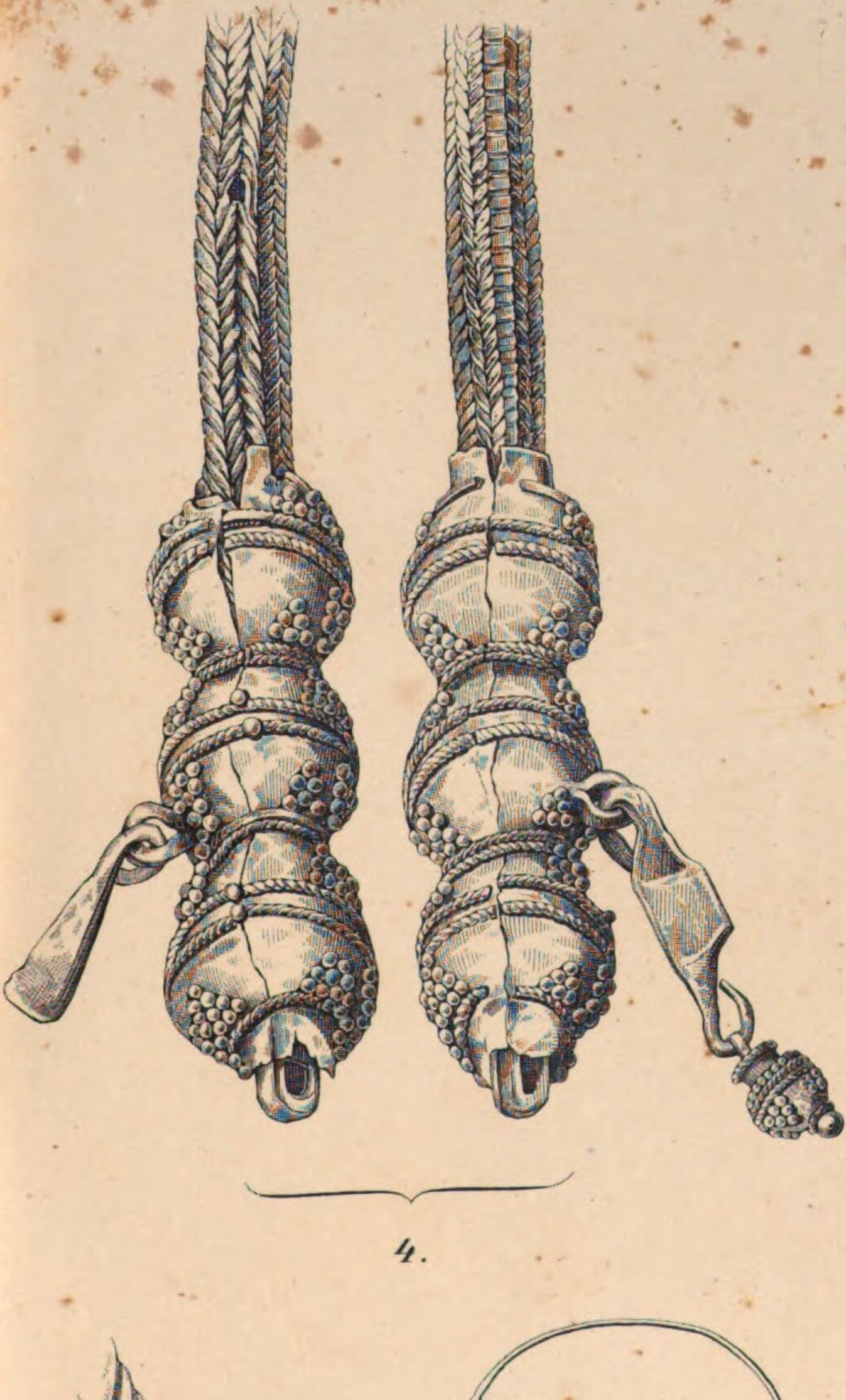
1.

2.

3.

3.

4.

5.

6.

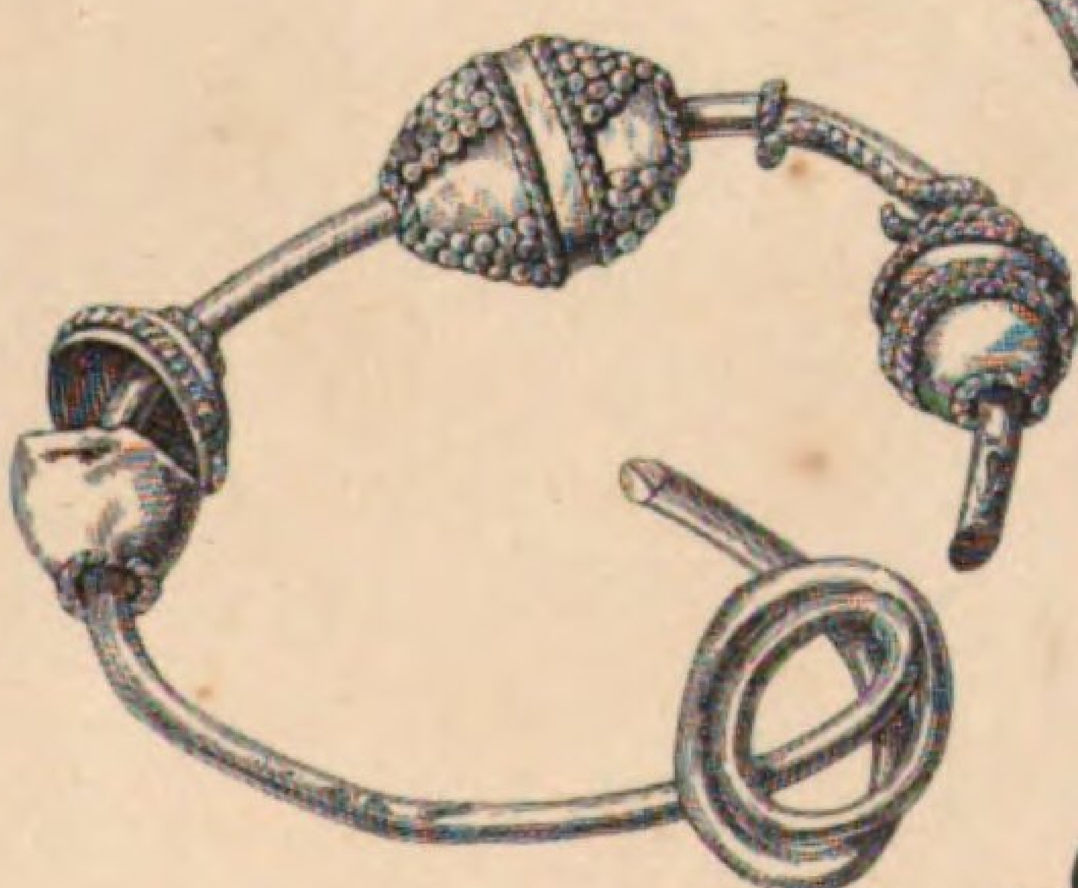

7.

7.

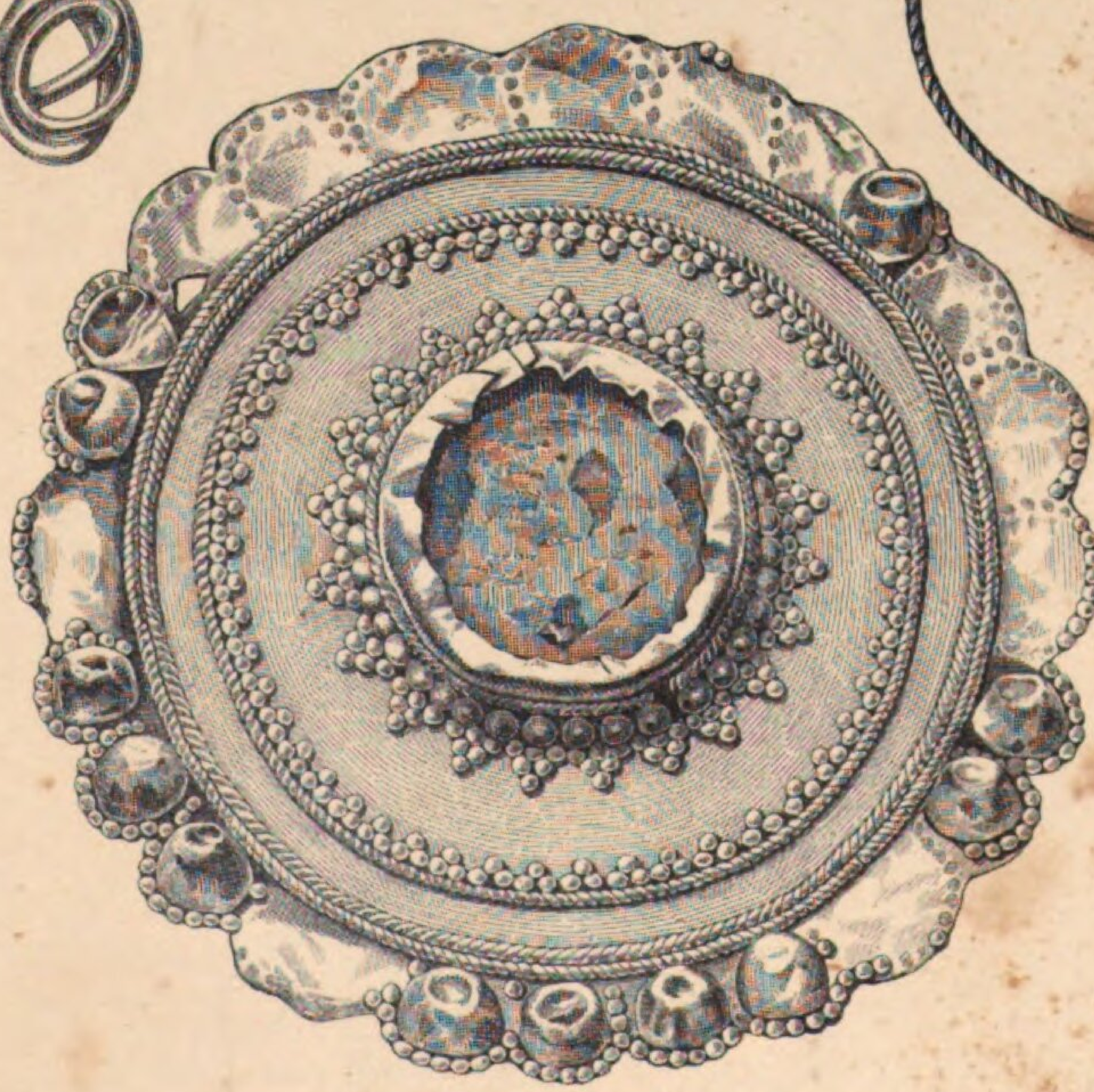
8.

9.

10.

11.

II.

МАТЕРІЯЛЫ ДЛЯ ОПИСАНІЯ БЫТА ПЕРМЯКОВЪ.

—

Предлагаемые здѣсь „Матеріялы для описанія быта Пермяковъ", составляютъ собственно продолженіе статьи, подъ тѣмъ же заглавіемъ и тѣмъ же авторомъ напечатанной въ Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ 1858 г. за апрѣль мѣсяцъ. Въ ней заключаются: 1) „историческія свѣдѣнія" о Пермякахъ и количествѣ ихъ въ настоящее время; 2) физическій и нравственный характеръ народа; 3) домашній бытъ и нѣкоторыя черты быта общественнаго; 4) домоустройство; 5) языкъ Пермяковъ и 6) списокъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ пермятскія названія. Не касаясь любопытныхъ во всѣхъ отношеніяхъ подробностей этой статьи, съ которыми желающій удобно можетъ ознакомиться въ указанномъ нами журналѣ, редакція Пермскаго Сборника считаетъ однако же не излишнимъ воспользоваться, въ примѣчаніяхъ къ предлагаемой статьѣ, нѣкоторыми свѣдѣніями изъ первой ея части, нужными читателю для уясненія и пополненія предлагаемыхъ матеріяловъ. — При этомъ редакція считаетъ долгомъ повторить оговорку автора (см. Ж. М. В. Д. стр. 65), что въ помѣщаемой здѣсь статьѣ „описаны Пермяки только Иньвенской дачи", принадлежащей графинѣ Н. П. Строгановой, гдѣ „изъ всего наличнаго числа коренныхъ Пермяковъ (около 59,000 душъ обоего пола), живетъ почти половина (около 34,000 душъ)" и гдѣ имѣетъ мѣсто-жительства самъ наблюдатель быта Пермяковъ, г. Роговъ. *Ред.*

I. ОДЕЖДА И ОБУВЬ.

Одежда и обувь Пермяковъ, мущинъ и женщинъ вообще говоря, имѣетъ большое сходство съ одеждой и обувью окрестныхъ Русскихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и свои нѣкоторыя особенности.

1. ОДЕЖДА МУЩИНЪ.

Обыкновенная мужская *рубашка* (по-пермятски *ернöсъ*) шьется изъ льнянаго толстаго, изгребнаго [1]) холста, длиною до колѣнъ и менѣе. Холстъ для этого употребляется большею частію бѣлый, иногда синепестрядный, весьма рѣдко чисто синій. Рукава дѣлаются короткіе, широкіе. У ворота на правой сторонѣ оставляется *прорѣха*, т. е. разрѣзъ съ застежкой изъ холщевой или нитяной петли и мѣдной или оловянной, шарообразной пуговицы. Воротника обыкновенно нѣтъ, а вмѣсто его дѣлается холщевая волоконная [2]), кумачная или китайчатая оторочка. Праздничная рубашка зажиточнаго Пермяка — волоконная, бѣлая, нерѣдко съ узорами изъ красной бумаги около ворота, поконецъ рукавовъ и вокругъ подола.

Исподнее платье — *порты* (*вешьянъ*) — съ гасникомъ, всегда очень короткіе — спускаются ниже колѣнъ только вершка на три, на четыре; шьются обыкновенно изъ бѣлаго толстаго конопляннаго или льнянаго изгребнаго холста.

Изъ этого легко понять, что рубашка и особенно — порты Пермяка не очень-то мягки, нѣжны. Къ этому нужно добавить, что въ простые дни рубашка и порты на Пермякѣ обыкновенно черныя, грязныя, въ праздничные же дни — чистыя, мытыя, если только Пермякъ не очень бѣденъ и имѣетъ запасное бѣлье [3]).

По рубашкѣ Пермякъ опоясывается *тѣльникомъ* (*йы*). Это — домашней работы тканецъ, или поясокъ, четвертей десять — двѣнадцать длиною, въ полпальца шириною, изъ льняныхъ или шерстяныхъ нитокъ, или изъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, бѣлаго, синяго, коричневаго цвѣтовъ. На поясѣ, спереди, Пермякъ постоянно носитъ *огниво* — четырехъ-угольную маленькую кожаную сумку, застегиваемую мѣдною пуговицей, съ кремнемъ, древеснымъ трутомъ и стальной плашкой.

[1]) Изгребный холстъ, т. е. вытканный изъ охлопковъ, остающихся послѣ перваго чесанья льна. *Ред.*

[2]) Волоконнымъ холстомъ назывался холстъ, вытканный изъ толстой пряжи. *Ред.*

[3]) По наблюденію г. Рогова, Пермяки, живя въ дымныхъ, закоптѣлыхъ, грязныхъ избахъ, рѣдко мѣняя и чистя бѣлье, большею частію очень нечистоплотны: съ головы до ногъ запачканы, грязны. (См. Ж. М. В. Д. стр. 69). — Умываются перѣдко грязной водой безъ мыла и утираются большею частію черными обносками рубахъ и проч. (Idem. стр. 80).

Въ теплое время года Пермякъ носитъ на ногахъ *онучи* (*пемӧтъ*)—бѣлыя изгребныя холстины, длиною въ аршинъ и болѣе, шириною въ полполосы холста. Каждой онучей обвивается нога кругомъ, отъ пальцевъ до полуколѣна. Весною и осенью, во время тяжелыхъ полевыхъ работъ, а равно—въ дальнихъ переходахъ, Пермякъ употребляетъ по двѣ пары онучъ, навертывая ихъ одна на другую. Онучи бываютъ постоянно грязны и носятся до износу безъ чистки или стирки. Новыя, еще чистыя, не загрязненныя онучи, давая приглядный видъ ногамъ, составляютъ предметъ щегольства.

Кромѣ онучъ, въ лѣтнюю пору Пермяки носятъ еще *па̀галенки*. Такъ называется родъ мѣшка изъ синихъ холщевыхъ обносковъ, съ обоихъ концовъ отверзтаго, длиною до восьми, шириною до четырехъ вершковъ, который надѣвается на ногу между лодышкой и колѣномъ, такъ что верхнимъ краемъ па̀галенокъ захватываются порты. У верхняго края, ниже колѣнъ, па́галенки подвязываются нитянными плетеными поясками,—а нижній конецъ ихъ подкладывается подъ онучи.

Зимой Пермякъ надѣваетъ на ноги *чулки* (*черӧсъ*), шитые изъ домашняго чернаго или синяго сукна, а сверхъ чулковъ (бѣдный же сверхъ онучъ), въ большія холода и въ дорогахъ, обертываетъ ноги, начиная съ пальцевъ до колѣнъ, *скутами*—суконными полосами аршинъ до двухъ длиною, четвертей до трехъ шириною. Сукно на скуты употребляется большею частію бѣлое, домашнее и вятское.

Во всякую пору года обыкновенная рабочая обувь Пермяковъ—*лапти* (*нинкӧмъ*), сплетенные изъ лыка, для прочности „проковыренные“ берестомъ (*берестой*). Зимніе лапти дѣлаются съ холщевыми или суконными опушнями и съ продѣтыми въ нихъ красными суконными поясками (*вонь*), а лѣтніе—съ оборами, т. е. съ тонкими ремешками или лычными веревочками, привязанными къ запяткамъ. Этими поясками или ремешками лапоть привязывается къ ногѣ: она обвертывается ими крестообразно по верхъ онучъ, па̀галенокъ, чулковъ, скутъ, начиная отъ лодышки вплоть до колѣнка.

Въ избѣ и для занятій около дома, обоего пола взрослые Пермяки, вмѣсто лаптей, носятъ *бродни*; это, по формѣ, тѣ же лапти, только сплетенные изъ одного береста на косыя колодки.

Въ праздники, или отправляясь къ начальству, зажиточный Пермякъ обувается въ *выростковые сапоги* или *коты*, купленные на базарѣ, рѣдко шитые Пермякомъ-солдатомъ въ отпуску или

въ отставкѣ. Пермякъ-крестьянинъ не знаетъ сапожнаго дѣла [1]). Сапоги шьются всегда широкіе, просторные, съ каблуками, подбитыми гвоздями, или желѣзными бляхами, которыя по просту называются *подковами*. Пермяку, особенно молодому, на помочахъ и на святочныхъ играхъ, очень нравится, если каблуки его сильно стучатъ. Но сапоги и коты только—что входятъ въ употребленіе между Пермяками. Коты хотя и дешевле, и потому доступнѣе, но сапоги, не смотря на дороговизну, предпочитаются Пермяками и заводятся охотнѣе.

Лѣтомъ на головѣ Пермяка валеный изъ овечьей бѣлой шерсти *колпакъ* полушарообразной формы, съ узкимъ, пальца въ два, околомъ. Околъ иногда бываетъ изъ черной шерсти. Колпакъ—весьма характерная часть одежды Пермяка; по нему одному Пермякъ удобно можетъ быть отличенъ въ тысячѣ русскихъ мужиковъ. Кажется, колпакъ есть остатокъ старинной одежды Пермяковъ.

Не многіе холостые и женатые парни, сыновья зажиточныхъ отцовъ, носятъ лѣтомъ, и то по праздникамъ, покупныя вятскія *шляпы*, привозимыя торгашами съ Нижегородской ярмарки.

Въ зимнее время, вмѣсто колпака, употребляется Пермяками обыкновенная *русская шапка*—домашней работы, или покупная. У покупной—верхъ изъ чернаго плису, околъ изъ черной или бѣлой мерлушки, а внутренность изъ овчины или телячьей шкуры; у домашней—верхъ изъ суконныхъ лоскутьевъ или изъ синяго холста, околъ изъ черной, внутренность изъ бѣлой овчины. Покупная шапка всегда лучше, красивѣе домашней и надѣвается больше о праздникахъ, на свадьбахъ.

Коренные Пермяки, въ дальнихъ поѣздкахъ, зимой, носятъ еще другую шапку—*малахай* (*пеляшапка*) съ большими шубными наушниками, которые въ морозъ опускаются на уши, а если не такъ холодно, поднимаются къ верху.

Въ колпакѣ, шляпѣ, шапкѣ у Пермяка нерѣдко находится *платокъ* или *ширинка*. Платокъ (*чишьянъ*), ширинка (*кутчисянъ—чишьянъ*)—суть браныя, изпещренныя узорами холстины. Платокъ обыкновенно бываетъ длиною въ аршинъ, ширинка аршина въ полтора и два; ширина же обоихъ—четверти двѣ. Въ зимнее

[1]) Вообще промыслы какого бы то ни было рода, развиты между Пермяками чрезвычайно мало, по недостатку прилежанія къ труду (idem. стр. 69) и главное по чрезвычайной ограниченности и неразвитости умственныхъ способностей Пермяка. (Idem. стр. 70).

время, сверхъ холщевыхъ платка или ширинки, Пермякъ носитъ въ шапкѣ или малахаѣ, еще платокъ бумажный, которымъ въ сильный холодъ повязываетъ шею.

Всегдашняя лѣтняя верхняя одежда Пермяка есть *шабуръ*, — родъ халата, изъ оголубленнаго или осиненнаго, волоконнаго или изгребнаго холста, длиною нѣсколько пониже колѣнъ, съ открытымъ шалью воротомъ, назади, на высотѣ пояса, съ борами или складками, на правомъ боку, надъ лядвіей, съ карманомъ (*зепь*). Подъ верхней частью шабура до поясницы—бѣлая холщевая подкладка; по воротнику и рукавамъ бываютъ иногда разные узоры, вышитые бѣлыми нитками. Въ лѣтніе праздники, новый съ узорами шабуръ, особливо волоконный, есть самая лучшая одежда молодаго Пермяка-щеголя, пожалуй, какъ для франта пальто, по послѣдней модной картинкѣ. По шабуру обыкновенно опоясываются; но иногда о праздникахъ и на игрищахъ щеголи носятъ шабуръ и безъ опояски.

Съ недавняго времени, между Пермяками средняго состоянія, шабуръ замѣняется входящимъ въ употребленіе *понитком*ъ. Понитокъ фасономъ схожъ съ шабуромъ; отличается же отъ него тѣмъ, что короче его—только до колѣна, не имѣетъ узорчатыхъ вышивокъ, и шьется изъ особой ткани сѣроватаго цвѣта, основу которой составляетъ бѣлая льняная, а утокъ черная шерстяная пряжа.

Лѣтомъ и зимой, въ праздники, на свадьбахъ и т. п. случаяхъ, нѣкоторые обрусѣлые зажиточные Пермяки носятъ *бешметь*. Бешметь походитъ на халатъ; шьется изъ чернаго или синяго фабричнаго дешеваго сукна на холщевой подкладкѣ. Лѣтомъ бешметь надѣвается прямо на рубашку, зимой на полушубокъ или шубу. По бешметю всегда опоясываются.

Но бешметь—роскошь, доступная весьма не многимъ. У большинства онъ замѣняется *зипуномъ*, одеждой похожей на шабуръ, если назади есть складки, или на бешметь или халатъ, если складокъ нѣтъ. Зипунъ шьется всегда изъ своедѣльнаго пермятскаго сукна чернаго или синяго цвѣта, на холщевой въ верхней части и въ рукавахъ подкладкѣ, съ обшлагами изъ черной выростковой кожи на рукавахъ. Зипунъ синяго цвѣта, называемый также *кафтаномъ*, считается почетнѣе шабура и чернаго зипуна. Зипунъ носятъ съ опояской во всякое время года, не исключая и жаркихъ дней; новый надѣвается только въ важныхъ случаяхъ, старый вседневно. Лѣтомъ надѣваютъ зипунъ прямо на рубашку, а зимой по верхъ полушубка, — большею частію

длиннаго, подолъ котораго весьма часто выставляется изъ-подъ зипуна,—и этимъ зимой Пермяки рѣзко отличаются отъ Русскихъ.

Крѣпко поношенный зипунъ обращается въ *тяжелкд*; онъ обшивается (какъ-бы *отяжеляется*) сверху по поясъ или нѣсколько ниже бѣлымъ или синимъ холстомъ. Тяжелко — одежда Пермяковъ всѣхъ состояній въ рабочее время; но бѣдные и въ праздничную пору ходятъ въ тяжелкѣ, чѣмъ легко отличаются въ толпѣ отъ крестьянъ зажиточныхъ.

Обыкновенная зимняя одежда Пермяка — овчинный косоворотый, рѣдко глуховоротый *полушубокъ*, застегиваемый на три, четыре мѣдныя или оловянныя шарообразныя пуговицы, назади съ таліею, чаще безъ отрѣза и складокъ. Длиною полушубокъ всегда ниже колѣнъ, пальца на два, на четыре; если еще нѣсколько длиннѣе, то замѣняетъ шубу. Короткій полушубокъ иногда покрывается синимъ холстомъ. Въ простые дни, на работѣ, носятъ полушубокъ одинъ,—въ праздничные, а также въ дорогахъ, надѣваютъ поверхъ него шабуръ, зипунъ или бешметь. По полушубку всегда опоясываются. Вообще зимняя одежда Пермяковъ характеризуется малой длиной и косымъ, полымъ воротомъ, ни въ какой морозъ не прикрывающимъ ни груди, ни шеи.

Рѣже встрѣчается *шуба*,— также овчинная; на нее употребляются овчины самыя крупныя. Покроемъ она сходна съ тулупомъ; отличается отъ него только тѣмъ, что бываетъ всегда безъ воротника и ничѣмъ сверху не покрывается. Шуба, да еще новая, не замаранная, весьма цѣнится. Пермякъ щеголяетъ въ ней только на свадьбахъ и о праздникахъ. По шубѣ рѣдко опоясываются, еще рѣже надѣваютъ сверху зипунъ или бешметь. Старую загрязненную шубу, обрѣзывая у подола, обращаютъ въ полушубокъ.

Отправляясь зимой на отдаленныя отъ дому работы или въ дорогу, Пермякъ надѣваетъ *штаны*, изъ чернаго своедѣльнаго сукна. Покроемъ онѣ совершенно сходны съ портами.

Съ цѣлію предохранить одежду отъ грязи, разрывовъ, скораго износа, во всякое рабочее время Пермякъ носитъ еще, сверхъ рубашки, шабура, понитка, зипуна, полушубка, такъ называемый *запонъ*,— нагрудникъ. Это своего рода рубашка, также съ рукавами, съ прорѣхой и завязками у ворота, или съ круглой дирой для головы, отличающаяся отъ настоящей рубашки тѣмъ, что во всѣхъ частяхъ шьется шире ея, длиною напереди до колѣнъ, а назади только до пояса. Запонъ шьется изъ толстаго коноплянаго бѣлаго холста.

Кромѣ случаевъ, объясненныхъ при частномъ описаніи одежды, Пермякъ выходитъ изъ дому всегда въ *опояскѣ*, даже когда на немъ одна рубашка. Пермятская опояска очень замѣчательна. Это тканецъ въ четыре аршина длиною, вершка два-три шириною, выдѣлываемый Пермячками изъ шерстяныхъ и льняныхъ нитокъ, бѣлыхъ, синихъ, коричневыхъ и черныхъ вмѣстѣ, въ перемежку въ основѣ и уткѣ. Отъ этого, не смотря на грубость матеріяловъ и работы, опояски получаются съ рѣзкими, весьма характерными узорами, разнообразными по величинѣ и фигурѣ. На опояску, къ лѣвому боку, Пермякъ привязываетъ нехитрой работы деревянныя *ножны съ небольшимъ ножемъ*. Ножны съ ножемъ на опояскѣ и огниво на поясѣ — такія принадлежности костюма, безъ которыхъ Пермякъ не выходитъ изъ дому, даже въ гости къ сосѣду. Конечно этотъ обычай остался у Пермяковъ отъ ихъ древняго быта, когда они были по преимуществу звѣроловами. Обрусѣлые Пермяки не всегда, а нѣкоторые даже вовсе не носятъ нынѣ ноженъ съ ножемъ.

Послѣдняя принадлежность мужскаго костюма — *рукавицы* и *шубницы*, покупныя или домашней работы. Рукавицы бываютъ кониныя или бараньи; шубницы покупныя дѣлаются изъ шкуры польскихъ барановъ, домашнія — изъ шкуры овецъ туземныхъ, въ томъ и другомъ случаѣ шерстью внутрь. Домашнія шубницы сверху покрываются синимъ холстомъ или чернымъ сукномъ, а снизу, съ долони — кожей. Рукавицы носятъ въ обыкновенное и праздничное время, лѣтомъ и зимой, но въ послѣднемъ случаѣ съ варегами; шубницы употребляютъ только зимой.

2. Одежда женщинъ.

Женская *рубаха* состоитъ изъ трехъ частей: рукавовъ, наставки и становины. Рукава — изъ бѣлаго, иногда изъ пестряднаго волоконнаго или изгребнаго холста. Дѣвки щеголихи ткутъ, для рукавовъ холстъ „браный", т. е. съ разными узорами изъ красной бумажной пряжи. Не рѣдко также, „для *басы*", т. е. для украшенія, нашиваютъ на рукава „наплечья", — лоскутки изъ волоконнаго холста, вершка четыре длиной, около вершка шириной, вышитыя красными нитками. Въ послѣднее время дочери и жены зажиточныхъ крестьянъ шьютъ рукава изъ ситцевъ красныхъ цвѣтовъ и изъ бѣлаго миткаля, для большей важности называемаго здѣсь кисеей. У вседневныхъ рубашекъ рукава дѣлаются узкіе, косые, безъ всякихъ украшеній; у празд-

ничныхъ — прямые, въ одну полосу, въ видѣ мѣшка, съ борами около кисти на концѣ или отступя отъ него вершка на полтора, — чрезъ что конецъ рукава, въ послѣднемъ случаѣ, кажется убраннымъ брыжами. Наставка — это верхняя часть рубашки, отъ ворота до оконечности грудей. Только у зажиточныхъ наставка дѣлается изъ одной ткани съ рукавами; у крестьянъ средней руки, при волоконныхъ рукавахъ, она не рѣдко изгребная. Верхъ наставки, воротъ, „остебенье", узкій, плотно охватываетъ шею, обшивается холщевой оторочкой, напереди имѣетъ маленькую прорѣху. Эта прорѣха въ верхней части у дѣвичьихъ рубашекъ зашивается, а у рубашекъ замужнихъ женщинъ или застегивается запанкой или завязывается нитяннымъ шнуркомъ. Становина — нижняя часть рубашки, начиная отъ наставки: она дѣлается у зажиточныхъ изъ толстаго изгребнаго холста, у бѣдныхъ и ленивыхъ бабъ и дѣвокъ — нерѣдко изъ разныхъ обносковъ; у всѣхъ короткая, не ниже колѣнъ и узкая. Рубашка съ ситцевыми или „кисейными" рукавами, а особливо съ такой же наставкой, дорого цѣнится Пермячкой-щеголихой.

Обыкновенная одежда Пермячки — синій *дубасъ*, — косоклинный сарафанъ, рѣдко волоконный, чаще изгребный, иногда въ глухихъ деревняхъ дубленый, т. е. окрашеный сандаломъ. Только на обрусѣлыхъ дѣвкахъ и бабахъ дубасъ спускается до лодышки, на всѣхъ же прочихъ — не болѣе какъ на четверть закрываетъ колѣно. Проймы у дубаса дѣлаются всегда изъ одной матеріи со станомъ; по краямъ онѣ иногда обшиваются кумачемъ, китайкой или ситцомъ. Въ простые дни на Пермячкѣ дубасъ всегда старый, изношенный до диръ, заштопанныхъ заплатами разной величины и нерѣдко разныхъ цвѣтовъ; также у вседневнаго дубаса задъ иногда старый синій, а перёдъ новый дубленый, или обратно задъ дубленый, а передъ синій. Въ праздники надѣвается, если не новый, то малопоношенный синій дубасъ.

Весьма недавно стали появляться на нѣкоторыхъ зажиточныхъ Пермячкахъ *китайники*. Китайникъ — тоже косоклинный сарафанъ изъ голубой или зеленой китайки съ холщевою подкладкой, иногда обшитый простенькими бумажными кружевами — въ одинъ рядъ у ворота и въ два ряда вдоль груди до подола, съ проймами, отороченными кумачемъ или саржей. Китайникъ составляетъ великую роскошь и служитъ признакомъ большаго щегольства Пермячки, особенно незамужней. Невѣсты вѣнчаются всегда въ китайникахъ, бѣдныя, если не въ своихъ, то но взятыхъ на подержку у сосѣдокъ.

Но крайнюю, высшую степень щегольства и роскоши Пермячекъ составляютъ ситцевые *сарафаны*, изрѣдка встрѣчающіеся нынѣ на обрусѣлыхъ сельскихъ дѣвкахъ и на молодушкахъ [1]). Ситцевые сарафаны дѣвки заводятъ себѣ сами, на деньги, выработанныя въ повольныхъ работахъ. На сарафаны употребляются обыкновенно ситцы яркихъ красныхъ цвѣтовъ, всегда самые дешевые. При ситцовыхъ сарафанахъ носятъ рубашки съ бѣлыми миткалевыми или волоконными браными рукавами. Въ деревняхъ, удаленныхъ отъ селъ, не настала еще потребность носить сарафаны, хотя у многихъ есть къ тому средства. Деревенскую дѣвку нельзя заставить надѣть сарафанъ, котораго она стыдится и боится.

По верхъ дубаса, китайника или сарафана, Пермячки носятъ *запднъ*,—передникъ, совершенно отличный отъ мужскаго. Онъ имѣетъ форму четыреугольника около аршина длиною, въ одну полосу холста шириною, съ оторочкой и завязками вокругъ таліи на верхнемъ краю; бываетъ „пропускной", цѣльный волоконный бѣлый или синеный, и составной, изъ синихъ обносковъ; повязывается напереди, пониже грудей. Подолъ бѣлаго волоконнаго запона дѣлается съ узорами изъ красной пряжи и съ вырѣзками. Волоконный запонъ надѣвается только по праздникамъ, а изъ обносковъ—ежедневно, въ пору стряпни и ухода за скотомъ. Кромѣ волоконнаго праздничнаго запона, почти у каждой взрослой Пермячки есть еще запонъ ситцевый ярко-краснаго цвѣту, такой-же длины какъ и волоконный и въ одну же полосу ширины. Онъ надѣвается во всѣ праздничные дни при выходѣ въ люди. Этими запонами началось употребленіе между Пермяками ситцовъ.

По всякому верхнему платью Пермячка стягивается пояскомъ, называемымъ *покромкой (покрдмъ)*, завязывая узелъ назади или на правомъ боку. Покромка ткется дома изъ тѣхъ же матеріяловъ, какъ и мужской тѣльникъ, но дѣлается шире его—пальца въ два, и длиннѣе—четвертей въ двѣнадцать-четырнадцать. На поясѣ сзади у Пермячки виситъ всегда ключъ отъ коробки съ имуществомъ.

Всегдашній домашній головной уборъ замужней Пермячки есть *шамшура*, покупная или своей работы, изъ кумача или изъ желтой саржи. Это особой формы повойникъ или чепецъ. Задняя поверхность шамшуры покупной бываетъ испещрена узорами

[1]) *Молодушками* называются недавно вышедшія замужъ.

изъ крупнаго бисера или стекляруса, а домашней работы — вышита также фигурно — по саржѣ синими, по кумачу бѣлыми нитками. Пермячка не оставляетъ шамшуру ни на шагъ отъ себя; она всегда съ ней — и днемъ и ночью, и на работѣ и въ постелѣ.

При выходѣ изъ дому въ церковь, въ гости, въ поле, на работу, Пермячки замужнія по шамшурѣ повязываютъ всегда голову *холщевымъ платкомъ* своего издѣлія или бумажнымъ покупнымъ. Платокъ домашней работы есть ни что иное, какъ бѣлая волоконная холстина отъ одного до полутора аршинъ въ квадратѣ, бумажный покупный — всегда красный, обыкновенно очень дешевый. Въ глухихъ деревняхъ бумажный платокъ большая рѣдкость; два-три такихъ платка даютъ взрослой дѣвкѣ названіе щеголихи-невѣсты. Дома, въ зимнюю пору, выходя по хозяйственной нуждѣ на улицу, Пермячка повязываетъ голову, вмѣсто платка, грязными обносками дубаса или другими черными тряпками. Платки — покупный и волоконный своедѣльный — носятъ иногда и на шеѣ, но никогда дома, въ избѣ, а только при выходѣ въ люди.

Невѣсты, идущія къ вѣнцу, и замужнія женщины, въ большіе праздники, накрываютъ голову *шелковой фатой*. У весьма не многихъ, дочерей зажиточныхъ Пермяковъ, есть *головныя ленты*, столь обыкновенныя у русскихъ дѣвушекъ.

Дѣвицы-невѣсты и жены богатыхъ крестьянъ носятъ на шеѣ или поверхъ платка и шамшуры на головѣ, не дорогія, цвѣтомъ красныя или желтыя *шерстяныя шали*. При этомъ надо замѣтить: платки и шали Пермячки носятъ на головѣ нѣсколько отлично отъ окрестныхъ русскихъ. Ими онѣ закрываютъ только заднюю часть головы, два конца опускаютъ внизъ по шеѣ и, обернувъ кругъ нея, связываютъ ихъ назади, по спущенному третьему концу треугольникомъ сложеннаго платка. Маленькіе бумажные платки дѣвки также накидываютъ на заднюю часть головы, но только концы связываютъ напереди подобно русскимъ. Иногда бабы-щеголихи, въ праздники, дома носятъ платки такъ: складываютъ ихъ узко, не шире четверти, и, положивъ наверхъ головы, завязываютъ концы назади, какъ дѣвки ленту, оставляя открытою заднюю, украшенную стеклярусомъ, поверхность шамшуры.

Старухи-Пермячки, вмѣсто платка или шали, носятъ на головѣ *полотенца* съ узорчатыми концами, завязывая ихъ также какъ платки.

У каждой Пермячки, отправляющейся въ церковь или въ гости, непремѣнно бываетъ въ рукахъ *ширинка*, — это бѣлая волоконная холстина, въ аршинъ или два длиною, въ поларшина шириною, всегда браная, иногда кромѣ того украшенная фигурными вышивками изъ бумажныхъ красныхъ нитокъ.

Зимой, о праздникахъ, Пермячки носятъ на рукахъ *исподни*, *перчатки* и *шубницы*, домашняго издѣлія. Исподки и перчатки вяжутся изъ бѣлой и черной овечьей шерсти, первыя однопалыя, а вторыя — пятипалыя; шубницы — овчинныя рукавицы, какъ и мужскія, шерстью внутрь, — покрыты съ ладони кожей, сверху домашнимъ сукномъ, китайкой, или синенымъ волоконнымъ холстомъ. Для лѣта, разумѣется, странно видѣть женщину въ легкомъ праздничномъ нарядѣ, иногда довольно порядочномъ — и въ шубницахъ, — какъ не рѣдко дѣлаютъ бабы, за неимѣніемъ перчатокъ; но таковъ обычай, такова — мода! Великое дѣло — свой вкусъ!

Принадлежности обуви и самая обувь Пермячекъ суть: *онучи*, *пáгаленки*, *чулки*, *лапти*, *пимы*, *коты* и *башмаки*. Женскія онучи и пáгаленки ни чѣмъ не отличаются отъ мужскихъ и употребляются также въ холодную и ненастную погоду при выходѣ на работу; въ теплую же и хорошую погоду Пермячки ходятъ на босую ногу. Для простой, будничной поры, зимой шьются чулки изъ чернаго домашняго сукна, для праздничной, зимой и лѣтомъ, изъ синяго своедѣльнаго, или же покупаются вязаные, также синіе, отъ русскихъ торгашей. У немногихъ сельскихъ щеголихъ, дочерей и женъ зажиточныхъ мужиковъ, встрѣчаются праздничные чулки, вязаные изъ льняныхъ крученыхъ нитокъ, „бѣлёвые“. Женскіе лапти всегда съ опушнями и красными поясками (*вонь*). Пояски ткутся дѣвками Пермячками изъ окрашеной мареною пряжи. Ими, во время свадьбы, невѣсты дарятъ всѣхъ, кого случится. Пимы носятъ Пермячки зимой въ дорогахъ и на дальнихъ домашнихъ работахъ. Они имѣютъ обыкновенную извѣстную форму, валяются Пермяками-ремесленниками изъ бѣлой или черной овечьей шерсти. Коты и башмаки — обувь праздничная, встрѣчаемая не вездѣ и не на всѣхъ Пермячкахъ: ихъ носятъ только дочери и жены зажиточныхъ сельскихъ мужиковъ. Дѣвки предпочитаютъ башмаки, а бабы коты. И коты и башмаки покупаются на базарахъ. Коты совершенно сходны съ мужскими. Башмаки бываютъ всегда глубокіе, иногда съ каблуками, подбитыми бляхами въ формѣ подковъ. Башмаки съ бляхами носятъ исключительно одни дѣвки-щеголихи

изъ желанія больше нравиться стукомъ каблуковъ въ плясках на игрищахъ.

Лѣтомъ Пермячки выходятъ со двора въ *шабурахъ*, большею частію на распашку, рѣдко опоясавшись. Женскій шабуръ сходенъ съ мужскимъ, но отличается тѣмъ, что у него назади больше борòвъ, бываетъ короче, не ниже колѣна, напереди застегивается одной-двумя пуговицами или завязывается нитяными завязками.

Зимой шабуръ замѣняется обыкновенно *зипуномъ*, точно такимъ же какъ и мужской. Новый синій зипунъ (иначе *кафтанъ*) въ большемъ почетѣ у бабъ и дѣвокъ. Носятъ зипунъ всегда съ опояской.

Жены зажиточныхъ Пермяковъ, зимой о праздникахъ, на свадьбахъ, носятъ еще *шубы*. Онѣ бываютъ длиною ниже колѣнъ, безъ воротниковъ, сверху всегда крытыя китайкой или синимъ волоконнымъ холстомъ. По шубѣ обыкновенно опоясываются.

На домашнія работы Пермячки выходятъ большею частію въ мужскихъ старыхъ шабурахъ, тяжелкахъ, полушубкахъ.

Женская *опояска* такая же какъ и мужская, но всегда тоньше и лучше сдѣлана.

Пермячки, особенно дѣвки, имѣютъ большое пристрастіе къ *ожерельямъ* или *бусамъ*, *серьгамъ*, *кольцамъ*, *перстнямъ* и *ленточькамъ*. Всѣми этими вещами они украшаются о праздникахъ, на помочахъ и свадьбахъ, а нѣкоторыми напримѣръ: кольцами и серьгами, и въ простые дни. Ожерелье Пермячки составляютъ двѣ-три, много четыре нитки крупнаго бисера или простенькаго стекляруса. Оно чаще встрѣчается на дѣвкахъ, рѣдко на замужнихъ. Серьги бываютъ мѣдныя или оловянныя, иногда со стеклянными подвѣсками. Ихъ начинаютъ носить съ-измала. Кольца и перстни — мѣдные и оловянные, послѣдніе со стеклянными вставками. Ими украшаются дѣвки, а иногда и парни, съ пятнадцати, шестнадцати лѣтъ. Щеголихи и щеголи надѣваютъ по двѣ, по три штуки на руку, преимущественно на лѣвую. Страсть къ кольцамъ и перстнямъ у мущинъ и женщинъ продолжается лѣтъ до сорока. Ленточьки шелковыя, красныя и голубыя, всегда очень узкія, дѣвки начинаютъ носить со вступленіемъ въ возрастъ невѣстъ. Пермячки уважаютъ въ ленточкахъ не доброту, а яркость красокъ и узоровъ, потому и носятъ ленточки всегда очень дешевыя.

3) Замѣчанія объ одеждѣ дѣтей.

Дѣти обоего пола, пока въ колыбели, у бѣдныхъ родителей даже до двухъ-лѣтняго возраста, не носятъ рубашекъ; въ колыбели они обвертываются и покрываются тѣми же тряпками, которыя составляютъ вмѣстѣ ихъ постель и покрывало. *Рубашка* надѣвается на дѣтей тогда только, когда матери приносятъ ихъ въ церковь. Съ двухъ лѣтъ у бѣдныхъ, и нѣсколько ранѣе у зажиточныхъ родителей, дѣтей начинаютъ постоянно одѣвать въ рубашки, въ которыхъ онѣ часто ходятъ безъ пояса. Это продолжается до восьми и десятилѣтняго возраста. У бѣдныхъ дѣтскія рубашки приготовляются изъ разныхъ худыхъ обносковъ, едва держащихся на ниткахъ, — отчего зачастую мальчики и дѣвочки ходятъ полунагіе; у зажиточныхъ рубашка мальчика дѣлается изъ бѣлаго изгребнаго холста или изъ поношеныхъ отцовскихъ синихъ и пестрядныхъ рубашекъ; рубашка дѣвочки — также изгребная съ бѣлыми или синими волоконными, а иногда и ситцевыми рукавами. Съ восьми или десяти лѣтъ мальчики начинаютъ носить *порты*, а дѣвочки *дубасы*. До этого, т. е. восьми или десятилѣтняго возраста, дѣти пользуются верхней одеждой и обувью отцовской и материнской; достигнувъ же восьми и десяти лѣтъ, имѣютъ уже свои *зипуны* и *лапти*. Такъ идетъ до четырнадцати и шестнадцати лѣтъ. По достиженіи этихъ лѣтъ, на дѣтяхъ мало-по-малу появляется прочая одежда и обувь, носимая взрослыми Пермяками.

Такъ одѣваются и обуваются Пермяки въ разныхъ возрастахъ и обстоятельствахъ жизни. Ихъ одежда и обувь, какъ видно изъ представленнаго описанія, не сложны, не пестры, не замысловаты, не дороги, и большею частію приготовляются дома. Въ мужской одеждѣ преобладаютъ главнымъ образомъ три цвѣта — синій, бѣлый и черный, а въ женской — синій, бѣлый, отчасти красный и черный. Каждую новую одежду и обувь Пермяки, какъ и Русскіе, носятъ сначала изрѣдка, бережливо, больше „при выходѣ въ люди"; а когда она порядочно поустарѣетъ, поизотрется, начинаютъ употреблять вседневно и носятъ до послѣдней крайности, не торопясь замѣнить другою, новою. Общій характеръ вседневной одежды и обуви таковъ, что наружность Пермяка и Пермячки, не только ничего не выигрываетъ отъ нихъ, напротивъ еще больше теряетъ: они по природѣ мало красивы, а одежда и обувь вовсе обезо-

траживаютъ ихъ. Пермячка пожилая, не приглядной наружности, въ дубленомъ заплатномъ дубасѣ, въ грязномъ оборванномъ платкѣ, въ лаптяхъ, просто отвратительна.

II. ПИЩА И ПИТЬЕ.

А. Пища.

Главная пища Пермяка есть *хлѣбъ*, приготовляемый въ разныхъ видахъ — изъ ячменя, нерѣдко смѣшаннаго, еще до размола, съ овсомъ, — иногда изъ ржи и пшеницы. Пермякъ, не вовсе бѣдный, ѣстъ хлѣбъ больше чисто ячменный, ячный; крайній бѣднякъ — ячмено-овсяный; зажиточный — ячменный, ржаной и изрѣдка, по праздникамъ — пшеничный. Мука на хлѣбъ большею частію просѣвается рѣшетомъ или рѣдкимъ ситомъ; отъ того пермятскій хлѣбъ ячно-овсяный бываетъ болѣе или менѣе мякинистъ, колючь и неудобо-снѣдаемъ, ржаной и пшеничный — черенъ, грубъ. Виды хлѣба: ржанаго — *челпанъ*, ячнаго — *ярушникъ*, *мусни́къ*, *тупöськи*, *шаньги* (*ватрушки*) и *блины*, пшеничнаго — *калачи*. Челпанъ — тоже, что русская маленькая коврижка, вѣсомъ около двухъ фунтовъ. Ярушникъ — продолговатый овальный хлѣбъ, вершковъ шести длиною, четырехъ шириною, и одного толщиною въ срединѣ. Мусникъ (мучный пирогъ) формой сходенъ съ ярушникомъ, но бываетъ меньше и дѣлается на сочнѣ, остроконечный въ родѣ открытаго пирога, и въ скоромные дни сверху масленится. Тупöськи (*тупöсь*) подобны русскимъ оладьямъ, — отличаются же отъ нихъ большею величиною, не жарятся, а пекутся съ коровьимъ масломъ на сковородкѣ. Шаньги — довольно толстые сочни, вершковъ четырехъ-пяти въ діаметрѣ съ крупяной или творожной „наливкой", т. е. начинкой. Блины — толстые сочни, жаримые на сковородкѣ въ коровьемъ маслѣ. Калачи — такіе же круглые хлѣбы „булки", какіе извѣстны подъ этимъ названіемъ у Русскихъ. Въ рождественскій и крещенскій сочельники пекутъ еще *сочни* — изъ ячной муки съ конопляным сѣменемъ. Иногда, въ праздники и заговѣнья, на тонкихъ сочняхъ готовятъ *кулики* съ творожной, сырной и картофельной „наливкой".

Скоромная пища у Пермяковъ, хотя и не у всѣхъ, довольно разнообразна.

На первомъ планѣ стоятъ *скоромныя щи*. Существенные элементы ихъ — вода, толстая ячменная крупа и свиное сало съ мясомъ. Въ чугунку или въ горшокъ, сообразно величинѣ семейства, вливается четверть или полведра воды, сыплется горсть или двѣ — крупы и, по вскипяченіи воды, до развара крупы, кладется порядочный кусокъ свинаго сала съ мясомъ. Приварокъ этотъ снова кипятится до тѣхъ поръ, пока распустится сало. Этимъ оканчивается процессъ приготовленія щей. Въ такомъ видѣ готовятъ щи во всѣ скоромные дни Пермяки средняго состоянія; бѣдняки же наслаждаются такими щами только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Но зажиточные Пермяки постоянно варятъ щи съ коровьимъ мясомъ, съ бараниной или козлятиной. Зимой коровье мясо (говядина) и мясо свиное (окорокъ, свинина) употребляются свѣжаго колотья, лѣтомъ—вяленыя, т. е. засоленыя и высушеныя на вольномъ воздухѣ. Мясо вялятъ съ весны предъ Пасхой въ количествѣ, достаточномъ на все лѣто. Щи съ мясомъ всегда очень сальны и черны.

Съ Ильина дня (20 іюля)—дня освященія барановъ (см. Праздники), — рѣдко раньше, поступаетъ на столъ *баранина*, а у нѣкоторыхъ, охотниковъ — *заячье мясо*. Съ Октября начинаютъ колоть для пищи *козловъ*. Съ Рождества до масляницы число блюдъ увеличивается *свининой*, *окороками*. Всѣ эти мяса обыкновенно пекутся на сковородкахъ или глиняныхъ ла̀ткахъ. Баранина и козлятина чаще употребляются какъ жаркое, а свинина — какъ холодное — съ уксусомъ. Онѣ приготовляются рѣдко для себя, но большею частію для угощенія гостей, и въ рабочее время — для помочанъ и наемныхъ работниковъ.

У Пермяка мало-мальски исправнаго, да если къ тому онъ еще охотникъ, почти всегда есть въ запасѣ „*птица*" либо домашняя, либо лѣсная: куры обыкновенныя, индѣйки, гуси, рябчики, тетерева, глухари и косачи. Пермякъ рѣдко продаетъ птицу, но преимущественно ѣстъ ее самъ по праздникамъ и подчуетъ ею званыхъ и незваныхъ гостей, — послѣднихъ впрочемъ только тогда, когда они люди нужные или имѣютъ на него вліяніе. Чаще всего птица употребляется печеная, весьма рѣдко жареная. Между прочимъ замѣчателенъ пермятскій способъ приготовленія впрокъ рябчиковъ. Для этой цѣли рябчиковъ осенней ловли, осоливъ крѣпко, привѣшиваютъ подъ кровлю, на свободный воздухъ, гдѣ и оставляютъ ихъ, пока они совершенно высохнутъ, часто столь сильно, что едва уступаютъ

ножу и зубамъ. Такіе рябчики, безъ значительнаго поврежденія, сохраняются около года. Ѣдятъ ихъ сухими и распаренными во щахъ. Вяленые рябчики не имѣютъ своего природнаго вкуса; но, по излишней сухости и солености, походятъ болѣе на соленую сухую судачину.

Лѣтомъ весьма употребительная пища у Пермяковъ всѣхъ состояній есть *коровье молоко*. Оно употребляется всегда прѣсное; сквашеное же, кислое и въ видѣ вареника Пермякамъ почти неизвѣстно. Въ лѣтнюю пору у зажиточныхъ Пермяковъ, изъ остающагося безъ употребленія молока, получаются смѣтана и творогъ, а изъ смѣтаны — обыкновенное русское масло. Въ Петровъ постъ, въ іюнѣ, изъ творога дѣлаются *сырья*, въ основаніи четверть въ квадратѣ, въ толщину одинъ вершокъ. Подсоливъ творогъ и выжавъ изъ него сыворотку, получаютъ сырья, которые сушатъ потомъ на вольномъ воздухѣ предъ волоковыми окошками, — что продолжается во все лѣто. О Рождествѣ, масляницѣ, въ заговѣнья и розговѣнья, изъ сырьевъ „стряпаютъ" кулики и пироги, весьма любимыя Пермяками лакомыя кушанья. Бѣдняки, отягощенные большимъ количествомъ малолѣтныхъ дѣтей и не всегда имѣющіе дойныхъ коровъ, держатъ вмѣсто ихъ козъ, молоко которыхъ даютъ въ пищу дѣтямъ.

Съ Пасхи и до Филипова поста у Пермяковъ въ большомъ употребленіи *яйца* домашнихъ куръ. Отправляется ли Пермякъ въ дорогу или на дальную работу, въ поле, въ лѣсъ, — онъ беретъ съ собой хлѣбъ, соль, лукъ и яйца; нужно ли Пермяку сытнѣе, лакомѣе отподчивать гостей, помочанъ, онъ сверхъ другихъ кушаньевъ, угощаетъ ихъ яйцами. Яйца употребляются печеныя, въ видѣ яичницы и селянки. Печеныя яйца, мелко искрошенныя, хлѣбаютъ съ *квасиной*. Для *яичницы* и *селянки* сбиваютъ яйца съ прѣснымъ молокомъ и пекутъ въ вольномъ жару, яичницу — въ глубокой латкѣ, селянку на сковородѣ. Эти два кушанья у Пермяковъ подаютъ на столъ всегда холодныя, а не горячія, какъ у Русскихъ.

Зажиточные вседневно, а не богатые только о праздникахъ и для угощенія помочанъ, готовятъ *кашу*. Она дѣлается на молокѣ изъ ячменной или овсяной (запарной) крупы.

Надобно при этомъ замѣтить, что кушанья, въ составъ которыхъ идетъ молоко, Пермяки приготовляютъ только лѣтомъ, потому что зимой коровы ихъ не доятъ.

Собственно народное кушанье Пермяковъ есть *пельняни (пель-*

ухо, *нянь*-хлѣбъ, — хлѣбное ухо). Они дѣлаются изъ очень небольшихъ, круглыхъ ячныхъ сочней и свинаго, разведеннаго водой, фарша. На такой сочень кладется полложки фарша. Сочень перегибается и защипывается по краямъ. Получается пирожокъ, который съ прямаго края выгибается дугой на большомъ пальцѣ, отъ чего первоначальная форма его — правильный полукругъ — измѣняется въ другую, схожую съ ухомъ человѣка. Для употребленія, пельняни варятъ въ водѣ. Пельняни весьма уважаются Пермяками и готовятся только въ важныхъ случаяхъ: для невѣсты, зазванной въ гости, для знатныхъ гостей, въ поминальные дни, во всѣ розговѣнья и заговѣнья. Ихъ „стряпаютъ" всегда по утру, къ пермятскому обѣду; на столъ подаютъ всегда на небольшихъ, неприглядныхъ дощечкахъ или покрышкахъ; ѣдятъ руками, безъ уксуса. У Русскихъ, живущихъ въ Пермской губерніи, дѣланіе пельняней значительно усовершенствовано, — и пельняни, при этомъ усовершенствованіи, дѣйствительно составляютъ очень пріятное кушанье, разумѣется для привыкшихъ.

Не менѣе разнообразна пермятская *постная пища*.

Весной самое обыкновенное постное блюдо — *пиканы*. Это трава, растущая на покосахъ, съ пустымъ дудчатымъ стеблемъ, съ перистыми листьями, съ зонтичными цвѣтками. Ее собираютъ для употребленія, когда она еще очень молода. Сборомъ занимаются Пермячки по воскреснымъ днямъ, отправляясь на покосы партіями, изъ каждаго семейства по два, по три человѣка. Ихъ дѣло—столько набрать пикановъ за разъ, чтобы собраннаго количества было достаточно на недѣлю. Пиканы поступаютъ въ пищу вареные въ водѣ, въ двухъ видахъ: или, сваривъ ихъ, приносятъ на столъ горячіе, солятъ и почти цѣликомъ ѣдятъ руками, или же свареные, сначала заквашиваютъ въ отварной водѣ, потомъ мелко рубятъ и ѣдятъ холодные въ похлебкѣ, вмѣсто ботвиньи. Пиканы мало питательны, имѣютъ травянистый вкусъ и непріятный запахъ.

Весной также, въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, мальчики и дѣвочки собираютъ *пистики* (цвѣтущій полевой хвощъ), которые употребляютъ въ сыромъ видѣ, въ пирогахъ и селянкахъ.

Съ іюля до осени всѣ Пермяки въ большомъ количествѣ ѣдятъ грибы или *губы*, какъ ихъ здѣсь больше называютъ. Изъ сыроѣжекъ, или синявокъ, рыжиковъ, маслениковъ, бѣлыхъ и красныхъ грибовъ, изрѣзанныхъ мелко, варятъ съ солью въ водѣ похлебку, извѣстную у русскихъ подъ названіемъ „губницы", а у Пермяковъ подъ именемъ „*чшакэя-шидъ*", — грибныхъ щей.

Изъ болотовика, также масленика, бѣлаго и краснаго гриба, высушенныхъ въ вольномъ жару въ печи, приготовляютъ такъ называемую икру. Это дѣлаютъ такимъ образомъ: высушенные грибы распариваютъ въ горячей водѣ, рубятъ мелко съ лукомъ и поливаютъ льнянымъ масломъ. Грузди, кубышки, волвенки, желтяки, отмочивъ и вымывъ въ холодной водѣ, крѣпко солятъ и, когда они просолѣютъ, ѣдятъ или въ похлѣбкѣ съ квасиной или въ пирогахъ изъ ячной муки. Пермяки, по своей небрежности, сбираютъ грибы безъ разбору, не только здоровые, но часто и поврежденные червями; приготовляютъ ихъ въ пищу также небрежно, нечисто.

Съ осени, во всю зиму, многіе изъ порядочныхъ и всѣ зажиточные Пермяки имѣютъ и ѣдятъ обыкновенную полевую *рѣпу*. Она употребляется — сырая, въ кашѣ и въ такъ-называемыхъ „паренкахъ“. Чтобы получить паренки, накладываютъ рѣпу въ корчагу, плотно закрываютъ ее соломой и, опрокинувъ въ верхъ дномъ, ставятъ на ночь въ печь. Здѣсь рѣпа упрѣваетъ и на другой день поступаетъ въ пищу. Паренки крошатъ въ чашку *(бекöръ)* и хлебаютъ съ квасиной или сусломъ.

Пермяки любятъ *лукъ*, но разводятъ его не всѣ, да и то по немногу. Лукъ ѣдятъ сырой, съ хлѣбомъ; рѣдко употребляютъ, какъ приправу, въ пироги, въ уху, въ щи. У многихъ бѣдныхъ кусокъ хлѣба съ луковицей—единственная пища въ постные дни.

Нѣкоторые обрусѣлые и очень не многіе коренные Пермяки начинаютъ разводить рѣдьку. Ее ѣдятъ сочнями или ломтиками, посоленными и облитыми водой, и тертую, въ квасинѣ. Изъ тертой и отваренной въ водѣ рѣдьки, иногда дѣлаютъ пельняни.

Многіе сѣютъ и потомъ въ видѣ рэссады садятъ на гряды *капусту*, но такъ мало, что у рѣдкихъ достаетъ урожая на зиму. Капуста употребляется соленая и заквашеная *(азь)*, въ пластахъ и сѣченкѣ; ее ѣдятъ, „хлебаютъ“ въ квасинѣ и иногда пекутъ въ пирогахъ. Она идетъ въ приправу къ постнымъ щамъ.

Пермяки охотно ѣдятъ вареный *картофель*, но разводятъ его въ весьма маломъ количествѣ. Варятъ съ шелухой, которую очищаютъ уже за столомъ, каждый ѣдокъ про себя. Чищенный картофель подаютъ только почетнымъ гостямъ. Другаго употребленія картофеля они не знаютъ, исключая впрочемъ обрусѣлыхъ, которые изъ картофеля готовятъ иногда кашу, кулики и солянку.

Весной и лѣтомъ у рѣдкихъ, а осенью и зимой у всѣхъ Пермяковъ есть *постные щи*. Это толстая ячная, ячменная крупа, разваренная въ водѣ съ небольшимъ количествомъ соли. Что

щи весной и лѣтомъ бываютъ не у многихъ, происходитъ отъ того, что многіе, въ это время года, уже не имѣютъ ячменя.

У Пермяковъ въ большомъ употребленіи *овсяный кисель* — овсяная мука, растворенная въ водѣ, заквашенная и сваренная. Его ѣдятъ — горячій съ масломъ и холодный — съ сусломъ. Горячій кисель обыкновенно готовится къ обѣду.

Зажиточные Пермяки нерѣдко разнообразятъ свой постный столъ, сваренымъ въ водѣ *горохомъ*, что называется „горошницей". Для нихъ также нерѣдкость, вмѣсто овсянаго, кисель гороховый, готовимый, на подобіе клестера, изъ гороховой муки. Этотъ кисель составляетъ весьма лакомое блюдо Пермяковъ; онъ употребляется, какъ и овсяный, горячій и холодный, всегда съ масломъ. Весьма замѣчательно, что Пермяки, въ Рождественскій и Крещенскій сочельники, приготовляютъ особое блюдо, только этимъ двумъ днямъ свойственное. Оно состоитъ изъ гороха и толстой ячменной крупы, сваренныхъ вмѣстѣ.

По праздникамъ, а иногда и въ простые дни, зажиточные Пермяки число кушаньевъ увеличиваютъ *ухой*. Большею частію уха варится изъ сухихъ соленыхъ судаковъ, сиговъ и другой соленой рыбы. Уху изъ свѣжей рыбы, ловимой въ мѣстныхъ рѣчкахъ, готовятъ рѣдко. Уха, даже изъ судачины, почитается у Пермяковъ хорошимъ блюдомъ.

Но самое любимое постное пермятское кушанье есть рыбный *пирогъ*, приготовленный изъ соленой или свѣжей рыбы въ ржаномъ или ячномъ тѣстѣ. Вся залавливаемая въ туземныхъ рѣчкахъ рыба съѣдается въ пирогахъ. Рыбные пироги играютъ важную роль на свадьбахъ и въ Семикъ. Рыба какъ въ пироги, такъ и въ уху употребляется не очищенная отъ чешуи.

Зажиточные Пермяки, пчеловоды и не-пчеловоды, въ праздники подчиваютъ своихъ гостей *медомъ*. Его подаютъ на столъ обыкновенно, какъ десертъ, послѣ всѣхъ блюдъ и ѣдятъ съ хлѣбомъ.

Б. Питье.

Обыкновенное питье Пермяковъ составляетъ *брага*. Неимѣніе браги — великое несчастіе для Пермяка. Лишившись возможности пить брагу, Пермякъ впадаетъ въ состояніе, подобное тому, въ какомъ находится почитатель водки, когда не имѣетъ средствъ удовлетворить своей страсти. Брага приготовляется изъ „бражнаго солода", который дѣлается изъ одной части ржанаго солода и шести частей овса, по вѣсу. Брага бываетъ жидкая и

густая. Жидкая брага употребляется всегда холодная. Она замѣняетъ у Пермяковъ русскій ржаной квасъ, почему и называется иначе квасиною *(казеръ-ырӧшъ)*; получается она, когда *нáсолоду* (бражный заторъ) разводятъ бóльшимъ, противъ густой браги, количествомъ воды, или когда, послѣ полученія густой браги изъ нáсолоды, еще разводятъ ее водой во второй разъ. Первымъ способомъ приготовляютъ квасину бѣдняки, по неимѣнію въ достаткѣ „*бражнаго*" (солода), послѣднимъ зажиточные. Густая брага составляетъ постоянное питье зажиточныхъ Пермяковъ, дѣлается теплая и холодная; бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ богаче Пермякъ. Она чрезвычайно питательна: напившись густой браги, Пермякъ ѣстъ очень мало хлѣба. Отъ прибавленія хмѣля или колобка тѣста, замѣшаннаго на хлѣбномъ винѣ, брага получаетъ опьяняющее свойство, — и въ этомъ видѣ особенно уважается. На густую брагу очень много тратится овса и ржи. Если брага должна быть холодная *(кóдзитъ)*, то, послѣ процѣживанья, сквасивъ ее нѣсколько, выносятъ — лѣтомъ на ледникъ, зимой въ прохладное мѣсто, въ подполицу. Теплая брага *(шонытъ ырӧшь)* получается, если, послѣ приготовленія, ставятъ ее къ ночи на печь въ плотно завязанной корчагѣ; здѣсь она укисаетъ и становится очень крѣпкою. Ее дѣлаютъ только къ праздникамъ, къ помочамъ, къ свадьбамъ, къ поминкамъ, къ важнымъ рабочимъ днямъ, всегда хмѣльную. Оставшаяся къ другому дню и выстуженная теплая брага называется *сюремкой*. Страстные любители теплой браги, мущины и женщины, кромѣ праздниковъ, приготовляютъ ее на всякій воскресный день: по утру на шесткѣ, во время топки печи, подогрѣваютъ брагу, и съ обѣда, который бываетъ въ 9 часовъ утра, распиваютъ ее до вечера. Конечный результатъ такого наслажденія — совершенное охмѣленіе. Иногда теплую брагу дѣлаютъ съ конопляной куглиной (шелухой сѣмянъ); такая брага очень хмѣльна, или лучше, какъ выражаются Пермяки, *дурна*, потому что отъ нея, говорятъ они, „люди дурятъ"; она производитъ сильное головокруженіе. И холодную и теплую брагу пьютъ въ большомъ количествѣ, особенно въ мѣстные праздники, болѣе полуведра на человѣка въ день.

Къ праздникамъ, помочамъ, свадьбамъ, поминкамъ и другимъ болѣе или менѣе торжественнымъ днямъ, нѣкоторые зажиточные Пермяки варятъ *пиво (суръ)* изъ ржанаго солода. Густота и хмѣльность этого напитка всегда соотвѣтственны состоянію хозяина.

Пермяки-пчеловоды имѣютъ обыкновеніе угощать почетныхъ гостей напиткомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ: *ставленное*. Это—нѣчто сходное съ русскимъ медомъ. Медовые выжимки—воскъ и проч., остающіяся послѣ выточки изъ сотовъ меду, обливаютъ водой и ставятъ въ теплую печь. Оставшіяся въ выжимкахъ частицы меду распускаются и сообщаютъ водѣ сладкій вкусъ. Ослащенную такимъ образомъ воду сливаютъ, нѣсколько заквашиваютъ, прибавляютъ хмѣлю и, подъ названіемъ *ставленное*, употребляютъ этотъ напитокъ, имѣющій охмѣляющее свойство.

О большихъ праздникахъ и на свадьбахъ Пермяки пьютъ *хлѣбное вино*, которое или покупаютъ изъ кабаковъ, или, какъ еще не давно бывало, дѣлали сами. Мало-мальски исправный Пермякъ готовилъ уже такъ называемую *своедѣлку* (*курытъ-ва*-горькая вода). Многіе имѣли для этого собственную посуду и инструменты: котелъ, трубку, корчагу, трубницу, кадочку, туясъ. Своедѣлка отличалась отъ продажнаго вина большею крѣпостію и дурнымъ, пригорѣлымъ запахомъ. Доколѣ не преслѣдовали за своедѣлку, ее можно было встрѣтить у крестьянъ богатыхъ и бѣдныхъ почти во всякое время года. Замѣчательно, что у Пермяковъ, относительно своедѣлки, соблюдалась строжайшая тайна. Сосѣдъ, по злобѣ, все разсказывалъ про сосѣда, въ случаѣ ссоры съ нимъ, но никогда не выносилъ, что онъ готовитъ своедѣлку, вѣроятно потому, что самъ бывалъ виноватъ въ томъ-же самомъ.

Примѣчаніе. Кухонныя и столовыя принадлежности у Пермяковъ сходны съ таковыми-же у Русскихъ. Вотъ онѣ: 1) чугунка—отъ одной до пяти въ домѣ; 2) котелъ, одинъ или два; 3) сковорды, двѣ или три; 4) таганка одна; 5) ковшъ, *кöшъ*, сковородникъ, по одному въ домѣ, а у бѣдныхъ во все небываютъ; 6) поваренка, у рѣдкихъ желѣзная, у большинства деревянная *(даръ)*, замѣняющая ковшъ; 7) ухватъ, тоже у рѣдкихъ; 8) кочерга, желѣзная или (у бѣдныхъ) деревянная (ожегъ); 9) корчаги; 10) горшки; 11) латки; 12) кринки; 13) кадцы; 14) лоханки-троеножки; 15) ведра; 16) четки (рама, подкладываемая подъ сито на кадку, во время цѣженія браги); 17) дупельки; 18) кадули, четверухи; 19) сочельницы; 20) пирожники; 21) лопата для сажанья въ печь хлѣба; 22) ступа съ пестомъ; 23) лотокъ; 24) сито; 25) рѣшето; 26) сѣльница; 27) квашенка; 28) мутовка; 29) коромысла водоносное и платяное, для ношенія на рѣку бѣлья; 30) чашки, ложки, блюда, тарелки, всегда деревянныя; 31) солонки берестянныя, плетеныя, или деревянныя, въ видѣ ящичка; 32) ножи желѣзные; 33) вилки деревянныя, иногда желѣзныя и

мѣдныя; 34) жбаны деревянные; 35) туяски берестянные (бураки); 36) бокалы деревянные; 37) стаканы стеклянные, мѣдные, оловянные и жестяные; 38) рюмки стеклянныя, — по одной и много по двѣ въ домѣ.

III. ПРАЗДНИКИ И ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ПРОСТЫЕ ДНИ.

Царскіе праздничные дни для Пермяковъ не существуютъ; церковные и въ честь великихъ святыхъ угодниковъ признаются и почитаются не всѣ. Изъ церковныхъ праздниковъ самые величайшіе — Пасха, Рождество Христово и другіе — уважаются Пермяками, какъ простые воскресные дни; напротивъ, считаются важнѣйшими: Семикъ, день поминовенія усопшихъ, въ четвертокъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи; Покровскія субботы, иначе широкія субботы празднуемыя три дня, начиная съ субботы предъ Покровомъ, и Масляница — четыре послѣдніе дня сырной недѣли. Воскресные дни потому только считаются выше простыхъ дней недѣли, что въ простые дни надобно работать, а въ воскресенье, не работая, можно пить брагу и лежать на полатяхъ.

А. Праздники.

Признаваемые Пермяками праздники можно раздѣлить на общіе и частные.

Праздники общіе — тѣ, которые почитаются и празднуются повсемѣстно, всѣми Пермяками и окрестными Русскими. Они суть: Василія Великаго (1-го января); Святаго Власія, *Свято-Власія* (11 февраля); Пророка Иліи (20 іюля); Флора и Лавра (18-го августа); Маріи Голиндухи (въ послѣднее воскресенье предъ Покровомъ); великой мученицы Анастасіи (29-го октября). Пермяки празднуютъ этимъ святымъ, какъ покровителямъ разныхъ домашнихъ животныхъ, называя: Василія — богомъ свиней, Власія — коровъ, Илію — барановъ и козлятъ, Флора и Лавра — лошадей, Марію Голиндуху — куръ, Анастасію — овецъ и козъ. Канунъ Новаго года, или Васильевъ вечеръ; Крещенскій сочельникъ; Богоявленіе Господне (Крещеніе); Масляница; Сборное воскресенье (недѣля Православія); Конона Градаря

(5 марта); Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы; Великій четвертокъ; первый день Пасхи; Радоница (радольница); Семикъ и Троицкая суббота (дни поминовенія усопшихъ); Троицынъ и Духовъ дни; Петра и Павла (29 іюня); Ильинская пятница; Первый Спасъ (1-го августа); Происхожденіе древа Честнаго Креста; Преображеніе Господне; Средній Спасъ (6 августа); Покровская суббота или Покровскія *широкія* субботы; Дмитріевская суббота—день поминовенія усопшихъ; Рождественскій сочельникъ; Рождество Христово.

Праздники частные суть тѣ, которые отправляются при церквахъ и часовняхъ въ честь святыхъ, во имя которыхъ построены тѣ церкви и часовни, и празднуются только одними прихожанами, какъ Русскими, такъ и Пермяками. Этихъ праздниковъ почти столько, сколько церквей и часовень въ окрестныхъ селеніяхъ.

Въ нѣкоторые общіе и во всѣ частные праздники, у всѣхъ Пермяковъ, послѣ „стряпни", хозяйка моетъ столъ и накрывъ его скатертью *(пызанъ-дора)*, т. е. простой небольшой холстиной или вѣрнѣе тряпкой,—ставитъ на него всѣ приготовленныя кушанья и питья. Хозяинъ дома затепливаетъ свѣчку предъ иконами, а если онъ зажиточный, то окуриваетъ еще иконы ладономъ. Всѣ старшіе становятся среди избы и нѣсколько минутъ молятся Богу. Послѣ молитвы, хозяйка снимаетъ и уноситъ кушанья, кромѣ хлѣба, соли и браги, которые остаются на столѣ. Въ девятомъ или десятомъ часу утра садятся обѣдать, и кушанья подаются на столъ снова, заведеннымъ порядкомъ. Хозяйка *(стряпка)* ни въ праздники, ни въ будни за столъ не садится; она довольствуется остатками отъ стола и обѣдаетъ большею частію въ кути, стоя предъ челомъ печи, у залавка. Съ ней иногда обѣдаютъ дѣти, непомѣстившіяся за столъ. Этимъ обыкновеніемъ буквально оправдывается у Пермяковъ пословица: *стряпка съ пальцевъ сыта.*

Это обѣдъ домашній, безъ гостей, а если ожидаются гости,—что бываетъ въ престольные праздники и о масляницѣ,—то обѣдъ отлагается до прибытія гостей и сопровождается нѣкоторыми особенностями. Гости суть ближніе родственники, сосѣди и знакомые *друго-деревенцы;* они обыкновенно приходятъ не по приглашенію, а по обычаю, сами собой. Но при этомъ изъ сосѣдей и друго-деревенцевъ большею частію приходятъ только тѣ, которые знаютъ, что они почему-либо необходимы для домохозяна, или же тѣ, у которыхъ онъ самъ былъ и угощался въ предшествовавшій праздникъ, или же наконецъ тѣ, которые имѣютъ возможность

отпотчивать домохозяина въ свой слѣдующій за тѣмъ праздникъ. Эти три условія строго соблюдаются между Пермяками: если придетъ въ гости хотя и знакомый человѣкъ, да ненужный хозяину, или такой, у котораго хозяинъ небывалъ и быть не надѣется на угощеніи, то его за столъ не посадятъ. Выводъ изъ этого тотъ, что Пермяки только хлѣбосольны, но не гостепріимны. Гости сбираются весьма разновременно, оттого подчуютъ ихъ партіями, по нѣскольку человѣкъ. Когда сберется въ домъ человѣкъ до пяти, которыхъ слѣдуетъ подчивать, тотчасъ хозяинъ беретъ ковшъ съ водой и „рукотерникъ“, подходитъ поодиночкѣ къ каждому изъ гостей и приглашаетъ „побѣлить“ руки, т. е. умыть руки; потомъ уже всѣхъ усаживаетъ за столъ. Гости, нестоющіе угощенія, обыкновенно остаются у порога, подъ полатями, на лавкѣ. Вмѣстѣ съ гостями, для приготовленія и пробованія кушаній, садятся за столъ—съ мущинами хозяинъ, съ женщинами—хозяйка, и начинается обѣдъ. Гости ѣдятъ медленно, съ чрезвычайно-смѣшною важностію. Всякій гость беретъ вновь поданнаго кушанья только тогда, когда сами хозяинъ или хозяйка попробуютъ его, поклонятся гостямъ и попросятъ ѣсть: „*сёй же, сёй*“, т. е. ѣшь же ѣшь! Передъ всякимъ блюдомъ идетъ круговая подача браги и пива, всѣмъ гостямъ, „застольникамъ“ и „позастольникамъ“. Каждая подача начинается тѣмъ, что подносящій кланяется гостямъ, наливаетъ стаканъ и пробуетъ изъ него самъ; это необходимо, потому что иначе ни одинъ гость не приметъ стакана, изъ опасенія колдовства и порчи, потомъ хозяинъ дополняетъ стаканъ снова и подчуетъ гостей, начиная со старшихъ. Всякой гость пьетъ поднесенный стаканъ или чашку весьма медленно, съ большимъ чванствомъ, въ нѣсколько чрезвычайно-малыхъ пріемовъ, и послѣ каждаго пріема дѣлаетъ видъ, что онъ не хочетъ пить, доволенъ, — отдаетъ стаканъ подающему, кланяется и говоритъ: „*огв, огв, ме огв*“; или: „*бось же, бось*“, т. е. не пью, не пью, не хочу, или: возми же возми; но подающій, зная по опыту, что это обычная отговорка, не принимаетъ стакана, легонько отводитъ его рукой и, кланяясь, говоритъ: „*ю, ю*“, или: „*ю, же ю*“, т. е. пей, пей, или пей же пей. Въ этой игрѣ — съ одной стороны отнѣкиванья, съ другой—настойчивости, игрѣ весьма скучной и утомительной, проходитъ по двѣ, по три минуты; хозяинъ повторяетъ просьбу, гость отказъ, со взаимными поклонами, пять, шесть разъ и больше. Питья подносятъ почти всегда хозяйки: старшія—гостямъ за столомъ, младшія—гостямъ не посаженнымъ

за столъ; рѣдко подносятъ питья сами хозяева, развѣ только пиво и вино однимъ почетнымъ гостямъ. Обѣдъ продолжается обыкновенно около часа. Отподчивавъ первую партію гостей, садятъ за столъ вторую, потомъ третью, четвертую и даже пятую,—что бываетъ уже часовъ въ девять вечера. Нѣкоторые гости, прежде чѣмъ придутъ къ иному хозяину, успѣютъ уже побывать во многихъ другихъ домахъ, посидѣть за нѣсколькими обѣдами,—потому приходятъ къ нему, наполненные и переполненные всякими питьями и яствами. Такіе гости садятся за столъ неохотно, всегда послѣ многихъ просьбъ и низкихъ поклоновъ.

Изъ числа общихъ праздничныхъ дней отличаются нѣкоторыми особенностями слѣдующіе:

Васильевъ вечеръ. Къ этому вечеру въ каждомъ домѣ приготовляются пиво, теплая и холодная брага; кромѣ другихъ кушаньевъ, еще непремѣнно зажариваются кишки свиныя и другихъ животныхъ, начиненныя ячной крупой съ фаршемъ изъ осердья и почекъ; пекутся головы и ноги свиныя и овечьи. Вечеромъ въ этотъ день, вскорѣ послѣ заката солнца, хозяева съ домочадцами парятся въ банѣ, по заведенному обычаю, мужеской и женской полъ отдѣльно. Когда переходитъ въ баню все семейство, тогда старшая хозяйка накрываетъ столъ и ставитъ на него всѣ приготовленныя по утру питья и кушанья; изъ числа послѣднихъ, свиныя и овечьи головы и ноги подаютъ непремѣнно не въ видѣ студени, а цѣльныя, для того чтобы свиньи и овцы родились и „велись" крупнѣе. Хозяинъ затепливаетъ передъ иконами свѣчку. Всѣ молятся Богу. По окончаніи молитвы хозяйка относитъ кушанья и питья обратно въ куть. Спустя нѣсколько времени садятся ужинать; кушанья подаются снова. Послѣ ужина, хозяинъ велитъ хозяйкѣ подмѣсти въ избѣ полъ, а самъ, взявъ со стола кости отъ свиныхъ и овечьихъ ногъ, идетъ съ ними въ хлѣвъ, гдѣ раскладываетъ ихъ по тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ обыкновенно спятъ свиньи и овцы, на тотъ конецъ, чтобы эти животныя были плодовитѣе и здоровѣе. Возвратясь въ избу, онъ выдвигаетъ изъ передняго угла столъ и приказываетъ дѣтямъ, а если ихъ нѣтъ, то взрослымъ семьянамъ, искать на полу, подъ столомъ, хлѣбныя зерна. Ихъ ищутъ, ползая вокругъ стола и „рюхая", т. е. хрюкая по свинячьи. Найденное полное зерно какого-либо хлѣба принимается за признакъ урожая того хлѣба въ предстоящее лѣто; тощее зерно, а также если не найдется ни какого зерна, считается предзна-

менованіемъ лѣта неурожайнаго. Во время отыскиванія зеренъ старшая хозяйка три раза „ѣздитъ кругомъ дома“ на кочергѣ или ожегѣ, прося св. Василія, чтобы Новый годъ былъ счастливъ да благополученъ. Послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, молодыя дѣвки и парни сбираются въ одну какую-нибудь избу, гдѣ пляшутъ и играютъ до утра. Въ этотъ вечеръ дѣвки ворожатъ, подобно окрестнымъ русскимъ. Въ послѣдніе годы обычай отыскивать зерна и ѣздить кругомъ дома выполняется уже въ весьма немногихъ домахъ, и то одними дѣтьми, для шутки.

Васильевъ день. Въ часовню, въ которой празднуется этотъ день, приносятъ колотыхъ поросятъ и свиней, надъ которыми служатъ молебны, чтобы свиньи были плодовитѣе и не урочились. Въ этотъ день мужики не работаютъ, но съ утра до вечера ходятъ изъ избы въ избу „бражничать“, пить теплую брагу и пиво; по вечеру дѣвки и молодые парни собираются въ какой-либо домъ играть и плясать. Прежде въ этотъ день составлялись „братчины“. (Смотри: Игры).

Крещенскій сочельникъ. Для обѣда стряпаютъ ячные сочни, съ конопляннымъ сѣмянемъ, варятъ въ двухъ горшкахъ горошницу, въ одномъ съ ячной крупой. Сочни дѣлаются не для одной ѣды: съ ними дѣвки-невѣсты поутру бѣгаютъ на улицу гадать—выйдутъ ли онѣ въ предстоящій годъ замужъ? Если попадется имъ на встрѣчу мущина, то дѣвку выдадутъ, а если женщина, то нѣтъ. При этомъ еще примѣчаютъ, какой цвѣтъ волосъ на головѣ у встрѣтившагося мущины, того цвѣту волосы будутъ и у жениха. Въ этотъ день не кормятъ курицъ и старухи ничего не ѣдятъ „до появленія звѣзды“; первое дѣлается, вѣроятно, для того, чтобы курицы были здоровѣе и больше носили яицъ, а второе—для спасенія души. Сочельникъ считается обыкновеннымъ рабочимъ днемъ.

Крещеніе. Мущины, женщины и дѣти, ближайшіе къ церквамъ, въ значительномъ числѣ собираются въ этотъ праздникъ въ церкви, но еще въ большемъ числѣ съѣзжаются на верховыхъ лошадяхъ изъ домовъ, прямо на „іордань“, къ молебну. Лишь только окончится здѣсь служеніе и священно-церковные служители пойдутъ въ церковь, всѣ Пермяки опрометью спѣшатъ къ проруби, умываются и берутъ въ бураки (туясы) воду для дома, а прибывшіе на лошадяхъ, поятъ ихъ въ проруби, потомъ полчаса или часъ бойко ѣздятъ на ровномъ около проруби мѣстѣ.

Масляница. Каждый Пермякъ приготовляетъ къ масляницѣ брагу, пиво, а зажиточные покупаютъ и вино, потомъ, начиная съ сырнаго понедѣльника, ежедневно стряпаютъ блины, оладьи, сырные, а нѣкоторые и рыбные пироги, яичницы, солянки и вярятъ уху. Мущины и бабы ходятъ изъ дома въ домъ, ѣздятъ изъ деревни въ деревню, къ роднымъ и знакомымъ, за угощеніемъ. Дѣвки и парни вечерами собираются въ одинъ домъ и пляшутъ цѣлыя ночи, а днемъ, начиная со среды, вмѣстѣ съ малолѣтками, съ ранняго обѣда до вечера, катаются съ природныхъ горъ.

Сборное воскресенье — праздникъ, въ который всѣ молодушки послѣдняго мясоястія пріѣзжаютъ въ церковь къ обѣднѣ и служатъ молебны.

Великій четвертокъ — считается великимъ днемъ обновленія, на предстоящій годъ, всего крестьянскаго хозяйства. Накануне этого дня, по вечеру, приносятъ въ избу въ рѣшетѣ зерновый хлѣбъ, и, положивъ на него челпанъ печенаго хлѣба и въ солонкѣ соль, ставятъ рѣшето въ передній уголъ, подъ иконы, на лавку. Помолившись Богу, домохозяева все это оставляютъ въ углу до перваго дня Пасхи, иногда даже до прихода священно-церковно-служителей съ образомъ Богоматери. Всѣ эти предметы — зерновый хлѣбъ, челпанъ и соль — имѣютъ свой многозначительный тайный смыслъ. Зерновый хлѣбъ употребляется, какъ символическое средство, коимъ предотвращается недостатокъ въ хлѣбѣ; для этого хозяинъ высыпаетъ его въ зáкромъ. Печеный хлѣбъ даютъ скоту, выпуская его весной въ первый разъ на пастбище, въ отвращеніе пропажи скота. Соль даютъ скоту въ болѣзняхъ, какъ дѣйствительное лекарство; для этого же и для избѣжанія разныхъ несчастій, мужики берутъ ее съ собой, отправляясь въ дальнюю дорогу. Эта соль называется „четверёжною" (четверговою). Поутру въ великій четвертокъ всѣ въ домѣ встаютъ задолго до всхода солнца, какъ говорится: „до пѣтуховъ". Хозяйка въ дымное окно „кличетъ скота" во дворъ свойственною каждой породѣ кличкой [1]) до тѣхъ поръ, пока какое-либо животное случайно не подастъ своего голоса, пока напр. корова не смычитъ, лошадь не сорж етъ и проч., — что̀ принимается за вѣрный признакъ, что въ наступающемъ

[1]) *Коровъ* — тпрука, тпрука; *телятъ* — тпругя, тпругя; *лошадей* — тпро, тпро; *жеребятъ*—чибу̇, чибу̇; *овецъ* — баль, баль; *ягнятъ*—мась, мась; *козъ* — деденѐяя; *свиней* — рюхъ, рюхъ; *поросятъ* — викъ, викъ.

году не падетъ ни одно животное той породы; потомъ идетъ она во дворъ, и обогнавъ кругомъ столба коровъ, въ предотвращеніе спанья ихъ на паствѣ, кормитъ и поитъ; далѣе — вѣситъ на передній уголъ дома голикъ и худой лапоть для защиты циплятъ отъ коршуна и другихъ хищныхъ птицъ въ продолженіе лѣта; наконецъ, окончивъ всѣ эти дѣла на дворѣ и въ избѣ, топитъ печь и печетъ хлѣбъ, чтобы не выводился онъ изъ закромовъ (сусѣковъ) въ теченіе года. Хозяинъ, въ тоже время считаетъ деньги, осматриваетъ, передвигаетъ, переставляетъ съ мѣста на мѣсто всѣ хозяйственныя орудія; дѣлаетъ на рѣкѣ новую прорубь, чиститъ скребницей рабочихъ лошадей, кормитъ и поитъ ихъ; если онъ охотникъ, то стрѣляетъ изъ ружья три раза на воздухъ. Исполнивъ все это, хозяинъ успокоивается увѣренностію, что у него въ теченіе года и деньги будутъ водиться, и орудія сохранятся отъ поломки и потери, и лошади будутъ крѣпки, не падутъ, и охота будетъ удачна. Между тѣмъ малолѣтніе парни и дѣвки, а если ихъ нѣтъ, то сами хозяева, ходятъ въ лѣсъ за вересомъ (можжевельникомъ), за татарникомъ, который подмѣчается для того съ осени, и за пихтой. Вересъ жгутъ въ печи и привязыцаютъ къ столбу близь печи; кромѣ того, вмѣстѣ съ татарникомъ, подтыкаютъ подъ матицу, надъ избныя и сѣнныя двери; изъ пихты дѣлаютъ помело. Вересъ и татарникъ имѣютъ силу защищать домъ отъ вліянія колдуновъ; новое пихтовое помело обновляетъ печь и защищаетъ ее отъ разрушенія. Дѣвки-невѣсты, въ тоже время, подстригаютъ себѣ нѣсколько волосы, и съ небольшимъ пучкомъ соломы, либо худаго неотрепаннаго льна, ходятъ въ отхожую избу или баню, гдѣ побывъ немного, выходятъ на улицу, жгутъ солому или ленъ и скачутъ черезъ пламя. Первое дѣвки дѣлаютъ въ убѣжденіи, что оттого длиннѣе выростутъ у нихъ волосы, а второе, чтобы пріобрѣсть любовь будущихъ мужей своихъ. Прочіе взрослые семьяне посвящаютъ поутру нѣсколько минутъ сподручнымъ работамъ: мущины плетутъ лапти, веревки, завертки, тешутъ топорища и проч.; женщины прядутъ, шьютъ, вяжутъ и проч., — и все это съ тою цѣлію, чтобъ быть, въ теченіи года, здоровыми и заслужить у таинственныхъ силъ природы возможность и охоту заниматься этими работами. Наконецъ старшіе семьяне, несмотря на раннее утро, ходятъ изъ дома въ домъ бражничать, чтобы — какъ говорятъ они — имѣть брагу въ теченіе года и жить въ довольствѣ и весело.

Пасха. Этотъ великій праздникъ, отъ обыкновенныхъ скором-

ныхъ воскресныхъ дней отличается только тѣмъ, что въ первый день поутру всѣ Пермяки дѣлаютъ пельняни, которыми и разговляются часовъ въ восемь и девять утра. Со втораго дня начинаютъ работать. Въ церковь ходятъ весьма немногіе.

Радоница (радольница). По утру, подобно Русскимъ, Пермячки—хозяйки красятъ яйца, пекутъ рыбные пироги, блины, солянки, оладьи, разныя мяса и проч.; отобѣдавъ по праздничному, часть всего приготовленнаго онѣ приносятъ въ церковь, гдѣ служатъ панихиды и обѣдни по умершимъ родителямъ и близкимъ родственникамъ; потомъ возвращаются домой. Въ этотъ день въ церковь ходятъ далеко не изъ всѣхъ домовъ, и только особенно набожные и зажиточные. Принесенныя въ церковь яствы, поступаютъ — лучшія церковно-служителямъ, а прочія нищимъ. Кромѣ поминокъ, Радоница ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго рабочаго дня.

Семикъ. Къ этому великому дню поминовенія усопшихъ въ каждомъ домѣ приготовляютъ пиво, сусло, рыбные пироги, блины, оладьи, кашу, разныя жаркія и пекутъ яйца. Утромъ, послѣ обѣда семьянъ, хозяйки, имѣющія умершихъ родителей, берутъ въ туяскахъ сусло и пиво, завязываютъ въ скатерть на блюдахъ блины, оладьи, два рыбные пирога, три-четыре яйца и отправляются, нѣкоторые въ церковь, большая же часть прямо на приходское кладбище. Ушедшія въ церковь, по окончаніи обѣдни, вмѣстѣ съ священно-церковно-служителями, также приходятъ на кладбище, оставивъ въ церкви одинъ рыбный пирогъ, одно яйцо, на-такъ называемый—„канунъ". На кладбищѣ каждая Пермячка, послѣ панихиды по своимъ родственникамъ, стелетъ на могилу скатерть, ставитъ и кладетъ на нее туяски и припасы и наклонившись „воетъ", т. е. плачетъ, одной рукой закрывъ лицо, другой размахивая, высчитываетъ разныя качества умершихъ, пѣняя имъ, что они поторопились оставить бѣлой свѣтъ, сиротъ горегорькихъ, жену, дѣтей, отца, мать, сестеръ, братьевъ. Послѣ вытья, начинается попойка и угощеніе, въ которыхъ участвуютъ ближніе родственники хозяевъ, отправляющихъ тризну, — что продолжается до пяти часовъ вечера; въ заключеніе часть сусла и пива, обыкновенно остатки, выливаютъ на могилы, а часть съѣстныхъ припасовъ раздаютъ нищимъ. На кладбища приходятъ и мущины, они обыкновенно приносятъ съ собой вино; часть его выливаютъ на могилу, а остальное выпиваютъ сами, поминая умершихъ родителей и родственниковъ.

Троицкая суббота, какъ день поминовенія усопшихъ, празд-

нуется подобно Радоницѣ, съ тою только разницею, что въ этотъ день яйца бываютъ некрашеныя.

Ильинъ день. Въ часовни, въ коихъ празднуютъ пророку Иліѣ, Пермяки приносятъ жареныя, или печеныя козьи и бараньи головы съ горохомъ, служатъ святому угоднику молебны, прося у него защиты козамъ и баранамъ, гороху и, подъ видомъ его, всѣмъ растущимъ на поляхъ овощамъ и, хлѣбамъ. Горохъ употребляется при этомъ случаѣ потому, что онъ есть единственный плодъ, который созрѣваетъ къ Ильину дню. Головы и горохъ, въ видѣ подарковъ, поступаютъ священно-церковно-служителямъ и нищимъ.

Въ Первый Спасовъ день, послѣ молебна на водѣ, Пермяки моютъ и купаютъ приносимыхъ и приводимыхъ нарочно дѣтей и лошадей, чтобы онѣ были крѣпче, здоровѣе. Снятыя дѣтскія рубашки бросаются въ воду и вмѣсто нихъ надѣваются новыя.

Съ Преображенія Господня, или Середняго Спаса—начинаютъ вынимать изъ ульевъ свѣжій медъ,—и потому въ этотъ день въ каждую церковь приносятъ для освященія свѣжіе соты, и особенно въ ту церковь или часовню, въ которой этотъ праздникъ есть престольный, или мѣстный. Впрочемъ нѣкоторые Пермяки приносятъ въ церковь соты и въ Ильинъ день и служатъ надъ ними молебны.

Широкая (Покровская) суббота. Такъ названа эта суббота, вѣроятно потому, что празднуется въ то время, когда кончается „страда" и всякій крестьянинъ—земледѣлецъ имѣетъ тогда средства жить лучше, шире, нежели въ другое время года. Она празднуется, какъ день поминовенія усопшихъ, и въ этомъ отношеніи не отличается отъ Троицкой субботы; но какъ широкая суббота и какъ первый осенній праздникъ, послѣ полевыхъ тяжелыхъ работъ, празднуется весьма шумно, по три дня. Къ этому дню, какъ къ Семику и Масляницѣ, у бѣднаго и богатаго, бываетъ весьма много приготовленій, какъ въ пищѣ и питьѣ, такъ и въ домашнемъ быту. Обыкновенно готовятъ тоже, что къ Семику, моютъ стѣны и полы въ избахъ, чистятъ лопатой полы въ сѣняхъ, на крыльцахъ и т. д., однимъ словомъ приготовляются какъ къ великому празднику.

Марія Голиндуха. Въ этотъ день, въ часовни, въ которыхъ празднуютъ святой, Пермяки въ большомъ количествѣ приносятъ жареныхъ и печеныхъ курицъ и индѣекъ, служатъ молебны угодницѣ, испрашивая покровительства домашнимъ птицамъ. Приносимыхъ птицъ дарятъ священно-церковно-служителямъ.

Дмитріевская суббота — празднуется какъ Троицкая.

Рождество. На канунѣ праздника, по утру въ сочельникъ, въ каждомъ домѣ приготовляютъ изъ тѣста „козульки", — статуэтки или изображенія разныхъ домашнихъ животныхъ: овецъ, свиней, коровъ, телятъ, лошадей, собакъ, и изъ сочней — кресты. По испеченіи, „козульки" и кресты складываются на божницу, къ иконамъ. Здѣсь они остаются до Крещенья, а въ этотъ день, послѣ обѣда, хозяинъ или хозяйка снимаютъ ихъ съ полки и употребляютъ въ кормъ для изображаемыхъ ими животныхъ, чтобы эти послѣднія были плодовитѣе и здоровѣе. За исключеніемъ этого, Рождественскій сочельникъ во всемъ сходенъ съ Крещенскимъ, описаннымъ выше. Съ перваго дня Рождества и до Крещенскаго сочельника, Пермяки старые и молодые, веселятся очень шумно. Старые обыкновенно бражничаютъ, переходя изъ дома въ домъ, и переѣзжая изъ деревни въ деревню; парни и дѣвки каждый вечеръ, собравшись въ какой-либо домъ, пляшутъ и играютъ. (См. Игры).

Б. Простые замѣчательные дни.

Кромѣ описанныхъ праздниковъ у Пермяковъ и окрестныхъ Русскихъ замѣчательны еще нѣкоторые простые дни. Вотъ они: *Оксинья* (Ксенія)—*Полузимница*, 24 генваря, день, съ котораго Пермяки считаютъ начало второй половины зимы. *Василій—Капельникъ*, 28 февраля, начало первыхъ оттепелей. *Овдотья* (Евдокія)—*Плющиха*, 1 марта, потому что съ этого времени плющится, осядаетъ снѣгъ. *Дарья* (Дарія)—*Г.... прорубница*, 19 марта. На рѣкахъ, прудахъ, около прорубей, вытаиваетъ въ это время скопившійся въ продолженіи зимы пометъ животныхъ. *Родіонъ* (Иродіонъ)—*Ледоломъ*, 8 апрѣля. На значительныхъ рѣкахъ начинаетъ ломаться, проходить ледъ. *Егоръ* (Георгій)—*Скотопасъ*, *Водопасъ*, 23 апрѣля. Тогда выгоняютъ скотъ на паству; бываетъ вскрытіе и полноводіе рѣкъ. *Степанъ* (Стефанъ)—*Ранопашецъ*, 26 апрѣля, — начало самой ранней вспашки полей подъ посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ. *Еремей* (Іеремія) — *Запрегальникъ*, 1 мая, день, съ котораго чаще всего начинается вспашка и засѣвъ полей яровымъ хлѣбомъ. *Орина* (Ирина)—*Разсадница*, 5 мая, время посѣва капусты въ разсадники;—хозяйки начинаютъ „полевать разсаду", *Никола* (Николай)—*Травной*, *Вешной*, *Весенній*, 9 мая. Около этого дня чаще всего появляется первая зелень на лугахъ, а посѣвъ яровыхъ, „вешной", въ полномъ разгарѣ. *Лукерья* (Гликерія)—*Комарница*, 13 мая, обозначаетъ время появленія кома-

ровъ. *Сидоръ* (Исидоръ)—*Сивирянъ, Сѣверный*, 14 мая. Около половины мая начинаются сѣверные холодные вѣтры, продолжающіеся недѣлю и двѣ. *Олёна* (Елена)—*Леносѣвка, Ленница*, 21 мая Начинаютъ сѣять ленъ. *Ѳедосья* (Ѳеодосія)—*Колосяница*, 29 мая. Около этого дня начинаетъ идти на колосъ озимой хлѣбъ. *Еремій* (Ермій)—*Распрегальникъ*, 31 мая. Конецъ посѣва яровыхъ хлѣбовъ; если таковые и продолжаются еще у нѣкоторыхъ хозяевъ, то развѣ только у самыхъ неисправныхъ, лѣнивыхъ. *Акулина* (Акилина)—*Задери-хвосты, Сдерихвостка*, 13 іюня. Около этого времени появляется множество оводовъ, пауковъ, комаровъ, мошекъ; скотъ, особливо коровы, сильно кусаемыя ими, въ жаркіе дни выбѣгаютъ съ пастбища домой, „сдеря", задравши вверхъ хвосты. *Огрофена* (Агрипина)—*Купальница*, 23 іюня. Вода въ рѣкахъ и прудахъ столько нагрѣвается, что можно уже купаться. *Офимья* (Евфимія)—*Стожарница*, 11 іюля. Въ эту пору на покосахъ во множествѣ появляются стоги, или зароды сѣна. Собственно же сѣнокосъ начинается ранѣе, съ первыхъ чиселъ іюля и преимущественно съ Прокопьева дня (8 іюля). *Пудъ* и *Трифонъ*—*Безсонники*, 23 іюля. Къ этому времени созрѣваютъ ранніе посѣвы озимаго и даже яроваго хлѣба, и наступаетъ жатва хлѣбовъ; между тѣмъ сѣнокосная страда еще продолжается, надобно успѣвать въ обѣихъ работахъ, и потому много спать не приходится. *Овдокія* (Евдокія)—*Малинуха*, 4-го августа,—начало сбора малины. *Никита*—*Рѣпорѣзъ*, 15 сентября,—начинаютъ рѣзать рѣпу. *Спиридонъ*—*Солнце-вордтъ*, 12 декабря. 10 декабря, по астрономіи, считается солнце-стояніе, когда солнце вступаетъ въ знакъ козерога. Съ этого времени начинаютъ прибывать дни; говорится: „солнышко (пошло) на лѣто, зима на морозъ".

IV. Пѣсни, пляски, игры.

У Пермяковъ мало пѣсенъ на своемъ языкѣ; да и тѣ, которыя существуютъ, по своему содержанію и складу, скорѣе должны быть названы прибаутками, побасенками. Пѣсни же въ собственномъ смыслѣ, они переняли уже отъ Русскихъ и поютъ эти русскія пѣсни, всегда болѣе или менѣе искажая ихъ въ словахъ и смыслѣ, потому что мущины Пермяки и въ особенности женщины Пермячки худо выговариваютъ русскія слова и еще хуже понимаютъ смыслъ и складъ русской рѣчи.

Пермяки — народъ не поэтичный, не пѣсенный; они поютъ пѣсни рѣдко, — только тогда, когда собираются по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, напримѣръ: на свадьбахъ, святочныхъ вечерахъ, помочахъ, супрядкахъ [1]), въ праздничные дни, — поютъ нестройно, однозвучно, дико, самыми грубыми голосами: голоса дѣвушекъ Пермячекъ часто не отличишь отъ голоса мущинъ.

Пѣсни, перенятыя Пермяками у Русскихъ, суть свадебныя, проголосныя, плясовыя, святочныя, круговыя. Свадебныя помѣщены нами въ описаніи свадебныхъ обрядовъ, а проголосныя, плясовыя, святочныя и круговыя, равно какъ и нѣкоторыя пермятскія пѣсни, побасенки и прибаутки, предлагаются здѣсь — въ русскомъ переводѣ. Изъ русскихъ пѣсенъ одна, плясовая, менѣе искаженная Пермяками, какъ обращикъ искаженія русской рѣчи, оставлена въ томъ самомъ видѣ, какъ поютъ ее Пермяки [2]); всѣ же прочія, по возможности, исправлены отъ этихъ пермятскихъ искаженій. Но несмотря на то, нѣкоторыя пѣсни представляютъ ничто иное, какъ наборъ словъ изъ разныхъ пѣсенъ, — и потому однѣ отчасти, а другія и вовсе непонятны.

А. ПРОГОЛОСНЫЯ ИЛИ ПРОТЯЖНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Попила-то моя буйная головушка,
Попила пиво, попировала;
Не бывалъ-то я на тяжкой работушкѣ,
Изъ-за батюшки да изъ-за матушки,
Изъ-за братца да изъ-за сестрицы.
Чесалъ-то я свою головушку,
Честымъ да мелкимъ гребешкомъ;
Вились мои кудри, завивалися,
Вились, вились кудри, не сѣклися,
Только слышатъ мои кудри надъ собой невзгоду.
Я пошелъ, добрый молодецъ,
Ко лапушкѣ въ гости;
У лапушки меня поймали,

[1]) Вечернее собраніе дѣвушекъ въ домѣ какой-нибудь подруги, для того чтобы вмѣстѣ прясть.

[2]) Смотр. плясовыя пѣсни № 1.

Бѣлы рученьки связали,
Рѣзвы ноженьки сковали.
Посадили меня, добра молодца,
Въ легонькую повозочку;
Подпрегли мнѣ, доброму молодцу,
Пару коней вороныхъ;
Повезли меня, добра молодца,
Во Пермь городъ,
Поставили добра молодца,
На новую квартиру:
Повели меня, добра молодца,
Въ рекрутскую пріемну,
Становили меня, добра молодца,
Подъ солдатскую мѣру;
Сказали добру молодцу: лобъ!
Подхватили меня, добра молодца,
Старшіе солдаты;
Посадили меня, добра молодца,
На дубовой стуликъ;
Стали у меня, у добра молодца,
Волосы стригчи;
Повалились русы волосы
На мои колѣни.
Собиралъ-то я русы кудерцы,
Связывалъ въ дорогой платочикъ;
Отсылалъ-то русы кудерцы
Розлапушкѣ въ домикъ.

2.

Идетъ Ванюша горою,
Разудаленькой крутою;
Несетъ гусли подъ полою,
Звончатыя подъ правою.
Молодецъ въ гусли играетъ,
Душу Маршу утѣшаетъ;
Душа, Маршенька прекрасна!
Не рони слезы напрасно!
Слезыронишь, очи портишь—
Мила дружка не воротишь.

3.

На синемъ морѣ погодушка—
Есть у молодца зазнобушка,
Зазнобушка—красна дѣвушка.
Парень дѣвушкѣ говаривалъ,
Молодой шельмѣ наказывалъ;
Она наказочки не слушала,

Свою волюшку исполнила,
Полюбила дружка дальняго,
Дружка дальняго, не здѣшняго,
Что не здѣшняго, сердечнаго,
Солдата изъ Питера.
Я однимъ одинешенька,
Вечеромъ сижу поздешенько,
Достаю огня скорешенько,
Умываюся бѣлешенько,
Обуваюся чистешенько,
Плету косу мельчешенько,
Снаряжаюся бассешенько [1]),
Провожаю дружка милаго
До города до Питера.

4.

Горе ли, ты, горе,
Горюшко великое!
Некому-то мое горе,
Некому не извѣстно;
Призакрыто мое горе
Бѣлой моей грудью,
Запечатано мое сердце
Все кровями...
Снаряжается мой миленькой
Въ путь во дороженьку,
Въ распроклятую жить сторонушку.
Принаказывалъ мой миленькой:
Ты живи-ко, моя любезная,
Живи, какъ ты хочешь;
Ты люби-ко, моя любезная,
Люби кого надо.
Если лучше меня полюбишь,
Меня позабудешь;
Если хуже меня полюбишь,
Меня ты вспомянешь.
Если скучно тебѣ будетъ,
Пиши ко мнѣ письма,
Ты пиши-ко, моя любезная,
Не перомъ пиши, не чернилами,
Ты пиши, моя милая,
Своими слезами;
Отсылай-ко, моя милая,
Письма со вѣтрами.

[1]) *Баской*—красивый, *бассешенько*—хорошенько.

5.

Не по питерской дорожкѣ, по московской,
Тута шли-прошли солдаты молодые;
За ними идутъ матушки родныя.
Вы не плачьте, наши матушки родныя!
Не смочить вамъ мать сыру землю слезами,
Не напоить синя моря горючими...
Не ясенъ соколъ по воздуху летаетъ —
Молодой солдатъ съ квартиры соѣзжаетъ.
Ни отецъ, ни мать солдата провожаетъ,
Провожаетъ его душа красна дѣвка.
Проводивши красна дѣвка говорила:
— Какъ бы мнѣ да молоденькѣ прежня воля,
Какъ бы мнѣ да молоденькѣ сизы перья,
Какъ бы мнѣ да молоденькѣ златы крылья:
Я спорхнула бы, за милымъ полетѣла.

6.

Охъ вы, сады, мои сады,
Сады зеленые!
Что на васъ, мои садочки
Выпали снѣжечки,
Выпадали снѣги бѣлы
Со мелкою поро̀хой.
Что по мелкой по поро̀хѣ
Шелъ милой хорошій,
Не путемъ-то, не дорогой,
Чужимъ огородомъ,
Узкимъ переулкомъ,
Зеленымъ садочко̀мъ.
Во томъ-ли во садочкѣ
Стоитъ бѣлая береза;
Какъ подъ тою подъ березой
Стоитъ тесова кроватка.
Тутъ дѣвченочка стояла,
Постелюшку стлала,
Стлала, стлала, устилала
Перину пухову,
Подушку шелкову,
Одѣвала одѣяломъ,
Одѣяломъ соболинымъ.

7.

Изъ-за ельничка, березничка,
Изъ-за горькаго осинничка,

Выбѣгаетъ конь-добра лошадь,
Конь-добра лошадь, вороная,
Что вороная, тавреная.
На боку несетъ сѣделышко;
У сѣделышка есть стременушка;
Во стременушка конь копытомъ бьетъ,
Шелковъ поводъ во грязи топчетъ.
Что за конюшкомъ бѣжитъ погонюшка,
Что погонюшка—добрый молодецъ,
Добрый молодецъ—донской казакъ.
Вотъ кричитъ нашъ добрый молодецъ:
Ты постой, постой, конь-добра лошадь,
Конь-добра лошадь, тавреная!
Ты не ѣшь, не ѣшь камышъ-траву,
Что камышъ-трава горчешенька;
Ты не пей, не пей Дунай-рѣку,
Что Дунай-рѣка мутнешенька.
На Дунай-рѣкѣ дѣвка мылася,
Дѣвка мылася, бѣлилася,
Въ чисто зеркальцо смотрѣлася,
Красотѣ своей дивилася.
Запоручена красна дѣвица,
Запоручена, запросватана...
Запоручилъ меня батюшка,
Запросватала меня матушка
За такого вора-разбойника,
За такого полуночника.

8.

Размальчишко, парень мой,
Что-ты сдѣлалъ надо мной?
Что-ты сдѣлалъ, принадѣлалъ
Надъ дѣвчонкой молодой?
Обѣщался, другъ любезный,
Мнѣ ты вѣсточку подать.
Здѣсь заклята сторона:
Я нигдѣ съ дружкомъ не вижусь,
Ни въ долинахъ, ни въ лужкахъ,
Ни во зеленомъ саду.
Я пойду съ горя на рѣчку,
На текучій ручеекъ,
Я умоюся водой...
Стоитъ милой надо мной.
— Здравствуй, лапушка милая,
Здравствуй, радость дорогая!
Я принесъ тебѣ гостинецъ,
Что гостинецъ дорогой—
Съ руки перстень золотой,
На бѣлу шею жемчугу.

9.

Выходила красавица
За новые ворота;
Становилася красавица
У притворнаго [1]) столба;
Опущала бѣлы ручки
Во карманы во свои;
Изъ кармана вынимала
Бѣлый шелковый платокъ;
Утирала горьки слезы
По любезномъ по своемъ.
Утеревши горьки слезы,
На горы гулять пошла,
На тѣ горы, на тѣ круты,
Гдѣ скончалася любовь,
Гдѣ прощалася съ дружкомъ...
Охъ, разлука тяжела,
Что тяжелая разлука —
Чужа дальна сторона.

10.

Какъ во славномъ было городѣ Казани,
На широкомъ на татарскомъ на базарѣ,
Тутъ съ-по выходамъ [2]) хмѣлюшка гуляетъ,
Самъ себя онъ, хмѣль, выхваляетъ:
Нѣтъ меня хмѣлюшка по-лучше,
Нѣтъ меня хмѣля веселяе [3]);
Самъ государь про хмѣль знаетъ,
Всѣ князья, всѣ бояра хмѣль почитаютъ;
Безъ хмѣлюшка свадьбы не вѣнчаютъ,
Малыхъ ребятъ не крещаютъ;
Бьются, дерутся все во хмѣлѣ;
Безъ хмѣлюшка не мирятся.
Какъ одинъ мужичекъ былъ садовникъ,
Онъ охочъ былъ по садику гуляти,
Глубоки борозды копати,
Тутъ меня хмѣля сажати,
Мокрымъ навозомъ застилати,
Во сердеченько тычинки вотыкати.
Тутъ я хмѣль догадался,
Изъ-подъ мокраго навозу выбивался,
Къ верху по тычинѣ совивался,
Выпускалъ я бѣлояровыя шишки.

[1]) Т. е. у столба, къ которому притворяются ворота.

[2]) Предлогъ *съ* при предлогѣ *по*—особенность пермскаго выговора. *Ред.*

[3]) *Яе*—окончаніе сравнит. степени вмѣсто *ѣе*—тоже. *Ред.*

Мои шишки мелкія сощипали,
На овинъ меня хмѣля насажали;
Сухо на сухо сушили;
Какъ во цвѣтное платье снаряжали,
Во кулье, во рогожи набивали,
Съ-по торгамъ, съ-по базарамъ развозили,
Богатымъ мужичкамъ продавали.
Тутъ богаты мужички закупали,
Въ свои мѣшки меня высыпали.
Тогда я хмѣль догадался,
Въ кадцѣ съ суслицемъ побратался,
Въ одномъ мужичкѣ разыгрался,
Ударилъ его въ тынъ головою,
О коровье кало бородою.

Б. Пляски.

Пляски заводятся обыкновенно Пермяками на частныхъ праздникахъ, о святкахъ, на масляницѣ, на помочахъ, супрядкахъ и часто на свадьбахъ. Ихъ не много, всего три: двѣ народныя и одна перенятая у Русскихъ, которая впрочемъ исполняется весьма дурно.

Вотъ образчикъ народной пляски.

Одна или двѣ дѣвушки встаютъ и начинаютъ бѣгать одна за другой кругомъ по избѣ; къ нимъ присоединяются постепенно прочіе любители пляски: дѣвки, холостые и женатые парни; составляется такимъ образомъ кругъ, который — или весь движется въ одну сторону, или одна его половина устремляется на встрѣчу другой, въ переплетъ.

Въ обоихъ случаяхъ всѣ бѣгаютъ довольно скоро, небольшимъ мѣрнымъ шагомъ, слегка подергиваютъ плечами, помахиваютъ руками, припрыгиваютъ, стучатъ ногами; а бойкія полногрудыя дѣвки, выдавши впередъ грудь, склонивши на сторону голову, подъ тактъ пляски и пѣсни подмигиваютъ молодымъ мущинамъ. Пляшутъ всего чаще припѣвая одну изъ нижеслѣдующихъ пѣсенъ подъ звуки балалайки и гармоники, или же дудки *(полянг)*, сдѣланной изъ травянаго стебля.

Плясовыя пѣсни.

1. [1])

— Я де полемъ шва, [2])
Тежево несва
Рѣшето овса.
Я де въ избу зашва
На печь высыпава, —
Три дни сушива,
На четвертой день товква:
Я бвиновъ напеква,
Бвины-те мнѣ пріились;
Насушива сукарей,
Сукари-те мнѣ, пріились,
Я къ сосѣдушкѣ ушва,
Сосѣдушка добра быва,
Да не уподшивава.
Я губы-те надува
И домой пошва.
Навстрѣчу мнѣ, мвадой —
Мой сердитый мужъ идетъ.
Ты не бей меня, мваду,
А научи моводу.
Я со этикъ со побоевъ [3])
Три недиви прокварава;
Ничево я не ѣдава,
Товко ѣва — поѣва —
Клѣба семь печей,
Ковачей пять печей,
Овчу явовичу,
Дочку супоросу,
Пятьдесятъ поросятъ,
Да быка третьяка,
Да ушатъ мовока,
Четверикъ товокна,
Жеребенка воншека.
Онъ на вивкѣ печенъ,
На торевкѣ несенъ.
Я мвада сѣва на печку
Да одумавася,
Чтобъ меня моводу
Да не розорваво.

[1]) Эта пѣсня представляется для образца въ пермятскомъ искажетіи, какъ обѣщано на стр. 33.

[2]) Вмѣсто русскаго *л* Пермяки произносятъ *в*, вмѣсто *х-к*, вмѣсто *ѣ*—часто *и*.

[3]) Отсюда каждый послѣдующій стихъ повторяется.

2.

По избѣ, избѣ кондовой, [1])
На скамьѣ, скамьѣ дубовой,
Тутъ садился чернобровый,
Чернобровый, черноглазый.
Молодецъ въ гусли играетъ,
Авдотьюшку забавляетъ.
Авдотьюшка пречестная,
Пречестная, любезная,
Съ-по лужечикамъ гуляла,
Сама кинулась, бѣжала
За гусями, лебедями,
За сѣрыми утицами.
Тутъ чулочки забрызгала,
Башмачечки замарала.
Снявъ чулочки, полоскала,
Со крутаго бережечка,
Со желта мелка песочка,
Со ракитаго кусточка.
Сама Богу помолилась:
Подай Боже вѣтерочка,
Вѣтерочка съ сѣверочка,
Съ восточной со сторонки,
Обсуши мои чулочки.
Меня мати будетъ бити,
По три утра, по три прута,
По три вицы [2]) зеленыя,
По три плети шелковыя.

3.

Захотѣлося матушкѣ
Домомъ пожить,
Захотѣлось государынѣ
Станомъ пожить, —
Матушка торъ [3]) на базаръ.
Купила матушка курочку:
Курочка низка, плоска,
По мосту ходитъ,
Тюрь-тюренекъ!

—

[1]) *Кондовая изба* — выстроенная изъ крѣпкаго, толстаго, мелкослойнаго лѣса. *Ред.*

[2]) *Вика*, вица, вичка — березовый прутъ. *Ред.*

[3]) *Торъ* употреблено въ смыслѣ — пошла.

Захотѣлося матушкѣ
Домомъ пожить,
Захотѣлось государынѣ
Craномъ пожить, —
Матушка торъ на базаръ.
Купила матушка утицу:
Утица метчи, метчи.
Курочка низка, плоска,
По мосту ходитъ,
Тюрь-тюренекъ!

—

Захотѣлося матушкѣ
Домомъ пожить,
Захотѣлось государынѣ
Станомъ пожить, —
Матушка торъ на базаръ.
Купила матушка гусицу:
Гусица гиги, гиги,
Утица метчи, метчи,
Курочка низка, плоска,
По мосту ходитъ,
Тюрь-тюренекъ!

—

Захотѣлося матушкѣ
Домомъ пожить,
Захотѣлось государынѣ
Станомъ пожить, —
Матушка торъ на базаръ.
Купила матушка барашка:
Барашекъ бары, бары,
Гусица гиги, гиги,
Утица метчи, метчи,
Курочка низка, плоска,
По мосту ходитъ,
Тюрь-тюренекъ!

—

Захотѣлося матушкѣ
Домомъ пожить,
Захотѣлось государынѣ
Станомъ пожить, —
Матушка торъ на базаръ.
Купила матушка козличка:
Козличекъ меке, меке,
Барашекъ бары, бары,
Гусица гиги, гиги,
Утица метчи, метчи,

Курочка низка, плоска,
По мосту ходитъ,
Тюрь-тюренекъ!

—

Захотѣлося матушкѣ
Домомъ пожить,
Захотѣлось государынѣ,
Становъ пожить, —
Матушка торъ на базаръ.
Купила матушка коровку:
Коровка мулы, мулы,
Козличекъ меке, меке,
Барашекъ бары, бары,
Гусица гиги, гиги,
Утица метчи, метчи,
Курочка низка, плоска,
По мосту ходитъ,
Тюрь-тюренекъ!

—

Захотѣлося матушкѣ
Домомъ пожить,
Захотѣлось государынѣ
Становъ пожить, —
Матушка торъ на базаръ.
Купила матушка лошадку:
Лошадка гоги, гоги,
Коровка мулы, мулы,
Козличекъ меке, меке,
Барашекъ бары, бары,
Гусица гиги, гиги,
Утица метчи, метчи,
Курочка низка, плоска,
По мосту ходитъ,
Тюрь-тюренекъ!

—

Захотѣлося матушкѣ
Домомъ пожить,
Захотѣлось государынѣ
Становъ пожить, —
Матушка торъ на базаръ.
Купила матушка кошечку:
Кошечка нялы, нялы,
Лошадка гоги, гоги,
Коровка мулы, мулы,
Козличекъ меке, меке,
Барашекъ бары, бары,

Гусица гиги, гиги,
Утица метчи, метчи,
Курочка низка, плоска,
По мосту ходитъ,
Тюрь-тюренекъ!

—

Захотѣлось матушкѣ
Домомъ пожить,
Захотѣлось государынѣ
Становъ пожить, —
Матушка торъ на базаръ.
Купила матушка собачку:
Собачка тявы, тявы,
Кошечка нялы, нялы,
Лошадка гоги, гоги,
Коровка мулы, мулы,
Козличекъ меке, меке,
Барашекъ бары, бары,
Гусица гиги, гиги,
Утица метчи, метчи,
Курочка низка, плоска,
По мосту ходитъ,
Тюрь-тюренекъ!

—

4.

Выше нашего широкаго двора,
Пріукатана высокая гора;
Чоботомъ травы притоптанныя,
Рукавомъ цвѣты поровнянные.
Гляжу, вижу — стоитъ дѣвокъ караванъ,
Подъѣзжаетъ молодой капралъ Иванъ.
Вороной конь подпинается,
Красны дѣвки надсмѣхаются.
Вы не смѣйтесь, красны дѣвки, надо мной!
Я возму дѣвку за праву за руку,
Поведу дѣвку на маленькій кабакъ.
По кабачику похаживаю,
Цѣловальнику наказываю:
Берегите эту дѣвушку;
Напойте ее пивомъ и виномъ,
Накормите сладкимъ пряничкомъ,
Уложите промежъ боченьки,
Промежъ бочки, бочки дубовы

Промежъ обручи черемуховы,
Промежъ деныпки березовы:
Тутъ и спи-ко, мое дитятко,
Высыпайся мое чадышко.

—

5.

Звѣрь ли мой, звѣречикъ,
Ясный соколочикъ!
Расповадился звѣречикъ
По ягодки за рѣчку
Къ Аннушкѣ сестричкѣ.
Душа Аннушка сестричка
По саду, саду гуляла,
Черемушку ломала 2,
Пученьки вязала,
На дороженьку бросала,
Примѣточки клала.
Приходи-ко, милъ дружечекъ,
Ко времю во гости,
Когда батюшки нѣтъ дома,
Когда матушка въ гостяхъ,
Милы братья за стрѣльбою,
Сестра за гульбою,
Голубушки невѣстки за работой!
Одна я красна дѣвица
Дома оставалась,
Со звѣркомъ лежала,
На правой рукѣ держала,
Лѣвой обнимала,
Дружкомъ называла,
Въ уста цѣловала,
Къ сердцу прижимала.
Говоритъ мнѣ мой дружечикъ,
Ясный соколочикъ:
Случай будетъ въ Питеръ ѣхать,
Привезу тебѣ подарокъ
Кумачу, китайки.
Кумачу я не хочу,
Китайки ненадо,
Только надо мнѣ, дѣвонькѣ,
Алаго глазету
На три шубки, на три юбки,
На три душегрѣйки,
Чтобъ не стыдно красной дѣвкѣ
На улицу выйдти,
Съ людьми говорити.
Она вышла-выходила
Съ людьми говорила.

6.

Молодость, ты, молодость моя!
Не надѣялась [1]) я, молодость, измыкати тебя,
И измыкала я молодость по первому часу,
Какъ по первому часу, въ чужихъ людяхъ живучи,
Въ чужихъ людяхъ живучи, горе мыкаючи.
Я у тятеньки, у маменьки одна дочи была,
Жила, нѣжалась — утѣшалася:
Я безъ рыбочку не сѣду,
Безъ калачика не съѣмъ,
Безъ милова дружечка
Не ложилася я спать.
Хотя легу, не легу,
Не уснется молодой;
Во снѣ видится милой,
Парень бассенькой —
Зовутъ Васенькой.
Полно Вася, перестань,
Отъ худой славы отстань!
Худа славушка пойдетъ —
Дѣвка замужъ не уйдетъ;
Отцу, матери безчестье,
Роду, племени позоръ.
Какъ идти будетъ домой,
Сказать матушкѣ родной?
Скажу такъ, скажу сякъ,
Скажу инаково.

7.

Ты, хозяинъ-господинъ,
Позволь пѣсенку намъ спѣть,
Веселую завести!
Гдѣ сударушка сидитъ? 2
На меня вѣрно глядитъ,
Полюбить себя велитъ. 2
Полюби-ко, другъ меня!
Буду слушати тебя, 2
Почитати молодца;
Куда младу нарядишь,
Туда млада и пойду;
На работу нарядишь,
Работать я не могу, 2
Гулять съ миленькимъ пойду.
На то милой осердился,

[1]) Поютъ: *не надчалася.*

Въ чужу сторону бросался,
Чужихъ дѣвокъ залюбилъ,
Настю, Настеньку,
Дѣвку бассеньку.
Идетъ Настя въ огородъ,
Чесноку-луку полоть,
Луку зеленаго,
Маку сѣянаго;
Во правую руку луку
Во лѣвую чесноку.
Я по цвѣтикамъ ходила,
По лазоревымъ гуляла,
Цвѣту алаго искала,
Не нашла цвѣту алаго
Сопротивъ дружка милаго:
Будто мой милой хорошъ,
Чернобровъ душа, пригожъ,
Мнѣ подарочикъ принесъ,
Подарочикъ дорогой,
Съ руки перстень золотой.
Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь.
Снаряжался мой милой,
Снаряжался дорогой,
Какъ на Волгу на рѣку,
На крутые берега,
На зеленые луга.
Тамъ и сямъ я посижу,
На рѣчушку погляжу,
Куда рѣчушка бѣжитъ,
Куда быстрая течетъ,
Куда судно поплыветъ?
Суденышко за лѣсокъ, —
Дѣвка взвыла въ голосокъ.

8.

Какъ на горкѣ, на горочкѣ,
На высокой на веретейкѣ,
Ой вы, люли, люли,
Люшеньки мои.
На дубчикахъ голубчики сидятъ,
Промежу собой рѣчи говорятъ,
Ой вы, люли, люли,
Люшеньки мои.
Говорятъ, приговариваютъ,
Меня, молодца, выхваливаютъ:
Ой вы, люли, люли,
Люшеньки мои.

Желоны, желонаются,
Добры молодцы сватаются,
Ой вы, люли, люли,
Люшеньки мои.
Добры молодцы сватаются,
Одному дѣвка достанется.
Ой вы, люли, люли,
Люшеньки мои,
Какъ не первому не среднему,
Мнѣ-то молодцу, послѣднему.
Ой вы, люли, люли,
Люшеньки мои.

9.

Не соколъ въ полѣ летитъ,
Корабль по морю бѣжитъ.
По корабличку Ванюшенька погуливаетъ;
Звончатыя гусли — мысли принаравливаетъ.
Возыграйте гусли — мысли
Вотъ тепериче при мнѣ,
При Иванѣ молодцѣ.
У Ивана мать Ирина
Ему рѣчи говорила:
Полно Ваня, перестань,
Прочь отъ дѣвушекъ отстань!
Охъ, ты мать-ли, моя мать!
Тебѣ меня не унять,
Пойду съ дѣвками гулять;
Погуляю, похожу,
Со травы цвѣты нарву,
Вѣнокъ на голову совью.

10.

Мы споемъ-ко пѣсню хватско,
Про житье-бытье солдатско!
Хорошо солдату жить,
У полковника служить:
Онъ и подати не платитъ,
И оброку не даетъ,
Косу въ руки не беретъ.
По утру рано встаетъ,
На ученіе бредетъ.
Ты бѣжи-ко, солдатъ, скоро,
Чтобы дѣло было споро.
Стали спрашивати,
Да допрашивати:
Гдѣ, солдатикъ, побывалъ,

Гдѣ, голубчикъ, прогулялъ?
Я маленько запоздалъ,
За углами простоялъ,
На красавицъ просмотрѣлъ...
Два солдата изъ полку
Несутъ палокъ по пучку;
Я хотѣлъ бы оправдаться —
Мнѣ велѣли раздѣваться,
Хотѣлъ побожиться —
Велѣли становиться;
Не успѣлъ сказати рѣчи —
Простегали мои плечи.
Хоть спина моя избита,
Да сударушка нажита.
Вотъ дождусь я вечерка,
Когда лягутъ господа;
Тогда пойду со двора,
Напьюсь я до пьяна,
Заживетъ моя спина.

11.

Охъ, ты, ночка моя,
Ночка темненька,
Ночь осеньненька!
Я поэтой-ли по ночкѣ
Ко дѣвицѣ ходилъ,
Ко красавицѣ гулялъ,
По два ножичка носилъ,
Два булатненькіе,
Два укладненькіе;
Два окошка отпиралъ —
Два ножичка изломалъ,
Дѣвку въ глаза не видалъ.
Выглянула молода
Изъ того же изъ окна;
Отъ деревни до деревни
Не подалеку живутъ.
Промежъ двумя деревнями
Быстра рѣчушка бѣжитъ;
Она быстра, быстра,
Невеличка собой.
Чрезъ ту-то быстру рѣчку
Жердочка лежитъ,
Жердка тоненькая,
Жердь сосновенькая.
Тамъ наши ребята
Охочи играть,
Круги заводить,

Дѣвокъ цѣловать.
Какъ у нашихъ у ребятъ
Голубые кафтаны,
Бархатные кушаки,
Шапки плисовыя.
Наши-то ребята
Охочи играть,
Круги заводить,
Дѣвокъ цѣловать:
Кого два разъ,
Кого три разъ,
Кого одинъ разъ.
Меня худу-худерьбу
Семь разъ цѣловали,
Цѣловали, миловали,
Чуть не разорвали.

12.

Рано, рано по утру
Не будите молоду,
Когда солнышко взойдетъ
Роса на землю падетъ,
Пастухъ выйдетъ на лужекъ,
Возыграетъ во рожокъ.
Хорошо пастухъ играетъ,
Выговариваетъ, —
Будитъ дѣвокъ, будитъ бабъ,
Будитъ маленькихъ ребятъ,
Будитъ старыхъ стариковъ:
Встаньте бабы, встаньте дѣвки,
Встаньте малые ребята,
Встаньте стары старики,
Грубіяны мужики!
Выгоняйте вы скотину
На широкую долину,
На велику луговину.
На широкомъ на лугу,
Стоятъ дѣвки во кругу.
Одна дѣвка весела
Во кругу плясать пошла;
Дѣвка пляшетъ, рукой машетъ,
Пастушка къ себѣ манитъ,
Красны рѣчи говоритъ:
Сюда, сюда пастушекъ
Сюда, миленькой дружекъ!
Пастухъ ночку ночевалъ,
Коровушку потерялъ,
Самъ онъ дома не бывалъ,

Сударушку не видалъ.
Сударушка, разлапушка,
Не гнѣвися на меня!
Какъ другую ночевалъ,
Двѣ коровы потерялъ.
Какъ да третью ночевалъ
Все онъ стадо потерялъ.
Самъ онъ дома не бывалъ,
Все по садику гулялъ.
Сударушка, разлапушка,
Не гнѣвися на меня!

ПѢСНИ И ПРИБАУТКИ ПЕРМЯТСКІЯ.

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

1.

Люли кисель,
Ирина дитя!
По лавкамъ въ избѣ
Злые люди сидятъ,
Вокругъ да вездѣ
Черны Татара стоятъ.
Красну дѣвку берутъ
Домой ведутъ.
Батюшка, батюшка!
Выкупи меня.
Дочушка, дочушка,
Чѣмъ я выкуплю?
Батюшка, батюшка,
На добраго-то коня.
Дочушка, дочушка,
Ты не стоишь его.

Все это, съ приличною замѣною нѣкоторыхъ словъ пѣсни, повторяется — матери: „на добрую-то корову", брату: „на добраго-то жеребенка", сестрѣ: „на добраго-то теленка", золовкѣ: „на доброе-то приданое", и всѣ они отвѣчаютъ „ты не стоишь его".

2.

Отецъ и мать меня не любятъ.
Сестра и братъ не радѣютъ...
Возьму я, возьму котомочку,
Возьму я, возьму дубиночку;

Пойду я, пойду по долгой дорогѣ,
Зайду я, зайду въ средину чернаго лѣса,
Положу я, положу котомочку,
Ударю я, ударю о большую елку,
Взлѣзу я, взлѣзу на вѣтвистую елку,
Погляжу я, погляжу на свой домъ.
Отца и мать я не вижу,
Сестру и брата не примѣчаю.
Спущусь я, спущусь съ верху елки
Пойду я, пойду на свою землю,
Буду я, буду отца, мать, сестру и брата возить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пермскаго края, эта побасенка, послѣ словъ: „зайду я, зайду въ средину чернаго лѣса" измѣняется такъ:

Поищу я, поищу любой корень,
Сыщу я, сыщу вѣтвистую елку,
Сяду я, сяду подъ вѣтвистую елку,
Выну я, выну сухарей кусочки,
Погрызу я, погрызу — въ сердце дрожь пойдетъ
Сюда посмотрю, туда посмотрю —
Отецъ и мать пашутъ,
Сестра и братъ боронятъ.

3.

Бабочка, бабочка! куда ты ходила?
— Не надолго въ погребъ ходила.
Что, да что ѣла?
— Съ масломъ хлѣбъ ѣла.
А мнѣ оставила?
— Оставила, оставила.
Куда положила?
— На полку положила.
Я искала — да нѣту.
— Черная собака съѣла.
Гдѣ черная собака?
— Въ кострику легла.
Гдѣ кострика?
— Огнемъ сожжена.
Гдѣ огонь?
— Водой погашенъ.
Гдѣ вода?
— Пестрый быкъ выпилъ.
Гдѣ пестрый быкъ?
— На полянку убѣжалъ.
Гдѣ полянка?
— Мышь ископала.
Гдѣ мышь?

—Въ ловушку попала.
Гдѣ ловушка?
—Злымъ топоромъ истреблена.
Гдѣ топоръ?
—Злымъ брусомъ иступленъ.
Гдѣ злой брусъ?
—На грядку положенъ.
Гдѣ на грядкахъ?
—Упалъ да переломился.
Гдѣ обломки?
—Кругомъ неба разбросаны.

4.

Милый, милый!
На что бороду продалъ?
—На косу смѣнялъ.
На что косу?
—Траву косить.
На что траву?
—Корову кормить.
На что корову?
—Сына ростить.
На что сына?
—Дрова рубить.
На что дрова?
—Печку топить.
На что печку топить?
—Хлѣбъ печь, да щи варить.

5.

Охну да вздохну,
Поскачу да попляшу;
Въ избу зайду,
Браги изопью,
Пѣсню запою,
Съ Акулиной попляшу.

6.

Головушка болитъ,
Сердечушко тужитъ.
Отъ чего болитъ?
Сама я знаю, сама разумѣю.
Нѣтъ его, нѣтъ милаго моего,
Сердце-утѣшителя.
Батюшка и матушка, отпустите!
Меня зовутъ къ дядѣ.

Зачѣмъ я пойду къ дядѣ?
Пойду я, пойду ко милому своему.
Онъ меня виномъ напоитъ,
Пряниками накормитъ.

7.

Пѣгануху-то поймаю,
Кругомъ огорода объѣду.
Къ Акулинѣ зайду,
Разговорю, уговорю,
На улицу выманю,
.
.

Другія побасенки и прибаутки, по содержанію своему, болѣе или менѣе неблагопристойны, и потому не могли быть внесены въ это собраніе.

В. ИГРЫ.

Взрослые играютъ лѣтомъ о частныхъ праздникахъ и зимой — о святкахъ. Въ играхъ участвуютъ дѣвки и холостые парни, молодыя бабы и вдовы, молодыя мужья и вдовцы. На святкахъ „игровитые" — такъ называются участники игры — одной или нѣсколькихъ деревень каждый вечеръ составляютъ „игрища", собираются къ кому-нибудь въ домъ, гдѣ веселятся часто до разсвѣта. Лѣтомъ играютъ на улицахъ: въ разлуки (горѣлки), иногда въ столбики и кругомъ. Первыя двѣ игры мы не описываемъ, по причинѣ всеобщей ихъ извѣстности, а послѣдняя будетъ описана въ числѣ святочныхъ.

О святкахъ, на всякомъ „игрищѣ" сначала пляшутъ, по народному, кру́гомъ, подъ звуки пѣсенъ: „по избѣ, избѣ кондовой" или — „захотѣлося матушкѣ",... до тѣхъ поръ пока устанутъ; потомъ уже заводятъ слѣдующія игры, со святочными и круговыми пѣснями.

Женитьба. Всѣ участвующіе садятся рядомъ на лавки. Дѣвки выбираютъ изъ своей среды двухъ „свахъ". Выборъ всегда падаетъ на дѣвокъ бойкихъ, опытныхъ, развязныхъ. Свахи принимаются за свою обязанность. Онѣ пляшутъ или ходятъ по избѣ припѣвая:

— Мати, ты мати!
Отдай свою дочи,
За моего сына,
Добра господина.
У моего сына
Есть коробейка,
Желѣзомъ окована,
Отрепьемъ насыпана.
Мочаломъ запутана.

Потомъ, изъ круга сидящихъ, берутъ столько дѣвокъ, сколько находится на лицо мущинъ; къ каждому на колѣни садятъ по дѣвкѣ или „невѣстѣ" и, продолжая плясать, поютъ:

— Добро — пожаловать
Къ Борисушку на сватьбу,
Къ пивовару пиво пити,
Хлѣба соли ѣсти: [1])
У насъ пиво рябинно,
Брага мякинна.
Запивали заѣдали,
По пѣснямъ плясали.
Какъ-то Борисушку жениться будетъ?
Ищу я Борисушку (ѣ) ласковую тещу,
Хорошую невѣсту.
Борисушка къ боку подвинулся,
Къ правой груди прикинулся.

Эта пѣсня повторяется иногда для каждой пары играющихъ. По окончаніи ея, женихи состоятъ въ пріятной обязанности вывести своихъ невѣстъ къ столу и, поклонившись три раза въ передній уголъ, поцѣловать ихъ столько разъ, сколько заблагоразсудится. При этомъ развязный, бойкій Борисушка-женихъ, если его дѣвка-невѣста, относительно поведенія, извѣстна за „вольную", на дѣлѣ исполняетъ послѣднія слова пѣсни, при общемъ смѣхѣ играющихъ. Игра кончается, но иногда еще продолжаютъ свахи:

Я косила осоку телятушкамъ на ѣду, на ѣду.
Телятушки травки не ѣдятъ, не ѣдятъ.
Дѣтинушка косоногъ, косоногъ —
Схватилъ дѣвку, поволокъ, поволокъ

[1]) Послѣ этихъ словъ, иногда, для смѣху, прибавляютъ:

— Таракановый пельнянь сейны,
Налимовый чернянь сейны и т. д.

Это по-русски значитъ:

Таракановый пельнянь ѣсть,
Налимовый пирогъ ѣсть и т. д.

Въ темну баньку, на полокъ, на полокъ.
Дѣтинушка дѣвку наряжай, наряжай...
Я не знаю, какъ по имени назвать,
Я не знаю — по изотчеству сказать?
Какъ по имени-то Аннушка,
По изотчеству — свѣтъ Алексѣевна.
Какъ онъ Аннушкѣ разы, разы,
Свѣтъ Алексѣевнѣ — тузы, тузы...
Я не знаю какъ по имени назвать,
Я не знаю — по изотчеству сказать?
А по имени-то Александрушко,
По изотчеству Степановичъ...

Каждая пара опять встаетъ, подходитъ къ столу, кланяется въ передній уголъ, цѣлуется; свахи поютъ:

Та ровня соровнялася —
Диво, ладо *(Дидъ, Ладо?)* сдивовалася.
Та чета сочеталася —
Диво, ладо сдивовалася.
Люди, люди разсмѣялися,
Диво, ладо разсмѣялися.

Мущины цѣлуютъ своихъ невѣстъ и свахъ; игра кончается.

Оброкъ. Свахи раздаютъ мущинамъ „женъ", потомъ, по порядку, спрашиваютъ молодаго каждой пары:

— Ядрена-ли [1]) у тебя кобыла?
„Ядрена" — отвѣчаетъ молодой.
— Много-ли исполнишъ оброка?
„Сколько положатъ".

И свахи дѣлаютъ окладъ: одному назначаютъ вывезти полсажени или сажень дровъ, другому — сажень хряща на дорогу, третьему — свезти возъ хлѣба и т. д. Начинается исполненіе оклада. Ставятъ по среди избы стулъ, табуретъ *(джекъ)*, каждая пара, одна за другой, скачетъ чрезъ него три раза; потомъ пары цѣлуются и расходятся. Игра кончается.

Плетень. Дѣвки и молодые мущины, составивши одинъ общій кругъ, ходятъ въ одну сторону и поютъ:

— Заплетися плетень, заплетися,
Завертися камка трубчатая.
Мимо двора,
Мимо широка,
Не утка шла,
Не сѣра шла,

[1]) Крѣпка-ли, сильна-ли?

Туда шла-прошла
Красна дѣвица.
Изъ-за горъ ли, дѣвица,
Изъ-за синяго моря,
Изъ-за чистаго поля,
Гусей выгоняла,
Лебедей доставала.
Тиго гуси домой,
Тиго сѣрые домой!
Я сама съ гуськомъ,
Сама съ лебедькомъ,
Со старымъ старичкомъ,
Съ стадоводчикомъ.

Въ продолженіе пѣсни, играющіе, послѣдовательно одинъ за другимъ, заплетаются въ плетень. Кругъ движется обыкновенно противъ солнца; потому заплетаются такъ: каждый играющій поднимаетъ лѣвою рукой правую руку непосредственно сзади его идущаго сосѣда и, не выпуская ея, закидываетъ себѣ на спину, на правое свое плечо. Когда всѣ заплетутся, двѣ или три дѣвки, вышедши изъ круга, пляшутъ и поютъ:

У Филипова говинья
Была постная недѣля,
Второй вторникъ,
Седьмая среда,
Полевой четвергъ.
Величаетъ Александръ
Молоду свою жену:
Душечка Катеринушка,
Ягодка Патракіевна. [1])

При послѣднихъ двухъ стихахъ, пѣвицы скачутъ, чѣмъ выше, тѣмъ лучше, стуча ногами. Дѣло состоитъ въ томъ, что каждому молодцу, подъ видомъ жены, припѣваютъ по дѣвкѣ; по окончаніи припѣванья всѣмъ мущинамъ, плетень расплетается, каждая пара цѣлуется, и тѣмъ игра оканчивается.

Смотръ жениха и выборъ невѣсты. Дѣвки садятся рядомъ на лавку. Двѣ изъ нихъ становятся среди избы. Это — „свахи“. Дѣвки и свахи попеременно поютъ; начинаютъ дѣвки:

— Не иная молодая,
Вы зачѣмъ на дворъ пріѣзжали?
— Не иная молодая,
Мы невѣстъ смотрѣть пріѣзжали.
— Не иная молодая,
За кого примѣчали?

[1]) Пермяки сами не могутъ объяснить этого набора словъ.

—Не иная молодая,
За двороваго примѣчали.
—Не иная молодая,
Вы давайте молодца всѣхъ получше.

Свахи берутъ молодца и ставятъ его въ средину между собой и дѣвками.

— Не иная молодая,
У насъ вотъ молодецъ всѣхъ получше.
— Не иная молодая,
Ты кажи сюртукъ молодецкій.
— Не иная молодая,
У насъ вотъ сюртукъ молодецкій.
— Не иная молодая,
Ты кажи брюки молодецки.
— Не иная молодая,
У насъ вотъ брюки молодецки.
— Не иная молодая,
Ты кажи сапоги молодецки.
— Не иная молодая,
У насъ вотъ сапоги молодецки.
— Не иная молодая,
Ты кажи шапку молодецку.
— Не иная молодая
У насъ вотъ шапка молодецка.
— Не иная молодая,
Ты кажи кушакъ молодецкій.
— Не иная молодая,
У насъ вотъ кушакъ молодецкій.
— Не иная молодая,
Ты кажи рукавицы молодецки.
— Не иная молодая,
У насъ вотъ рукавицы молодецки.
— Не иная молодая,
Выбирай дѣвку всѣхъ получше.

Парень выбираетъ дѣвку. Поцѣловавши ее и всѣхъ остальныхъ дѣвушекъ, участвующихъ въ игрѣ, каждую по три раза, уходитъ на свое мѣсто. Пѣсня повторяется для другихъ молодцовъ. Игра кончается чаще послѣ трехъ-четырехъ повтореній.

Передъ дѣвками иногда становятся два парня — „сватовщики". Они поютъ:

— Княгини, мы къ вамъ пришли,
Молодыя, мы къ вамъ пришли!

Дѣвки отвѣчаютъ:

— Бояре, вы зачѣмъ пришли,
Молодые, вы зачѣмъ пришли?

— Княгини, мы невѣстъ смотрѣть
Молодыя, мы невѣстъ смотрѣть.
— Бояре, у насъ нѣтъ невѣстъ
Молодые, у насъ нѣтъ невѣстъ.
— Княгини, вы кажите намъ невѣстъ,
Молодыя, вы кажите намъ невѣстъ.
— Бояре, вы кажите жениха
Молодые, вы кажите жениха?
— Княгини, у насъ то ли не женихъ,
Молодыя, у насъ то ли не женихъ!
— Бояре, вы кажите кафтаны,
Молодые, вы кажите кафтаны.
— Княгини, у насъ то ли не кафтанъ,
Молодыя, у насъ то ли не кафтанъ!
— Бояре, вы кажите кушаки,
Молодые, вы кажите кушаки.

Такимъ образомъ перебираются всѣ принадлежности наряда: сапоги, рукавицы, шапка и проч., — по окончаніи, парни берутъ по дѣвкѣ, и поцѣловавши ихъ, уходятъ на мѣста, а игру повторяютъ другіе.

—

Ходить кругомъ. Всѣ играющіе, схватившись руками, ходятъ кругомъ, и поютъ одну изъ слѣдующихъ пѣсенъ:

Круговыя пѣсни.

1.

Вихорь, ты мой вихоречекъ,
Вихорь, тоненькій голосочекъ!
Ты, рыбка — окунечекъ,
Ты не плавай въ неводочекъ;
Заплывешь — не дрегайся,
Бѣлымъ рученькамъ не давайся.
Наша Аннушка догадайся,
Свѣтъ Ивановна спохватися.
Идетъ Александрушко цѣловаться,
Свѣтъ Григорьевичъ любоваться.
Поцѣлуемся, разойдемся,
Или пуще разыграмся.

Кому спѣта пѣсня, тѣ цѣлуются. Ее повторяютъ прочимъ въ кругу:

2.

Какъ вечо̀ръ, вечо̀ръ [1]) бѣда стреслась:
Ворота были не заперты,
Подворотенка не вставлена,
Улетѣла сѣра утица
Что на дальные хрустальные заводы.
На заводахъ были мастеры,
Подмастерьица примѣтливые;
Стали утицу прикармливати,
Честью-лестью уговаривати:
Дорогая любо гостьюшка,
Свѣты Анна Ивановна!
На кого сердцемъ понадѣялась?
— На удала добра молодца
Свѣтъ Ивана Григорьевича.

3.

Прилетѣлъ орелъ,
Прилетѣлъ сизой,
Сѣлъ на ворота,
Сѣлъ на широки,
Встрѣпенулся,
Взворохнулся.
Ты, Ѳеклуша
Спиридоновна!
Не ходи боса,
На дворѣ роса
Студененька,
Холодненька.
Ты, Александрушко
Свѣтъ Сергѣевичъ!
Коль жаль меня,
Купи чоботки,
Малы невелички,
Съ четверточку,
На полушку,
Для подружки,
Со ленточками,
Съ позументочками.

Поютъ всѣмъ въ кругу, дѣвкамъ и молодцамъ попарно:

4.

Вейся, вейся хмѣлько,
Перевейся батько,
На нашу сторону; 2
На нашей сторонѣ 2

[1]) Вчера.

Удача не мала, 2
Все гульба забава,
Серебряны тычки, 2
Золотыя шишки. 2
Нащиплю я хмѣлю, 2
Хмѣлю зеленаго, 2
Наварю я пива, 2
Пива медоваго; 2
Созову я гостя, 2
Гостя дорогаго, 2
Батюшка роднаго. 2
Мой батюшка будетъ —
Вся тоска убудетъ, 2
Радость мнѣ прибудетъ. 2

5.

Обманула, провела,
Будто дома я была.
Ай, калина моя!
Ай, малина моя!
На полатяхъ пролежала,
Потолочины считала.
Ай, калина моя!
Ай, малина моя!
Потолочина гнила,
Парню дѣвушка мила.
Ай, калина моя!
Ай, малина моя!
Потолочина широка,
Парню дѣвушка хороша.
Ай, калина моя!
Ай, малина моя!
Потолочина узка,
Парню дѣвушка баска.
Ай, калина моя!
Ай, малина моя!
Потолочина упала,
Парню дѣвушка попала.
Ай, калина моя!
Ай, малина моя!
На грядкахъ, на лучинѣ,
Дѣло было на зачинѣ.
Ай, калина моя!
Ай, малина моя!
На печѣ, на солоду,
Дѣло было на ладу.
Ай, калина моя!
Ай, малина моя!

6.

Утка по морю плавала, плавала;
Пристаетъ утка къ бережку, къ бережку,
Къ желтому ко песочку, ко песочку.
Съ-по горамъ дѣвка ходила, ходила,
Чоботомъ траву топтала, топтала,
Рукавомъ цвѣты роняла, роняла.
Мнѣ батюшка говорилъ, говорилъ:
Ты живи, дочи, — веселись, веселись,
Старой кто идетъ — поклонись, поклонись,
Молодой кто идетъ — сторонись, сторонись.
Я батюшка не слушала, не слушала,
Я родимаго не слушала, не слушала.
Какъ старой кто идетъ — сторонюсь, сторонюсь,
Молодой кто идетъ — поклонюсь, поклонюсь, —
Какъ стараго чорта ȯ землю, ȯ землю,
Молодаго парня ко сердцу, ко сердцу!

Во второй разъ припѣваютъ; „матушку родимую".

7.

Вью, вью, съ поля вью!
На деревнѣ, на углу,
Не косатка ли трещитъ?
Вью, вью, съ поля вью!
Свѣтъ Парасковья говоритъ:
Меня замужъ выдаютъ.
Вью, вью, съ поля вью!
Я мужу снаровлю,
Постелюшку постелю.
Вью, вью, съ поля вью!
Поцѣлую, обниму,
Мила спати уложу.
Вью, вью, съ поля вью!

8.

Въ саду дѣвицы гуляли,
Въ саду красныя плясали;
Цвѣты рвали со травами
Вѣнки вили съ городами.
Одна дѣвка говорила,
Одна красна повторяла:
Кому я млада достанусь?
Кому я красна достанусь?
Достанусь я дѣвица,
Достанусь красавица,
Старому, горбатому,
Хворому, безногому.

Какъ-то буду постелюшку стлати?
Постелю я постелюшку —
Въ три ряда дощечки,
Въ четвертый рядъ каменье;
Положу я въ изголовье щипицу колючу,
Одѣжу[1]) его крапивою жалючей,
Утреплю его дубиной вязовой:
Спи мой мужъ отъ вѣка до вѣка!

9.

Вечо̂ръ я млада не сыпала,
У тесовой у кроватки простояла,
Ждала дружка, дожидала.
Я насилу милаго дождалася,
Во бѣлу грудь его бросалася.
Я изъ горенки въ свѣтелку выходила,
Два я шкафчика отпирала,
Всѣхъ побольше я графинчикъ выбирала,
Во шлифованный стаканчикъ наливала,
На серебряный подносикъ становила,
Своему дружку я подносила:
Испей-ко, душа-радость, взвеселися,
На меня, красну дѣвицу, не надѣйся!
Что я-ли, красна дѣвица, сговорена;
Сговорила меня матушка родима
За такого за дѣтину, за невѣжу...
Не ему, шельмѣ-канальѣ, мной владѣти!
Что владѣти—не владѣти прежню другу,
Я котораго во дѣвицахъ любила,
Въ уста красны цѣловала,
Золотымъ, рѣзнымъ колечикомъ дарила!...
Не за то-ли меня матушка бранила?
Я матушкѣ отверточку сказала.
Я катила колечко по крылечку,
Я катила рѣзное, по крутому;
Укатилось мое колечко подъ крылечко
Укатилось, рѣзное подъ крутое.
Какъ моей-то матушкѣ родимой
Не любимая подружка правду объявила,
И за то меня матушка бранила.

10.

Съ-поиграйте-ко дѣвушки по лугу шаромъ,
По лугу шаромъ, вдоль по терему мечемъ.
Ай-да, люли, люли,
Ай, люли [2]).

[1]) Одѣну.

[2]) Припѣвъ этотъ, послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, повторяется.

Въ моемъ во теремѣ старый мужъ сидитъ,
Старый мужъ — погубитель мой.
Погубилъ головушку дѣвушкину,
Дѣвушкину, лебедушкину.
Дѣвка шла изъ высока терема,
Скляницу несла зеленаго вина,
Вина краденаго, цѣловальникова.
Кто вино не пьетъ,
Тотъ и пьянъ не живетъ;
Кто жену не бьетъ,
Тотъ и милъ не живетъ.
Бей жену къ обѣду, къ ужину опять —
Будетъ слаще обѣдъ,
Чтобы щи были горячи,
Каша масленая,
Жена ласковая.

11.

Взойду млада на крутой на угоръ,
Погляжу млада на зеленые луга:
Всѣ луга, болота водой поняло.
Выпущу я сокола изъ праваго рукава:
Полетико-ты, соколъ, на родимую сторонку,
Унеси ты, соколъ, батюшкѣ вѣсточку.
Батюшка идетъ, пятьдесятъ рублей несетъ...
Тѣмъ меня, батюшка, не выкупити,
Тѣмъ меня, родимой, не выручити.

Затѣмъ поютъ пѣсню снова, во второй разъ; но вмѣсто словъ: „батюшка идетъ", припѣваютъ:

„Матушка идетъ, кунью шубочку несетъ" и прочее...

Въ третій разъ припѣваютъ:

„Братецъ идетъ, ворона коня ведетъ".

Въ четвертый разъ:

„Сестрица идетъ, русу косоньку несетъ".

И наконецъ, въ пятый разъ, поютъ:

„Ладушка идетъ, одну денежку несетъ.
Тѣмъ меня ладушка выкупила,
Тѣмъ меня родимая выручила".

12.

Вскочу ли я, вспряну,
Съ горы на гору;
Сорву ли я, срѣжу,
Съ сыра дуба вѣточку;
Кину ли я, брошу,
Въ Дунай рѣчку быструю:

Тонетъ или нѣтъ
Съ сыра дуба вѣточка?
Тужитъ или нѣтъ
По мнѣ родимой батюшка?
Ахти мнѣ! не тонетъ
Съ сыра дуба вѣточка;
Ахти мнѣ! не тужитъ
По мнѣ родимой батюшка.

Тоже поютъ объ „матушкѣ“, потомъ объ „миленькомъ“, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ заканчиваютъ пѣсню такъ:

Тужитъ или нѣтъ по мнѣ миленькой?
Ахти мнѣ? тонетъ
Съ сыра дуба вѣточка;
Ахти мнѣ! тужитъ
По мнѣ миленькой другъ.

13.

По утру, ранешенько, на зарѣ,
Щекотала ласточка на дворѣ.
Плакала дѣвонюшка на морѣ,
На бѣломъ горючемъ на камнѣ.
По бережку батюшка гуляетъ.
Гуляй, гуляй, батюшка здорово!
Сойми меня, дѣвицу, съ моря,
Со бѣла горюча со каменя!
У батюшки жалости не было:
Не снялъ меня, дѣвицу, со моря,
Со бѣла горюча со каменя.

Поютъ снова объ „матушкѣ“, вмѣсто батюшка, и наконецъ о „миломъ“

У милаго жалости прибыло:
Онъ снялъ меня, дѣвицу, со моря,
Со бѣла горюча со каменя.

14.

За лѣсомъ, лѣсомъ,
За перелѣсомъ,
Тамъ дѣвки играли,
Красныя плясали.
Меня, молодешеньку,
Въ три голоса кличутъ, —
Чуть не въ четыре,
Пятый-то голосъ, —
Чуть такъ наноситъ:
Свекоръ домой кличетъ, —
Ѣсть-пить проситъ.

Ѣсть-пить подавала,
Свекра проклинала:
Чтобъ тебѣ, свекоръ,
Ѣсть-подавиться,
Ѣсть-подавиться,
Пить-захлебнутся!...

Поютъ снова туже пѣсню „свекрови", оканчивая такъ:

Свекровь домой кличетъ —
Постелюшку стлати.
Постелюшку стлала,
Свекровь проклинала:
Чтобъ тебѣ, свекровь,
Лечь — да не встати
Голову не сняти!...

За тѣмъ опять „деверю":

Деверь домой кличетъ —
Коня его сѣдлати.
Я коня сѣдлала,
Деверя проклинала:
Чтобъ тебѣ, деверь,
Съ коня-то упасти,
Голову сломити!...

Наконецъ, въ четвертый разъ, „золовкѣ":

Золовка домой кличетъ —
Голову чесати,
Косу заплетати.
Я косу заплетала,
Золовку проклинала:
Чтобъ у тебя, золовка,
Отпала головка,
Коса отвалилась!...

—

Нынѣшнія пермятскія святочныя игрища отличны отъ прежнихъ. Еще не такъ давно, почти повсемѣстно, „игровитые" составляли на святкахъ „братчины". Къ какой-нибудь сговорчивой хозяйкѣ, дѣвки, условившись между собою, приносили разные съѣстные припасы, солодъ бражный, пивной и проч. Хозяйка эта приготовляла теплую и холодную брагу, пиво, закуску, иногда съ пельнянями. Провѣдавъ объ этомъ, холостые и молодые женатые мужики складывались и покупали для братчины вина. Все это, разумѣется, дѣлалось тайно отъ старшихъ въ семействахъ. Въ условный день всѣ складчицы и складчики,

не позже „господскаго обѣда“ [1]), собирались на „братчину“. Здѣсь открывались пляски и игры. Въ 6 или 7 часовъ по-полудни, хозяйка угощала гостей закуской, послѣ которой пляски и игры возобновлялись: утренняя заря вынуждала играющихъ расходиться по домамъ. До закуски, во время и послѣ закуски, короче—въ продолженіе всего игрища, дѣвки и парни пили брагу, пиво, вино, кто сколько хотѣлъ; къ утру всѣ перепивались. Можно представить себѣ, что если парни—и трезвые—довольно вольно обращаются съ дѣвками, то тутъ вольность въ обращеніи выходила изъ границъ: дѣвки, съ своей стороны, не уступали въ непристойностяхъ парнямъ, и наконецъ игрище принимало видъ сходбища для разврата.

Примѣч. У Пермяченковъ нѣтъ лѣтнихъ игръ, въ собственномъ значеніи этого слова; они не знаютъ даже игры „въ бабки“ (кости) и развлекаются единственно свойственными ихъ возрасту и состоянію дѣтскими шалостями. Обыкновенно малютки обоихъ половъ, въ хорошую погоду, сидятъ у дороги и перегребаютъ пыль и рыхлую землю изъ одной кучки въ другую, или переносятъ ее въ подолѣ рубашки съ мѣста на мѣсто; наскучитъ это — изъ щепокъ, прутьевъ и колышковъ дѣлаютъ разныя плетушки и загородки, убираютъ ихъ, потомъ снова строятъ, опять убираютъ и опять строятъ. Такъ проводятъ они время до тѣхъ поръ, пока родители позовутъ домой. Въ зимнее время, въ праздничные и воскресные дни, по вечерамъ, парни играютъ въ *сиги.* Собравшись на улицѣ, вколачиваютъ въ землю колъ съ привязанной къ нему на верхнемъ концѣ веревкой аршина въ два-три длиною. Кругомъ кола кладутъ десятокъ и полтора старыхъ, худыхъ лаптей. Одинъ изъ играющихъ принимаетъ названіе „купца“, всѣ остальные названіе „покупателей“. Купецъ, ухватясь за свободный, опущенный конецъ веревки, бѣгаетъ кругомъ кола; его дѣло—охранять лапти отъ расхищенія. Въ то же время, около описываемаго купцомъ круга, бѣгаютъ покупатели; ихъ дѣло—успѣть приблизиться къ колу и выпнуть ногой лапоть за черту круга. Купецъ, бѣгая кругомъ, старается задѣть кого-либо изъ покупателей рукой или ногой. Если удастся ему это, когда лапти еще не всѣ выкинуты изъ круга, то онъ

[1]) Т. е. въ полдень. Въ большей части случаевъ, Пермяки, по замѣчанію г. Рогова, ѣдятъ «по три раза въ день. Часовъ въ 8 или 9 утра обѣдаютъ: это *обѣдъ крестьянскій*; въ 2—3 часа по полудни «паужнаютъ», въ 8—9 час. вечера ужинаютъ. Въ нѣкоторые дни и при нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ бываетъ еще, какъ видимъ отсюда, *господскій* обѣдъ. (Ж. М. В. Д. стр. 80—81).

предоставляетъ исполнять свою обязанность покупателю, котораго задѣлъ. Въ противномъ случаѣ, въ наказаніе за худой надзоръ, покупатели заставляютъ купца—или пробѣжать между двумя рядами играющихъ, которые будутъ толкать его въ спину, или проскакать одинъ или нѣсколько разъ, на одной ногѣ, по окружности круга, обчерченнаго радіусомъ веревки. Послѣ наказанія, лапти снова сбираютъ къ колу и тотъ-же купецъ снова сохраняетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока заденетъ одного изъ покупателей. Въ прежнее время, въ „сиги“ играли и пожилые Пермяки и даже старики, которые теперь, въ часы досуга, вмѣсто этой невинной забавы, пьютъ брагу, „бражничаютъ“.

V. Свадебные обряды. [1])

Пермяки женятъ сыновей очень рано. Едва минетъ „*зонкъ*“, т. е. парню, восемнадцать лѣтъ, отецъ и мать уже помышляютъ дать ему помощницу. Рѣдко молодой Пермякъ остается холостымъ до 25 лѣтъ, и то развѣ по крайней бѣдности, сиротству, или по невзрачію. Такая ранняя женитьба сыновей у Пермяковъ почти всегда есть слѣдствіе желанія отца и матери поскорѣе пріобрѣсти въ свой домъ работницу; иногда только побуждаются они въ этомъ дѣлѣ родительскою обязанностію — удержать сына-шалуна отъ противозаконной любви и дурныхъ ея послѣдствій.

Сватовство. Испросивъ дозволеніе у своего начальства и приходскаго священника, отецъ пріискиваетъ сыну невѣсту. Точно также, какъ и въ чердынскихъ свадьбахъ, эта статья, всегда рѣшается родителями безъ участія жениха, только по совѣту съ родственниками и близкими знакомыми, такъ что женихъ часто узнаетъ свою суженую на рукобитьѣ, или даже въ день свадьбы. Очень рѣдко случается, какъ исключеніе, что сынъ, помимо родителей, самъ подговариваетъ себѣ невѣсту. Отцовскій выборъ падаетъ обыкновенно на дѣвку съ достаточнымъ приданымъ, хорошую, послушную работницу; а сынъ, когда дѣйствуетъ помимо отца, склоняетъ на свою сторону, разумѣется, свою любезную, „*модзю*“, любовницу.

[1]) Въ 1-й книжкѣ Пермскаго Сборника была представлена уже нами статья подобнаго рода «о свадебныхъ обрядахъ города Чердыни»; а такъ какъ свадебные обряды Пермяковъ во многомъ сходны съ обрядами окрестныхъ Русскихъ, отъ которыхъ они, по всей вѣроятности, заимствованы вскорѣ по принятіи христіанства, то, не вдаваясь въ излишнія подробности, отмѣтимъ здѣсь только тѣ многочисленныя и интересныя особенности, которыми свадебные обряды Пермяковъ отличаются отъ обрядовъ чердынскихъ. *Ред.*

Послѣ окончательнаго рѣшенія — какую дѣвку сватать, начинается самое сватовство *(корасемъ)*. Это — дѣло отца или матери жениха, вообще — старшаго въ семействѣ; а если нѣтъ ихъ, то обязанность свата предоставляется крестному отцу, старшему родственнику, или близкому знакомому, во всякомъ случаѣ — человѣку опытному въ сватовствѣ. Нарядившись въ праздничное платье и помолившись Богу, сватовщикъ, или сватовщица, отправляется въ домъ отца избранной дѣвки, всегда на лошади, лѣтомъ — верхомъ, зимой въ саняхъ, непремѣнно прикрытыхъ рогожей.

При наклонности Пермяковъ къ суевѣрію, въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ сватовство и вообще вся женитьба, не обходится безъ суевѣрныхъ обрядовъ. Такъ, при входѣ въ домъ невѣсты, сватовщикъ отворяетъ избныя двери въ три пріема. Сначала, отворивъ не много, снова затворяетъ дверь на глухо, потомъ отворяетъ вторично и опять тотчасъ притворяетъ; наконецъ, въ третій разъ, уже отворяетъ дверь совсѣмъ. Во время входа въ избу, перенеся чрезъ порогъ правую ногу, сватовщикъ пристукиваетъ о порогъ пятою и потомъ уже ступаетъ на полъ [1]). Выйдя изъ-подъ полатей на средину комнаты, подъ матицу, сватовщикъ молится Богу, молча кланяется хозяевамъ и садится на лавку. Онъ молчитъ, пока хозяинъ не спроситъ его о причинѣ прихода и уже въ отвѣтъ на вопросъ его начинаетъ по-русски [2]), либо по-пермятски, вести рѣчь о своемъ дѣлѣ.

„У меня есть женикъ, — у тебя есть невѣста: я пришолъ съ добрымъ словомъ, — со сватаньемъ“.

— Кто твой женикъ: сынъ, братъ, аль ближній родня?

„Братъ“, или сынъ такого-то отвѣчаетъ сватовщикъ, „парень славной, работясшей, всяку крестьянску работу знатъ, всячину дѣлатъ [3]), парень смиреной, никаково дурашества нѣту“, и т. п. За тѣмъ слѣдуютъ большія или меньшія похвалы жениху — смотря по хитроумію и искусству въ краснорѣчіи свата.

[1]) Такъ отворяютъ дверь и входятъ въ избу и въ другихъ важныхъ случаяхъ, наприм. при входѣ съ просьбою къ начальнику и т. п.; безъ этой предосторожности, по вѣрованію Пермяковъ, не можетъ быть успѣха въ предпринимаемомъ дѣлѣ.

[2]) Чаще говорятъ по-русски, исключая женщинъ, во все не умѣющихъ говорить на этомъ языкѣ. Это примѣчаніе относится и ко всѣмъ послѣдующимъ разговорамъ.

[3]) Т. е. на всякое дѣло горазлъ.

— Кака у меня невѣста, — послѣ раздумья говоритъ хозяинъ, — дѣвка ешшо молода, пусть ешшо у меня поживетъ, на меня поробитъ [1]); выдавать рано...

„Коли-нибудь отдавать жо; дѣвка родилась—вѣкъ держать не будешъ... Женикъ нашелся стоюшшей; лучше не найдется: у него всякой скотъ, пакотà [2]) добра, клѣбъ изъ сусѣка не выводится“ [3]).

— Да она не приготовила ешшо ни подарковъ, ни лòпоти [4]); нѣтъ у нее ни каптана, ни сарапана.

„Для чё намъ каптанъ, для чё сарапанъ?... намъ нужна кароша работнича“.

— Какже, безъ каптана нельзя; годъ—другой понаровимъ, все же сдѣламъ; севагоды [5]) намъ не годъ отдавать.

На такой ладъ длится бесѣда, — „первое сватовство“, — довольно долго. Въ случаѣ рѣшительнаго несогласія отца невѣсты выдавать дочь, онъ говоритъ, наконецъ, сватовщику: „да у меня нѣтъ невѣсты; исши ее въ другомъ домѣ, а ко мнѣ съ этимъ дѣломъ (т. е. со сватаньемъ) не прикоди; а если кошь, прикоди за просто, за бражкой“.

Во всякомъ случаѣ, если отецъ невѣсты и согласенъ будетъ выдать дочь на первыхъ порахъ, онъ отвѣчаетъ сватовщику уклончиво, и тотъ, какъ и въ чердынскихъ свадьбахъ, ѣздитъ къ нему съ добрымъ словомъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ отецъ невѣсты не назначитъ дня для рукобитья или сговора.

Случается, невѣста, вопреки родительской волѣ, не хочетъ идти за-мужъ за предложеннаго жениха. Тогда отецъ, если не можетъ склонить дочь, отказываетъ свату во второй или третій его пріѣздъ.

У невѣсты, въ продолженіе сватовства, ничѣмъ не угощаютъ сватовщиковъ, хотя они часто сидятъ отъ 3 до 5 часовъ въ каждый пріѣздъ, и конечно не уклонялись бы отъ угощенія.

Долго сидя въ дѣвкахъ, Пермячки рѣдко сохраняютъ дѣвство до замужства, и женихи не только не обѣгаютъ, но напро-

[1]) *Робить* — работать.

[2]) *Пакотà* — пашня.

[3]) Если сватаетъ невѣсту самъ отецъ жениха, то и онъ даже хвалится своимъ хозяйствомъ и своимъ женихомъ.

[4]) *Лòпоть*, *лопотина* — всякая вообще одежда, и въ частности, у Пермяковъ, верхняя.

[5]) Т. е. въ сей, въ этотъ годъ.

тивъ очень охотно берутъ невѣстъ этого разбора [1]). Отцы основали на этомъ родъ убѣжденія, что если сватаются уже за дочерей ихъ, то, вѣроятно, онѣ, по крайней мѣрѣ, въ мнѣніи общества, потеряли уже дѣвство. Потому-то нѣкоторые отцы, считая дочерей своихъ невинными, оскорбляются сватовствомъ, бранятъ, выгоняютъ, нерѣдко колотятъ сватовщиковъ, приговаривая: „что разь (т. е. развѣ) дочь моя пенна [2]), что при шелъ ты сватать?“ Разумѣется, послѣ такой выходки отца, сватовщикъ не показывается уже въ его домѣ съ своимъ предложеніемъ.

Рукобитье. Въ день, назначенный для рукобитья, сватовщикъ беретъ у жениха одну-двѣ-три стклянки [3]) вина, туясокъ пива, рыбной пирогъ, и съ этими дарами отправляется въ домъ невѣсты. Ему сопутствуютъ—мать, дядя или какой другой родственникъ жениха. Самъ женихъ рѣдко бываетъ на рукобитьѣ; онъ ходитъ въ томъ только случаѣ, когда пожелаетъ видѣть его невѣста.

Вошедши въ избу, сватовщикъ и его спутники молятся Богу, раскланиваются съ хозяевами, ихъ домочадцами и гостями. Гости всегда ближайшіе родственники хозяина; они нарочно приглашаются быть при рукобитьѣ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, сватовщикъ спрашиваетъ отца невѣсты: согласенъ ли онъ выдать дочь за-мужъ за его жениха? Утвердительный отвѣтъ о согласіи не всегда получается съ перваго раза. По обычаю, отецъ „отнѣкивается“; его уговариваютъ, напоминаютъ ему о данномъ словѣ, о качествахъ жениха, о возможности и удовольствіи породниться. Тогда, какъ будто убѣжденный, онъ соглашается, выражая однакожь, что не совсѣмъ-то ему хочется выдавать дочь. Сватовщикъ ставитъ на столъ стклянки съ виномъ,

[1]) По замѣчанію г. Рогова (Ж. М. В. Д. 1858 г., № 4, отд. III, стр. 73), на нравственность Пермяки не обращаютъ вообще никакого вниманія; отцы совершенно не заботятся о поведеніи дѣтей, родственники развратничаютъ между собою, и парни охотно женятся на дѣвкахъ, не только «явно беременныхъ», но и на такихъ, «у которыхъ есть уже взрослыя дѣти». «Коми!—спрашиваютъ Пермяка—зачѣмъ берешь дѣвку съ *мірёномъ* (такъ называется всякое незаконнорожденное дитя, ибо отцомъ его считается *міръ*)? Ради мірёна и беру бачка—отвѣчаетъ Пермякъ — онъ теперь борноволокъ, а скоро будетъ работникъ». — Въ пермятскихъ селеніяхъ графини Н. П. Строгоновой, говоритъ Роговъ, въ 1851 году, изъ 100 браковъ было 48 такихъ, гдѣ «молодушки», вскорѣ послѣ вѣнчанія, радовали своихъ мужей «прибылью». *Ред.*

[2]) Отъ слова *пеня; пенный*-виновный. *Ред.*

[3]) Отъ богатаго жениха — съ полведра.

кромѣ одной, которую предоставляетъ невѣстѣ на ея нужды въ продолженіе свадебныхъ обрядовъ (смот. ниже). Отецъ приказываетъ затеплить свѣчку предъ иконами и принести на столъ хлѣбъ и соль. Всѣ, кто есть въ избѣ, съ-полминуты молятся Богу; потомъ отецъ заходитъ за столъ, къ столу подходитъ сватовщикъ, и при общей, такъ называемой, „Іисусовой" молитвѣ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!" [1])—сваты берутъ другъ у друга правую руку, что называется *кикутны*—руку держать. Сватовщикъ говоритъ отцу невѣсты: „смотри, сватъ, неи мѣй другаго слова! попятишься—отдашь безчестье; я отступлюсь—я плачу". Съ одной стороны товарищъ сватовщика, а съ другой—мать невѣсты, разнимаютъ у сватовъ руки. Этимъ обрядомъ утверждается, что условіе между сватами было заключено при свидѣтеляхъ и получило теперь уже обязательную силу. Сватовщикъ проситъ у хозяина рюмку и угощаетъ своимъ виномъ, сначала отца, потомъ мать невѣсты, старшихъ братьевъ ея, прочихъ взрослыхъ домочадцовъ и, въ заключеніе, гостей, поднося всѣмъ по одной рюмкѣ. Тогда отецъ выходитъ изъ-за стола и проситъ садиться за него сватовщика, его спутницу или спутника, и жениха, если онъ пріѣхалъ на рукобитье.

Невѣста, заранѣе уже одѣтая, во все время переговоровъ, рукобитья и угощенія, остается въ кути, за занавѣсой, иногда въ сообществѣ дѣвушекъ, своихъ подружекъ. Но какъ только сватовщикъ и его спутники усядутся за столъ, она выходитъ изъ кути дарить дорогихъ гостей. На деревянное блюдо или тарелку она ставитъ рюмку, наливаетъ ее тѣмъ виномъ, которое было доставлено ей отъ сватовщика, рядомъ съ рюмкою кладетъ дары, подходитъ къ столу и кланяется тому гостю, которому дары слѣдуютъ. Гость беретъ рюмку, цѣлуетъ невѣсту, выпиваетъ вино, ставитъ рюмку обратно, кладетъ на блюдо отдарочныя деньги и беретъ дары. Дары составляютъ обыкновенно вещи, приготовленныя самой невѣстой, смотря по состоянію отца и собственному ея трудолюбію, болѣе или менѣе цѣнныя. Хорошая невѣста даритъ сватовщику—платокъ браный или „ширинку", или же опояску, тѣльникъ и два красные пояска къ обуви; свахѣ—нѣсколько аршинъ холста на рукава, покромку и два пояска. Если бываетъ на рукобитьѣ и женихъ, то ему подносятъ обык-

[1]) Эта молитва, во все продолженіе свадебныхъ обрядовъ, употребляется весьма часто. Потому, не повторяя ея, во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ, подъ названіемъ « Іисусовой молитвы », мы будемъ разумѣть именно эту молитву.

новенно подарки такіе же, какъ и сватовщику. Отдариваютъ—всякій по своимъ средствамъ; сватовщикъ кладетъ обыкновенно больше всѣхъ, отъ четвертака до полтинника.

Послѣ даровъ, сватовщика и его спутниковъ угощаютъ обѣдомъ, нарочно для этого случая приготовленнымъ. Кушанья бываютъ праздничныя: рыбный пирогъ, студень, щи, два-три жаркія, иногда медъ. Во время обѣда хозяева подчуютъ всѣхъ гостей, безъ различія, званыхъ и незваныхъ, пивомъ, теплой брагой и виномъ, доставленнымъ отъ сватовщика. Образуется мало-по-малу пирушка—шумная, веселая; ни хозяева, ни гости не жалѣютъ ни пива, ни браги, ни себя. Если отецъ невѣсты—человѣкъ достаточный, то въ дополненіе къ чужому вину, онъ угощаетъ всѣхъ еще своимъ виномъ; тогда пирушка становится еще разгульнѣе. Поздно ночью, сытые и пьяные гости разъѣзжаются по домамъ.

Когда на рукобитьѣ бываетъ и женихъ, то, во время даровъ и столованья, соблюдаются обряды и поются пѣсни, также какъ въ день свадьбы, когда по пріѣздѣ свадебнаго поѣзда въ домъ невѣсты, выводятъ ее изъ кути. Эти обряды и пѣсни мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Рукобитье замѣняетъ у Пермяковъ просватанье [1]), поэтому, послѣ рукобитья, невѣста считается „просватанною". Съ этого времени, каждодневно, она приглашаетъ къ себѣ „вытницу" и подругъ своихъ—дѣвокъ, число которыхъ бываетъ различно и зависитъ главнымъ образомъ отъ состоянія хозяевъ.

„Вытница"—лицо у Пермяковъ очень важное. Это—замужняя женщина или старая дѣвка, которая знаетъ и умѣетъ пѣть русскія свадебныя пѣсни. Вытницей называется она потому, что, при ея пѣсняхъ, какъ говорится у Пермяковъ, невѣста „воетъ", т. е. плачетъ. Хорошія вытницы рѣдки, и потому пользуются большимъ уваженіемъ въ народѣ.

Вытница и дѣвушки, хотя и не постоянно, живутъ у невѣсты до самаго отъѣзда ея къ вѣнцу. Въ продолженіе этого времени, дѣвки приготовляютъ невѣстѣ разныя вещи для подарковъ жениховой роднѣ и самой невѣстѣ въ приданое. У богатыхъ невѣстъ готовятся: рубашки мужскія и женскія, порты, мѣшки, пологи или занавѣсы для постели, занавѣска для кутнаго мѣста, рукава къ рубашкамъ, наплечья, холщевые платки, опояски,

[1]) Начиная съ рукобитья, по день пирожнаго стола включительно, въ домахъ жениха и невѣсты никому и ничего не даютъ въ займы.

пояски, тѣльники, покромки, красные пояски къ лаптямъ, косоплетки и подвязки (смотр. „Одежда и Обувь"). Красныхъ поясковъ не рѣдко плетутъ до 200 паръ, и они всѣ расходятся на подарки.

Въ первые дни послѣ рукобитья, всѣ родственники попеременно, но соблюдая старшинство, приглашаютъ невѣсту съ вытницей и дѣвками къ себѣ въ гости. Изъ каждаго дома присылается для этого къ невѣстѣ нарочный — „зватый". Невѣста угощаетъ его виномъ, которое беретъ на рукобитьѣ отъ свата и даритъ ширинкой, тѣльникомъ и двумя поясками. Для выхода въ гости, она одѣвается въ лучшую праздничную одежду и украшаетъ косу большимъ количествомъ ленточекъ. Снарядившись такимъ образомъ, невѣста становится съ дѣвками посреди избы. Дѣвки, подъ руководствомъ вытницы, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ, воютъ:

1. Благослови-ко, родимой батюшко,
Мнѣ ходити, гуляти
Ко дядюшкамъ ко тетушкамъ,
Съ кумушками, со подружками,
Со назваными со сестричками
Во своей въ трубчатой косѣ,
Во своей дивьей красотѣ,
Отъ роду не въ первые,
Въ трубчатой косѣ во послѣдніе.

При этомъ невѣста падаетъ отцу въ ноги; отецъ говоритъ: „Богъ благословитъ!" Пѣсня, съ приличными измѣненіями, повторяется матери, старшимъ братьямъ и сестрамъ. Благословленная всѣми, невѣста съ дѣвушками отправляется въ гости, если близко, пѣшкомъ, а если далеко, то на лошадяхъ, зимой— въ саняхъ, лѣтомъ — верхами. Дѣвушки берутъ съ собою войлокъ и подушку — сѣдалище невѣсты въ домѣ. Дорогой онѣ поютъ обыкновенно разныя проголосныя пѣсни.

Вотъ наконецъ подъѣзжаютъ къ дому тетки, прямо къ переднему крыльцу. Вошедъ въ сѣни, дѣвушки стелютъ войлокъ передъ избныя двери и, ставши на него вмѣстѣ съ невѣстой, поютъ:

2. Не хотѣла ты, моя тетушка,
На мосту меня заморозить.
Прищипало мои ножки рѣзвыя
Ко мосту да ко калиновому;

Прищипало мои ручки бѣлыя
Ко скобѣ да ко желѣзною [1]).

Тетка, между тѣмъ, постлавши въ избѣ къ порогу войлокъ, выходитъ въ сѣни, съ туясомъ теплой браги для невѣсты и ея свиты. Невѣста падаетъ ей въ ноги, дѣвушки поютъ:

3. Иду я къ тебѣ, тетушка,
Не въ чести и не въ радости,
А въ тоскѣ да во кручинушкѣ:
Во своей во трубчатой косѣ,
Во своей да дивьей красотѣ,
Отъ роду не въ первые,
Не въ первые, да во послѣдніе.

Невѣста и дѣвушки, испивъ браги по одному „поднесенью", т. е. по одному разу, заходятъ въ избу. Войлокъ и подушку, которые взяты были изъ дому невѣсты, дѣвушки несутъ съ собой въ избу. Помолившись посреди избы Богу, невѣста и ея свита кланяются всѣмъ домашнимъ, цѣлуются съ женскимъ поломъ и садятся близь стола, на лавку, покрытую войлокомъ. Черезъ нѣсколько времени хозяйка проситъ гостей за столъ и угощаетъ брагой, пивомъ, иногда виномъ, пельнянями и другими кушаньями. Въ холодное зимнее время, чтобы скорѣе согрѣть невѣсту, подаютъ ей горячее пиво съ перцомъ. Наѣвшись и напившись до сыта, дѣвушки поютъ за столомъ:

4. Спасибо тебѣ, тетушка,
На хлѣбѣ, на соли,
На премногой большой милости!
Я сидѣла у тебя, тетушка,
На большомъ мѣстѣ, подъ иконами,
За столами да за дубовымя,
За скатертью шитой, браною;
Пила, ѣла я да кушала
Питья ваши сладкія.
Перво питье—бѣла браженька,
Друго питье—пиво варливое,
Третье питье—зелено вино,
Все яства сахарныя:
Все гуси да лебеди,
Сѣры малыя утицы.
Мнѣ пилося и ѣлося
У тебя ужъ не по старому,
Не по старому, не по прежнему.

[1]) Окончаніе *ою* вм. *ой*, какъ особенность пермскаго нарѣчія, читатели видѣли уже въ первой книжкѣ «Пермскаго Сборника».

Это поютъ всѣмъ въ домѣ, и каждый даритъ невѣсту деньгами—отъ 1 до 3 и даже до 20 коп. сереб., кромѣ хозяйки—тетки, которая даритъ невѣсту шамшурою. Послѣ отдарковъ продолжаютъ:

5. Подойди-ко ко мнѣ, тетушка,
Ко столу да ко дубовому;
Взвеличай-ко ты, моя тетушка,
Свою-то честну хлѣбъ да соль,
Какова у тебя случилася —
Про меня про молодешеньку,
Про кручинну красну дѣвицу.

Тетка подходитъ къ столу и, подвинувъ его немного, говоритъ: „хлѣбъ да соль!" Тогда другая какая-нибудь женщина изъ семейства начинаетъ убирать со стола, а дѣвушки поютъ:

6. Отказала мнѣ тетушка
Отъ хлѣба да отъ соли,
Отъ премногой большой милости,
Во моей во трубчатой косѣ,
Во моей да дивьей красотѣ,
Отъ роду не въ первые,
Не въ первые, да во послѣдніе:
Приказала мнѣ тетушка
На чужу ѣхать сторонушку.
На чужой-то на сторонушкѣ,
У чужаго свекра, батюшка,
Сидѣть буду, молодешенька,
По конецъ стола дубоваго;
Дожидать буду, молодешенька,
Все куска да все поданаго,
Все куска да ожуренаго.
Подадутъ мнѣ, молодешенькѣ,
Все куски да ожуреные,
Ожуреные, оговореные,
Принять велятъ честнешенько,
Поклонитися низешенько.
И приму я, молодешенька,
Со слезами со горючими;
Укушу я будто ледешокъ,
Проглочу я будто камешокъ:
Онъ ко сердцу прикатится,
Сердце кровью поворотится.

Это также повторяется всѣмъ въ домѣ. Потомъ невѣста и дѣвушки выходятъ изъ-за стола, останавливаются среди избы и воютъ:

7. Я вздыну ли брови черныя,
Я взведу ли очи ясныя,

Поищу я, посмѣкаю
Я родимую тетушку.
Ты моги-ко, родимая тетушка,
До меня дойти, доступить,
До меня, до молодешеньки,
До кручинной красной дѣвушки.

Тетка подходитъ. Невѣста кланяется ей въ ноги. Дѣвушки поютъ:

8. Благослови-ко меня, тетушка,
Своимъ-то благословеньицемъ
Отъ желань (я) сердца ретиваго,
Со легка сердца великаго!
Твое-то благословеньицо,
На чужой дальней сторонѣ,
Оборона великая
Отъ большаго и отъ малаго,
Отъ худаго и отъ недобраго.

Невѣста даритъ тетку холстомъ на рукава, тѣльникомъ и двумя поясками, при словахъ продолжаемой дѣвушками пѣсни.

Ты прими-ко, родима тетушка,
Мои малыя гостиночки!
Не осуди, родима тетушка,
За мои малыя гостиночки:
У меня столько случилося,
Во бѣлыхъ рукахъ родилося.

Эту пѣсню повторяютъ прочимъ старшимъ членамъ семейства. При этомъ хорошая невѣста даритъ хозяину — порты, или опояску съ тѣльникомъ и двумя поясками, хозяйкѣ — платокъ изъ волоконнаго холста съ узорами, или рукава къ рубашкѣ съ покромкой и двумя поясками; младшимъ въ домѣ, смотря по полу, каждому по покромкѣ или по тѣльнику съ двумя поясками.

По окончаніи даренья, невѣста съ дѣвушками садится на нѣсколько минутъ къ столу, на войлокъ; потомъ отправляется домой или къ другому родственнику; а иногда остается въ домѣ тетки на цѣлые сутки. Передъ выходомъ изъ избы поютъ:

9. Отходила я, отгуляла
Ко своей родимой тетушкѣ,
Во своей во трубчатой косѣ,
Во своей во дивьей красотѣ,
Со кумушками, со подружками,
Со назваными сестричками,
Отъ роду не въ первые,
Въ дѣвьей красотѣ во послѣдніе.

Невѣста и дѣвушки, точно также, какъ и пришли, выходятъ изъ избы по войлоку. Въ сѣняхъ и на крыльцѣ поютъ:

10. Наглядись-ко, моя трубчата коса
На дядюшкинъ на высокъ теремъ,
На тетушкину нову горницу;
Наглядись-ко моя трубчата коса
На всѣ четыре сторонушки.

За тѣмъ садятся въ сани и ѣдутъ, куда нужно; если домой, то другаго родственника посѣщаютъ, спустя день или два.

Въ первые три утра послѣднихъ четырехъ дней до свадьбы, пробудившись, но не вставая съ постели, дѣвушки, отъ лица невѣсты, поютъ отцу и матери ея, каждому отдѣльно, только съ приличной перемѣною въ словахъ, слѣдующую пѣсню:

11. Вы не пойте, троеперы пѣтухи,
Вы не пойте звонкимъ голосомъ,
Не будите вы моего батюшка,
Не будите моего родимаго.
Старымъ-то онъ старешенекъ,
Слабымъ-то онъ слабешенекъ;
Не можетъ буйну голову вздынути,
Праву рученьку подняти,
Со тесовой кроватушки вставати,
Рѣзвы ноженьки спустити.
Вставай-ко ты, сударь, батюшка,
Для меня, для молодешеньки,
Во первые, во послѣдніе!
Обувайся, сударь, батюшка,
Во чулочки своедѣльные,
Въ лапоточки плетеные!
Умывайся, сударь, батюшка,
Ты водой свѣже-ключевою;
Утирайся, сударь, батюшка,
Шириночкой бѣло-полотняной;
Помолись родимый батюшка
За меня, за молодешеньку,
Николаю Чудотворецу!

Вслѣдъ за этой пѣсней, дѣвушки поютъ другую:

12. Спала я, высыпалася,
Ждала я, дожидалася
Отъ батюшка побужденьица,
Отъ матушки покликаньица:
Не могла я дождатися
Отъ батюшки побужденьица,
Отъ матушки покликаньица.
Не будитъ меня батюшка,

Не кличетъ меня матушка —
Не знать — они жалѣючи,
Не знать — они сбываючи.
Вставайте, мои кумушки,
Вставайте, мои подруженьки!
Не пора вамъ спать, пора вставать.
На дворѣ свѣтъ свѣтаетъ,
Высоко взошло красно солнышко.
Вамъ и спится и дремлется
Безъ всякой заботушки;
Мнѣ же, молодешенькѣ,
Кручинной красной дѣвушкѣ,
Не спится, не дремлется,
Во снѣ много видится;
Хотя спится и дремлется,
Но все ужь не по старому,
Не по старому, не по прежнему.
Вотъ привидѣлся мнѣ страшный сонъ,
Страшный сонъ, не радостный:
Какъ хожу-то я, гуляю,
По крутымъ краснымъ бережкамъ,
Подлѣ рѣченьку быстрою, —
Тутъ стоитъ изба безверхая;
Заглянула я въ окошечко,
И увидѣла я середи избы
Лютаго звѣря раменскаго [1]):
На печи сидитъ зла медвѣдица,
На лавочкахъ борзы кобели,
За занавѣсой сороки-вѣщицы.
Пробудилась я, молодешенька,
Одумалась, догадалася:
Какъ круты-то красны бережки —
Мнѣ тоска да кручинушка;
Рѣченька-то быстрая —
Мнѣ слезы горючія;
Пуста-то изба безверхая —
Домъ чужаго чужанина;
Лютой-то звѣрь раменскій —
То злой свекоръ — батюшка;
Злая-то медвѣдица —
То лиха свекровушка;
Борзые-то кобели —
Тѣ мои деверьюшки;
Сороки-то вѣщицы —
Тѣ мои золовушки.

Приготовленія къ свадьбѣ. Также въ одинъ изъ послѣднихъ дней предъ свадьбой, отецъ жениха, или старшій его род-

[1]) Медвѣдя, живущаго въ «раменьѣ», въ глухомъ лѣсу.

ственникъ — сватовщикъ, пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты условиться о днѣ свадьбы. Это называется: *держать совѣтъ*. Онъ привозитъ съ собой отъ жениха вино, рыбный пирогъ и челпанъ, завернутые въ платокъ и обвитые тѣльникомъ и двумя поясками. Вино поступаетъ отцу, а пирогъ съ платкомъ, тѣльникомъ и поясками матери невѣсты. За эти гостинцы, мать посылаетъ такіе же гостинцы, отъ лица невѣсты, жениху. Невѣста угощаетъ дорогаго гостя виномъ, которое получила при рукобитьѣ, а также пивомъ, брагой и обѣдомъ.

За день или за два до свадьбы, отецъ жениха совѣщается съ семьянами — кого поставить въ поѣзжане, и особенно — въ „вѣжливцы“ [1]). Обыкновенно избираются: крестный отецъ, старшій братъ или дядя жениха — въ тысяцкіе или бояре; крестная мать, тетка или старшая замужняя сестра — въ свахи; младшіе братья и знакомые жениха — въ дру́жки и поддру́жки, и какой-нибудь колдунъ, знахарь — въ „вѣжливцы“. Присутствіе „вѣжливца“, по мнѣнію Пермяковъ, отвращаетъ отъ поѣзда великой злой умыселъ „злаго человѣка“ или „врага“, т. е. другаго колдуна. Въ это время суевѣрные Пермяки особенно опасаются, не оборотилъ бы онъ — этотъ злой человѣкъ — свадебжанъ въ звѣрей или птицъ.... Поэтому вѣжливецъ долженъ быть силенъ въ колдовствѣ; оттого людей, годныхъ для этой должности, весьма мало, и вѣжливецъ становится чрезвычайно важнымъ лицомъ на свадьбѣ, — его почитаютъ больше всѣхъ поѣзжанъ. Дружкой ставятъ человѣка бойкаго, расторопнаго, знающаго свадебныя пѣсни и присказки.

Избранные въ поѣздъ, приглашаются наканунѣ свадьбы въ домъ жениха. Приглашаютъ, по выбору отца, братъ или дядя жениха, получающіе поэтому случаю наименованіе „зватыхъ“. Каждому приглашаемому „зватый“ привозитъ въ подарокъ челпанъ хлѣба и кусокъ говядины, но чаще сырую баранью лопатку. Въ тоже время, своего рода приготовленія происходятъ и въ домѣ невѣсты.

Канунъ свадьбы. Въ послѣдній вечеръ предъ свадьбой, дѣвушки расплетаютъ невѣстѣ косу и водятъ ее въ нарочно истопленную баню мыться и париться. Передъ тѣмъкакъ идти въ баню, онѣ поютъ:

13. Ты моги-ко, родимый батюшка,
До меня дойти — доступить!

[1]) *Вѣжливецъ* — знахарь, охраняющій молодыхъ отъ дурнаго глаза, порчи и т. п.

Благослови-ко, родимый батюшка,
Мнѣ идти да въ теплу банюшку,
Мнѣ помыться, попариться
Со кумушками со подружками,
Со назваными сестричками,
Отъ роду не въ первые,
Въ дивьей красотѣ, во послѣдніе,
Во голубушкѣ во трубчатой косѣ.

Невѣста падаетъ отцу въ ноги. „Богъ благословитъ!"—говоритъ отецъ. Пѣсню повторяютъ матери, братьямъ, сестрамъ и прочимъ домочадцамъ, которые также благословляютъ кланяющуюся имъ въ ноги невѣсту.

Тогда идутъ въ баню съ пѣснею:

14. Наглядись-ко, моя руса коса,
Наглядись-ко ты, дивья красота,
На всѣ на четыре стороны,
На улочку на широкую,
На луга на зеленые,
На поля на чистыя,
На рѣченьку на быструю,
На болота на зыбучія и проч.

Пѣсню эту поютъ въ продолженіе всей дороги до бани, упоминая въ ней по произволу всѣ предметы, встрѣчающіеся дѣвушкамъ на пути. Потомъ, подошедши къ банѣ, смѣняютъ эту пѣсню другой:

15. Смѣть ли мнѣ, тепла банюшка,
До тебя дойти, доступить,
Мнѣ помыться, попариться
Со кумушками со подружками,
Со назваными сестричками,
Отъ роду не въ первые,
Въ дивьей красотѣ въ послѣдніе.

За тѣмъ входятъ въ баню, моются и парятся. Мать невѣсты иногда приноситъ въ баню для угощенія дочери съ ея подругами, пиво и брагу.

При выходѣ изъ бани поютъ:

16. Спасибо вамъ, подруженьки!
Вы въ банѣ меня выпарили,
Вы щелокомъ меня вымыли.
Спасибо тебѣ, тепла банюшка,
Спасибо тебѣ, тепла парушка!
Я помылася въ тебѣ, попарилась,
Отъ роду не въ первые,
Въ дивьей красотѣ въ послѣдніе.

Раскатися ты, банюшка,
На четыре сторонушки,
По единому бревешечику!
Становитесь-ко вы, бревешечки,
По старымъ по мѣстечкамъ,
Что лѣсами да темными:
Не пройти чтобъ, не проѣхати
Моимъ-то разлучникамъ,
Моимъ-то супостатчикамъ.
Разсыпься-ко ты, каменка,
На четыре сторонушки,
По единому камешечику!
Становитесь-ко вы, камешки,
По старымъ по мѣстечкамъ,
Что горами да крутыми:
Не пройти чтобъ, не проѣхати
Моимъ-то разлучникамъ,
Моимъ-то супостатчикамъ.
Разсыптесь-ко вы, вѣнички,
На четыре сторонушки,
По единому пруточику!
Становитесь-ко вы, пруточики,
По старымъ по мѣстечкамъ,
Что частымъ березникомъ:
Не пройти чтобъ, не проѣхати
Моимъ-то разлучникамъ,
Моимъ-то супостатчикамъ.

Подходя къ дому:

17. Наглядись-ко, моя дивья красота,
На батюшкинъ на высокъ теремъ,
На матушкину бѣлу горницу,
На братцовы новы сѣнички.

Въ сѣняхъ, у дверей въ избу:

18. Отопри, родима матушка!
На мосту меня заморозила, —
Прищипало мои ноженьки
Ко полу да ко калиновому,
Прищипало мои рученьки
Ко скобѣ да ко желѣзною.

Мать отворяетъ двери и выходитъ въ сѣни съ брагой въ туяскѣ. Ей поютъ:

19. Ставай-ко, моя матушка,
Предъ меня да молодешеньку,
На свои-то ножки рѣзвыя!
Благослови меня матушка
Своимъ благословеньицемъ!
Твое-то благословеньице

Изъ синя моря вынесетъ,
Изъ темна лѣса выведетъ.

„Богъ благословитъ!"—говоритъ мать—и угощаетъ невѣсту и подругъ ея брагой. Испивши браги по немногу, всѣ заходятъ въ избу и садятся въ куть. Мать, накрывши на столъ, приглашаетъ невѣсту и дѣвушекъ ужинать.

Послѣ ужина, когда уберутъ все со стола, дѣвушки, продолжая сидѣть за нимъ, поютъ:

20. Не въ первые, во послѣдніе
Накормила меня матушка,
Во моей во русѣ косѣ,
Во моей да дивьей красотѣ,
Со кумушками со подружками,
Со назваными сестричками.

Потомъ выходятъ изъ-за стола и, остановясь среди избы, поютъ:

21. Вздыну ли я брови черныя,
Взведу ли я очи ясныя
Съ-по бѣлой по горницѣ,
Съ-по свѣтлой по свѣтлицѣ;
Поищу я, посмекаю
Я родимаго батюшка.
Становись-ко, родимый батюшка,
Предъ меня молодешеньку
На свои ножки рѣзвыя!
Благослови-ко меня, батюшка,
Своимъ-то благословеньицемъ!
Твое-то благословеньице,
На чужой дальной сторонушкѣ,
Оборона великая
Отъ большаго и отъ малаго,
Отъ худаго, отъ недобраго.

Отецъ подходитъ, невѣста падаетъ ему въ ноги и даритъ рубаху, опояску или штаны съ тѣльникомъ и двумя поясками.

22. Прими-ко, родимый батюшка,
Мои малые подарочки!
Не осуди ты, родимый батюшка,
За мои малые подарочки!
У меня столько случилося,
Во бѣлыхъ рукахъ родилося.
Будетъ весна красная,
Будетъ лѣто теплое,
Будетъ страдонька [1]) великая —

[1]) *Страдонька* или *страда* — время сѣнокоса и уборки хлѣбовъ. *Ред.*

Пойдетъ твоя семьюшка
На работу на тяжелую,
На поля на чистыя,
На луга на зеленые, —
Пойдутъ всѣ въ кучкѣ — грудочкѣ.
Не буду только я, молодешенька,
Между ними казатися,
Между ними являтися.
Вотъ одинъ покосъ проводится,
Вотъ другой покосъ кончается,
Мой отецъ назадъ оглянется:
Не идетъ ли моя мила дочь,
Не ведетъ ли широкой покосъ,
Не валитъ ли траву шелкову?

Пѣсню повторяютъ матери, дядьямъ, братьямъ, сестрамъ и другимъ взрослымъ домочадцамъ; невѣста кланяется имъ въ ноги и также даритъ — дядю тѣмъ же, чѣмъ отца, мать и тетку — рукавами, либо холстомъ для нихъ, брата — опояской, либо платкомъ, сестру, сноху — холстомъ на рукава, прочихъ, каждаго — только тѣльникомъ съ двумя поясками. Наконецъ, когда пѣсня уже будетъ кончена, невѣста кланяется въ ноги вытницѣ и даритъ ее холстомъ или рукавами.

Вслѣдъ за этимъ, дѣвки садятъ невѣсту на лавку и въ послѣдній разъ заплетаютъ ей косу съ ленточками, припѣвая:

23. Вы возьмите-ко, подруженьки,
Мелку часту щеточку;
Расчешите мою косоньку,
Разберите мою русую
По единому волосочику;
Раскладите ее, подруженьки,
По моимъ бѣлымъ плечикамъ,
По моему цвѣтну платьицу!
Солнышко, моя руса коса,
Солнышко, моя дивья красота!
Красила ты меня, басила [1])
По буднямъ, по праздникамъ,
По частымъ по воскреснымъ днямъ...
Ты прости-ко, моя косонька!
Ты не станешь меня красити,
Не красити, не басити!
Солнышко, мои ленточки,
Ленточки семи-шелковые,
На семи торгахъ торгованы,

[1]) *Басить* — украшать.

Изъ семи лавокъ выбраны,
По семи гривенъ куплены!
Частымъ-то васъ частешенько,
Мелкимъ дождичкомъ мочило,
Краснымъ солнышкомъ сушило,
Буйнымъ вѣтромъ разносило.
Вы красили меня, басили
По буднямъ, по праздникамъ,
По частымъ по воскреснымъ днямъ.
Вы прощайте, мои ленточки!
Вы не станете меня красити,
Не красити, не басити.

Потомъ, съ одной или двумя подружками, невѣста ложится спать, за столъ на лавку, противоположную дверямъ, къ которой, на этотъ разъ, приставляется еще скамейка; прочія дѣвушки, если онѣ одной деревни съ невѣстой, уходятъ домой,— если же дальнія, то ложатся на полъ и на полати.

Между тѣмъ у жениха, наканунѣ свадьбы, моютъ въ избѣ полъ, который потомъ застилаютъ довольно толсто соломой, чтобы „молодые" жили не бѣдно, не „голо", а богато, или по простонародному выраженію—„толсто". По вечеру женихъ ходитъ въ баню, но безъ всякихъ особенностей.

Въ день свадьбы, по утру, лишь только невѣста проснется, дѣвушки, отъ ея лица, поютъ:

24. Здорово ли, подруженьки,
Вы спали, ночевали?
Что вамъ во снѣ снилося,
Что во снѣ видилося?
Мнѣ-то, молодешенькѣ,
Не спится, не лежится,
Во снѣ много видится:
Что моя-то постелюшка
По синю морю плаваетъ,
Отъ берега къ берегу колыхается;
Не могла я ее поймати,
Не могла я ее захватити.
Вотъ идетъ-то по бережку
Удалый добрый молодецъ, —
Онъ поймалъ мою постелюшку,
На свою унесъ кроватушку.

Потомъ обращаясь къ отцу, матери, старшимъ братьямъ невѣсты, каждому порознь поютъ:

25. — Здорово ли, мой батюшка,
Здорово ли ты спалъ-ночевалъ

На тесовой кроватушкѣ,
На мягкой постелюшкѣ?
Не мои-то бѣлы рученьки
Постелю тебѣ постлали...
У меня ужь не вздымаются
Бѣлы малыя рученьки —
Постелюшку постлати —
Во тоскѣ во кручинушкѣ.

Невѣста встаетъ. Дѣвушки поютъ сначала отцу, потомъ матери:

26. Благослови-ко, родимый батюшка,
Мнѣ бѣло умыватися,
Хорошо снаряжатися
Во Божью церковь ѣхати,
Подъ златой вѣнецъ ставати,
Законъ Божій приняти
Со чужимъ-то со чужаниномъ.

Невѣста, вслѣдъ за тѣмъ, падаетъ въ ноги отцу и матери, которые, по обыкновенію, говорятъ: „Богъ благословитъ!" Тогда, вмѣстѣ съ дѣвушками, спускается она въ подполицу — „въ голбецъ" — одѣваться. Сначала она умывается съ мыломъ, потомъ надѣваетъ на себя: хорошую новую рубашку съ бѣлыми волоконными рукавами, китайникъ, на плечи шаль или ситцевой платокъ, на голову ленту и сверху фату, на ноги чулки и коты. Но прежде всего этого, по народному суевѣрію, опоясывается по голому тѣлу лыкомъ, подъ пазуху правой руки кладетъ по немногу льна, шерсти и мыла и на грудь — три кренделя или три пряничка. По мнѣнію Пермяковъ, лыко защищаетъ отъ колдуновъ и уроковъ; ленъ, шерсть и мыло выражаютъ желаніе молодой носить всегда льняную и шерстяную одежду, ходить чисто и богато; кренделями выражается мысль, чтобъ у мужа всегда водился хлѣбъ. Одѣвши невѣсту, дѣвушки вмѣстѣ съ нею выходятъ изъ подполицы, и остановясь у входа, поютъ:

27. Я одинъ поклонъ положу
За царя благовѣрнаго:
Дай ему Господи
Добра и здоровьица!

—

Я другой поклонъ положу
За царицу благовѣрную:
Дай ей Господи
Добра и здоровьица!

—

Я третій поклонъ положу
За царевыхъ малыхъ дѣтонекъ:
Дай имъ Господи
Добра и здоровьица!

—

Я еще поклонъ положу
За батюшка родимаго:
Дай ему Господи
Добра и здоровьица!

Потомъ невѣста молится за мать, братьевъ, сестеръ и наконецъ за себя, при словахъ:

Я еще поклонъ положу
За себя за молодешеньку:
Дай мнѣ Господи
Счастьица великаго!

Припѣвъ этотъ, равно какъ и всѣ предыдущіе, невѣста каждый разъ сопровождаетъ поклономъ въ землю на самомъ дѣлѣ. Окончивъ моленіе, дѣвушки съ невѣстою идутъ и садятся въ куть, и здѣсь поютъ:

28. Наглядись-ко, родимый батюшка,
На меня на молодешеньку:
Хорошо ли я снарядилась
Во Божью церковь ѣхати,
Подъ златой вѣнецъ ставати,
Законъ Божій приняти,
Со чужимъ-то со чужаниномъ?

Это повторяютъ: „родимой матушкѣ, милымъ братцамъ, милымъ сестрицамъ" и гостямъ званымъ и незванымъ.

Потомъ продолжаютъ:

29. — Я тебѣ, батюшка,
Бью челомъ, низко кланяюсь:
Я была у тебя, батюшка,
Малымъ-то малешенька,
Возлѣ лавочку ходила,
Со-по-стульчикамъ бѣгала.
Бралъ ты меня, батюшка,
На свои ручки бѣлыя;
Поднималъ ты меня, батюшка,
Выше буйной головушки;
Говорилъ ты мнѣ, батюшка:
Не отдамъ я тебя, мила дочь,
Не за князя, не за боярина;
Посажу я тебя, мила дочь,
Во сады во зеленые;
Обтыню я тебя, мила дочь,

Тынинами желѣзными;
Покрою тебя, мила дочь,
Камкою трубчатою;
Обсыплю тебя, мила дочь,
Мелкимъ, чистымъ жемчугомъ.
Вотъ сижу я у тебя, батюшка,
Во кути, за занавѣсой:
Обтынилъ ты меня, батюшка,
Кумушками да подружками;
Покрылъ ты меня, батюшка,
Тоскою да кручинушкой;
Обсыпалъ ты меня, батюшка,
Слезами да горючими.

Въ продолженіе этой пѣсни невѣста плачетъ не шутя.

Дѣвки, окончивъ эту пѣсню, начинаютъ расплетать невѣстѣ косу, и поютъ другую пѣсню:

30. Что я, горе, сижу,
Что я думаю,
Повѣся буйну голову,
Потупя очи ясныя,
Приложа руки бѣлыя
Ко сердцу ко ретивому?
Любима моя сестрица!
Разчеши мою русу косу;
Мои ручки не вздымаются
На свою буйну голову
Во первые, во послѣдніе,
Во своей во русѣ косѣ,
Во своей да дивьей красотѣ.
Солнышко, моя руса коса,
Солнышко, дивья красота!
Куда тебя оставити?
Оставлю я свою русу косу
Родимому батюшкѣ.
Охочь родимый батюшка
Во царевъ кабакъ ходити;
Пропьетъ онъ мою русу косу
За едину винну чарочку.
Тутъ ей не мѣсто, не мѣстичко,
Не житье, не красованьицо.

Ту же пѣсню повторяютъ матери, сестрамъ и братьямъ. Матери и сестрамъ въ концѣ поютъ такъ:

Оставлю я свою русу косу
Родимой своей матушкѣ.
Охоча родима матушка
Ходити и гуляти;

Обронитъ мою русу косу
Во грязи да во черныя.
Тутъ ей не мѣсто, не мѣстичко,
Не житье, не красованьицо.

Наконецъ:

Оставлю я свою русу-косу
Во святую церковь Божію,
За престоломъ Богородицы.
Тутъ ей мѣсто и мѣстичко,
И житье, и красованьицо.

Съ окончаніемъ этой пѣсни начинается ожиданіе жениха съ поѣздомъ.

Въ день свадьбы, по утру часовъ въ девять, къ жениху собираются поѣзжане. Каждый поѣзжанинъ привозитъ съ собой гостинцы жениху, подобные тѣмъ, какіе получены были наканунѣ отъ женихова „зватаго".

Поѣзжане пріѣзжаютъ зимой—въ саняхъ, лѣтомъ въ телѣгахъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ телѣгъ и удобныхъ для ѣзды дорогъ, то на верховыхъ лошадяхъ, всегда съ множествомъ колокольцовъ привязанныхъ къ дугамъ, а если послѣднихъ нѣтъ, то къ уздамъ и около лошадиныхъ ушей. Чѣмъ больше колокольцовъ, тѣмъ лучше, думаютъ Пермяки. У каждой дуги, или лошади, нерѣдко бываетъ по три колокольца.

Ко времени съѣзда поѣзжанъ, женихъ бываетъ уже одѣтъ. На немъ обыкновенно лучшее его платье: бѣлая волоконная съ узорами рубашка, бѣлые порты, новый черный или синій зипунъ и на ногахъ сапоги. На бѣднякѣ вся эта одежда и обувь нерѣдко чужая, взятая на время отъ сосѣда. Въ правый сапогъ женихъ кладетъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ, но не болѣе 3 к. с.

Когда всѣ поѣзжане соберутся, тогда хозяйка приноситъ на столъ накрытый скатертью челпанъ хлѣба, назначенный для благословенія жениха, соль, пиво и брагу. Зажигается предъ иконами свѣча. Женихъ молится Богу, кланяется въ ноги отцу и матери, испрашивая ихъ благословенія; потомъ прочитавъ Іисусову молитву, становится за столъ. Къ столу подходятъ съ той же молитвой, одинъ за другимъ, всѣ поѣзжане и отдаютъ жениху чрезъ столъ обѣими руками свои гостинцы: печеную баранью лопатку, или кусокъ сырой свинины, на челпанѣ хлѣба, говоря: „прими-ко, князь молодой, дорогіе гостиночки". Женихъ на молитву отвѣчаетъ: „аминь—твоей молитвѣ!"—принимаетъ, тоже обѣими руками, гостинцы, кладетъ ихъ сначала на голову, по-

томъ на столъ, и подчуетъ каждаго поѣзжанина пивомъ и брагой, рѣдко виномъ, творя Іисусову молитву и приговаривая: „пей-ко на здоровье, дядя, напр., Кузьма!"—Аминь—твоей молитвѣ!—отзывается поѣзжанинъ, принимаетъ стаканъ, кланяется жениху и продолжаетъ: „дай тебѣ Богъ", или „дай тебѣ Господи долги вѣки, счастье великое,—жить да быть, да добра нажить,—скота и живота, хлѣба и соли, княгиню-молодицу получити, съ княгиней въ Божью церковь ѣхати, подъ златыми вѣнцами стояти, законъ Божій приняти!"—потомъ пьетъ. Мать жениха со стола уноситъ гостинцы въ куть.

По приглашенію хозяина, поѣзжане садятся за столъ, по обѣ стороны жениха, справа—тысяцкій, слѣва—сваха, или обратно, смотря по расположенію избы, но всегда сваха садится съ краю стола, на лавку, идущую изъ кути. Подъ жениха всегда кладутъ войлокъ или подушку. На столъ между тѣмъ приносятъ легкую закуску: рыбный пирогъ, къ нему: уху — въ постные дни, баранью лопатку—въ скоромные, и послѣ всего, въ обоихъ случаяхъ, челпанъ, который служитъ знакомъ къ окончанію закуски. Женихъ обыкновенно ничего не ѣстъ; ѣдятъ только поѣзжане. Въ продолженіе закуски ихъ подчуютъ брагой и пивомъ. Не извѣстно для чего, кушанья приносятъ и уносятъ обратно всегда подъ блюдомъ, которое на столѣ снимаетъ тысяцкій, или женихъ, а закрываетъ хозяйка.

Послѣ закуски поѣзжане сбираются къ невѣстѣ.

— „Садитесь,—отецъ на отцово мѣсто, мать на материно!"—говоритъ, послѣ обычной Іисусовой молитвы, дружка.

Отецъ и мать заходятъ за столъ. Послѣ такой же молитвы, дружка продолжаетъ: „отецъ родимый! мать родимая! у васъ въ дому, во свѣтлой свѣтлицѣ, во новой горницѣ, за дубовымъ столомъ, за скатертью шитой—браною, князь молодой сидѣлъ съ полкомъ—съ поѣздомъ, съ тысяцкимъ, съ боярами, съ дружкой и съ поддружкою; не проситъ у васъ князь молодой ни злата, ни серебра, а проситъ вашего благословенія—къ княгинѣ-молодицѣ ѣхати, княгиню-молодицу получати, съ княгиней-молодицей до Божьей церкви доѣхати, подъ златымъ вѣнцомъ стояти, законъ Божій приняти. Чѣмъ его благословите? ласковымъ словомъ, или низкимъ поклономъ, али Божіимъ образомъ, али хлѣбомъ съ солью?"

Отецъ и мать выходятъ изъ-за стола, берутъ—первый икону изъ передняго угла, а послѣдняя челпанъ хлѣба со стола и становятся предъ столъ, спинами въ передній уголъ; женихъ кла-

детъ передъ иконой три поклона въ поясъ, два въ землю, потомъ падаетъ въ ноги отцу и матери; они благословляютъ его образомъ и хлѣбомъ поперемѣнно: „дай Господи тебѣ княгиню-молодицу получить,—законъ Божій принять!“

Тѣми же, иконой и хлѣбомъ, соблюдая тотъ же порядокъ, по приглашенію дружки, благословляютъ жениха, старшіе его братья и сестры, иногда всѣ семьяне, и наконецъ тысяцкій.

Образъ кладутъ въ пазуху жениха, а челпанъ беретъ дружка. Всѣ поѣзжане и женихъ, въ сопровожденіи родителей жениха, семьянъ и гостей, черезъ заднее крыльцо выходятъ изъ избы во дворъ, гдѣ, съ молитвой, садятся, всякой на свое мѣсто—зимой въ сани, лѣтомъ въ телѣги, или на верховыхъ лошадей. Дружки во всякое время года бываютъ на верховыхъ лошадяхъ. Вѣжливецъ, между тѣмъ говоритъ тихонько, про себя, заговоръ, обходитъ кругомъ всѣхъ лошадей, передвигаетъ экипажи, потряхиваетъ колокольцы. Этимъ, съ одной стороны, онъ удостовѣряется, не заколдованы ли лошади и экипажи, съ другой—принимаетъ мѣры, чтобъ не случилось этого съ поѣздомъ дорогой. Заговоръ вѣжливца слѣдующій: „покорюсь—помолюсь, сей день—сейчасъ, утромъ рано—вечеромъ поздно! Благослови меня, Пресвятая Мати Богородица, Егорій Храбрый (т. е. Георгій побѣдоносецъ)—со княземъ, со тысяцкимъ, со большими боярами, со свахой, съ дружкой и съ поддружкой ко княгинѣ ѣхати, княгиню получити, съ княгиней въ Божью церковь доѣхати, законъ Божій приняти! Стану—благословлюсь, пойду—перекрещусь на восточную сторону; благослови меня Михайло Архангелъ! дай намъ пути-дороги!“

Отецъ жениха угощаетъ поѣзжанъ виномъ, въ случаѣ состоятельности, обходя „подачей“ всѣхъ три раза. Вслѣдъ за отцомъ, мать и братъ жениха подносятъ пиво и брагу. Дружка творитъ Іисусову молитву и говоритъ: „тысяцкій воевода! приготовился ѣхать или не приготовился?“ Тысяцкій отвѣчаетъ положительно или отрицательно; если скажетъ: „не приготовился“, это значитъ, что онъ еще ожидаетъ подачи, которая и повторяется. Въ продолженіе ея, обращаясь къ жениху, дружки поютъ:

31. Куда ты, молодецъ, снаряжаешся
Со полкомъ, со поѣздомъ,
Со княземъ—бояриномъ,
Съ тысяцкимъ, съ воеводою,
Съ дружкой, съ поддружьемъ,
Со свахой, съ проводничкомъ?

— Снаряжаюсь я, доброй молодецъ,
По чистому полю ѣхати,
До княгини доѣхати,
Княгиню получити,
Со княгиней въ Божью церковь ѣхати,
Подъ златымъ вѣнцомъ стояти,
Законъ Божій приняти.
— Благослови, родимый батюшка,
Благослови, родима матушка,
Благословите, родимы братцы,
Благословите, милыя сестрицы,
Благословите, гости званые и незваные,
Нашего князя молодаго.

По окончаніи пѣсни, дружка опять спрашиваетъ тысяцкаго: „приготовился или не приготовился?" Тысяцкой отвѣчаетъ: „приготовился". Тогда дружка, какъ и прежде, сотворивъ Іисусову молитву, говоритъ: „отецъ родимый, мать родимая, милые братья, милыя сестрицы, гости званые и незваные! благословите нашего князя молодаго, ясна сокола, со всѣмъ съ полкомъ—съ поѣздомъ и проч.—къ княгинѣ-молодицѣ ѣхати и проч." Приглашаемые всѣ отвѣчаютъ: „Богъ благословитъ!" Послѣ благословенія, дружки поютъ слѣдующую, чаще другихъ употребляемую пѣсню:

32. Соколы, вы, соколы,
Соколы перелетные!
Вы гдѣ, соколы, полетали?
— Летали мы, полетали
Съ моря на море.
— Что̀ съ моря на море
Вы увидѣли, услышали?
— Мы увидѣли, услышали
На морѣ сѣру утицу.
— Зачѣмъ ее не имали?
Зачѣмъ ее не принесли?
— Хоть имать-то не имали,
Хоть принесть-то не принесли —
Право крылышко отломили,
Сизо перышко отщипнули.

Бояре, вы, бояре,
Бояре пріѣзжіе!
Вы гдѣ, бояре, ѣздили?
— Мы ѣздили, поѣздили,
Съ города на городъ.
— Что съ города на городъ

Вы увидѣли, услышали?
— Мы увидѣли, услышали
Во городѣ, во теремѣ,
Кручинну красну дѣвицу.
— Зачѣмъ ее не взяли,
Зачѣмъ ее не привезли?
— Хоть взять-то не взяли,
Хоть привезть-то не привезли —
Русу косоньку расплели,
Златой перстень перемѣнили.

Съ окончаніемъ пѣсни, дружки, а за ними всѣ прочіе поѣзжане съ женихомъ, отправляются къ невѣстѣ.

Между тѣмъ, еще во время съѣзда поѣзжанъ къ жениху, дружка получаетъ отъ его родителей разные припасы и вещи, какъ подарки въ домъ невѣсты: пиво въ боченкѣ или лагунѣ — для угощенія хозяевъ и гостей въ домѣ невѣсты; вино — для отца невѣсты, для отпирателя воротъ у невѣсты и на столъ, для угощенія; рыбный пирогъ, обвязанный поясками — для матери невѣсты, или для сестеръ; ячные пироги, или тоже рыбный — для вытницы съ дѣвками, и наконецъ челпанъ хлѣба, свой или чужой китайникъ, фату, коты, чулки и мыло съ вдавленною [1]) въ него мѣдною монетою — собственно для невѣсты.

Свадебный пермятскій поѣздъ составляется обыкновенно изъ нечотнаго числа людей, большею частію — изъ семи или девяти человѣкъ: жениха, тысяцкаго, двухъ или трехъ бояръ, одного или двухъ дружекъ, поддружья, свахи и вѣжливца. Онъ располагается дорогой такъ: впереди — дружка и поддружье; за ними бояра, потомъ тысяцкій съ женихомъ; далѣе сваха, и позади всѣхъ вѣжливецъ. Подъ поѣздомъ также всегда нечотное число лошадей. Дорогой дружки поютъ пѣсни. Тронувшись съ мѣста:

33. Ахъ, по морю, морю синему,
По синему, по Хвалынскому,
Плыветъ сѣръ селезень;
За сѣрымъ-то за селезнемъ
Плыветъ сѣра утица.
Для тебя мы, сѣра утица,
Изъ-за синя моря прилетали.
Покинула сѣра утица
Родимую матушку,
Покинула сѣра утица

[1]) Замѣчаютъ: если мыло, въ то время какъ вдавливаютъ въ него монету, изломается, то молодые не будутъ жить счастливо.

Милыхъ братцовъ,
Оставила милыхъ сестричекъ;
Поплыла сѣра утица
На чужу дальну сторону,
Изъ теплаго изъ гнѣздышка,
Изъ-за частаго кедроваго кустика,
Изъ-подъ окошечка колоднаго,
Изъ-за оконенки стекольчатой.

Подъѣзжая къ дому невѣсты:

34. У нашего добраго молодца
Черны кудри увиваются,
Увиваются, завиваются
На три сторонушки.
Первый рядъ у добра молодца
Завивается — чистымъ золотомъ,
Второй рядъ — чистымъ серебромъ,
Третій рядъ — чистымъ жемчугомъ.

Между тѣмъ, въ домѣ невѣсты, заслышавъ поѣздъ, дѣвушки поютъ:

35. Погляжу я, молодешенька,
Вдаль да во чисто поле:
Что въ полѣ дѣется,
Что въ полѣ видится?
Во чистомъ полѣ дымъ дымитъ,
Во чистомъ полѣ бѣль бѣлѣетъ,
Во чистомъ полѣ красъ красѣетъ,
Во чистомъ полѣ шумъ шумитъ.
Сама я, молода, знаю, вѣдаю,
Съ глупа разума догадаюся:
То ѣдутъ мои разлучники,
То ѣдутъ мои супостатчики,
По меня да молодешеньку,
По душу красну дѣвицу.
Какъ дымъ-то дымитъ —
Отъ коней добрыхъ паръ стоитъ;
Какъ бѣль-то бѣлѣетъ —
Отъ новыхъ шубъ князей да бояръ;
Какъ красъ-то красѣетъ —
Отъ свашеньки сряжаной;
Какъ шумъ-то шумитъ —
Отъ саней новыхъ кованыхъ.
Подъѣзжаютъ князья да бояра
Ко батюшкину высокому терему,
Ко матушкиной новой горницѣ,
Со чужимъ-то чужаниномъ.
Вотъ колотятся, друженьки,
Подъ колоднымъ окошечкомъ.

Всѣ столы пошатилися,
Всѣ явства повалилися,
Всѣ питья соплескалися,
Я красна дѣвица испужалася.
Поставь ты, родимой батюшка,
Ко воротамъ-то приворотничковъ,
Ко дверямъ-то придверничковъ!
Не пущай ты, родимой батюшка,
Чужаго-то чужанина,
Со князьями, со боярами,
До меня до молодешеньки,
До кручинной красны дѣвицы.

При послѣднихъ словахъ этой пѣсни, жениховъ поѣздъ уже у дома. Дѣвушки уходятъ съ невѣстой въ куть; невѣста садится противъ печи на лавку, покрытую войлокомъ или подушкой. Покрывая лавку, желаютъ невѣстѣ жить не бѣдно.

Между тѣмъ дружки, подъѣхавъ къ окну избы, трижды громко читаютъ: „Господи Іисусе, Христе“.... Каждый разъ, отецъ невѣсты говоритъ: „Аминь!“

— Отецъ, родимый! мать родимая! звали ли гостей? Ждали ли гостей? спрашиваетъ дружка.

„Звали, ждали“—отвѣчаетъ хозяинъ изъ избы.

— Бьемъ челомъ—продолжаетъ дружка.—Было ли сватовство? было ли любовство? было ли обрученье?

„Было“ — говоритъ хозяинъ.

— Отецъ родимый! мать родимая! у насъ князь молодой, ясный соколъ со всемъ полкомъ, со всемъ поѣздомъ, тысяцкій съ боярами, дружка съ поддружьемъ, сваха съ проводничкомъ, стоятъ подъ окномъ, подъ небеснымъ облакомъ, — дозволили намъ, дружкамъ, спроситься: во время ли, или не во время мы пріѣхали?

„Во время“ — отвѣчаетъ хозяинъ.

— Будетъ ли приказано намъ — къ золотому вашему столбу, къ серебряному кольцу — коней привязать, али во дворъ заѣхать? —

„Во дворъ заѣзжать“.

— Будетъ ли довольно у воротъ воротниковъ, у дверей придверниковъ?

„Будетъ“.

— Будетъ ли конямъ сѣно до ушей, овесъ до копытъ?

„Будетъ“.

— Нѣтъ ли во дворѣ свиньи горласты, собаки кусасты, гуся зубаста? Свиней во хлѣвъ загоните, собакъ на цѣпь привяжите, гусей въ стаю заприте. Намъ прикажите, аль сами исполните?

„Сами“.

— Нѣтъ ли въ домѣ курицы летучей? заприте въ шестокъ, чтобъ по избѣ не летала, сажи не спускала, цвѣтно платье не марала.

„Нѣтъ“.

— Кто будетъ ворота отворять: отецъ али мать, али братья, али сестры, али гости званые, али незваные, али люди прихожіе, али намъ, дружкамъ, прикажете?

„Братъ отворитъ“—отвѣчаетъ хозяинъ. Это порученіе—отворить ворота — падаетъ иногда на дядю или другихъ мущинъ — родственниковъ. Когда посланный пойдетъ отворять, передъ образами зажигаютъ одну—двѣ свѣчки, а дѣвушки поютъ:

36. Не послушалъ родимый батюшка,
Меня-то молодешеньку:
Отворилъ ворота широкія,
Отворилъ двери крѣпкія,
Пустилъ моихъ разлучниковъ,
Моихъ-то супостатчиковъ.

Нѣкоторые богатые и веселые отцы невѣстъ, для потѣхи и большей торжественности, въ началѣ разговора съ дружкой, въ срединѣ и въ концѣ его, стрѣляютъ изъ ружья по поѣзду холостымъ зарядомъ. Разумѣется, лошади пугаются и нерѣдко сбрасываютъ сѣдоковъ, которые, къ общему удовольствію, невольно попадаютъ въ разныя неловкія положенія, сопровождающіяся смѣхомъ и аханьемъ съ той и другой стороны.

Поѣздъ заѣзжаетъ во дворъ, къ заднему крыльцу. Отпиравшему ворота дружка даетъ въ особой посудѣ вино, съ косушку, и, съ Іисусовой молитвой, „кладетъ“ нагайкой кресты на воротахъ и на ближнемъ къ нимъ углу дома. Поѣзжане и женихъ выходятъ изъ экипажей, или спѣшиваются, снимаютъ верхнюю одежду и складываютъ ее въ экипажи, или на сѣдла.

Дружка кладетъ за пазуху восковую свѣчку, а на особое блюдо, для отца невѣсты, ставитъ вино, для матери кладетъ рыбный пирогъ, для невѣсты — челпанъ, и одинъ, а иногда вмѣстѣ съ поддружьемъ, идетъ въ избу. Здѣсь онъ молится Богу, произноситъ Іисусову молитву и говоритъ: „становитесь—отецъ на отцово мѣсто, мать на материно“, — и когда отецъ и мать станутъ рядомъ, за столъ, продолжаетъ: „руки съ подносомъ,

ноги съ подходомъ, головы съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ. Идутъ отъ нашего князя молодаго, яснаго сокола, дорогіе гостиночки, честны — немалы. Примете, аль не примете?"

— Примемъ — отвѣчаютъ отецъ и мать.

Дружка снимаетъ съ блюда слѣдующій имъ подарокъ, кладетъ его на столъ, потомъ продолжаетъ: „Идутъ къ княгинѣ-молодицѣ отъ нашего князя молодаго, яснаго сокола, дорогіе гостиночки, честны—не малы: какъ прикажете—на столъ положить, али намъ поднести?"

— Ты, дружка, самъ поднеси — говоритъ отецъ.

„Со свѣтомъ, али безъ свѣту?" — спрашиваетъ опять дружка.

— Со свѣтомъ — отвѣчаетъ обыкновенно отецъ.

„Свѣчи воску яраго отъ насъ, а свѣтъ летучій отъ отца и матери пойдутъ", — говоритъ дружка, и вынимаетъ изъ-за пазухи свѣчку, затепливаетъ ее отъ свѣчей передъ образами и идетъ въ куть къ невѣстѣ, насказывая: „дѣвицы-пѣвицы, пирожныя мастерицы, старыя старушки, молодыя молодушки! — подвинтесь, отсторонитесь отъ княгини-молодицы, чтобы мнѣ на праву ножку не наступить, чулокъ не замарать, башмакъ не разорвать, въ бѣлу грудь не толкнуть, безчестья не хватить". Невѣста съ дѣвушками встаетъ на ноги; дружка, сотворивъ Іисусову молитву, продолжаетъ: „княгиня-молодица! становись-ко ты на рѣзвы ножки, на куньи лапки; прими-ко ты отъ нашего князя молодаго, яснаго сокола, дорогіе гостиночки".

Въ отвѣтъ на это дѣвушки поютъ:

37. Не приму я, безъ родимаго батюшка,
Отъ чужаго чужанина
Дорогіе гостиночки:
Разлучатъ эти гостиночки
Съ родимымъ со батюшкой,
Съ родимой со матушкой.

Дружка повторяетъ опять Іисусову молитву, и, назвавъ отца по имени и отечеству, приглашаетъ его благословить невѣсту: „отецъ родимый! приступи, благослови княгиню-молодицу принять дорогіе гостиночки".

Отецъ говоритъ изъ-за стола: „дай тебѣ Господи дорогіе гостиночки, честны — не малы, принять!"

Пѣсня повторяется матери, братьямъ, сестрамъ, по старшинству, до самыхъ малыхъ семьянъ, каждому порознь, и по приглашенію дружки, всѣ они благословляютъ невѣсту словами отца. Тогда невѣста беретъ у дружки съ блюда слѣдующіе ей го-

стинцы,—челпанъ. Она поднимаетъ челпанъ на голову, потомъ отломивъ отъ него частичку, передаетъ его матери, либо помѣщаетъ въ возлѣ—стоящую коробку; на блюдо дружкѣ кладетъ свой челпанъ для жениха. Затушивъ свѣчку и положивъ ее на грядки, съ отдарками невѣсты, дружка возвращается во дворъ. Невѣстинъ челпанъ бываетъ черствый и мягкій. Отъ черстваго женихъ также отламываетъ небольшой кусокъ и съѣдаетъ его. Взаимное дареніе челпанами имѣетъ свой тайный смыслъ. Женихъ даетъ понять, что у него будетъ достаточно хлѣба на содержаніе жены и семейства, а невѣста своимъ подаркомъ выражаетъ цѣломудренна ли она? Цѣломудренная посылаетъ самый черствый челпанъ, потерявшая же дѣвство—мягкій. Для чего невѣста обличаетъ себя прежде времени — понять трудно.

Иногда дружка приноситъ въ избу жениховы гостинцы въ два раза, сначала отцу и матери, потомъ невѣстѣ, или обратно. Въ этомъ случаѣ, неся подарокъ невѣстѣ, онъ въ сѣняхъ начинаетъ говорить и спрашивать отца: „идутъ къ княгинѣ-молодицѣ отъ нашего князя молодаго, яснаго сокола, дорогіе гостиночки, честны—не малы,—примете, али не примете?“—И получивъ въ отвѣтъ:—примемъ,—продолжаетъ: „со свѣтомъ, али безъ свѣта?“—Со свѣтомъ.—„За вашимъ, али за нашимъ?“ Спѣсивый хозяинъ отвѣчаетъ:—за вашимъ.—Тогда дружка добываетъ огнивомъ огонь и зажигаетъ свѣчку, съ которою долженъ идти въ куть къ невѣстѣ. Потомъ спрашиваетъ: „дверь сами отопрете, али намъ прикажете?“—Отпирай самъ,—говоритъ отецъ. Дружка отворяетъ двери, заходитъ въ избу и даритъ невѣсту въ кути.

Обрядъ поднесенія даровъ невѣстѣ и родителямъ ея растягивается или сокращается, смотря по зажиточности и характеру невѣстина отца, по погодѣ и времени года. У зажиточнаго, спѣсиваго хозяина, а также въ хорошую, теплую погоду, обрядъ длится больше, у бѣднаго простаго и въ ненастную или холодную погоду, дѣлается все скорѣе; случается даже, что поѣзжане тотчасъ по пріѣздѣ во дворъ, заходятъ въ избу.

Вручивъ жениху невѣстинъ челпанъ, дружка кладетъ на блюдо другіе дары одной невѣстѣ: китайникъ, фату, коты, чулки, мыло съ мѣдною монетою, и вмѣстѣ съ женихомъ и остальными поѣзжанами, входитъ въ сѣни, отворяетъ дверь въ три пріема и прочитавъ молитву, говоритъ черезъ порогъ невѣстиной свахѣ: „свашенька, ты, матушка! приступись поближе, поклонись пониже; не будь ты драчлива, не будь ломлива,—будь жалостлива,

будь приступчива!“ Сваха невѣстина тихонько подходитъ къ дверямъ со стаканомъ пива, иногда вина; изъ сѣней низко кланяется ей женихова сваха, тоже со стаканомъ пива. Когда невѣстина сваха подойдетъ къ порогу и перенесетъ чрезъ него одну ногу, дружки выводятъ ее въ сѣни и запираютъ двери. Здѣсь свахи мѣняются стаканами и, поцѣловавшись, выпиваютъ пиво. Тогда женихъ съ поѣздомъ входитъ въ избу. Дружка, прочитавъ обычную молитву, говоритъ: „У насъ князь молодой, ясный соколъ, стоитъ среди пола, среди дубоваго, — проситъ мѣста. Благословите-ко—отецъ и мать—ему мѣсто!“

— „Вотъ мѣсто, здѣсь“—говоритъ отецъ, указывая на лавку въ переднемъ углу, а самъ выходитъ изъ-за стола, гдѣ оставался съ прихода дружки съ дарами.

Тысяцкій окупаетъ мѣсто; для чего кладетъ на столъ отъ трехъ до двадцати коп. серебромъ; женихъ заходитъ. Дружка беретъ съ грядокъ свою свѣчку, зажигаетъ и, прочитавъ Іисусову молитву, говоритъ: „Идетъ отъ нашего князя молодаго, яснаго сокола, къ княгинѣ-молодицѣ бѣло мыло, злато-серебро, цвѣтно платье, сини чулочки, красные башмачки. Бѣло мыло на умыванье, злато-серебро на уживанье, цвѣтно платье на одѣванье, сини чулочки, красны башмачки на обуванье. Кому прикажете поднести?“

— Вы, дружки, поднесите, — отвѣчаетъ отецъ.

Дружка повторяетъ молитву, заходитъ въ куть вмѣстѣ съ вѣжливцемъ, и обращается къ невѣстѣ: „княгиня, ты — молодица! ты прими-ко отъ нашего князя молодаго, яснаго сокола, бѣло мыло, злато-серебро, цвѣтно платье, сини чулочки, красные башмачки“.

Въ то время, когда дружка подходитъ къ невѣстѣ съ новыми дарами, вѣжливецъ беретъ съ полу солому и трижды подбрасываетъ невѣстѣ подъ ноги въ отвращеніе уроковъ и призоровъ.

Невѣста принимаетъ дары, также какъ прежде, съ благословенія всѣхъ домашнихъ, для чего дружка, какъ и прежде, поперемѣнно приглашаетъ всѣхъ ихъ, начиная съ отца. При имени каждаго приглашаемаго, дѣвки поютъ: „благослови-ко, родимой батюшка (матушка, братецъ...), мнѣ принять-то гостиночки отъ чужаго чужанина“, а припѣтый въ пѣсни, со своего мѣста, говоритъ: „Богъ благословитъ!“

Послѣ поднесенія даровъ, дружка говоритъ: „у меня отъ свѣчки руки горятъ“. На это отвѣчаютъ ему подаркомъ отъ невѣсты (ширинкой, платкомъ или поясками), съ которымъ онъ выхо-

дитъ отъ невѣсты и присоединяется къ поѣзду. Невѣста, какъ прежде, садится въ кути противъ печи, на лавку. Вѣжливецъ, зачерпнувъ ковшомъ воды изъ кадки, даетъ невѣстѣ умыться въ отстраненіе призоровъ и уроковъ, а иногда умываетъ ее самъ. Женихова сваха выкупаетъ у дѣвокъ невѣсту за мѣдный гривенникъ, потомъ одѣваетъ ее въ платье, привезенное отъ жениха: первоначально чешетъ ей волосы, потомъ надѣваетъ чулки, коты, китайникъ, въ заключеніе, сотворивъ молитву, беретъ обѣими руками фату, обноситъ ее по солнцу вокругъ головы, относитъ на сторону и встряхиваетъ; повторяетъ это три раза и наконецъ надѣваетъ фату на голову: это дѣлается для защищенія головы отъ всего худаго,—отъ призоровъ, отъ уроковъ. Но, какъ мы видѣли, невѣста съ утра уже одѣта въ свое платье; потому жениховo, хотя бы оно было уже и короче, надѣвается на верхъ, не смотря ни на какое время года. Такимъ образомъ на пермятской невѣстѣ, снаряженной къ вѣнцу, бываютъ: двѣ фаты, два китайника, двѣ рубахи и двои чулки; коты же, и весьма рѣдко башмаки, всегда жениховы. Въ послѣднее впрочемъ время, у крестьянъ зажиточныхъ, обычай одѣвать невѣсту въ два наряда вывелся: если женихъ дальный, то невѣста вѣнчается въ своемъ платьѣ, а если ближній, то въ жениховомъ, которое дружки привозятъ ей заранѣе, по утру, до ея одѣванья.

Одѣтая такимъ образомъ невѣста беретъ отъ матери рыбный пирогъ и кладетъ его въ пазуху, за нижній китайникъ.

Въ продолженіе поднесенія новыхъ даровъ невѣстѣ и ея одѣванья, женихъ и всѣ поѣзжане стоятъ.

Лишь одѣнется невѣста, дружка, послѣ обычной молитвы, спрашиваетъ отца: „будетъ ли поѣздъ стоять, али за столъ сядетъ?"

— За столъ сядетъ, — отвѣчаетъ отецъ.

„Есть ли у васъ столы дубовы, столешницы кедровы, скатерти шиты-браны?"

—Есть.

„Будетъ ли у васъ нашему князю молодому, ясному соколу, съ полкомъ-съ поѣздомъ, тысяцкому съ боярами, свахѣ съ проводничкомъ, что-нибудь закусить?"

— Будетъ.

„Есть ли у васъ на дубовыхъ лавкахъ войлоки валены, подушки пуховы, на столѣ пироги рыбны?"

— Есть.

„Гдѣ обручаться: въ кути за занавѣской, али за столомъ?"

— За столомъ.

„Сколько денегъ за обрученье?“

— Сколько положите.

При этомъ тысяцкій кладетъ на столъ деньги,—отъ 20 коп. до одного рубля серебромъ,— онѣ поступаютъ невѣстѣ; гдѣ сидѣть жениху и невѣстѣ, на то мѣсто мать ея кладетъ войлокъ и на него подушку. Исключая дружекъ, поѣзжане съ женихомъ заходятъ за столъ, но не садятся; садится только вѣжливецъ къ углу стола; во все продолженіе слѣдующей сцены, онъ молчитъ и пресмѣшно серьезничаетъ и важничаетъ.

Дружка продолжаетъ спрашивать:

„Нашъ князь молодой, ясный соколъ, стоитъ за столомъ на рѣзвыхъ ножкахъ, на куньихъ лапкахъ, бьетъ челомъ, низко кланяется: ему не пьется, не ѣстся, онъ тоскуетъ - горюетъ о своей княгинѣ - молодицѣ. Батюшка родимый! изъ кути, изъ-за занавѣсы вывести княгиню-молодицу время, али не время?“

— Время,—отвѣчаетъ хозяинъ.

„Кому прикажите?“

Порученіе выводить невѣсту обыкновенно падаетъ на ея брата, или дядю. Потому, на вопросъ дружки, отецъ отвѣчаетъ двояко: „такой-то выведетъ“.

Удостоившійся чести выводить невѣсту, помолясь Богу, послѣ извѣстной Іисусовой молитвы, обратившись къ родителямъ и родственникамъ невѣсты, говоритъ: „благословите-ко княгиню-молодицу выводить“,—и напутствуемый отъ всѣхъ благословеніемъ, беретъ отъ иконъ свѣчку и идетъ въ куть, гдѣ дѣвки поютъ, отъ лица невѣсты, сначала отцу, потомъ матери, братьямъ, сестрамъ, дядямъ:

38. Не выйду, не выступлю
Изъ кути, изъ-за занавѣсы,
Безъ родимаго батюшки (или—матушки и т. д.),
Безъ его (или безъ ея) благословеньица.

Кто названъ въ пѣснѣ, тотъ подходитъ къ невѣстѣ; она падаетъ ему въ ноги и онъ благословляетъ ее, говоря: „Богъ благословитъ!“

Тогда избранный выводитъ невѣсту, выводитъ ее за конецъ платка, называемаго „выкупомъ,“ который держитъ она въ рукахъ, подводитъ ее къ столу, вмѣстѣ съ ней молится Богу, обводитъ вокругъ стола, нарочно отодвинутаго отъ лавокъ, ставитъ подлѣ жениха, со стороны кути, и, передавая ему конецъ платка, говоритъ: „у меня невѣста была послушна и

честна (хотя часто и не такъ бываетъ на дѣлѣ); держи её такъ, чтобъ она и тебя слушала и у тебя была честна“.

Въ это время женихова сваха иногда заходитъ въ куть и тамъ хлопая поднятыми къ верху руками, пляшетъ и приговариваетъ: „обманули-провели! обманули-провели! обманули-провели!“

Дѣвушки просятъ у дружки рыбный пирогъ, по-пермятски „*юрö-кучикö*“ (*юрö* — голова, *кучикö* — кожа), который онъ и отдаетъ съ головы, ставши на стулъ, такъ что дѣвушки принуждены бываютъ подпрыгивать; потомъ онѣ поютъ:

39. Охъ, ты, утка, ты, уточка,
Сѣра, мала перепелица!
Ты зачѣмъ рано выхо́дила
Изъ тепла гнѣзда утичья,
На луга на зеленые,
На травы на шелко́выя?
— Не сама я выходила
Изъ тепла гнѣзда утичья,
На луга на зеленые,
На травы на шелковыя:
Выводилъ меня сѣръ селезень
На луга на зеленые,
На травы на шелковыя,
Становилъ меня сѣръ селезень
Среди луга зеленаго;
Велѣлъ мнѣ сѣръ селезень
Всю травочку повымяти,
Всѣ цвѣточки повыщипати,
Всѣ озера повысушити...
— Охъ, ты, дѣвка, ты, дѣвица!
Ты къ чему рано во-за-мужъ пошла?
— Не сама я во-за-мужъ пошла,
Не своею я волюшкой,—
Отдалъ меня батюшка,
Поохотила матушка,
Приказалъ братецъ миленькой,
Потакнула невѣстушка;
Выводилъ братецъ миленькой
Изъ кути, изъ-за-занавѣсы,
За шириночку полотняну;
Становилъ братецъ миленькой
Среди бѣлыя горницы,
По конецъ стола дубоваго.
Велѣлъ братецъ миленькой
Образамъ помолитися,
Всѣмъ гостямъ поклонитися,

Одному гостю на особицу,
Свѣтъ, Ивану Васильевичу.
Меня отдалъ братецъ миленькой
Всѣмъ гостямъ на руки,
Одному гостю на вѣки,
На вѣки на долгіе,
На годы несчетные.

Когда женихъ получитъ невѣсту, тысяцкій угощаетъ всѣхъ виномъ. Первую рюмку подаетъ выводителю невѣсты; потомъ подноситъ по рюмкѣ отцу и матери и всѣмъ остальнымъ взрослымъ родственникамъ невѣсты. Кому назначена рюмка, дружка вызываетъ того по имени и отчеству, сотворивъ сначала обычную молитву. Послѣ этой подачи, женихъ и невѣста и весь поѣздъ садятся. Начинается закуска, обыкновенно изъ трехъ блюдъ: рыбнаго пирога, какой-нибудь похлебки, въ скоромные дни—щей, а въ постные—ухи, и изъ челпана; иногда же у зажиточныхъ, въ скоромные дни подаютъ пирогъ, студень, щи, три жаркихъ и въ заключеніе челпанъ. Всякое кушанье подается, какъ и прежде, подъ деревяннымъ блюдомъ, по требованію дружки, который при этомъ насказываетъ разныя прибаутки, что̀ увидимъ мы при описаніи свадебнаго стола. Тысяцкой обыкновенно снимаетъ блюдо; наконецъ хозяйка, уже безъ требованія дружки, приноситъ челпанъ въ знакъ того, что пора окончить закуску. Ѣдятъ только поѣзжане; но прежде ѣли и женихъ съ невѣстой.

Пока продолжается закуска, дружки угощаютъ всѣхъ родственниковъ невѣсты, дѣвушекъ и вытницу пивомъ, которое они привезли съ собой отъ жениха.

Предъ окончаніемъ закуски, дѣвушки поютъ пѣсню для жениха, бояръ, свахи и для каждаго поѣзжанина особо (исключая тысяцкаго), съ приличною только перемѣною въ словахъ:

40. Изъ кути по лавкѣ
Хороши гости сидятъ,
Одинъ лучше всѣхъ
Свѣтъ-Иванъ-то Васильевичъ!
Свѣтятъ у него сизы кудри на головкѣ,
Зьяетъ у него злата цѣпь на груди.
Чуешь ты, разумѣешъ ты!
Мы тебѣ пѣсню поемъ,
Честь, хвалу воздаемъ.

Тысяцкому же:

41. Тысяцкій воевода!
Воевалъ воевода съ городами,

Казну привозилъ сундуками,
Нынче воюетъ онъ съ головою
Съ невѣстиной, со буйною.

Съ концомъ пѣсни послѣднему поѣзжанину, оканчивается и закуска. Дѣвушки цѣлуютъ поѣзжанъ; за пѣсни и поцѣлуи каждый гость даетъ имъ отъ $^1/_2$ до 3 коп. сереб. Эти деньги дѣвушки получаютъ двояко: либо ставятъ на столъ блюдо, на которое поѣзжане и кладутъ деньги, а дѣвушки обходятъ вокругъ стола и цѣлуютъ ихъ, — либо одна за другой, обходя кругомъ стола, цѣлуютъ поѣзжанъ, при чемъ первый поѣзжанинъ съ краю, даетъ деньги первой, поцѣловавшей его дѣвушкѣ, второй поѣзжанинъ—слѣдующей, и такъ далѣе. Этотъ послѣдній способъ употребляется тогда, когда дѣвушекъ числомъ столько же, сколько поѣзжанъ. Поѣзжанинъ, не сдѣлавшій вознагражденія, иногда выслушиваетъ отъ дѣвушекъ такія желанія:

42. Создай тебѣ Господи
Дочерей сорокъ—вѣщицъ,
Сыновей черныхъ вороновъ!

Поѣздъ выходитъ изъ-за стола и становится среди избы; а на мѣсто жениха и невѣсты садятся отецъ и мать послѣдней. Посидѣвъ немного, они выходятъ изъ-за стола. Дружка читаетъ Іисусову молитву, потомъ говоритъ: „отецъ родимый! мать родимая! приступите, благословите своихъ чадъ—во Божью церковь ѣхати, законъ Божій приняти, подъ златыми вѣнцами стояти, чуденъ крестъ цѣловати“. Тотчасъ совершается благословеніе иконой, которую отецъ снимаетъ съ божницы, и хлѣбомъ, который мать беретъ со стола. Икона и хлѣбъ передаются невѣстиной свахѣ. Дружки берутъ изъ передняго угла войлокъ, или подушку, на которой женихъ съ невѣстой сидѣли за столомъ. Къ этой порѣ женихово пиво обыкновенно бываетъ выпито все. Родители невѣсты въ пустую посуду наливаютъ свое пиво для угощенія поѣзда у церкви, послѣ брака.

Иногда послѣ благословенія, сестра или подруга невѣсты, выхвативъ у дружки войлокъ, или подушку, садится за столъ, на то мѣсто, гдѣ сидѣла невѣста. Отъ имени жениха тысяцкій выкупаетъ захваченную вещь, для чего даритъ владѣтельницѣ ея одинъ или два мѣдныхъ гривенника. За тѣмъ женихъ, невѣста и поѣзжане выходятъ изъ избы во дворъ, въ сопровожденіи родителей, гостей и дѣвушекъ; послѣднія поютъ:

43. Жарко камню въ горѣ лежучи,
Тошно сердцу батюшкину:

Милу дочь со двора повели,
За ней коробьи понесли;
Конь говоритъ: не свезу,
Земля говоритъ: не вздыну,
Вода говоритъ: утоплю.

А выйдя во дворъ:

44. Кругомъ, кругомъ солнышко обошло,
Рядомъ, рядомъ бояра ѣхали,
Со березы вершиночку сломили;
Стой-ко, стой, береза, безъ вершины,
Живи, живи, батюшка, безъ дочери.

Тоже поютъ матери, братьямъ и сестрамъ.

На дворѣ женихъ беретъ невѣсту „въ беремя" (въ охапку), усаживаетъ ее въ сани вмѣстѣ съ ея свахой; самъ помѣщается въ сани къ тысяцкому, или верхомъ ѣдетъ рядомъ съ невѣстой; прочіе поѣзжане разсаживаются, какъ во дворѣ жениха. Если поѣздъ въ экипажахъ, то подъ жениха кладутъ невѣстины перину или войлокъ, а подъ невѣсту подушку; если верхами, то эти вещи складываются въ мѣшки, которые привязываютъ къ сѣдламъ.

Усѣвшихся поѣзжанъ угощаютъ, какъ и у жениха. Въ продолженіе угощенія, дѣвушки, окруживъ жениха и невѣсту, поютъ обыкновенныя проголосныя пѣсни.

Для удостовѣренія—не заколдовано ли что, вѣжливецъ обходитъ кругомъ всѣ сани, телѣги, верховыхъ лошадей, потряхиваетъ экипажи и колокольцы, подергиваетъ лошадей за гривы и хвосты, осматриваетъ уши; при этомъ онъ шепчетъ тотъ же заговоръ, что и при выѣздѣ поѣзда отъ жениха, съ исключеніемъ словъ: „къ княгинѣ ѣхати, княгиню получити". Братъ или дядя невѣсты отворяетъ ворота; поѣздъ отправляется въ церковь, въ томъ же порядкѣ, какъ отъ жениха. При выѣздѣ изъ двора, дружки крестообразно хлещутъ нагайкой ворота и ближайшій къ нимъ уголъ дома; хозяинъ вслѣдъ поѣзду стрѣляетъ иногда три раза изъ ружья.

Вытница съ дѣвушками возвращаются въ избу, садятся въ куть на мѣсто, гдѣ сидѣла невѣста, и закусываютъ пирогомъ, полученнымъ отъ дружекъ, потомъ расходятся по домамъ, а если близко церковь, то идутъ смотрѣть обрядъ вѣнчанія.

Черезъ одну-двѣ минуты, дружки возвращаются къ дому и подъ окномъ спрашиваютъ: „нѣтъ ли отъ насъ обиды, всѣ ли чашки-ложки цѣлы?"

Отецъ отвѣчаетъ: „обидъ нѣтъ; все цѣло".

Тогда одинъ изъ дружекъ, сотворивъ молитву, говоритъ: „насъ желаешь, али не желаешь?" Если отецъ отвѣчаетъ: „не желаю", то они уѣзжаютъ къ поѣзду, а если скажетъ: „желаю", то они заходятъ въ избу, гдѣ ихъ угощаютъ пивомъ или брагой. Послѣ двухъ-трехъ стакановъ, дружки, сказавъ: „спасибо, прощай!" уѣзжаютъ. Если домъ жениха далеко отъ дома невѣсты, то проводивъ поѣздъ „къ вѣнцу", отецъ и мать отправляютъ съ братомъ или дядей ея вещи, для подарковъ новой роднѣ въ большой столъ.

На пути поѣзжане всѣмъ встрѣчнымъ низко кланяются. Бываетъ иногда, что на дорогѣ попадаются случайно валяющійся, или кѣмъ-нибудь намѣренно брошенный, хуже всего — поставленный стоймя—голикъ. Замѣтивъ его, дружки непремѣнно останавливаются, спѣшиваются и крестообразно три раза хлещутъ себя нагайкой; тоже дѣлаетъ, выйдя изъ экипажей, или спѣшившись, весь поѣздъ. По вѣрованію Пермяковъ, въ голикѣ заключается нечистая сила, отъ вреднаго вліянія которой на свадебныя и супружескія дѣла можно избавиться только посредствомъ означеннаго троекратнаго, крестообразнаго хлестанія.

Наконецъ поѣздъ приблизился къ церкви. Свахи ставятъ жениха и невѣсту рядомъ, даютъ имъ въ лѣвыя руки концы одной и той же ширинки [1]) и ведутъ въ церковь.

Здѣсь тысяцкій покупаетъ на жениховы деньги свѣчки для бракосочетающихся и для всѣхъ поѣзжанъ, кромѣ вѣжливца: онъ остается у дверей церковныхъ безъ свѣчки.

Когда священникъ приготовится и будетъ чету ставить на надлежащее мѣсто, противъ налоя, невѣстина сваха кладетъ ей подъ ноги пару поясковъ.

Поѣзжане, со свѣчами въ рукахъ, становятся около жениха и невѣсты въ томъ порядкѣ, какъ это дѣлается у Русскихъ. Каждый держитъ свѣчку, обернувши нижній конецъ ея холстиннымъ платкомъ *(чишьянъ)*.

Послѣ вѣнчанья. По окончаніи вѣнчанія, свахи покрываютъ голову молодой, „молодушки", фатами, которыя на ней были, уводятъ вмѣстѣ съ женихомъ въ сторону или въ уголъ церкви, и надѣваютъ на нее шамшуру, не заплетая косъ. Молодая вынимаетъ изъ-за пазухи свой рыбный пирогъ и ѣстъ его съ

[1]) Женихъ въ день свадьбы и въ большой столъ соединяется съ невѣстой всегда посредствомъ ширинки *(кутчисянъ-чишьянъ)*, называемой по-русски «держанкой».

молодымъ. Если же священникъ очень скоро выйдетъ съ крестомъ для сопровожденія молодыхъ изъ церкви, то свахи надѣваютъ на молодую только шамшуру, а молодые разъѣдаютъ пирогъ уже за церковной оградой. Здѣсь же поѣзжане распиваютъ пиво, привезенное дружками изъ дому невѣсты. Прежде, бывало, распивали пиво на паперти, и даже въ церкви, при чемъ угощали иногда и церковно-служителей.

Крестьянскіе мальчики, всегда въ значительномъ числѣ собирающіеся смотрѣть свадьбу, просятъ у свадебжанъ крояны [1]), крича: „позырено, позырено!" [2]) и свадебжане бросаютъ имъ челпанъ хлѣба. Въ случаѣ отказа, мальчики выражаютъ свое неудовольствіе на свадебжанъ всевозможною бранью.

Молодой съ молодою, какъ обыкновенно называютъ жениха и невѣсту послѣ обряда бракосочетанія, и весь поѣздъ усаживаются на лошадей. Вѣжливецъ, какъ и прежде, осматриваетъ экипажи и лошадей съ заговоромъ: „покорюсь - помолюсь, сей день—сейчасъ, утромъ рано—вечеромъ поздно. Благослови меня Пресвятая Мать Богородица со княземъ и княгинею, со тысяцкимъ, съ большими боярами, съ дружкой, съ поддружкой, со свахой-свашицей и съ запятничками (ямщиками)! Егорій Храбрый, благослови меня!—я изъ Божей церкви выйду, выступлю подъ красную звѣздочку, подъ златой мѣсяцъ,—защити меня со всемъ полкомъ-съ поѣздомъ отъ еретиковъ, отъ злодумщиковъ и отъ всѣхъ клеветниковъ! Стану—благословлюсь, пойду—перекрещусь на восточную сторону; благослови насъ Михайло Архангелъ! дай намъ пути и дороги!" Потомъ, въ прежнемъ порядкѣ, поѣздъ отправляется въ домъ молодаго. Дорогой молодые и поѣзжане всѣмъ встрѣчнымъ низко кланяются. Если дорога изъ церкви пролегаетъ мимо кабака, то вѣсь поѣздъ у него останавливается, и тысяцкій, купивъ вина, тутъ же угощаетъ всѣхъ свадебжанъ на ихъ мѣстахъ, не исключая молодаго и молодой.

Подъѣхавъ къ дому жениха, поѣздъ заѣзжаетъ во дворъ. Отецъ молодаго съ образомъ, мать съ хлѣбомъ и солью, братья и сестры съ пивомъ и брагой, въ сопровожденіи постороннихъ зрителей, выходятъ чрезъ заднее крыльцо встрѣчать молодыхъ; при этомъ мать жениха является иногда въ шубѣ, вверхъ шерстью, повязавъ голову грязными тряпицами, чтобы показаться страшною и заставить бояться себя молодушку. По приказанію

[1]) *Крояны*—всякаго рода гостинцы.

[2]) *Пузырено*—угощеніе поздравителей на свадьбѣ.

отца, молодымъ и поѣзжанамъ подносятъ по стакану пива и браги, а иногда вина. Всѣ заходятъ въ избу. Отецъ съ матерью становятся близь стола, лицомъ ко входу; въ двухъ шагахъ отъ нихъ останавливаются молодые и молятся Богу на образъ, что у отца. Положивъ по три земные поклона, молодые подходятъ къ отцу и матери, склоняютъ вмѣстѣ головы и получаютъ благословеніе образомъ и хлѣбомъ. Иногда благословеніе совершается во дворѣ. Отецъ ставитъ образъ на божницу, мать кладетъ хлѣбъ на столъ, накрытый скатертью еще предъ отъѣздомъ жениха къ невѣстѣ. Образа, бывшіе съ молодыми въ церкви, ставятъ также на божницу, а челпаны кладутъ на столъ, гдѣ они и остаются до вечера большаго стола. Свахи уводятъ молодыхъ—зимой на печь, лѣтомъ въ куть, гдѣ „окручиваютъ" молодую, т. е. заплетаютъ ей двѣ косы и надѣваютъ на голову шамшуру, повязывая ее какъ должно платкомъ. Потомъ уже вводятъ молодыхъ въ избу и ставятъ передъ столъ. По приглашенію отца, молодой и молодая, и за ними всѣ поѣзжане, помолившись Богу, заходятъ за столъ. Молодые садятся на лавку, что противъ входа въ избу, на войлокъ или подушку; подлѣ жениха садится тысяцкой, рядомъ съ невѣстой—ея сваха. Дружка произноситъ обычную молитву и требуетъ подачи кушаньевъ; начинается ужинъ. Молодые, въ знакъ единодушія, ѣдятъ одной вилкой и одной ложкой, попеременно; пьютъ пиво и брагу изъ одного стакана, вино изъ одной рюмки, по-поламъ. У богатыхъ, за каждымъ кушаньемъ, бываетъ круговая подача вина всѣмъ застольникамъ, у людей средняго состоянія черезъ кушанье, а у бѣдныхъ только три раза,—въ началѣ, срединѣ и концѣ стола; но пиво и брага непремѣнно подаются дружками всѣмъ, за каждымъ кушаньемъ. Виномъ всегда угощаютъ сами молодые; для этого они за каждой круговой встаютъ на ноги; молодой наливаетъ въ рюмку вино изъ штофа, а молодая подноситъ ее на тарелкѣ. За каждой новой круговой, гости не пьютъ до тѣхъ поръ, пока молодые сами не изопьютъ вина. У зажиточныхъ, при первыхъ трехъ подачахъ вина, а у недостаточныхъ при одной первой подачѣ, поѣзжане поздравляютъ молодыхъ „съ законнымъ бракомъ" и желаютъ счастливой, согласной жизни, цѣлуя и даря ихъ деньгами, всякой разъ отъ 3 до 20 коп. серебр., каждый. Ужинъ состоитъ, въ скоромные дни, изъ рыбнаго пирога, студени, щей, трехъ жаркихъ (бараньей лопатки, утки и индѣйки) и челпана; въ постные дни — изъ пирога, судачины съ уксусомъ, ухи изъ свѣжей рыбы, сиговъ, киселя, меду и челпана.

Каждое кушанье, непремѣнно закрытое блюдомъ, подается по требованію дружки. Когда нужна перемѣна кушанья, дружка, сотворивъ молитву, говоритъ: „отецъ родимый! мать родимая! у насъ князь молодой, новобрачный ясный соколъ, съ княгиней-молодицей, сидитъ за столомъ за дубовымъ, за скатертью шитой-браною, и тысяцкій воевода—просятъ перемѣну (т. е. другое кушанье); поднашивай! Нѣтъ перемѣны — челпанъ на столъ, поклонъ воздай; мы отъ хлѣба-соли сыты, отъ пива, браги пьяны и веселы. Что въ рукахъ вожено, во дворъ пущено, во хлѣвѣ рощено, что есть въ печѣ, то все неси на плечѣ. Вы не сможете, мы, дружки, подскочимъ, поможемъ".

Къ концу ужина всѣ поѣзжане напиваются и наѣдаются до послѣдней крайности. Молодые пьютъ и ѣдятъ весьма умѣренно, сохраняютъ непоколебимое спокойствіе, молчатъ, скромничаютъ, сидятъ степенно, важно до странности. Послѣ ужина всѣ свадебжане пляшутъ и поютъ пѣсни.

Спустя полчаса или часъ по выходѣ изъ-за стола, молодыхъ ведутъ съ благословеніемъ спать. Эта часть брачнаго торжества, а также и самое мѣсто, гдѣ для молодыхъ устроивается брачная постель, называется по-русски: „подклѣтъ". Подклѣтъ бываетъ зимой — въ подъизбицѣ, лѣтомъ — въ клѣти, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ молодые остаются совершенно наединѣ.

Молодыхъ сопровождаютъ обыкновенно отецъ, мать, свахи и всѣ поѣзжане, включительно съ вѣжливцемъ, присутствіе котораго при этомъ случаѣ считается особенно необходимо и важно. Дружки приносятъ въ подклѣтъ рыбный пирогъ, пиво, брагу и иногда вино. Отецъ и мать производятъ молодую въ званіе хозяйки, предоставляя ей право угощать всѣхъ свадебжанъ питьями и пирогомъ. Въ то же время вѣжливецъ подноситъ молодымъ особый рыбный пирогъ, который они ѣдятъ вмѣстѣ, въ знакъ того, что они—мужъ и жена—отселѣ должны ѣсть общій хлѣбъ, жить дружно, въ единодушіи и согласіи. Поѣзжане пьютъ и закусываютъ отъ дружекъ и цѣлуютъ молодыхъ, по три раза, даря ихъ каждый разъ мѣднымъ пятакомъ или гривенникомъ. Молодая по приглашенію поѣзжанъ, произноситъ Іисусову молитву и снимаетъ съ мужа обувь, сначала съ правой ноги, при чемъ вынимаетъ и беретъ себѣ деньги, положенныя нарочно женихомъ при одѣваніи поутру. Со стороны молодой въ этомъ дѣйствіи выражается ея будущая покорность и повиновеніе мужу, а со стороны мужа — что онъ при неуклонномъ содѣйствіи жены, обѣщаетъ ей безбѣдную,

достаточную жизнь. Верхнее платье молодой снимаетъ съ себя самъ. Свадебжане уходятъ съ подклѣта; остаются только свахи и вѣжливецъ. Начинаетъ раздѣваться молодая, и остается только въ одной рубашкѣ. Свахи принуждаютъ молодую обнять и поцѣловать мужа и уложить его въ постелю; потомъ велятъ ей ложиться съ мужемъ и самой. Когда все это молодая исполнитъ, свахи отъ радости пляшутъ. Вѣжливецъ поправляетъ и укладываетъ молодыхъ въ постелѣ, ходитъ кругомъ около постели, нашептывая свои заговоры, и въ заключеніе говоритъ молодымъ: „спите крѣпко! дай Богъ вамъ совѣтъ, да любовь, да великое счастье!“ и вмѣстѣ со свахами, уходитъ съ подклѣта въ избу къ прочимъ свадебжанамъ. Здѣсь вѣжливецъ и свадебжане продолжаютъ пить, пѣть, кричать, шумѣть, цѣловаться. Далеко за полночь продолжается пирушка; дальніе и пьяные поѣзжане ложатся спать, ближніе уѣзжаютъ домой.

Столованье. На другой день бываетъ „большой столъ“. Если молодая изъ одной съ своимъ мужемъ или изъ ближней деревни, то рано утромъ, до пробужденія молодыхъ, дружка ѣздитъ въ домъ родителей молодой, за вещами на подарки въ большой столъ. Около восьми часовъ утра, вѣжливецъ идетъ къ молодымъ на подклѣтъ, по обычаю—„будить молодыхъ“, все равно—спятъ ли они, или уже пробудились. Если наканунѣ невѣста дарила жениха черствымъ челпаномъ, то, вслѣдъ за вѣжливцемъ, отправляются къ молодымъ свахи, тоже, по обычаю — „узнать: точно-ли дѣвственна была молодая?“ Окончивъ свое дѣло, вѣжливецъ и свахи уходятъ. Молодая одѣвается и одѣваетъ молодаго въ свое бѣлье — рубашку и порты, и потомъ оба вмѣстѣ выходятъ въ куть и умываются.

Часовъ въ девять утра, въ пору крестьянскаго обѣда, молодые, всѣ семьяне, ночевавшіе въ домѣ поѣзжане и дружки, обѣдаютъ, но за-просто, по домашнему: кушаньевъ немного, вина нѣтъ. Молодые ѣдятъ одной ложкой и одной вилкой, кушанья подаются на столъ закрытыми.

Послѣ обѣда, дружки, отдѣльно каждый, отправляются приглашать гостей „на большой столъ:“ поѣзжанъ, старшихъ родственниковъ жениха и близкихъ знакомыхъ. Тестя и тещу весьма рѣдко приглашаютъ. На богатыхъ свадьбахъ сбирается гостей человѣкъ до тридцати.

Когда всѣ соберутся, молодая ставитъ среди избы нечистое (поганое) ведро, или какую-либо другую посуду, зачерпываетъ воды въ ковшъ, беретъ полотенце, мыло и становится къ

ведру. Дружка съ молитвой приглашаетъ свекра, свекровь, всѣхъ родственниковъ молодаго, поѣзжанъ и всѣхъ гостей „побѣлить руки", т. е. умыться изъ рукъ молодой, и всѣ приглашаемые, по-очередно, подходятъ и умываются непремѣнно съ мыломъ. Исполненіемъ этого обычая выражается, что молодая у всѣхъ новыхъ домашнихъ будетъ находиться въ повиновеніи, для всѣхъ будетъ безропотной слугой. Умывшись, всѣ остаются на ногахъ, гдѣ кто былъ. Молодая убираетъ ведро, ковшъ, полотенце, мыло, и становится посреди избы, рядомъ съ молодымъ, даритъ свекра, свекровь и другихъ. Дружка читаетъ молитву, и обратясь къ отцу молодаго, говоритъ: „отецъ родимый! приступись-ко поближе, да поклонись пониже! будь ты не крикливъ, будь не ломливъ, а будь жалостливъ, будь милостивъ, будь приступливъ! Прими-ко отъ нашего князя молодаго, новобрачнаго яснаго сокола, и княгини-молодицы дорогія подарки. Княгиня-молодица по чистому полю бы гуляла, куницъ бы имала, лисицъ бы ловила, тебя бы шелкомъ подарила; она по чистому полю не гуляла, куницъ не имала, лисицъ не ловила, — что̀ напряла, что̀ наткала, тѣмъ тебя и даритъ. Не осуди за малые подарочки". Молодые подходятъ къ отцу и матери и кланяются по одному разу въ ноги. Сваха—молодой, а дружка—молодому — подаютъ на блюдахъ—первая дары, послѣдній—вино въ рюмкѣ, пиво и брагу въ стаканахъ „домашняго дѣла", сыръ въ кусочкахъ, коровай (сыръ и коровай привозятъ вмѣстѣ съ приданымъ) и мѣдную монету. Дружка продолжаетъ: „князь молодой, новобрачный ясный соколъ, и княгиня-молодица, просятъ тебя сыръ кроянып покушать, стаканъ пива, стаканъ браги, рюмку вина испить, усы утереть златомъ-серебромъ, да рубль платить". Отецъ принимаетъ дары, пьетъ вино, пиво, брагу, закусываетъ сыромъ и короваемъ, третъ усы и бороду мѣдною монетою и поцѣловавъ молодыхъ, отдариваетъ деньгами, которыя кладетъ на блюдо. Точно также получаютъ дары мать, всѣ домочадцы, родственники, поѣзжане и прочіе званые гости. Отдарочныя деньги молодая беретъ себѣ. Окончивъ даренье, молодые садятся въ куть. При дареніи особенно странно вытираніе усовъ и бороды мѣдною монетою; но обычай такъ силенъ, что даже женщины трутъ монетою верхнюю губу и подбородокъ. Что̀ выражается этимъ, Пермяки сами не знаютъ.

Хорошія невѣсты дарятъ—отца рубашкой съ опояской, тѣльникомъ и двумя поясками, тысяцкаго и вѣжливца—платкомъ или портами съ опояской, тѣльникомъ и двумя поясками, мать—

рубашкой съ наплечьями, покромкой, косоплетками, подвязками и двумя поясками; сестру (незамужнюю) ленточкой или волоконнымъ холстомъ на рукава съ покромкой и двумя поясками; свахъ—холстомъ на рукава съ покромкой и двумя поясками; бояръ—платкомъ съ тѣльникомъ и поясками; старшихъ братьевъ молодаго—тѣмъ же, чѣмъ и бояръ, а младшихъ—только тѣльникомъ съ поясками; другихъ взрослыхъ родственниковъ и гостей—мущинъ—опояской съ тѣльникомъ и поясками, женщинъ—кушакомъ съ покромкой и поясками. Вообще дары соотвѣтствуютъ важности даримаго лица: чѣмъ важнѣе лицо, тѣмъ больше и лучше ему дары.

Послѣ этого накрывается обѣденный столъ. По причинѣ продолжительности обряда даренія, это бываетъ не ранѣе третьяго часа по-полудни. Часу въ четвертомъ, по приглашенію отца молодаго, молодые, поѣзжане и гости садятся за столъ.

За „большимъ столомъ" повторяется всё, что было во время стола на кануне, послѣ вѣнчанія, съ тою только разницею, что поѣзжане и гости не цѣлуютъ и не дарятъ молодыхъ. Столованье продолжается очень долго—4, 5 и 6 часовъ, и это зависитъ отъ частаго повторенія круговой подачи пива, браги, вина и отъ множества перемѣнъ кушаньевъ. Подача бываетъ за каждымъ блюдомъ (кромѣ вина у недостаточныхъ), а блюдъ у зажиточныхъ крестьянъ бываетъ много: рыбный пирогъ, холодныя — студень, губа и языкъ, щи, жаркія—баранья лопатка, окорокъ, гуси, утки, индѣйки, и въ заключеніе обыкновенно челпанъ.

Въ концѣ обѣда, дружка, сотворивъ молитву, спрашиваетъ: „отецъ родимый! мать родимая! пора или не пора молодыхъ спать уложить?" Отецъ говоритъ: „не пора". Съ небольшими промежутками времени дружка повторяетъ свой вопросъ во второй и въ третій разъ. Наконецъ отецъ отвѣчаетъ: „пора". Тогда столованье кончается; всѣ выходятъ изъ-за стола и молятся Богу. Молодые, поклонясь трижды въ поясъ, трижды въ землю и еще трижды въ поясъ, падаютъ отцу и матери въ ноги и просятъ у нихъ благословенія. Вѣжливецъ ведетъ молодыхъ на подклѣтъ; взявъ рюмку вина или стаканъ пива, онъ нашептываетъ на напитокъ, дуетъ, плюетъ въ сторону и даетъ имъ пить; потомъ по прежнему кладетъ ихъ спать и самъ уходитъ. Гости еще продолжаютъ нѣсколько времени пирушку и разъѣзжаются по своимъ домамъ, кромѣ вѣжливца и дружки, которые остаются. Чрезъ полчаса или чрезъ часъ, по порученію отца и матери, дружка идетъ на подклѣтъ и зоветъ молодую въ избу.

Здѣсь, по приказанію свекрови, она приступаетъ къ отправленію обязанностей по хозяйству,—на первый разъ—заводитъ хлѣбъ и брагу къ завтрашнему дню. Окончивъ работу, молодая уходитъ спать.

На другой день послѣ этого бываетъ, такъ называемый «пирожный столъ».

Это столъ пироговъ, которые приготовляетъ молодая для угощенія отца, матери, родственниковъ и гостей, чтобы, съ одной стороны, на опытѣ показать имъ свое искусство въ кухонномъ дѣлѣ, а съ другой — въ этой обрядной формѣ заявить свое желаніе „вести хлѣбъ-соль" со всѣми этими лицами. Но на пироги только слава; дѣйствительно же, вступивъ съ вечера въ отправленіе обязанностей хозяйки, молодая, кромѣ пироговъ, готовитъ все, что нужно въ тотъ день по части кухонной.

Молодые встаютъ очень рано, какъ въ рабочее время. Молодой—съ цѣлію показать, что онъ обязанъ помогать женѣ во всѣхъ дѣлахъ хозяйства, идетъ вмѣстѣ съ ней на рѣчку за водой. Если случится это зимой, то молодой дѣлаетъ новую прорубь. Воду приносятъ оба вмѣстѣ. Молодой приноситъ въ избу дрова, молодая кладетъ ихъ въ печь и затапливаетъ ее. Въ извѣстную пору топки печи и послѣ топки, молодая приготовляетъ кушанья, въ томъ числѣ—предметъ первой важности—ячменные пироги, т. е. хлѣбъ на ячныхъ сочняхъ. Въ заключеніе она убираетъ изъ избы солому, наношенную наканунѣ свадьбы, и мететъ избу. При этомъ семьяне путаютъ солому и разбрасываютъ ее вновь на выметенныя мѣста, съ цѣлію испытать терпѣніе и бойкость молодой.

Часовъ въ девять утра всѣ домашніе обѣдаютъ за-просто. Черезъ нѣсколько времени собираются въ домъ молодаго всѣ ближніе родственники, знакомые и сосѣди. Всѣхъ ихъ просятъ за столъ. Молодой и молодая сами не садятся. Молодая подаетъ на столъ кушанья, молодой подноситъ гостямъ питья. Блюдъ бываетъ не много меньше, чѣмъ наканунѣ: студень, щи, одно или два жаркихъ, сыръ съ короваемъ и пироги. Питья: брага, пиво, иногда вино. При первой чаркѣ вина, гости поздравляютъ молодаго съ молодой-доброй хозяйкой, „пирожной" мастерицей, а отца и мать съ невѣсткой, съ вѣрной „замѣной". Пьютъ много и всѣ бываютъ очень веселы.

Въ продолженіе обѣда подходятъ новые гости. Отпотчивавъ пришедшихъ прежде, молодые садятъ за столъ вновь собрав-

шихся, другихъ, потомъ третьихъ. По этой причинѣ пирожный столъ продолжается до вечера.

Съ окончаніемъ пирожнаго стола, молодые вступаютъ въ обыкновенную колею жизни до „хлѣбинъ", которыми заканчиваются свадебные обряды.

«*Хлѣбины*» бываютъ послѣ свадьбы въ разные сроки, но чаще о Рождествѣ и Масляницѣ; до этого времени зять не бываетъ у тестя. Хлѣбины справляются въ обоихъ породнившихся домахъ; сначала отецъ и мать невѣсты зовутъ къ себѣ молодыхъ, а потомъ идутъ къ нимъ и сами; но существенная часть хлѣбинъ справляется въ домѣ отца молодой, т. е. въ домѣ тестя.

Какъ въ день свадьбы, тесть и теща встрѣчаютъ молодыхъ во дворѣ съ хлѣбомъ, солью, пивомъ и брагой.

Въ обоихъ домахъ угощаются обильнымъ обѣдомъ или ужиномъ, съ брагой, пивомъ и виномъ; но у тещи, къ прочимъ праздничнымъ блюдамъ, въ заключеніе непремѣнно прибавляются „блины для зятя". Теща подаетъ на столъ блины, всегда покрытые блюдомъ и платкомъ. Молодой снимаетъ платокъ и беретъ себѣ, а вмѣсто его кладетъ деньги, копѣекъ 30 сер., потомъ снимаетъ и блюдо. Поцѣловавъ тещу и тестя, молодые ѣдятъ блины. Въ доказательство любви къ тещѣ, по ея просьбѣ, послѣ первыхъ двухъ блиновъ, молодой долженъ съѣсть нижній блинъ, не трогая верхнихъ и не проливъ съ блюда масла. Для этого онъ снова накрываетъ блины блюдомъ и быстро повертываетъ кверху нижнее блюдо. На самомъ дѣлѣ, при этомъ теща испытываетъ бойкость молодаго. Угощеніе блинами зятя и тещи у Пермяковъ трактуется такъ: блины—дочь, платокъ—ея дѣвство, взятіе платка и раскрытіе блиновъ—удостовѣреніе со стороны зятя, что дѣвство было сохранено до замужства, деньги—окупъ за дѣвство, нѣчто въ родѣ калыма, цѣлованіе — благодарность за сохраненіе дочери дѣвственною. Молодой, недовольный въ послѣднемъ отношеніи своей женой, иногда не снимаетъ платка съ блиновъ, не ѣстъ ихъ, не даетъ денегъ и не цѣлуется съ тестемъ и тещей.

Бѣглыя свадьбы. Въ дополненіе къ свадебнымъ обрядамъ, не излишне сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ „бѣглыхъ свадьбахъ", которые еще въ недавнее время были очень распространены между Пермяками. Либо парень подговаривалъ дѣвку, либо сама дѣвка навязывалась парню, сговаривала его жениться на ней; въ обоихъ случаяхъ дѣвка вѣнчалась съ нимъ безъ благословенія своихъ родителей, но всегда съ вѣдома

мѣстнаго начальства, получивши на себя справочное письмо къ священно-служителямъ.

„Бѣгали" дѣвки, которымъ или наскучило безбрачное состояніе, или не было житья отъ мачихи, отъ вотчима, отъ золовокъ, или которые хотѣли виновной беременности дать видъ законный, или наконецъ которыхъ не выдавали родители за любимаго жениха. Иногда же родители жениха и невѣсты сами способствовали бѣглымъ свадьбамъ, въ избѣжаніе большихъ расходовъ и хлопотъ при свадьбѣ обыкновенной.

Рѣшившись на побѣгъ, дѣвка, въ знакъ согласія, давала парню „знамя",—ширинку, опояску, холстъ, зипунъ, словомъ—что-либо изъ своего приданаго; потомъ тайно уходила изъ дому родителей къ жениху или вѣрному его сосѣду, гдѣ и была скрываема до времени бракосочетанія — дня три, недѣлю и болѣе. Приданое, какое у ней случилось, она предварительно переносила или пересылала скрытно къ жениху, или свахѣ; но иногда случалось, что она не успѣвала сдѣлать этого, если давъ согласіе жениху, тотчасъ убѣгала изъ родительскаго дома.

Въ домѣ жениха бѣглая свадьба отправлялась также, какъ и свадьба формальная.

На третій день послѣ свадьбы, иногда чрезъ недѣлю, чрезъ двѣ и болѣе, молодые, купивъ вина, съ отцомъ или старшимъ родственникомъ молодаго, ѣздили къ родителямъ молодой и на колѣняхъ испрашивали у нихъ прощенія и благословенія. Добрый отецъ не долго заставлялъ кланяться, принималъ вино, выпивалъ его, прощалъ и благословлялъ молодыхъ; въ заключеніе отдавалъ молодой все ея имущество и приданое, если оно не было перенесено до побѣга. Строгій отецъ поступалъ иначе: онъ билъ дочь, выгонялъ изъ дому всѣхъ пріѣзжавшихъ для мировой, отказывалъ дочери отъ имущества и приданаго. Къ такому отцу молодые пытали ѣздить еще; послѣ третьяго пріѣзда отецъ обыкновенно прощалъ и благословлялъ молодыхъ. Это случалось иногда чрезъ годъ. Рѣдко отецъ оставался непреклоннымъ на мировую.

Еще два замѣчанія *о свадьбахъ вдовцовъ и вдовъ и о приданомъ.*

На свадьбахъ вдовцовъ и вдовъ, женящихся и выходящихъ въ замужство во второй и третій разъ, соблюдаются также всѣ описанные нами свадебные обряды, съ тою только разницею, что выходитъ ли вдова за холостаго или за вдовца, въ обоихъ случаяхъ у ней не бываетъ ни вытницы, ни дѣвушекъ, но если женится вдовецъ на дѣвушкѣ, то этого отступленія не бываетъ.

Количество и качество *приданаго* зависитъ отъ состоянія родителей невѣстъ и отъ ихъ собственнаго трудолюбія. Отъ зажиточныхъ отцовъ дочери получаютъ: китайникъ, шаль, фату, платки, двѣ-три шамшуры, шубу, полушубокъ, коты, перину и подушку, чашку, двѣ ложки, двѣ вилки, овцу или телку, а иногда корову и даже лошадь. Кромѣ этого, если дочери были трудолюбивы до замужства, то приносятъ въ домъ мужа—своего издѣлія — одинъ или два черные зипуна, синій зипунъ (кафтанъ), два или три шабура, три-четыре дубаса, нѣсколько холстинныхъ платковъ, тѣльниковъ, покромокъ, много разныхъ поясковъ, пологъ для хлѣба, мѣшки и холста нѣсколько концовъ. Деньги даются при замужствѣ только тогда, когда у отца нѣтъ сыновей, или когда только одинъ сынъ и одна или двѣ дочери; въ противномъ случаѣ дочери получаютъ деньги по смерти отца, по его завѣщанію.

У бѣдныхъ и лѣнивыхъ невѣстъ и особенно у тѣхъ, которыя жили до замужства „въ сроку“, всегда мало приданаго.

За приданымъ молодая пріѣзжаетъ обыкновенно сама вскорѣ послѣ свадьбы.

VI. Родины. Крестины. Воспитаніе дѣтей. Имянины. Похороны. Поминки.

Родины.—Пермячка вообще мало обращаетъ вниманіе на свою беременность, во всѣ ея періоды. И въ концѣ и въ началѣ беременности, особенно лѣтомъ, она работаетъ одинаково усердно, нисколько не думая о вредномъ вліяніи часто очень тяжелаго, а потому и неумѣстнаго труда на себя и на свой плодъ. Даже въ послѣдніе часы передъ разрѣшеніемъ продолжаетъ она заниматься обычными работами, не показывая и виду своимъ домашнимъ, что роды близки. Вслѣдствіе этого не рѣдки случаи родовъ на работѣ, въ дорогахъ, на пути къ дому.

Дома Пермячка родитъ — зимой въ банѣ, лѣтомъ, большею частію—въ хлѣвѣ, откуда, уже по разрѣшеніи отъ бремени, переходитъ тотчасъ въ баню. Баня рѣдко бываетъ вытоплена предварительно; обыкновенно ее затопляетъ сама беременная, или же ея домашніе, когда она почувствуетъ родовыя боли, — что, конечно, бываетъ только тогда, когда роды случаются дома;

въ противномъ случаѣ баня вытапливается по прибытіи родильницы домой, а въ дорогѣ—на квартиру. При разрѣшеніи иногда находится бабка (*гöгъ-баба*—пуповая баба, или *бабитчись—баба*—повивальная бабка), а чаще призываютъ ее уже послѣ родовъ. Бабка у Пермяковъ — это деревенская старуха, рождавшая дѣтей, знающая молитвы, наговоры и умѣющая лечить въ случаѣ трудныхъ родовъ.

Родильница, передъ родами, прежде всего развязываетъ на себѣ всѣ узлы: для этого она снимаетъ поясъ, скидаетъ дубасъ, расплетаетъ косы, — иногда еще разрываетъ станъ рубашки. Это, по мнѣнію Пермячекъ, облегчаетъ роды и способствуетъ скорому ихъ совершенію. Но если, вопреки этой предосторожности, родильница, какъ говорится, „мучится родами", то бабка приводитъ ее въ избу, накрываетъ столъ скатертью, ставитъ на него хлѣбъ, соль и брагу; потомъ отодвигаетъ столъ отъ лавокъ, распускаетъ на родильницѣ всякіе, какіе-бы-то ни было, оставшіеся еще узлы и трижды обводитъ ее вокругъ стола, каждый разъ приговаривая: „какъ скоро раба Божія Анна (имя родильницы) обойдетъ кругъ стола, такъ скоро и родитъ"; за тѣмъ беретъ съ божницы ὀбразъ, обмываетъ его свѣжею водою надъ дномъ опрокинутаго ведра, воду, которая при этомъ скопится на обороченномъ кверху донцѣ, даетъ пить родильницѣ изъ трехъ мѣстъ, поворачивая ведро по солнцу; въ заключеніе, оставшеюся водою вспрыскиваетъ родильницу врасплохъ, чтобъ испугомъ ускорить актъ разрѣшенія, а домашніе, съ этой же цѣлію, неожиданно производятъ тревогу, крича въ избѣ, или подъ окномъ на улицѣ, что-нибудь такое, что способно возбудить чувство испуга, наприм. „горимъ!...пожаръ!"... Такими средствами достигаютъ разрѣшенія родильницы отъ бремени... Послѣ родовъ родильницу уводятъ въ баню. Неблагополучные роды, какъ для рождающихъ, такъ и для рождаемыхъ, благодаря крѣпости пермятской натуры, очень рѣдки.

Какіе бы ни были роды, — трудные или легкіе,— во всякомъ случаѣ, первое дѣло бабки въ банѣ — приготовить „воду отъ уроковъ". Вода для этого употребляется непремѣнно рѣчная, бабка нарочно ходитъ за ней съ чистымъ ведромъ и зачерпываетъ ее всегда по теченію рѣки. Возвратившись съ рѣки въ баню и сотворивъ „Іисусову" молитву, бабка погружаетъ въ ведро правую руку и зачерпнувъ тамъ горстью воду, спускаетъ её по рукѣ чрезъ локоть въ нарочно притотовленный туясъ,

нашептывая: „какъ вода на локтѣ не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя родильницы) ни уроки, ни призоры не держитесь!" Такимъ образомъ черпается воды „тридевять горстей" (т. е. три раза по девяти), которыя считаются всегда съ отрицаніемъ, какъ говорится, „сзади": „не одна, не двѣ, не три, не четыре" и т. д. до девяти, потомъ считаются вторыя и третьи девять. Спустивъ съ молитвой въ эту воду три накаленные до красна угля, бабка, горстью правой руки чрезъ локоть лѣвой, льётъ эту воду трижды на крайній камень каменки, потомъ трижды на дверную скобу, придерживая туясъ такъ, что пролитая вода опять стекаетъ въ него же; при этомъ каждый разъ она приговариваетъ: „какъ на камнѣ (или скобѣ) вода не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя) ни уроки, ни призоры не держитесь!" Этимъ кончаются чары надъ водой,—и она послѣ этого считается столь сильно заговоренною, что ни одинъ колдунъ уже не въ состояніи уничтожить ея цѣлительную силу. — За тѣмъ бабка становитъ родильницу лицомъ на востокъ, — если только она можетъ стоять,—въ противномъ случаѣ сажаетъ её на банный порогъ и три раза брызжетъ ей въ лицо набранною въ ротъ заговоренною водою, приговаривая: „какъ вода на лицѣ не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя) ни уроки, ни призоры не держитесь!" Выливъ изъ туяса остальную воду родильницѣ на голову, бабка подхватываетъ ее при стеченіи съ головы въ правую горсть и брызжетъ ею на каменку изъ-подъ лѣвой своей ноги.

Въ домѣ между тѣмъ приготовляютъ родильницѣ теплую брагу, а у кого есть—и рыбные пироги. Родильница остается съ бабкой въ банѣ дня два, три и болѣе, смотря по состоянію своего здоровья; по выходѣ же вскорѣ принимается за свои обыкновенныя домашнія работы. Принеся новорожденнаго въ первый разъ въ избу, бабка передаетъ его на руки отцу, который самъ кладетъ его въ люльку, и тѣмъ какъ-бы оффиціально признаетъ его своимъ дѣтищемъ.

Крестины.—Вскорѣ послѣ родовъ бываютъ крестины. Для этой цѣли зажиточные отцы приглашаютъ священника къ себѣ на домъ; у всѣхъ же прочихъ, составляющихъ большинство, бабки приносятъ новорожденныхъ для крещенія въ церковь, во всякую пору года, въ ближайшіе послѣ родовъ воскресные дни. Разумѣется, бываютъ случаи, что крещеніе слѣдуетъ иногда тотчасъ послѣ родовъ. При крещеніи родители рѣдко просятъ священника дать то или другое имя ребенку; обыкновенно эта статья

предоставляется рѣшенію самого священника, который и даетъ новорожденному имя того святаго, память котораго празднуется въ день крещенія или ближайшій къ нему. Воспріемниками отъ купели родители назначаютъ своихъ родственниковъ и иногда коротко-знакомыхъ; ихъ приглашаетъ обыкновенно отецъ. Никакихъ расходовъ, вслѣдствіе этого приглашенія, воспріемники не дѣлаютъ: крестъ, поясъ, рубашка, ризки — холстъ, на который принимаютъ отъ купели,— бываютъ хозяйскіе, домашніе. Если воспріемницею бываетъ дѣвушка, то случается, что во время крещенія она распускаетъ свою косу, связывая волосы у затылка въ одинъ пучекъ. Когда новорожденнаго крестятъ дома, то послѣ совершенія таинства, отецъ угощаетъ священника, кума и куму обѣдомъ.

Крестный отецъ и крестная мать находятся у Пермяковъ въ большомъ почетѣ. Спустя шесть недѣль послѣ крещенія, воспріемницѣ приносятъ отъ крестника подарокъ, — холстину аршина въ два длиною. Въ день своего ангела, для выраженія почтенія, крестники и крестницы ходятъ иногда къ своимъ воспріемникамъ, если они живутъ близко, съ челпанами хлѣба. Воспріемники отдариваютъ малютокъ деньгами. Разумѣется отдарки бываютъ не велики, — отъ полутора до трехъ коп. серебромъ.

Для новорожденнаго въ домѣ родителей приготовляютъ люльку (*дютьтятанъ*). Ее привѣшиваютъ обыкновенно подъ полатями или грядками на короткомъ, едва гнущемся „очепѣ“ (шестѣ). Вмѣсто постели, въ люльку кладутъ грязные обноски одежды и разное трепье. Полога у колыбели не бываетъ, или по крайней мѣрѣ намъ не случалось его видѣть.

Всѣ Пермячки, исключая физической невозможности, кормятъ дѣтей грудью, обыкновенно около года, но всегда съ пособіемъ коровьяго молока, которое даютъ роговымъ рожкомъ — „титькой“. Кормятъ грудью открыто, при домашнихъ и постороннихъ; въ этомъ отношеніи матери—Пермячки чужды всякой застѣнчивости, даже въ церквахъ. Къ концу года начинаютъ кормить дѣтей однимъ коровьимъ молокомъ; а когда минетъ годъ — хлѣбными крошками, распаривая ихъ въ горячихъ щахъ или просто въ горячей водѣ; съ полуторалѣтняго возраста даютъ уже дѣтямъ общую со взрослыми пищу.

Шестинедѣльнаго ребенка, завернувъ въ какой-либо обносокъ или дубасъ, каждая мать носитъ въ церковь для причащенія Св. Таинъ. Но сама мать, хотя бы получила уже „сороковую молитву“, не приступаетъ къ амвону, считая это грѣхомъ;

потому, для причащенія, по просьбѣ матери, подноситъ ребенка къ амвону какая-либо замужняя женщина, а чаще дѣвушка, нарочно для этого приглашенная. Замѣчательно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ, по какому-то предразсудку, выборъ падаетъ обыкновенно на дѣвушку, родившуюся первенцемъ въ семействѣ,—прежде прочихъ сестеръ и братьевъ. Во время большаго выхода, Пермяки не подносятъ ребятъ къ амвону. Какъ у рабочаго народа, у Пермяковъ пріобщаютъ дѣтей преимущественно въ воскресные дни, — и чѣмъ лучше въ эти дни погода, тѣмъ больше бываетъ въ церкви ребятъ, иногда до тридцати и сорока человѣкъ.

Воспитаніе дѣтей.—Сначала новорожденное дитя всё время проводитъ, поперемѣнно, то въ колыбели, то у груди матери. Его очень часто носятъ въ баню,—въ недѣлю раза три и больше. Аппетитъ его удовлетворяется немедленно и вполнѣ, лишь только дитя обнаружитъ его признаки. Это продолжается мѣсяцевъ до пяти. Съ этого времени уходъ за ребенкомъ и попеченіе объ немъ, по недосугамъ или лѣни матери, начинаетъ постепенно уменьшаться. Если дитя не спитъ,—на рукахъ няньчатъ его мало, а сажаютъ обыкновенно въ особый дѣтскій стулъ. Съ восьми мѣсяцевъ и до того времени, какъ дитя начнетъ ходить, больше предоставляютъ ему ползать на грязномъ полу избы, а съ появленіемъ употребленія ногъ, онъ невозбранно ходитъ сначала около лавки, а потомъ самъ по себѣ—среди полу, сколько вздумается. Полуторагодоваго ребенка нарочно уже выносятъ на улицу (разумѣется лѣтомъ), перегребать изъ кучки въ кучку песокъ и рыться въ грязи, вмѣстѣ съ другими, болѣе взрослыми, ребятами. Двухъ, трехъ или четырехъ лѣтній ребенокъ, не спрашиваясь уже, отправляется изъ дому играть, гдѣ и какъ хочетъ. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ начинаетъ пользоваться меньшимъ попеченіемъ со стороны родителей, онъ болѣе и болѣе является запачканнымъ, грязнымъ, оборваннымъ; въ баню носятъ или водятъ его вмѣстѣ со взрослыми, умываютъ не каждый день, рубашку изъ экономіи мѣняютъ рѣдко. На первомъ же году прививаютъ ребенку оспу и, сообразно полу, отращиваютъ волосы, которые всегда бываютъ растрепаны, всклочены.

Въ нравственномъ отношеніи, воспитаніе у Пермяковъ очень немногосложно: ребенку запрещаются непозволительныя шалости, упрямство, ослушаніе, но тѣмъ и оканчивается его моральная наука. Если ребенокъ не поступитъ въ послѣдствіи, на

нѣкоторое время, въ приходскую или молитвенную школу, онъ явится самымъ непосредственнымъ „сыномъ природы“: родители не учатъ его даже обыкновеннымъ, вседневнымъ молитвамъ; напротивъ еще, съ первыхъ же дней возраста, въ которомъ онъ начинаетъ усвоивать и понимать слова и дѣйствія окружающихъ его, онъ слышитъ и видитъ множество дурнаго...., напримѣръ, отцы, ни сколько не стѣсняясь, сквернословятъ при дѣтяхъ, ссорятся съ своими семьянами и сосѣдями и т. д. Отсюда все безнравственное въ Пермякахъ; здѣсь корень тѣхъ пороковъ, которыми такъ рѣзко отмѣтилъ себя нравственный, духовный бытъ Пермяка...

Дѣтей обоего пола, съ пяти-семи лѣтъ, пріучаютъ садиться на лошадь и заставляютъ боронить, возить хлѣбъ съ поля на овины, а съ овиновъ домой. Съ этого времени, когда т. е. Пермяченокъ сядетъ на лошадь и поѣдетъ боронить, до пятнадцати лѣтъ, его называютъ „борноволокомъ“ (*пиня-кыскавись*—бороноволочитель). Съ семи—восьми лѣтъ, мальчиковъ учатъ плесть лапти, дѣвочекъ прясть, сначала отрепи, потомъ изгреби. Съ десяти лѣтъ, дѣти обоего пола начинаютъ жать хлѣбъ, — кромѣ того, мальчики берутся за топоръ, дѣвочки за иглу. Въ этомъ же возрастѣ, нѣкоторые, впрочемъ весьма рѣдкіе, отцы отдаютъ мальчиковъ на годъ, на два въ сельскія школы, гдѣ учатъ ихъ чтенію, письму, молитвамъ и даютъ необходимыя первоначальныя понятія о вѣрѣ, сколько они могутъ усвоить. Съ одиннадцати лѣтъ, парни и дѣвушки пріучаются косить и грести, а съ пятнадцати парней ставятъ уже за соху. Такъ, служа помощниками родителямъ въ домашнихъ работахъ, дѣти проводятъ время—парни до женитьбы, а дѣвушки—до замужства.

Имянины.—У взрослыхъ Пермяковъ обоего пола есть, между прочимъ, обычай праздновать *день своего ангела*, имянины. Но такъ какъ рѣдкому мущинѣ и рѣдкой женщинѣ изъ Пермяковъ извѣстенъ этотъ день, то онъ обыкновенно празднуется весьма не многими. По утру имянинникъ или имянинница, перемѣнивъ грязное бѣлье на чистое, одѣваются въ верхнее праздничное платье; нѣкоторые сельскіе ходятъ къ обѣднѣ; за тѣмъ, всѣ остальные, около крестьянской обѣденной поры, засвѣтивъ свѣчку предъ иконами, молятся Богу дома. У каждаго имянинника, и только у нѣкоторыхъ имянинницъ, непремѣнно бываетъ теплая брага. Она распивается до послѣдней капли съ нарочно-приглашаемыми обоего пола родными и близкими знакомыми, однодеревенцами. Всякій гость, выпивъ первый стаканъ браги,

опускаетъ въ него какую-нибудь мѣдную монету, въ пользу имянинника или имянинницы. Если имянины случаются въ праздникъ, тогда, сверхъ браги, гости угощаются еще пивомъ, виномъ и обѣдомъ, смотря по состоянію имянинника, болѣе или менѣе пьяно и сытно. Покончивъ брагу, или пообѣдавъ, гости расходятся, а имянинникъ -- если трезвъ, принимается за обыкновенныя домашнія работы, пьяный — ложится спать.

Похороны. — Нѣкоторые Пермяки, выздоровѣвъ послѣ какой-нибудь тяжкой болѣзни, уже въ сорокалѣтнемъ возрастѣ начинаютъ готовиться къ смерти. Въ желаніи спокойно, блаженно разстаться съ жизнію, спасти душу, или какъ они говорятъ — „для спа̀сенья"—они дѣлаютъ для себя сосновые гробы, выдолбивъ для сего толстый обрубокъ дерева, ставятъ ихъ въ клѣтяхъ, наполняютъ зерновымъ и печенымъ хлѣбомъ и раздаютъ этотъ хлѣбъ нищимъ.

Исключая несчастные и экстренные случаи скоропостижной смерти, всѣ взрослые Пермяки, потерявши надежду на продолженіе жизни и желая всего болѣе, какъ кажется, избавиться при похоронахъ отъ участія суда гражданскаго, въ послѣдніе часы передъ смертью приглашаютъ священника для напутствованія: исповѣди, пріобщенія Св. Таинъ, и иногда — для соборованія. Объ этихъ христіанскихъ обязанностяхъ почти всѣ заботятся уже въ послѣдней крайности, такъ что не рѣдко священникъ или не застаетъ въ живыхъ больнаго, или является уже тогда, когда онъ находится въ предсмертныхъ мукахъ.

Кто бы ни былъ покойникъ, семьяне тотчасъ приглашаютъ посторонняго человѣка, смотря по полу умершаго, мущину или женщину, приготовить его „подъ святые", т. е. обмыть, одѣть и разчесать волосы. Обмытіе производится водой; на одежду употребляется чистое льняное бѣлье; волосы разчесываются щетью. Приготовленнаго такимъ образомъ покойника кладутъ въ передній уголъ избы, — на лавку, идущую отъ порога. Начинаются потомъ хлопоты о постройкѣ гроба, „домовины" (*муӧртъ*—земный домъ). Для этого приглашаютъ трехъ, пятерыхъ или даже семерыхъ родственниковъ (обыкновенно нечотное число), живущихъ своими домами, — и только, за неимѣніемъ родныхъ, зовутъ столько же человѣкъ стороннихъ. Гробъ дѣлается на улицѣ. Для него вытесываютъ топоромъ еловыя или сосновыя доски и сколачиваютъ ихъ деревянными гвоздями или просто сшиваютъ по угламъ лычными веревками. Изготовивъ гробъ, вносятъ его въ избу и ставятъ на полъ, у стола, на деревянныя

подкладки. Въ гробъ обыкновенно складываютъ всѣ инструменты, которыми его дѣлали и всю одежду, которую намѣрены надѣть на умершаго и положить съ нимъ въ могилу. На всѣхъ четырехъ стѣнкахъ гроба, крестообразно, ставятъ по восковой свѣчкѣ пермятской работы. Покойника и гробъ съ вещами окуриваютъ ладономъ, а за неимѣніемъ его вересомъ. За тѣмъ помолившись Богу, выбираютъ вещи изъ гроба, кладутъ въ него запасную одежду для покойника, какъ говорятъ „на перемѣну умершему", мущинѣ рубашку и порты, женщинѣ, если она была богата— два — три новые дубаса и столько же рубашекъ, а бѣдной— одинъ дубасъ и одну рубашку, за неимѣніемъ своихъ — чужіе; потомъ одѣваютъ покойника сообразно его полу, кладутъ его въ гробъ и покрываютъ саваномъ. Саванъ, безъ различія пола и возраста, бываетъ изъ изгребнаго и рѣдко — изъ волоконнаго льнянаго холста, въ три полосы: двѣ нижнія сшиваются въ родѣ куля или мѣшка, въ который кладется голова, а третья полоса, верхняя, пришивается съ правой стороны къ нижнимъ и дѣлается къ верхнему концу короче первыхъ двухъ, такъ что голова его не закрывается. По савану закрываютъ покойника съ головы до ногъ еще „покровомъ", — полосой холста въ ростъ. Въ старые годы, въ знакъ добрыхъ проводинъ „на тотъ свѣтъ", ставили къ покойнику въ гробъ — вино въ стклянкѣ, пиво въ маленькомъ туяскѣ и клали рыбный пирогъ; а чтобъ покойникъ могъ окупить въ землѣ могилу, къ долони (ладони) правой руки его привязывали мѣдную монету; это послѣднее обыкновеніе соблюдается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у Пермяковъ и нынѣ. Всѣ, находящіеся въ домѣ, прощаются съ покойникомъ: поцѣловавъ, кланяются ему, съ пожеланіемъ царства небеснаго. Послѣ этого, старшая хозяйка въ домѣ даритъ обмывавшихъ покойника и дѣлавшихъ для него гробъ—рубашками и портами умершаго, холстомъ, поясками или деньгами, по одной копѣйкѣ ассигнац. каждаго. Подарки подаетъ она непремѣнно черезъ гробъ. Къ концу всѣхъ этихъ обрядовъ обыкновенно бываетъ готовъ обѣдъ, въ постный день — рыбные пироги и рѣпныя паренки, въ скоромный — мясо, яйцы, а у кого много стряпокъ — пельняни, и сверхъ того, теплая брага. Обѣдомъ угощаются всѣ присутствующіе въ домѣ, кромѣ нищихъ, которымъ подаютъ хлѣбъ, или даютъ что-нибудь изъ бѣлья умершаго.

Гробъ съ покойникомъ остается на полу въ избѣ до самаго выноса въ церковь, который бываетъ обыкновенно на другой день послѣ смерти. У церкви, до отпѣванья и похоронъ, покой-

ника кладутъ въ нарочно для того устроенныя палатки. Пермяки вообще боятся держать въ своихъ домахъ умершихъ долѣе однихъ сутокъ. Если умершій — сельскій житель, его выносятъ въ церковь на рукахъ, а если деревенскій, то взрослаго всегда привозятъ на дровняхъ, а малютку, лѣтомъ, на верховой лошади, а зимой — на дровняхъ же. Каждаго покойника провожаютъ, кромѣ родственниковъ, еще сосѣди, большею частію женщины, — если близко, то до церкви и до могилы. Зажиточные хозяева дарятъ провожатыхъ рубашками, холстомъ или деньгами. Одна изъ провожающихъ родственницъ беретъ съ собой „для приклада въ церковь" — холста аршина три, или полотенце и для трапезника челпанъ хлѣба.

По просьбѣ домашнихъ умершаго, могилу копаютъ сосѣди, однодеревенцы, которыхъ дарятъ за этотъ трудъ холстомъ въ то время, когда опустятъ гробъ въ землю.

Въ могилѣ гробъ закрываютъ обыкновенно берестомъ. Засыпавъ могилу землею, дѣлаютъ въ ней небольшую ямку, въ которую, въ знакъ добрыхъ проводинъ, льютъ пиво и брагу. Иногда, если покойника хоронятъ въ церковной оградѣ, соблюдается еще слѣдующій обычай. Всѣ провожавшіе покойника, выйдя изъ церковной ограды и помолясь Богу, кланяются въ ноги, сначала несшимъ гробъ, потомъ несшимъ крышку гроба, а въ заключеніе кланяются другъ другу несшіе гробъ и крышку. Послѣ этого всѣ безъ различія цѣлуются, прощаются, и вмѣстѣ идутъ въ домъ умершаго на поминки, гдѣ ихъ угощаютъ обѣдомъ и брагой.

Дровни, на которыхъ везенъ былъ покойникъ, если онѣ худы, бросаются на всегда на кладбищѣ или гдѣ-нибудь на дорогѣ, — а если еще годны къ употребленію, то оставляются на пути къ дому, и, спустя шесть недѣль послѣ похоронъ, привозятся домой.

Со дня смерти по день погребенія включительно, домашніе плачутъ по покойникѣ, и вмѣстѣ съ ними, если не всѣ, то нѣкоторые изъ близкихъ къ умершему, — по малолѣткамъ меньше, по взрослымъ больше. Плачутъ дѣти по родителямъ, родители по дѣтямъ; женщины всегда плачутъ больше. Въ громкихъ, раздирающихъ сердце, похоронныхъ причитаніяхъ обыкновенно выражается сожалѣніе о томъ, что умершій рано скончался, оставилъ *горемычную* вдову, дѣтей; за тѣмъ слѣдуетъ описаніе качествъ умершаго и разныя похвалы ему, даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ и не совсѣмъ былъ хорошъ для семьянъ своихъ

и родныхъ, и т. п. — Однимъ словомъ, причитанія эти бываютъ очень различны, смотря по возрасту умершихъ, по отношеніямъ ихъ къ плачущимъ и по самой находчивости плачущихъ.

Поминки. — У Пермяковъ существуетъ вѣрованіе, что душа умершаго до сороковаго дня послѣ смерти, или до *сорочинъ*,— какъ называютъ простолюдины,—вмѣстѣ съ прочими семьянами живетъ въ своемъ домѣ, и во всякій поминальный день присутствуетъ за столомъ и вкушаетъ приготовленныя и поставленныя на столъ яства и питья. Въ сороковой же день, когда гости, послѣ поминовенія покойника приличнымъ обѣдомъ, станутъ отправляться домой, она прощается съ роднымъ кровомъ и отлетаетъ „на тотъ свѣтъ" съ первымъ, вышедшимъ изъ избы, гостемъ. Потомъ она только временно уже навѣщаетъ свое прежнее земное обиталище, именно—въ годовые поминальные дни, для вкушенія приготовленныхъ для поминокъ яствъ и питій. Согласно съ этимъ вѣрованьемъ празднованіе поминальныхъ дней у Пермяковъ носитъ особый характеръ.

Умершаго поминаютъ сначала въ продолженіе первыхъ шести недѣль послѣ его смерти: въ девятый день, двадцатый, — что называется „полусорочины", — и сороковой или „сорочины". Кромѣ того, нѣкоторые зажиточные Пермяки производятъ поминовеніе еще въ каждую субботу, а иногда и на каждой недѣлѣ, въ день смерти, и даже иногда сряду въ продолженіе первыхъ шести дней послѣ смерти родственниковъ.

Наконецъ, послѣ исполненія сороковаго дня, поминовеніе производится только въ общіе поминальные дни; въ Родительскую субботу (передъ Масляной недѣлей), въ Троицкую и Покровскую субботы, въ Радоницу, Семикъ, Дмитріевскую субботу, и—у нѣкоторыхъ — въ Крещенье. Всѣ эти поминальные дни, вообще говоря, проводятся также, какъ и большіе праздничные дни, — т. е., для этихъ дней приготовляютъ обыкновенно теплую брагу, пекутъ рыбные пироги, а если дни въ то время будутъ скоромные, то дѣлаютъ пельняни, варятъ яйца, зажариваютъ баранину, приготовляютъ солянку, пекутъ блины и проч. Въ церковь и на могилу для поминовенія обыкновенно не ходятъ, исключая дней сорочинъ и полусорочинъ.

Въ *девятый день*, а у зажиточныхъ, какъ было сказано, въ продолженіе первыхъ шести дней по смерти родственника, все поминовеніе ограничивается тѣмъ, что утромъ, по приготовленіи кушаній, накрываютъ столъ чистой скатертью (*пызанъ-дöра*) и на нее становятъ всѣ приготовленныя къ поминкамъ яства и

питья. За тѣмъ домохозяева затепливаютъ у образовъ восковыя свѣчи и, ставши по-за столу вмѣстѣ съ самыми близкими родственниками, молятся Богу, при чемъ нерѣдко хозяева, а иногда и близкіе къ усопшему, держатъ въ рукахъ зазженыя свѣчи. Нѣкоторые при этомъ выражаютъ сожалѣніе о покойникѣ громкимъ плачемъ, сопровождая его приличными случаю причитаніями. По окончаніи молитвы, всѣ тихо отходятъ отъ стола и безмолвно садятся по лавкамъ, кто гдѣ найдетъ себѣ мѣсто. Людямъ, незнакомымъ съ дѣломъ, это тихое, безмолвное сидѣніе всѣхъ обитателей дома, покажется страннымъ, но, по пермятскимъ понятіямъ, оно многозначительно: въ это время благоговѣйнаго молчанія, по вѣрованію Пермяковъ, душа усопшаго невидимо вступаетъ въ свою родственную семью, садится за столъ и вкушаетъ всѣ находящіяся на столѣ яства и питья. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, необходимыхъ для закуски душѣ усопшаго, хозяйка дома встаетъ и убираетъ со стола всѣ яства, оставляя только хлѣбъ, соль и питья, и садится снова съ прочими домашними въ ожиданіи гостей. Между тѣмъ, около поры крестьянскаго обѣда, часовъ въ 9-ть утра или нѣсколько позже, сбираются, по предварительному приглашенію, всѣ близкіе родственники покойника и тѣ изъ сосѣдей, которые обмывали его, дѣлали гробъ и копали могилу. Съ ихъ приходомъ начинается уже обѣдъ поминальный и угощеніе. Но предварительно хозяева заботятся „побѣлить гостямъ руки“, т. е. дать имъ воды для омовенія рукъ и тряпку, чтобы ихъ вытереть. Вмѣстѣ съ гостями, садятся обыкновенно за столъ и всѣ домашніе, сколько лишь можетъ ихъ за столомъ помѣститься. Вслѣдъ за угощеніемъ гости расходятся по домамъ.

Точно также справляются пермятскія поминки и въ дни двадцатый и сороковой, съ тою разницею, что въ эти дни, кто нибудь изъ семьянъ, преимущественно женскаго пола, взявши съ собой небольшую часть изъ приготовленныхъ къ поминкамъ яствъ и браги, отправляется вь церковь къ обѣднѣ и, за упокой души родственника, нерѣдко наряжаетъ попа служить панихиду. По окончаніи молитвы, всѣ, взятыя въ церковь, яства и питья или обратно приносятся домой, или же раздаются на могилѣ нищимъ; но въ сорочины брага непремѣнно выливается на могилѣ покойника. Другая особенность этихъ поминокъ, сравнительно съ только что описанными, касается собственно дня сорочинъ. Такъ какъ по вѣрованію Пермяковъ, душа усопшаго, до сихъ поръ жившая въ родномъ домѣ, въ этотъ день „улетаетъ на тотъ свѣтъ“

съ первымъ вышедшимъ изъ избы гостемъ, то Пермяки совершаютъ торжественные проводы ея и прощанье съ ней. Почетный гость изъ близкихъ родныхъ, по окончаніи обѣда, прощается съ домохозяевами, заноситъ ногу черезъ порогъ — и за нимъ слѣдомъ, съ воплемъ, слезами и приличными причитаніями, часто съ зазжеными свѣчами въ рукахъ, ѣдутъ изъ дому всѣ — и гости и хозяева — проводить родную душу „на тотъ свѣтъ". Процессія въ этомъ видѣ тянется до „первой розстани", т. е. до перваго перекрестка, гдѣ, напутствіемъ царства небеснаго, уже окончательно прощаются Пермяки съ бывшимъ жильцомъ роднаго дома.

Объ общихъ поминальныхъ дняхъ сказано въ III-й главѣ.

Роговъ.

ПРИЧИТАНЬЯ «ПО ПОКОЙНИКУ».

(Въ кунгурскомъ уѣздѣ).

Такъ называются здѣсь тѣ печальныя пѣсни или плачи, которыя поются, или—вѣрнѣе сказать—воются, голосятся, съ рыданіемъ, воплями и всѣми признаками убивающей скорби, лицами по преимуществу женскаго пола, при погребеніи или поминкахъ какого-нибудь близкаго родственника. Женщина или дѣвушка, обливаясь слезами о потерѣ дорогаго сердцу предмета, убитая горемъ, не въ состояніи будучи вынести тяжелаго душевнаго волненія, упадаетъ на гробъ или могилу, скрывшіе въ себѣ дорогіе останки роднаго человѣка, ударяетъ руками въ „мать-землю" или безотвѣтную крышку гроба и на распѣвъ причитаетъ одну изъ нижеслѣдующихъ плачей.

1. Дочь по отцѣ.

Со восточной со сторонушки
Подымалися да вѣтры буйные
Со громами да со гремучимя,
Съ молоньями [1]) да со палючимя;
Пала, пала съ небеси звѣзда
Все на батюшкову на могилушку...
Разшиби-ко ты, громова стрѣла,
Еще матушку, да мать-сыру землю!
Развались-ко-ся, ты, мать-земля,
Что на всѣ четыре стороны!
Скройся-ко [2]) да гробова доска,
Распахнитеся да бѣлы саваны! [3])
Отвалитеся да ручки бѣлыя
Отъ ретиваго отъ сердечушка,

[1]) *Молонья* — вм. молнія.

[2]) *Скройся-ко* — вм. вскройся-ко.

[3]) *Саванъ*—см. въ этой же книжкѣ Сборника статью, подъ названіемъ: «Похороны», въ «Матеріалахъ для описанія быта Пермяковъ»—Рогова.

Разожмитеся да уста сахарныя!
Обвернись-ко-ся [1]) да мой родимой батюшко
Перелетнымъ ты да яснымъ соколомъ!
Ты слетай-ко-ся да на сине море,
На сине море на Хвалынское;
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со бѣлова лица ржавщину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой-ётъ да на высокъ теремъ,
Все подъ кутисе да подъ окошечко —
Ты послушай-ко, родимой батюшко,
Горегорькихъ нашихъ пѣсенокъ.

2. СЕСТРА ПО СЕСТРѢ.

Плача эта начинается также, какъ и предъидущая; только вмѣсто: „все на батюшкову на могилушку", — поютъ: „все на сестрицыну на могилушку"; отъ словъ же: „разожмитеся да уста сахарныя" — окончаніе ея таково:

Разожмитеся да уста сахарныя!
Ты промолви-ко, мила сéстрица,
Слово-то со мной ласково,
Слово-то со мной привѣтливо!
Еще я-то, мила сéстрица,
Во тоскѣ живу, во кручинушкѣ,
Безъ своео-то мила ладушки [2]),
Со своими-то съ малы дѣтками.
Была-то у меня мила сéстрица —
Дума крѣпкая, слово ласково;
Была-то у меня мила сéстрица—
Была ласкова, была привѣтлива...
Нанести-то [3]) на насъ есть кому,
А пристать-то [4]) за насъ некому.
Какъ была бы у меня мила сéстрица,
Постояла бы за меня горой высокою,
Постояла бы стѣной да бѣлокаменной.
Во снѣ-то мнѣ ты не привидишься,
На яву-то мнѣ да не покажешься...
Прилети-ко, мила сéстрица,
Ко мнѣ да горегорькою;
Ужь ты сѣдь-ко, мила сéстрица,
На окутисе да на окошечко.
Ты послушай-ко, мила сестрица,
Горегорькихъ-то моихъ пѣсенокъ:

[1]) *Обвернись-ко-ся* — вм. обернись, прими образъ, видъ.
[2]) *Ладушкой* жены называютъ мужей.
[3]) *Нанести*, т. е. наклеветать, насплетничать.
[4]) *Пристать* — вм. приистать за кого — значитъ — заступиться за кого.

Я живу-то, горегорькая,
Безъ батюшка безъ родимова,
Безъ родимой родной матушки,
Безъ свово милова ладушки.

3. Молодуха по мужѣ.

Начало этаго причитанья до словъ: „разожмитеся да уста сахàрныя"—тоже что и въ первой плачѣ; вмѣсто словъ: „все на батюшкову на могилушку" — поютъ: „все на ладушкову на могилушку"; а окончаніе причитанья слѣдующее:

Обернись-ко-ся, мой милый ладушко,
Перелетнымъ ты да яснымъ соколомъ!
Ужь и выйду на широку я на улочку:
Посмотрю я, горегорькая,
На всѣ на четыре стороны —
Не летитъ ли моя мила пташечка,
Не несетъ ли мнѣ вѣстку-грамотку?
Ужь мнѣ ждать будетъ—не дождатися,
Мнѣ глядѣть—не наглядѣтися:
Ну, нѣтъ мнѣ отъ милова ладушки,
Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
Ни словястнаго челобитьица!
А какъ безъ мово-то мила ладушки
Наносятъ на меня люди добрые!...

Послѣ этого причитанья, горемычная вдова часто голоситъ и другое:

Пришла весна красная;
Выѣзжаютъ всѣ люди добрые
На работушку на тежолую —
У меня-то, горегорькія,
Нѣтъ милова ладушки...
А придетъ страда сѣнокосная —
И затупится коса моя булатная...
И тогда-то, горегорькая,
Сѣду я подъ ракитовъ кустъ,
Помяну-то я, горегорькая,
Свово мила ладушку:
Затупилась у меня-то коса да булатная
Не по старому да не по прежнему...
А какъ былъ бы ты, милый ладушко,
Ты направилъ бы мнѣ косу булатную
По старому да по прежнему...
Хожу-то я, горегорькая,
По лугамъ-то да по зеленымъ;
Смотрю-то я, горегорькая,
По добрымъ-то да по людямъ,

И примѣчу я, сирота горькая,
Своево мила ладушку:—
Какова была у него походочка,
Какова была у него поступочка,
Каково у него было лицо бѣлое,
Каковы у него были очи ясныя,
Каковы были кудри русыя...
Не могла-то я узрѣть—высмотрѣть
По его-то частой походочкѣ,
По его-то русымъ кудерцамъ,
По его-то яснымъ очикамъ —
Своево мила ладушка, —
И лишилась я дружка милова:
Пришло времячко всечастно слезы лить,
Горевать, кручиниться и за-все тужить.

4. Старуха по старикѣ.

На кого ты, милой мой, обнадѣялся?
И на кого ты оположился?
Оставляешь ты меня, горегорькую,
Безъ теплова сраво гнѣздышка!..
Не отъ кого-то горегорькой
Нѣту мнѣ слова ласкова,
Нѣтъ-то мнѣ слова привѣтлива.
Нѣтъ-то у меня, горегорькія,
Ни роду-то, ни племени,
Ни поильца мнѣ, ни кормильца...
Остаюсь-то я, горегорькая,
Старымъ-то я старешенька,
Одна да одинешенька.
Работать мнѣ—изможенья нѣтъ.
Нѣтъ-то у меня роду—племени;
Не-съ-кѣмъ мнѣ думу—думати,
Не-съ-кѣмъ мнѣ слово молвити:
Нѣтъ у меня милова ладушки.

Сообщилъ крестьянинъ Е. Будринъ.

О СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ

г. Чердыни [1]).

(Дополненіе къ статьѣ, подъ тѣмъ же названіемъ помѣщенной въ 1-й книжкѣ Пермскаго Сборника).

Отъ посидѣнка до дѣвишника.

Во время вечерняго собранія у невѣсты (стр. 39), дѣвушки, окончивъ плачи, съ прибытіемъ въ домъ жениха, поютъ ему пѣсни:

1. Какъ съ-по матушкѣ, съ-по Винной съ-по рѣкѣ
Тутъ плыло̀, плыло̀ суденышко ново̀.
Съ-по суденышку спохаживаетъ
Удалой доброй молодецъ,
Свѣтъ (имя жениха);
Онъ работничковъ снаряживаетъ:
Вы сюда, сюда, ребята, къ бережку,
Ко тому же ко зеленому лужку!
Выходилъ онъ на зеленый на лужокъ,
Разоставилъ бѣлъ — полотняной шатеръ,
Разослалъ тутъ гронетуровой платокъ;
Разломилъ онъ бѣлъ крупищетой калачь,
Самъ поставилъ водки полуштофъ.
Неоткель да взелась дѣвица:

[1]) При составленіи для первой книжки Пермскаго Сборника статьи о чердынскихъ свадебныхъ обрядахъ, заключающей въ себѣ между прочимъ 67 №№ свадебныхъ пѣсенъ, къ сожалѣнію не имѣлось вовсе въ виду еще довольно большаго количества послѣднихъ. Теперь, имѣя въ рукахъ эти свадебныя чердынскія пѣсни (за сообщеніе которыхъ редакція приноситъ благодарность тому же г. Мальцеву, который доставилъ матеріалы и для первой статьи), редакція Пермскаго Сборника распорядилась напечатать ихъ, въ видѣ дополненія, въ этой второй книжкѣ Сборника, съ показаніемъ, при томъ, времени и обстоятельствъ, при которыхъ эти пѣсни имѣютъ свое мѣсто. *Ред.*

Тебѣ Богъ—помощъ, удалой молодецъ!
Я пришла къ тебѣ не пить, не ѣсть-кушать,
Я пришла къ тебѣ во карты играть,
Что во карты, во шахматы,
И во всѣ игры нѣмецкія.
Отошла—сама расмѣялася...
Проигрался, прохвастался,
Удалой доброй молодецъ:
Проигралъ онъ золото кольцо,
Что со правою со рученьки.
Не въ досаду ли тебѣ, доброй молодецъ,
Не въ досаду ли тебѣ показалося,
Свѣтъ (имя жениха)?

За тѣмъ пѣсня повторяется снова, но послѣ словъ: „во всѣ игры нѣмецкія", оканчивается уже такимъ образомъ:

Отошла—сама заплакала...
Расмѣялся доброй молодецъ, —
Проигралася, прохвасталася
Душа красная дѣвица:
Проиграла свою трубчату̀ косу,
Что со дивьей со кра̀сотою,
Что со алой со ленточкою.

—

2. На дворѣ день да вечеряется,
Красно солнышко да закатается
За̀ горы-горы высокія,
За лѣса, да лѣса темные,
За дубравушки да за зеленыя.
Погляжу-ко я, молодешенька,
По̀ лѣсу, да лѣсу темному:
Ишо [1]) лѣсъ-онъ къ лѣсу клонится,
Ви́тьемъ-пру̀тьемъ увивается,
Корѐньищемъ сростается,
Вершиночкой-то свивается;
Едина бѣла березонька —
Она къ лѣсу не приклоняется...
Тожно я сама, млада, знаю-вѣдаю,
Молодешенька догадаюся
Я своимъ-то да молодымъ умомъ,
Молодымъ умомъ да глупымъ разумомъ:
То каки да лѣса темные?
То мои милы подруженьки:
Они всѣ да сидятъ рядочикомъ, —
Буйны головы учесаны,
Трубчаты́ косы заплетаны,
Дивьи красоты вовязаны...

[1]) Вм. *еще*.

То какая бѣла березонька?
То вѣдь я-то, молодешенька,
Отмѣнита отъ подруженекъ:
Буйная голова не учесана,
Трубчатая коса не заплетана,—
То я, отмѣнитая отъ подруженекъ...
Запоручена моя буйная головушка,
Задаваны ручки бѣлыя
Подъ мою-то трубчату косу,
Подъ мою-то дивью красоту;
Запоручилъ меня родимой батюшко,
Задавала ручки бѣлыя
Моя-то родима матушка.

Дѣвишникъ.

Стр. 41. Утромъ, въ день дѣвишника, по окончаніи плачи — „*Вы вставайте-ко, милы подруженьки*"...... (стр. 40), дѣвушки, находясь еще въ постели, вмѣстѣ съ невѣстою поютъ:

3. Я спала, млада, высыпалася,
Я ждала, млада, дожидалася
Отъ батюшки побужденьица,
Отъ матушки покликаньица,
Отъ братца—ключевой воды,
Отъ сестрицы—полотенышка.
Что не будитъ родимой батюшко,
Что не кличетъ родима матушка...
Они что̀ стали добры—ласковы
До меня, до молодешеньки,
Ретивымъ сердцемъ упадчивы?
Я тожно, млада, знаю-вѣдаю,
Молодешенька догадаюся:
Запоручена моя буйная головушка,
Задаваны ручки бѣлыя
За удалаго добра молодца,
Свѣтъ (имя жениха);
Онъ и ѣздитъ на вороныхъ коняхъ,
Собираетъ онъ дорогихъ гостей
На мое-то на просватанье...

Если невѣста *сирота*, то, кромѣ этихъ плачей, ей поются еще тѣ, которыя въ первой статьѣ „о свадебныхъ обрядахъ г. Чердыни" помѣщены подъ №№ 44 и 45.

За тѣмъ, вставши съ постели и приготовляясь топить баню, дѣвушки поютъ сначала *брату* невѣсты:

4. Потрудись-ко, милой братецъ!
Поѣдь ты во чисто поле,

Наруби мелкихъ банничковъ:
Первые-то дрова березовые,
Другіе-то—сосновые,
Третьи-то—кедровые,
Не руби только бдну горьку осинушку—
Истопить мнѣ теплу парушу,
Мнѣ помыться да попариться
Со кумушками да со подружками,
Со назваными со сестрицами...

Потомъ поютъ *сестрѣ* невѣсты:

5. Потрудись-ко, мила сѐстрица!
Истопи-ко теплу парушку
Безъ дыму—безъ чаду, безъ кудельной копоти!
Наноси-ко ключевой воды,
Ты нагрѣй-ко слизкихъ щелоковъ
Про меня, про молодешеньку [1]),
Мнѣ помыться да попариться
Со кумушками да со подружками,
Со назваными со сестрицами,—
Мнѣ смывать со бѣла лица,
Со бѣла лица горючи слезы,
Съ ретива сердца тоску—кручинушку...
Я сама, млада, знаю—вѣдаю,
Что не смыть мнѣ со бѣла лица,
Со бѣла лица горючи слезы,
Съ ретива сердца тоску кручинушку,—
Я сомью съ себя дивью красоту...
Полетишь моя да дивья красота
Дымнымъ банныемъ окошечкомъ
Со дымами да со кудрявымя,
Со парами да со медвянымя;
Я поставлю караульщичка,
Своего-то братца милаго.
Онъ поймать да мою дивью красоту
На свои-то ручки бѣлыя.

Стр. 43. Когда баня будетъ совсѣмъ приготовлена и дѣвушки пропоютъ невѣстѣ пригласительную въ баню плачу (№ 23), невѣста *благодаритъ сестру* слѣдующею плачей:

6. Благодарствуй, мила сѐстрица!
Истопела ты мнѣ теплу парушу
Безъ дыму—безъ чаду, безъ кудельной копоти,
Ты нагрѣла мнѣ слизкихъ щелоковъ...

Стр. 55. На дѣвишникѣ, передъ ужиномъ, когда женихъ, поднесши подарки невѣстѣ, вмѣстѣ съ нею садится за конфекты,

1) Если невѣста сирота, то добавляютъ: «сироту горегорькую».

дѣвушки поютъ *невѣстѣ* ту же пѣсню, которая въ первой статьѣ помѣщена подъ № 56. По окончаніи этой пѣсни, невѣста, приставъ, кланяется и благодаритъ дѣвушекъ; а дѣвушки, въ тоже время, начинаютъ пѣсню *жениху:*

7. Среди царства Россійскаго,
Государства Московскаго,
Тутъ стояли палаты бѣлокаменны,
Бѣлокаменны палаты, златоверхи;
Какъ во тѣхъ во палатахъ бѣлокаменныхъ
Постановлены столы дубовые;
На столахъ столешницы кедровые;
Испродерганы скатерти шиты-браныя,
Наставлены яства сахарныя,
Изналеваны питья медвяныя.
Что за тѣмя за столами за дубовымя
Тутъ сидѣли князья—бояра,
Промежъ ими сидѣлъ доброй молодецъ,
Свѣтъ (имя жениха).
На рукахъ онъ держитъ звончаты гусли:
Что на тѣхъ ли звончатыхъ гусляхъ
Онъ выигрываетъ волю батюшкову,
Великую нѣгу матушкину...
Подошедши къ нему красна дѣвица,
Подошедши—подслушалася,
Отошедши—сама заплакала,
Ужь ты, свѣтъ, воля батюшкова,
Великая нѣга, матушкина!
Отставать будетъ отъ воли батюшковой,
Отъ великой нѣги матушкиной,—
Приставать будетъ ко волѣ свекровой,
Приставать ко нѣгѣ ко свекровкиной;
Отставать будетъ отъ обычья дѣвичья—
Приставать ко нраву молодецкому,
Ко удалому добру молодцу,
Свѣтъ (имя жениха).

За тѣмъ, въ честь всѣхъ *женатыхъ*, дѣвушки поютъ слѣдующія пѣсни:

8.[1]) Какъ бы съ-по сѣнямъ, сѣничкамъ,
По частымъ переходичикамъ,
Тутъ и ходила—гуляла
Молодая боярыня;
Приходила—пригуляла
Ко кроваточкѣ къ тисовою,

[1]) Срав. въ 1-й статьѣ пѣсню подъ № 9.

Ко перинушкѣ къ пуховою,
Къ одѣяльцу соболиному,
Къ своему другу милому.
Бу́дила-га́ркала
Господина-боярина,
Своего друга милаго:
Встань-ко, мой ласковой,
Пробудись—я привѣтливой!
Государь-царь въ походъ пошолъ,
У тебя, у боярина,
Кони не обсѣдланы,
Молодцы не снаряжены,
Во-ружья не изготовлены...
—Не тужи, моя умная,
Не печалься, разумная
Молодая боярыня!
Будетъ Богомъ исправлено:
Кони будутъ обсѣдланы,
Молодцы всѣ—снаряжены,
Во-ружья изготовлены.
Ужь мы заднихъ-то сустижемъ,
Середнихъ-то перестижемъ,
Со передними ровны будемъ—
Государю коня подведемъ,
На рукѣ сокола поднесемъ.
За то насъ царь помилуетъ,
Благовѣрной пожалуетъ
Тремя городами стойными [1]):
Что Сибирью со Астраханью,
Да Казанью богатою,
Да славнымъ городомъ Черданью.
Я во Астрахань—городъ посажу
Своего сына милаго,
Въ Казань-городъ посажу
Я свою дочерь перепелку,
Во Сибирь во богатую
Я самъ сѣдакомъ сяду.

—

9. Плавала чарочка въ сладкомъ меду,
Въ сладкомъ меду со патакою.
Кто за эту чарочку приметсяя?
Приметсяя — принимается,
Свѣтъ (имя гостя, которому поютъ пѣсню),—
Самъ изопьетъ и душѣ подастъ:
Выпей, душа,—выпей, радость моя!
—Право, душа, пить не хочется,
Пить не хочется, худо можется...

[1]) Вм. *стольными*

Мнѣ ночесь, молодешенькѣ, мало спалось,
Мало спалось, много видѣлось во снѣ:
Ужь кабы у насъ середи двора,
Середи двора, среди широкова,
Выросло деревцо кипаристое,
Что другое-то деревцо сахарное;
На деревѣ вѣточки золотыя,
Золотыя вѣточки, серебряныя, —
По двору травонька муравая,
Мурава-травонька лазоревая, —
На травонькѣ цвѣтики алинькіе,
Алиньки цвѣтики, лазоревые...
Спроговорилъ хозяинъ-господинъ:
Я тебѣ, душечка, сонъ разскажу,
Сонъ разскажу и про сонъ разсужу
Въ добромъ здоровьѣ и въ радости:
Кипаристое деревцо—я у тебя,
Сахарно деревцо—ты у меня;
На деревѣ вѣточки—дѣти у насъ,
Дѣти у насъ, дѣти милые;
По двору травонька—люди у насъ,
Люди у насъ, люди служивые.

—

10. Какъ у стольнаго города—витые ворота,
Какъ витые, золотые, трое—замчатые,
Трое-замчатые, запечатанные.
Какъ во первые воротички соколъ прилеталъ,
Во другіе-то воротички хозяинъ проѣзжалъ,
Въ третьи-то воротички гонца король прогналъ.
Какъ гонецъ-то королевскій зычнымъ голосомъ скричалъ:
Ужь ты, стой, воротись хозяинъ-господинъ!
Ивью-ивью, радость моя!
Твоя-то жена сына породила...
—Я не стою, не стою, не воротюся
Для сына своего, ясна сокола:
Сынъ-отъ у меня—хозяинъ въ дому,
Хозяинъ въ дому, какъ Адамъ въ раю...

Пѣсня потомъ повторяется снова и оканчивается такимъ образомъ:

Твоя-то жена дочерь породила...
Я стою, я стою, я воротюся:
Дочь-то у меня—она гостья въ дому,
Гостья въ дому, какъ оладья въ меду.

—

11. Какъ на той на высокой на горѣ,
На той на хорошей красотѣ,

Выростало кипаристово деревцо.
На томъ кипаристыемъ деревцѣ
Виситъ колыбель золота, —
Почапочки шелковыя,
Колечка серебряныя,
Виты, позолоченыя.
Какъ во той колыбелѣ золотой
Качатся удалой молодецъ.
Ужь вы, нянюшки, мамушки мои,
Вѣрные служаночки мои!
Качните повыше того,
Увидалъ бы я друга своего,
Душечку молодую жену.
(Имя жены), душечка моя,
(Ея отчество), сердце мое!
Я не свижу-тужу по тебѣ,
А увижу—обрадуюся, 2
Будто красному солнышку, 2
Будто свѣтлому мѣсяцу. 2
Душечка, молодая жена!
Пойдемъ въ зеленой садъ гулять,
Сорвемъ съ розы розовой цвѣтокъ,
Совьемъ на головушку вѣнокъ;
Породи-ко мнѣ сына сокола,
Бѣлымъ лицемъ ты же во себя,
Умомъ—разумомъ ты же во меня,
Съ черными бровями съ соболя,
Съ ясными очами съ сокола.

Маленькимъ дѣтямъ поютъ на дѣвишникѣ слѣдующую пѣсню:

12. Надъ Вишерою надъ рѣкою
Выростало древо кудряво,
Кудряво древо – рябина.
На томъ на древѣ кудрявѣ,
Какъ тутъ-и-сидѣла птица веселая,
Веселая птица—соловейко.
Она пѣсни поетъ все соловьины,
Словеса говоритъ все премудры:
Кто у насъ на свадьбѣ маленекъ,
Посадимъ мы его всѣхъ повыше —
На три перины пуховы,
На четверту подушку камчату,
На пятый коверъ сарачинской,
Поднесемъ мы его къ винограду,
Чтобы люди на его поглядѣли,
Чтобы люди его невѣстѣ похвалили,
Чтобы люди о томъ родимой матушкѣ разсказали.

Когда, наконецъ, гости станутъ садиться за столъ, то въ это время, равно какъ и за ужиномъ, дѣвушки поютъ слѣдуюшія пѣсни: — *жениху:*

13. Билася туча передъ бурею —
Кланялся зять передъ тещею:
Ты отдай, теща, мое,
Отдай суженое!
Вывела теща коня за узду:
Это, зять, твое
Это — суженое!
— Это, теща, не мое,
Это не суженое!...

—

Билася туча передъ бурею -
Кланялся зять передъ тещею:
Ты отдай, теща, мое,
Отдай суженое!
Вывела теща корову за рога:
Это, зять, твое,
Это — суженое!
— Это, теща, не мое,
Это не суженое!
Сужено мое—въ высокомъ терему,
Въ высокомъ терему, за занавѣсою...

—

Вывела теща дочерь за руку:
Это, зять, твое,
Это суженое!
— Это, теща, мое,
Это суженое!...

Невѣстѣ поютъ:

14. Съ-по-утру рано, на зарѣ,
Стояли кони на дворѣ,
Подъ коврами подъ шелковымя,
Подъ чепраками подъ золотымя.
Про этихъ коней не знаетъ никто...
Знала—спознала красна дѣвица душа;
Брала она коней за повода,
Ставила коней во стойла,
Сыпала пшены да на-мѣсто овса,
Лила сыты да на-мѣсто воды, —
Отошла — сама кланялася:
Пейте вы, ѣшьте, кони мои,
Кони мои, кони вороные!
Завтра пораньше свезите меня
Далѣ—подалѣ отъ батюшка,
Ближе—поближе ко свекру на дворъ...

За тѣмъ пѣсня повторяется снова и оканчивается такъ:

Завтра пораньше свезите меня
Далѣ-подалѣ отъ сястрицы,
Ближе-поближе къ милому на дворъ...

—

15. Ты, дубовая дверь, отоприся,
Ты, нѣмецкой замокъ, развернися!
Родной батюшко, разступися![1])
Мнѣ не годъ у васъ годовати,
Мнѣ не вѣкъ у васъ вѣковати —
Една ноченька у васъ ночевати!...
Мнѣ-ка та темна ночь не сыпа̂ти,
Во слезахъ темна ночь провожати...

Пѣсня *жениху*.

16. Какъ съ-по той съ-по луговой съ-по рѣкѣ
Не величко суденышко бѣжитъ;
На суденышкѣ немножко людей,
По разсчету только семь человѣкъ, —
Что восьмой—душа кормщикъ,
Что девятой—водолевъ—воду льетъ,
Что десятой—удалой молодецъ —
Съ-по суденышку спохаживаетъ;
Онъ тугой лугъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу направливаетъ,
Ко стрѣлѣ самъ приговариваетъ:
Ты лети, моя калинова стрѣла,
Не на воду и не на землю;
Ты пади, моя калинова стрѣла,
Ко дѣвицѣ на высокой на теремъ!
Опали́, моя калинова стрѣла,
У дѣвицы трубчатую косу
Со дивьей со красотою!
Ты убей, моя калинова стрѣла,
Стару бабу на печѣ въ углу,
Что сиза орла на запескѣ,
Сѣру утицу на за̂водѣ...
Что сизой орелъ-то — тястюшко мой,
Стара баба-то — теща моя,
Сѣра утица-то—яства моя,
Красна дѣвица — невѣста моя.

Пѣсня *невѣстѣ*.

17. Мнѣ ночесь, молодешенькой,
Не спалась темна ноченька,

[1]) А при повтореніи пѣсни: «Родна матушка, разступися»!

Не спалось—во снѣ видѣлось:
Ужъ кабы у насъ середи двора,
Тутъ стояла хижа—хижина,
Хижа—хижина, пустая хоромина,
Пустая, непокрытая, —
Углы прочь отвалилися
По бревешку роскатилися.
Какъ въ горницѣ кроватка стоитъ,
На кроваткѣ черенъ соболь лежитъ;
Какъ и пò полу ходитъ гусыня,
По лавочкамъ сидятъ голуби,
По окошечкамъ ласточки.
На переднемъ да на окошечкѣ—
Тутъ сидитъ да младъ ясенъ соколъ;
Онъ манитъ къ себѣ да переманиваетъ,
Переманиваетъ, — приговариваетъ.
Тутъ я млада испужалася...
— Ты, дитя мое, дитятко,
Ты, дитя мое милое!
Не во снѣ тебѣ привидилось,
На яву показалося....
То кака да хижа—хижина? —
То чужа дальна сторонушка;
Углы прочь отвалилися —
Отъ тебя-то, мило дитятко,
Отецъ, мать отступилися;
По бревешку раскатилися —
Родъ—племя все отступилися;
На кроваткѣ черенъ соболь лежитъ—
То твой свекоръ—батюшко;
Какъ и пò полу не гусыня ходитъ —
То твоя-то свекровь—матушка,
Какъ по лавочкамъ не голуби —
То твои деверья—братчики;
По окошечкамъ не ласточки —
То твои золовки—сястрицы;
На середнемъ да на окошечкѣ,
Тутъ сидитъ младъ ясенъ соколъ —
То твой-ётъ милой, суженой...

—

18. Надлеталъ же да младъ ясенъ соколъ,
Онъ садился да на окошечко,
На серебряную на причалинку;
Причалинка да обломилася,
Окошечко да отворилося.
Залеталъ же да младъ ясенъ соколъ,
Залеталъ же во горинку;
Онъ садился же на дубовый столъ

Противъ души да красной дѣвицы.
Говорила же ей матушка,
Говорила ей родимая:
Ты, дитя мое, дитятко,
Ты, дитя мое милое!
Ты насыпь-ко бѣлояровой пшены,
Ты налей-ко медвяныя сыты,
Прикормляй къ себѣ ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго!...
— Ты, родимая моя матушка!
Мое сердце не воротится къ нему;
Сердце кровью да обливается,
Въ лицѣ жаръ же да запекается
Каково же мнѣ горе — горькой будетъ
Прикормлять къ себѣ ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго...
Не успѣла да рѣчь покончити,
Заходилъ же добрый молодецъ,
Заходилъ къ дѣвицѣ въ горницу.
— Вотъ идетъ да погубитель мой,
Вотъ идетъ да разлучитель мой,
Вонъ идетъ да *расплети — косу*,
Вонъ идетъ да *потеряй — красу*.
Какъ отвѣтъ да держитъ молодецъ:
Ты душа да красна дѣвица!
Что не я да погубитель твой —
Погубитель твой — батюшко,
Разлучительница — матушка,
Расплети же — косу — свашенька,
Потеряй — красу — друженька, —
Ѣдучи по дороженькѣ,
Ѣдучи ко Божьей церкви.

Жениху и *невѣстѣ*:

19. Какъ бы на горѣ, на высокой горѣ,
На великой на красотѣ.
Ай, вина, радость моя!
Тутъ стоялъ, стоялъ бѣлый храмъ,
Бѣлокаменной-муравленой.
Ай, вина, радость моя!
Какъ во томъ во бѣломъ храму
Тутъ стоялъ Спасъ со милостью,
Пречистой со участью.
Ай, и пр.
Какъ во томъ во бѣломъ храму
Тутъ вѣнчалися два отрока —
Ай, и пр.

Отрокъ съ отрочицею,
Молодецъ со дѣвицею.
Ай, и пр.
Они вѣнчалися — обручалися,
Они перстнями мѣнялися.
Ай, и пр.
Тутъ никто Богу не молится,
Тутъ никто не обвѣшается (т. е. не обѣщается).
Ай, и пр.
Едина Богу молилася,
Едина обвѣшалася
Душа красна дѣвица.
Ай, и пр.
Она проситъ у Спаса милости,
У Пречистой участи.
Ай, и пр.
Мнѣ подай, Боже — Господи,
Мнѣ свекра, какъ батюшку,
Мнѣ свекровку, какъ матушку!
Ай, и пр.
Мнѣ подай, Боже — Господи,
Мнѣ деверьевъ, какъ братчиковъ,
Мнѣ золовушекъ, какъ сястричекъ!
Ай, и пр.
Мнѣ подай, Боже — Господи,
Мнѣ мила друга совѣтнаго,
Мнѣ мила друга любовнаго!
Ай, и пр.
Свѣтъ — любовь, долгой вѣкъ,
На годы-то на долгіе,
На вѣки-то на несчетные.
Ай, и пр.

Пѣсни въ честь *холостыхъ:*

20. Во саду было во садичкѣ,
Во зеленомъ виноградничкѣ, —
Тутъ и ѣздилъ — споѣздилъ
Удалой доброй молодецъ
На своемъ на добрѣ конѣ,
Во черкальскомъ сѣдельшкѣ.
Тесменной уздой онъ набрякиваетъ,
Шелковой плетью помахиваетъ,
Ко терему приворачиваетъ,
На высокъ теремъ поглядываетъ,
Свою сужену выгаркиваетъ:
Погляди, душа, въ окошечко,
Покажи да лице бѣлое!
Если ты мнѣ поглянешься,

Поглянешься — за себя возьму;
Если ты мнѣ не поглянешься,
Похвалю дружку — товарищу,
Своему братцу — названному:
То-то дѣвка, то-то красна!
Отца — матери хорошаго,
Роду — племени богатаго!...
Что она мнѣ поглянулась —
За себя возьму душу красну дѣвицу,
Свѣтъ (имя невѣсты).

—

21. Во Христовскую заутреню
(Имя холостяка) мать воспородила,
(Отчество его) воспородила.
Умывала его матушка ключевой водой,
Ключевой водой, холоднею;
Оболокала его матушка
Въ коленкорову рубашечку,
Пеленала его матушка
Во батистову пеленочку,
Свивала его матушка
Алымъ бархатнымъ свивальничкомъ,
Уклала его матушка
Въ золотую колыбелочку;
Раскачала его матушка
Отъ востока и до запада, —
Что качала да приговаривала:
Ужь ты спи, мое дитятко,
Ты рости, мое милое!
Ужь ты будь, мое дитятко,
Отцу — матери покорное,
Добрымъ людямъ поклонливое,
Ты царю будь услужливое,
На невѣсту будь счастливое!
Что крестили его священнички,
Принимали да князья — бояра,
Возненяньчили няньки — мамушки,
Снаряжали родны систрицы,
Свѣтъ (имя и отчество сестеръ),
Свѣтъ (тоже);
Онѣ чесали да кудри желтые,
Чесали частымъ гребешкомъ;
Во перво-ётъ рядъ завивали,
Завивали чисто серебро,
Во второ-ётъ рядъ завивали,
Завивали красно золото,
Въ третi-ётъ рядъ завивали,
Завивали да скатнымъ жемчугомъ.

Снаряжали да князей—бояръ
Удалому добру молодцу,
Свѣтъ (именуютъ жениха).
Какъ донскіе-то бояра позавидовали:
Что кто-то тебя, добра молодца,
Воспорóдилъ, воскормилъ?
Не зоря ли тебя, добра молодца, спородила,
Не свѣтелъ ли мѣсяцъ споилъ — скормилъ?...
— Ужь вы, глупые бояра,
Неразумные господа!
Что когда же зоря дѣтей родила?
Что когда же свѣтелъ мѣсяцъ поилъ—кормилъ?
Воспородила меня, добра молодца,
Родна матушка, свѣтъ (имя ея),
Споилъ—скормилъ родной батюшко,
Свѣтъ (имя его),
Возненяньчили меня няньки—мамушки,
Завивали кудри родны сястрицы,
Осіяла добра молодца
Чужа дальная сторонушка.

Пѣсни *невѣстѣ*:

22. Какъ и съ-пó мосту, мосту
Раю, раю!
Тутъ бѣжала карета.
Раю, раю!
Какъ подъ той подъ каретой
Пара коней вороные;
Раю, раю!
Кучера молодые —
Шаѳера холостые;
Раю, раю!
Какъ во той во каретѣ
Сидѣла дѣвица;
Раю, раю!
Добро—жалобно плачетъ,
Заунывно причитаетъ.
Раю, раю!

Какъ изъ-зá лѣсу, лѣсу
Раю, раю!
Не соколъ вылетаетъ,
Раю, раю!
Не крыломъ задѣваетъ,
Раю, раю!
Молодецъ выѣзжаетъ,
Раю, раю!

Рукавомъ соболинымъ
Карету отпираетъ;
Раю, раю!
Во карету садится
Уговариватъ дѣвицу
Раю, раю!
Ты не плачь, не плачь дѣвица!
Раю, раю!
Ужь я дамъ тебѣ волю
Лучше батюшка роднова,
Раю, раю!
Ужь я дамъ тебѣ нѣгу
Лучше матушки родныя,
Раю, раю!
Ты куда пойдешь—спросися,
Раю, раю!
Откуль будешь—доложися,
Раю, раю!
Принеси—поклонися!
Раю, раю!
— Это что у васъ за-воля?
Это что у васъ за нѣга?
Раю, раю!
Какъ у батюшки воля,
Какъ у матушки нѣга,
Раю, раю!
Пойду—не прощуся,
Раю, раю!
Приду—не доложуся,
Раю, раю!
Принесу — не поклонюся,
Раю, раю!
А куда захотѣла —
Соколомъ полетѣла.
Раю, раю!

—

23. Изъ поля, полечка
Увита дороженька коврикомъ.
Кто эту дороженьку увивалъ?
Увивалъ дороженьку удалой молодецъ,
Свѣтъ (имя жениха),
Онъ ко тястюшку ходючи,
Дороги́ гостинички носючи:
Перво-ётъ гостинецъ — изюмецъ,
Друго-ётъ гостинецъ — виноградъ,
Треті-ётъ гостинецъ — самъ пришолъ.
За то его тястюшко полюбилъ,
Своей милой дочерью подарилъ.

Свѣтъ (имя и отчество невѣсты),
Садила подруженекъ за столы;
Сама она садилася повыше всѣхъ,
Головушку клонила пониже плечь,
Думушку думала покрѣпче всѣхъ:
Какъ будетъ мнѣ свекра назвать?...
Свекромъ назвать—не доводится,
Батюшкомъ назвать—мнѣ не хочется...
Я убавлю спѣси—гордости,
Я прибавлю ума—разума,—
Назову я свекра батюшкомъ.

Пѣсню повторяютъ сначала и продолжаютъ потомъ такимъ образомъ:

Какъ будетъ мнѣ свекровку назвать?...
Свекровкой назвать—не доводится,
Матерью назвать—мнѣ не хочется...
Я убавлю спѣси—гордости,
Я прибавлю ума—разума,—
Назову я свекровь матушкой.

Такимъ же точно образомъ невѣста переходитъ въ пѣснѣ къ деверьямъ, золовкѣ и мужу:

Какъ будетъ мнѣ деверьевъ назвать?
Деверьями назвать—не доводится,
Братцами назвать—мнѣ не хочется...
Я убавлю спѣси—гордости,
Я прибавлю ума—разума,—
Назову деверьевъ братцами.
Какъ будетъ мнѣ золовку назвать?
Золовкой назвать—не доводится,
Сестрицей назвать—мнѣ не хочется и проч.
.
Назову золовку сястрицей.
Какъ будетъ мнѣ мужа назвать?
Мужемъ назвать—не доводится,
Миленькимъ назвать—мнѣ не хочется...
Я убавлю спѣси—гордости,
Я прибавлю ума—разума,—
Назову я мужа миленькимъ,
Свѣтъ (именуетъ жениха).

—

24. Какъ бы на горѣ, горѣ,
На высокой, на крутой.
Рай мой, рай!
Тутъ стояло деревцо
Кипаристовое.
Рай мой, рай!

Какъ на томъ на деревцѣ
Свито гнѣздышко.
Рай и проч.
Свито ласточкино,
Свито косаточкино.
Рай и пр.
Солетались соколы
Со всѣхъ разныхъ сторонъ.
Рай и пр.
Они думу думали,
Думу крѣпкую.
Рай и пр.
Ишо какъ будетъ злетѣть,
Ишо какъ раззорить
Рай и пр.
Гнѣздо ласточкино,
Гнѣздо косаточкино.
Рай и пр.
Одинъ изъ нихъ смѣляе:
— Ишо я злетю,
Ишо я раззорю
Гнѣздо ласточкино,
Гнѣздо косаточкино.
Рай и пр.

—

Какъ бы на горѣ, горѣ,
На высокой, на крутой
Рай и пр.
На высокой, на крутой,
Тутъ стоялъ высокъ теремъ.
Рай и пр.
Во высокомъ терему
Красна дѣвица сидитъ.
Рай и пр.
Соѣзжалися бояра
Со всѣхъ разныхъ городовъ.
Рай и пр.
Они думу думали,
Думу крѣпкую.
Рай и пр.
Ишо какъ будетъ войти
Во высокъ теремъ;
Рай и пр.
Ишо какъ увезти
Красну дѣвицу душу.
Рай и пр.
Одинъ изъ нихъ посмѣляе:
— Ишо я взойду,

Ишо я увезу
Красну дѣвицу душу.
Рай и пр.

—

25. Да, сказáли,—Ивáнушко грозёнъ...
Онъ грозенъ, грозенъ да не милостивъ,
До меня млады не жалостливъ.
Я брала золотые ключи,
Отпирала окованные ларцы,
Вынимала сукна аглицкія,
Кроила да Иванушку кафтанъ,
Да не дологъ, не коротинькой,
Во подолѣ-то широконькой, —
Чтобы легче на добра коня скакать,
Пріѣзжати ко широку ко двору,
Ко широку двору, къ тястеву,
Ко новымъ сѣнямъ, къ тещинымъ,
Ко невѣстиной горницѣ.
Выходила да (имя невѣсты) срѣчать,
Пріимала за ручки его бѣлыя,
Во уста цѣловала его,
Уводила да во горницу—
Душа красная дѣвица,
Свѣтъ (имя и отчество невѣсты),
Удалова добра молодца,
Свѣтъ (имя и отчество жениха);
Садила за дубовыя столы,
За скатерти шиты-браныя,
Да за питья медвяныя.

Невѣстѣ *сиротѣ:*

26. Много, много у сыра дуба,
Много витья и нáвитья,
Много листу зеленаго;
Только нѣту у сыра дуба
Золотыя да маковки,
Позолоченой вершиночки...
Какъ у красной у дѣвицы
Много роду, много племени;
Только нѣтъ у красной дѣвицы
Родимой матушки, роднаго батюшка
Снарядить меня есть кому,
Благословить меня некому.
Ихъ бы надо бы, надобно,
На эту пору—времячко,
На горегорькой на дѣвишничекъ,
На злосчастной посидѣночекъ.

Невѣстѣ *вдовой:*

27. Какъ доселѣва рыба,
Какъ доселѣва бѣлуга
По синю́ морю ходила,
Кругые берега обсыпала,
Желтые пески опускала:
Какъ нонѣчи рыба,
Какъ нонѣчи бѣлуга,
На серебряномъ на блюдѣ,
Передъ князьями предъ боярами...

—

Какъ доселѣва (имя невѣсты),
Какъ доселѣва (отечество ея)
Охоча была гуляти,
Охоча пиры пировати,
Что столы столовати,
При своемъ-то миломъ другѣ:
Какъ нонѣчи (имя невѣсты),
Какъ нонѣчи (отечество ея),
Безъ своево друга милаго,
Во тоскѣ да во кручинушкѣ,
Со своими да со дѣтоньками,
Свѣтъ (имя дѣтей).

Пѣсня *жениху*, а иногда поется и *дружкамъ.*

28. Кругъ Казани кругъ городу,—
Илью—илью, радость моя!—
Кругъ Сибири богатыя,
Тутъ и ѣздилъ—споѣздилъ
Удалой доброй молодецъ
На своемъ на добрѣ конѣ,
На любимомъ на бархатѣ.
Какъ за́зрѣла, какъ засмо́трѣла
Его сястрица милая
Изъ высока нова терема,
Изъ окошечка косящетова,
Изъ оконенки стекольщатой.
— Ужь ты, братецъ, братецъ миленькой,
Полно, братъ, ѣздити
На своемъ на добрѣ конѣ,
На любимомъ на бархатѣ!
Притомилъ ты добра коня,
Притолстилъ коверъ вышитой...
Какъ отвѣтъ держитъ братъ сестрѣ,
Отвѣчаетъ доброй молодецъ:
Мнѣ не батюшко коня купилъ,—
Мнѣ тяст—ётъ коня купилъ,
Мнѣ не матушка коверъ кроила,

Не своячина вышивала,
Мнѣ сужена дарила...
Красна дѣвица отъ его,
Доброй молодецъ за іё [1]);
Она звѣздой на небо, —
Онъ: „всѣ звѣзды перечту,
Красну дѣвицу доступлю"...
Красна дѣвица отъ его —
Она въ море-то щукою;
Доброй молодецъ за іё,
Со князьями, со боярами,
Съ молодцами съ удалымя,
Съ неводами съ шелковымя:
„Ужь я всю рыбу выловлю,
Красну дѣвицу доступлю"...
Красна дѣвица отъ его,—
Она въ темные лѣса куницею;
Доброй молодецъ за іё,
Со князьями, со боярами,
Съ молодцами со удалымя,
Съ топорами со булатнымя:
„Ужь я всѣ лѣса вырублю,
Красну дѣвицу доступлю"...
Красна дѣвица отъ его —
Она въ куть да за-занавѣсу
Къ молодымъ ко молодушкамъ,
Ко краснымъ ко дѣвушкамъ;
Доброй молодецъ за іё,
Со князьями, со боярами,
Съ молодцами со удалымя:
„Ужь я всѣхъ дѣвушекъ переберу.
Красну дѣвицу доступлю"...
Полно, полно, красна дѣвица!
Тебѣ бѣгати—не убѣгати;
Намъ съ тобой думу думати,
Намъ съ тобой вѣкъ коротати...

Сестрѣ невѣсты:

29. Въ огородѣ стоитъ маковка,
Въ огородѣ стоитъ зеленая,
Зеленымъ зеленешенька.
Разные шелки навѣшены,
Шелки разные шемахинскіе,
Краснымъ золотомъ навожено,
Серебромъ да изнасѣчено...
Мимо ту мимо маковку [2]),

[1]) Вм. *за нею.*

[2]) Вм. мимо той мимо маковки.

Мимо ту мимо зеленую
Проѣзжалъ доброй молодецъ
На своемъ на добрѣ конѣ,
На любимомъ на бархатѣ;
Пріѣзжалъ къ широку двору
Ко высокому терему,
Выкликалъ свою матушку:
—Во, еси, моя матушка,
Государыня, боярыня моя,
Свѣтъ (имя тещи)!
Я сколь городовъ не бывалъ,
Такова́ вида не видывалъ:
Въ огородѣ стоитъ маковка,
Въ огородѣ стоитъ зеленая,
Зеленымъ зеленещенька...
Какъ спрого̀воритъ (имя тещи) млада,
Какъ спроговоритъ (отечество ея):
Во, еси, мое дитетко,
Во, еси, мое родимое,
Свѣтъ (имя жениха)!
Какъ эта ли маковка,
Какъ эта ли зеленая,
То твоя-то родна сястрица
Свѣтъ (имя ея),—
Сотонка—высокощенька;
У нее лице бѣлое—
Побѣля(е) снѣгу бѣлаго;
У нее щечки алыя—
Поаля(е) маку алаго;
У нее очи ясныя —
Какъ у яснаго сокола,
У яснаго—перелетнаго;
У нее брови черныя—
Какъ у чернаго соболя,
У чернаго, у сибирскаго.

—

Примѣч. Во время дѣвишника чердынскія невѣсты убираютъ голову весьма оригинально. Сверху покрываютъ ее, прежде всего, платкомъ, на который, у богатой невѣсты, накалываются цвѣты; изъ-подъ платка обыкновенно выпускаютъ косу, со вплетенною въ нее алой лентой, оканчивающейся бантомъ; на голову, повыше лба, надѣваютъ *жемчужную ленту*, а на послѣдней укрѣпляютъ такъ называемую *бочьку*, украшенную жемчугомъ, блестками и *пелепелками*, и, поверхъ всего, *вѣнокъ* изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Здѣсь мы помѣщаемъ изображеніе чердынской невѣсты въ этомъ оригинальномъ головномъ уборѣ.

Свадебный день.

Во время одѣванія невѣсты къ вѣнцу, кромѣ тѣхъ пѣсенъ, которыя помѣщены въ первой статьѣ подъ №№ 51—55 (*стр. 79—83*), поются еще слѣдующія:

30. [1]) Съ-по лугамъ, лугамъ зеленымъ,
Съ-по цвѣточкамъ лазоревымъ,
Разливалась вода вешняя,
По крутымъ краснымъ бережкамъ,
По желтымъ по песочикамъ.

[1]) См. варіантъ въ первой статьѣ подъ № 51.

Отнесло да отлелѣяло
Съ широка двора три кораблича:
Перво-ётъ корабличекъ съ чистымъ серебромъ,
Друго-ётъ кораблпчекъ съ краснымъ золотомъ,
Треті-ётъ кораблпчекъ съ душей красной дѣвицей,
Свѣтъ (имя и отчество невѣсты).
Шла съ-по бережку родна матушка,
Съ-по крутому родимая,—
Она крычала—зычала
Своимъ жестымъ голосомъ:
— Воротись, мое дитетко,
Воротись, мое родимое!
Ты забыла—запомнила
Свои трои золоты ключики:
Первые-то ключики—отъ высокова терема,
Другіе-то ключики—отъ кованова ларчика,
Третьи-то ключики—отъ зеленаго садичка.
Какъ отвѣтъ держитъ дѣвица,
Отвѣчаетъ душа красная:
— Ты, родимая моя матушка!
Не забыла я, не запомнила
Свои трои золоты ключики,
Я забыла у васъ, запомнила,
Что свою-то дивью красоту
Во столовой бѣлой горницѣ,
На ломберномъ столикѣ,
На фабричной на салфеточкѣ,
На фарфоровой тарелочкѣ...

По пріѣздѣ жениха съ своимъ поѣздомъ въ домъ невѣсты передъ свадьбой, дѣвушки, выпрашивая у свахи „кроявы", кромъ тѣхъ пѣсенъ, которыя помѣщены подъ №№ 57 и 58 (*стр.* первой статьи *85 и 86*), поютъ слѣдующія:

31. На поляночкѣ, на поляночкѣ
Росла ягодка земляничка.
Красны дѣвицы ягодки брали,
На серебряно блюдечко клали,
Передъ княжу свашеньку становили.
Княжа свашенька принимала,
Ко сердцу ягодку прижимала,
Животомъ ягодку называла:
Ты животъ мой (имя мужа свахи) господинъ,
Животочекъ (отчество его) сударь!

Пѣсня повторяется снова, оканчиваясь такимъ образомъ:

Животомъ ягодку называла,
Своего сына величала:
Свѣтъ (имя его) называла,
(Отчество его) величала!

Послѣ того какъ невѣста съ женихомъ и всѣ гости, по выслушаніи надлежащихъ молитвъ, передъ отправленіемъ въ церковь, получатъ благословеніе отъ священника и приложатся ко кресту (*стр. 86*), дѣвушки, кромѣ пѣсни: „Ты, злодѣйка наша, обманщица“ (№ 59), поютъ, въ *честь невѣсты*, еще слѣдующую:

32. Погости-ко ты, наша гостьюшка,
Наша гостьюшка, дорогà гостья,
У родимаго у батюшка,
У родимой у матушки,
Что у братца ясна сокола,
У сестрицъ своихъ голубушекъ,
У всего да роду—племени!
—Ужъ я рада бы погòстила—
Не гостятъ мои дороги гости,
Дороги гости, свѣтъ боярыни,
(Имя тещи) свѣтъ со боярами,
Свѣтъ (отчество ея) со князьями.

Когда, по совершеніи обряда *окрученья* невѣсты, богатые хозяева подадутъ десертъ и закуску, а недостаточные и бѣдные — ужинъ, женщины поютъ пѣсню — въ *честь невѣсты:*

33. Какъ на синемъ было на морѣ,
На тихòй было на зàводѣ,
На горючемъ бѣломъ камешкѣ,
Что сидѣла бѣла лебедушка,—
Добро-жалобно она плакала,
Къ синю морю причитаючи,
Къ горючу камню припадаючи:
Тебѣ Богъ—судья, Богъ судья,
Богъ судья, море Хвалынское!
Къ чему рано сколыбалося,
Съ краю на край разливалося,
Потопило бѣлъ—горючь камень,
Подмочило тепло гнѣздышко,
Разносило малыхъ дѣтонекъ
По синю морю Хвалынскому.
Отставала лебедь бѣлая
Ото стада отъ бѣлыхъ гусей,
Приставала лебедь бѣлая
Что ко стаду ко сѣрымъ гусямъ.
Не умѣла лебедь клыкати,
Ее стали гуси щѝпати,—
Она стала да лебедь клыкати,
Что гусямъ голосъ подавати:
Не щиплите да гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла,—
Занесла меня неволюшка —
Полуденная да погодушка.

—

Во высокомъ новомъ теремѣ
Какъ сидѣла красна дѣвица,
За столами за дубовымя,
За яствами за сахáрнымя,
За питьями за медвянымя.
Добро-жалобно она плакала,
Ко стеколечкамъ припадаючи,
Къ отцу, къ матерѣ причитаючи:
Тебѣ Богъ—судья, Богъ судья,
Богъ судья, родимой батюшко!
Богъ судья, родная матушка!
Къ чему рано меня за-мужъ выдали?
Не дали пожить—покрасоватися,
Съ умомъ—разумомъ собратися,
Съ годами сверстатися,
Съ подружками спознатися,
Не (ни) бѣла лица наполнити,
Трубчату косу отростити...
Вы надумали меня во-за-мужъ давать
На чужу дальню сторонушку,
Ко чужому отцу, къ матерѣ,
Ко чужимъ братцамъ, сястрицамъ,
За удалаго добра молодца...
Не умѣла красна дѣвица,
На чужой дальной сторонушкѣ,
На головушкѣ изладити—
Ее стали журить—бранить.
—Не журите-ко, да люди добрые,
Не браните-ко да православные!
Не сама я къ вамъ заѣхала,—
Завезли да кони вороные,
Завели да князья—бояра,
Завелъ да доброй молодецъ,
Свѣтъ (именуютъ жениха).

Кромѣ этой пѣсни поется еще другая:—„Какъ на той на высокой на горѣ“, которая помѣщена нами здѣсь подъ **№ 11**; въ тоже время, въ *честь жениха*, поютъ:

34 [1]). Зазвонили заутреню
Большу да Благовѣщенску.
Снаряжался къ заутренѣ,
Къ большой да Благовѣщенской,
Удалой добрый молодецъ.
Ему пала путь — дороженька
Мимо тястева широкá двора,
Мимо тещиныхъ новыхъ сѣней.

[1]) Сравн. въ этой же статьѣ пѣсню подъ № 28.

Мимо невѣстиной горницы.
Снаряжалась красна дѣвица
Во столовой бѣлой горницѣ,
Передъ чистымъ передъ зеркаломъ.
Заглядѣлся — засмо́трѣлся
Удалой добрый молодецъ:
„Доступлю красну дѣвицу!"...
Красна дѣвица испужалася,
Во синё море бросалася—
Во синё море рыбою.
Удалой добрый молодецъ,
Съ неводами со шелковымя,
Съ молодцами со удалымя, —
Онъ идетъ, похваляется:
„Ужь я выловлю, выловлю
На синемъ морѣ рыбу всю —
Свою сужену доступлю,
Красну дѣвицу доступлю"...
Красна дѣвица испужалася,
Оттоль она бросалася —
Въ темны лѣса березою;
Доброй молодецъ за іё,
Съ топорами со широкимя,
Съ молодцами со удалымя, —
Онъ идетъ да самъ хвалится:
„Ужь я всѣ лѣса вырублю,
Красну дѣвицу доступлю"...
Красна дѣвица испужалася —
Она кидалася — бросалася
Во озеро сѣрой утицей;
Доброй молодецъ за іё,
Съ молодцами со удалымя,
Со ружьями со укладнымя, —
Онъ идетъ — спохвастываетъ:
„Ужь я вы́стрѣляю на синёмъ морѣ,
На синемъ морѣ утицъ всѣхъ,—
Свою сужену доступлю"...
Красна дѣвица испужалася —
Она кидалася — бросалася
Ко батюшку во широкой дворъ,
Въ матушкины во новы сѣни,
Во свою-то бѣлу горницу.
Доброй молодецъ за іё,
Со князьями со боярами,
Съ молодцами со удалымя, —
Онъ во батюшковъ во широкой дворъ,
Въ матушкины во новы сѣни,
Къ красной дѣвицѣ во горницу, —
Онъ идетъ — похваляется:

„Доступилъ красну дѣвицу, —
Со князьями, со боярами,
Со трудами со великимя“.

Хлѣбины.

На „хлѣбинахъ“, когда молодой раздастъ подарки тестю и тещѣ и сядетъ съ своею молодою женою за столъ, дѣвушки, послѣ тѣхъ пѣсенъ, которыя помѣщены въ первой статьѣ подъ №№ 66 и 67 (стр. 101—103), поютъ еще слѣдующія,—*молодой* и *молодому:*

35. Въ саду ли во вишеньѣ
Сидѣла мала пташечка,
Пташечка — кинарѣечка.
Ой, леталъ соколъ по вишенью,
Онъ завидѣлъ въ саду пташечку,
Пташечку — кинарѣечку, —
Посадилъ пташку во клѣточку,
На серебряну рѣшеточку.
Ехе-хе, ей тошнешенько,
Ехе-хе, ей горчешенько:
Сидитъ пташечка во клѣточкѣ
Середи да лѣта теплаго,
Безъ травы да безъ муравыя,
Безъ воды да безъ ключевыя.

Во высокомъ новомъ теремѣ
Сидѣла красна дѣвица
За столами за дубовымя,
За столешницей кедровыя,
За скатертями шитымя,
За яствами за сахарнымя,
За питьями да за медвянымя.
Наѣзжалъ доброй молодецъ,
Увозилъ красну дѣвицу,
Посадилъ ее во горницу
За стекольчату оконницу,
За кисейную за занавѣсу.
Ехе-хе, да тошнешенько,
Ехе-хе, да горчешенько
Сидѣть дѣвицѣ во горницѣ
Среди да лѣта теплаго,
Ей безъ кумушекъ, безъ подруженекъ!

—

36. Какъ вечо́ръ пелепелка,
Какъ вечо́ръ молодая
Во саду посидѣла.
Да, ра́ю, раю́!
Какъ по утренню свѣту
Пелепелочки нѣту.
Да, ра́ю, раю́!
Не орлы налетали,
Пелепелочку взяли,
Соколу отдавали.
Да, ра́ю, раю́!
Ужь ты на́ [1]), соколъ,
Ужь ты на́, яснóй,
Младую пелепелку!
Да, ра́ю, раю́!
Не давай ее въ обиду
Не орламъ, не орлицамъ,
Не мелкимъ-то пташкамъ!
Да, ра́ю, раю́!

Какъ сегодня во теремѣ,
Какъ сегодня въ высокомъ
Красна дѣвица сидѣла.
Да ра́ю, раю́!
Какъ по утренню свѣту
Красной дѣвицы нѣту!
Да, ра́ю, раю́!
Бояра наѣзжали,
Красну дѣвицу брали,
Молодцу отдавали.
Да, ра́ю, раю́!
Ужь ты на́, молодецъ,
Ужь ты на́, удалой,
Молодую дѣвицу!
Да, ра́ю, раю́!
Не давай ее въ обиду
Не свекору, не свекровкѣ,
Не деверьямъ, не золовкамъ,
Не стороннимъ-то людямъ!
Да, ра́ю, раю́!

Пѣсня *свекрови*:

37. Какъ изъ горницы да во-повалуши,
Тутъ лежали брусья серебряные.
Некто по этимъ брусьицамъ
Не ходитъ, не гулятъ.

[1]) *На́*, т. е. возьми.

Тутъ едина млада хо́дила,
Тутъ едина млада гу́ляла,
Свѣтъ (имя и отчество тещи), —
Во правой рукѣ носила воскояровы свѣчи
Подошедши, она свѣчи засвѣчивала,
Отошедши, сама Богу молилася:
Ты, святой Боже, Лука!
Ты солучи мое дитя,
Свѣтъ (имя дочери),
Съ удалымъ добрымъ молодцомъ,
Свѣтъ (именуетъ молодаго)!
Имъ создай, Боже, Господи,
Имъ совѣтъ, любовь и долгій вѣкъ,
Имъ на годы-то да на добрые,
На хлѣбы-то да на едреные!...

Свекру, при этомъ случаѣ, поется таже пѣсня, которая въ первой статьѣ помѣщена подъ № 6 (стр. 19): „Свѣтелъ, свѣтелъ мѣсяцъ въ облакѣ"... Наконецъ и самымъ дѣвушкамъ-пѣвуньямъ, которыя принимали участіе во всѣхъ этихъ свадебныхъ церемоніяхъ, поется слѣдующая пѣсня:

39. Какъ съ-по морю, морю,
По синему по Хвалынскому,
Тутъ плыли три колымушки.
Какъ во первой-то колымушкѣ
(Названіе хозяина) со князьями,
Во второй-то колымушкѣ
Невѣста со дѣвицами,
(Имя молодой) со сестрицами,
Какъ во третьей-то колымушкѣ —
Что король идетъ съ гуслями,
Королева со танцами.
Что король сталъ во гусли играть,
Королева стала танцы водить.
Какъ растужатся, расплачутся
Души красныя дѣвицы...
Ужь мы тѣшили, нѣжили
Своихъ дочерей милыхъ, —
Ужь мы всякими утѣхами,
Ужь мы всякими забавами, —
Не могли ихъ утѣшити, —
Тожно ихъ мы пожаловали
Цвѣтами китайскимя...
Тожно мы ихъ утѣшили,
Тожно мы ихъ унѣжили.

Я. П—ій.

СКАЗКИ И ПРИТЧИ,

ЗАПИСАННЫЯ ВЪ ШАДРИНСКОМЪ УѢЗДѢ.

—

I. Донскіе казаки и султанъ-бусурманъ.

Славны донски казаки задумали строить новъ-городъ—красной Азовъ. Онѣ строили не долго красной Азовъ,—повыстроили. Присылатъ къ нимъ Урданъ, султаново величество ево, пословъ, съ гостинцами, и проситъ онъ донскихъ казаковъ ему Урдану, султанскому величеству, поддатися, покоритися; даетъ онъ за то имъ знакъ-отличку, што всякой хто идётъ настричу [1]), станетъ имъ въ поясъ кланятися. Отвичали донски казаки, што „Урдана, султанскова величества, знать не хотимъ, вмистѣ съ ево турецкой бусурманщиной; есь у насъ славной бѣлой царь,—какъ свича воску-ярова". Посказали слова донскихъ казаковъ Урдану, султанскому ево величеству; возгордился Урданъ, разсердился султанъ, и пошолъ онъ подъ красной Азовъ—городъ съ силою несмѣтною, и сталъ онъ стрилять, палить въ донскихъ казаковъ. Донски казаки неуступчивы: онѣ больше тово бусурманъ разожгли,—дрались, бились двѣнадцать дней, потомъ онѣ поотпятилися, въ соборной церквѣ помолилися,—не покорилися, а пошли опеть на силу несмѣтную, бусурманскую, сняли съ себя онѣ платьё всякое, омылились, да, нагишомъ, били бусурмановъ саблями вострыми безъ счету; наклали труповъ ихъ кучи несмѣтные и ушли потомъ онѣ въ красной Азовъ городъ. Бусурманы разсердилися, пуше прежнова остервенилися, принялись палить, стрѣлять безугомонно; донски казаки отстрѣливалися; много попа-

[1]) На встрѣчу.

дало головъ отъ тѣхъ и другихъ. Стали Турки кушати, столы накрывати, обѣдъ собирати,—наскочили на ихъ донски казаки,—били, убивали съ краю до единаго. Досталось донскимъ казакамъ шесь пашей бунчужныхъ, двѣнадцать бочекъ пороху и безсмѣты знаменъ бусурманскихъ. Остервенился Урбанъ, султанское величество; велѣлъ брать красный Азовъ—городъ, казаковъ донскихъ всѣхъ побити. Стали Турки палить, стрѣляти и донскихъ казаковъ донимати. Донски казаки попятилися, отъ крѣпостей отдалилися. Бусурмана на ихъ сползли и крѣпости своими звали. Не такъ-то дѣлали донски казаки: стали онѣ подъ крѣпости подкопы висти́, и стали онѣ боченки дубовые порохомъ набивать, а потомъ зажигать, зажигать... Зажигали казаки свичи полнояровые; свичи ихъ догорали, порохъ зажигали, и тутъ-то Турокъ поганыхъ побили, положили безъ числа, безъ счету, тутъ-то Урданъ, султанско величество, приспятился и на побѣгъ пошолъ. Красной Азовъ—градъ не по зубамъ ему былъ. Донски казаки неуступчивы; не беретъ ихъ ни булатъ, ни мечъ; онѣ отъ булата, отъ меча, отъ калены стрѣлы, отъ свинцовой пули—заговариваются.

2. Мать и два сына.

Двое купеческихъ сынковъ остались жить послѣ отца, женились и не чтили нисколько мать-родительницу свою. Жили сами онѣ въ большихъ хоромахъ, а ей, кромѣ заднёва угла, подъ порогомъ въ избѣ, не давали другова мѣста, да и въ углу лежала она всё подъ лавкой. Если хто спроситъ чужой у ихъ объ ей, — скажутъ онѣ што „чужа старушонка,—поимъ, вотъ, кормимъ мы iё“. Жилъ неподалеку отъ нихъ как-отъ купецъ, одинъ одинёхонекъ, съ одной жоной; не имѣлъ онъ ни сына, ни дочери, а родители ево умерли. Вотъ онъ съ жоной своей и переговариваетъ: „гдѣ бы намъ найти старушку, штобы жила она у насъ замѣсто матери? Мы бы и почитать стали iё, какъ мать родну“. Жона отвичатъ ему на это: „поѣзжай муженёкъ, поишши старушку,—можотъ найдется кака нибудь сирота горегорькая“. Купецъ, не съ тово слова, велѣлъ запрекчи лошадей, а жона наклала подушокъ въ повозку,—сѣлъ онъ на ихъ, и поѣхалъ. Прiѣзжатъ, вотъ, онъ къ тѣмъ купеческимъ дитямъ, кои не почитаютъ свою мать-родительницу, онѣ приняли ево, какъ слѣдуетъ, сдѣлали ему угошшенiе, а онъ сталъ распрашивать ихъ о семействѣ: хто есь у ихъ и съ кѣмъ живутъ онѣ?—Съ кѣмъ жить-то?... живемъ однѣ съ жонами, а больше ни

ково у насъ нѣтъ. — Мать лежала въ это время подъ лавкой, да услыхавши этотъ разговоръ и кричитъ купцу-ту: „я, вотъ, батюшко, ишшо есь".—А хто ты?—спросилъ купецъ. „Это сумасшедшая старуха"—отвитили сыновья её. Купецъ догадался видно о ей, и говоритъ имъ: „продайте мнѣ старуху?"—Изволь!— „Сколько возьмитé?" — Двáста рублей... Тотъ ни слова не сказалъ,—вынялъ гумажникъ, отшшиталъ деньги, и подалъ. Сыновья роздилили ихъ, по сту рублей на брата, а купецъ между тѣмъ попросилъ баньку истопить и нову матушку—выпарить; самъ жо пошолъ на базаръ, купилъ ей платочикъ, сарафанчикъ, поясокъ, рубашку, мыла, гребешокъ и шубку; принесъ всё это къ старушкѣ, да и подаетъ ей: „нà-ко, матушка, тибѣ гостинецъ!" —Ой, ты, голубчикъ мой, ровно эдакъ-ту беру я отъ покойника муженька моево, купца. Сходила старуха въ баню, выпарилась, сдѣлалась вовсё въ ново, и купецъ увезъ іё домой. Дома жона ево выскочила на крыльцо стричать нову матушку, высадила іё изъ повозки, поцоловала и въ домъ увела. Колда жо поѣхалъ купецъ со старушкой, то и видѣлъ, какъ сыновья іё, тотчасъ послѣ ихъ, провалились скрозь землю со всѣмъ съ домомъ, съ животомъ. Онъ о томъ не сказалъ ей ни слова. Живетъ старуха у новыхъ дѣтокъ во всемъ довольствѣ, и почитаютъ онѣ іё, и уважаютъ, и одѣваютъ, и поятъ, и кормятъ,— такъ на рукахъ и носятъ. Прошло сколько-то время, затосковала старуха о дѣткахъ. Купецъ увидалъ іё кручину и спрашиватъ однажды: „о чемъ ты, матушка, тоскуёшъ?"—Ой, дитятко, посмотрила бы я на псовъ-то, на сынковъ, какъ онѣ живутъ безъ миня.—„Ладно, матушка"—сказалъ купецъ;—велѣлъ потомъ запрекчи лошадей, посадилъ іё въ повозку и повезъ къ жилишшу дѣтокъ іё. Пріѣзжаютъ тамъ на мѣсто, и видятъ, што домъ провалился скрозь землю, и провалился не вòвсё, и верховокъ ево видать подъ землёй, или въ землѣ-то. Тотчасъ созвали онѣ духовниковъ, стали надъ ямой служить, — служили долго, — духовникъ и спросилъ іё: „прошшашъ ли, баушка, дитей своихъ?"—Прошшаю и разрѣшаю.—До трехъ разъ эдакъ онъ іё спрашивалъ, и она одинаково отвичала. Въ первой спросъ,—домъ приподнялся немного выше, въ другой разъ ешшо выше, а въ третій разъ и вòвсё вы́знялся, и сталъ по старому, по прежнему на землю. Толда сыновья простились съ ей, и не жили нисколько, а умерли тутъ-жо. Купецъ увёзъ старуху къ себѣ жить. Вотъ, каковы матери-те! Материны молитвы изъ дна-мóря вынесутъ.

3. Жона забыла мужа.

Была кака-та жона безутѣшная, похоронившая мужа. Съ могилы не идетъ она, плачетъ по ёмъ,—сташшить не могутъ. Не троньте, говоритъ, меня, заревусь на могилѣ! Вотъ живетъ она на могилѣ,—безъ пивши, безъ ѣдши,—день, другой и третей. Недалеко отъ іё стояли висилицы; мертвые тѣла караулили на ихъ; караульшикъ, солдатъ, слушалъ-слушалъ бабей рёвъ, да и говоритъ: постой, я вылечу тебя! Взялъ потомъ онъ скленицу вина, частичку закусочки, пошолъ къ бабѣ на могилу, и сталъ іё разговаривать, штобы перестала плакать; завёлъ съ ей тòтъ разговоръ, да другой, о томъ да о сёмъ,—баба опнулась [1]). „Ну-ко— сказалъ онъ ей, выпей, вотъ, съ горя-та лучше!"—Налилъ въ рюмку вина, подалъ ей, и выпоилъ; выпилъ и самъ; потомъ по другой, по третей выпили, и закусили. Баба стала повеселяя, мало-помалу она перемѣнилась совсѣмъ,—загуляла съ солдатомъ: кушку-машку сотворили, и всю ночь прогарцовали. На ту пору у солдата украли мертво тѣло, коё онъ караулилъ. Што ему дѣлать? испужался онъ на смерть,—хмѣль весь вышибло изъ головы; а баба и говоритъ: „што ты, душка, испужался? Пойдёмъ, выкопамъ вонъ моёва-та мужа, да и положимъ замѣстоворованова (украденнаго). Хто узнатъ? вѣдь пройдётъ!" Сказано — сдѣлано. Нихто ничево не узналъ. Вотъ, каковы жоны-те!

4. Лѣсной.

Одинова старикъ жалъ на полѣ хлѣбъ; а въ лѣсу, не подалеку отъ ево, торчалъ да лежалъ лѣсной духъ, и смотрѣлъ всё на старика, какъ тотъ жнётъ. Потомъ подошолъ онъ къ старику и спрашиватъ: „какъ тибѣ, старикъ, не жарко жать-то?"— То и не жарко, што у меня, видишъ, голова-та стрижена. „Остриги-ко, ино, у меня!"—Давай, остригемъ, садись на снопъ!— Лѣсной сѣлъ на снопъ; старикъ, взялъ серпъ и давай захватывать совсѣмъ и рвать у лѣснова волосы; такъ и рвётъ, такъ и рвётъ, совсѣмъ съ кожой, а лѣсной реветъ—ревётъ благимъ матомъ, да и говоритъ старику: „ты, старикъ, стригалъ-жо до меня ково нибудь?"—Стригалъ.—„Дакъ живы-те онѣ были жо?" —Были.—Не легко, вѣрно, стриженье досталось лѣсному.

[1]) Очувствовалась, пришла въ себя, ободрилась.

5. Невѣста горбунья.

Одинъ человѣкъ захотѣлъ жениться. Много городовъ изъиздилъ въ три года, — нигдѣ не изыскалъ по своему нраву сужену. Приходитъ одинова въ церкву. Тутъ много было нишшихъ. Старикъ одинъ говоритъ ему: „чево ты ишшошь?"—Невѣсту.—Взялъ ево за руку, подвелъ къ нишшимъ и указалъ на горбатую нишшую: „вотъ, твоя, говоритъ, судьба: не обойдешъ, не объѣдешъ!" Тотъ смотритъ: дѣвка-ладно, баская, а горбъ большушшей. Онъ и думатъ: да пошто жо я возьму нишшу горбунью? Спрашиватъ старика: „ты какъ знашъ, што она невѣста моя?"—Я знаю-говоритъ старикъ. Постой жо,—думатъ мужикъ, — я засѣку нишшую. Нишша эта жила въ богадильнѣ; вотъ онъ ночью пріѣхалъ, тамъ, выкликалъ горбунью, хватилъ іё тесакомъ и самъ ушолъ скоря. Думатъ дорогой: засѣкъ теперь нишшу,—вотъ и судьба она моя! Вздоръ стары люди говорятъ! Горбунья, въ ту пору, какъ ударилъ іё мужикъ тесакомъ, заревѣла во всё горло; сбѣжались на іё крикъ люди, осмотрили іё, и увидѣли, што у ей отсичёнъ одинъ только горбъ; взяли іё въ воспиталь, стали личить, и заличили. Дѣвка стала славная, на личико шибко баска. Одинъ офицеръ взялъ іё къ сибѣ въ стряпки. Пожила она, — увидѣлъ онъ, што она не баломутка, обстоятельна, сталъ держать іё вмѣсто дочери, а жених-отъ, какъ-то, былъ въ знакомствѣ съ бариномъ, часто ходилъ-ли, ѣздилъ-ли къ ему въ гости,—часто видалъ стряпку. Приглянулась ему она; сталъ онъ іё сватать и женился на ей. Пошли онѣ въ баню; увидѣлъ женихъ въ банѣ у суженой рубцы на спинѣ, и сталъ спрашивать іё: отчево рубцы? Она обсказала отъ чево онѣ, и тогда онъ обумился: вотъ, говоритъ, сужената, о которой говорили мнѣ стары люди; видно суженой не обойдешъ не объи́дёшъ! Потомъ открылся ей, што горбъ отрубилъ онъ, и сталъ послѣ тово почитать да любить іё.

6. Аксёнко.

Не похотѣлъ Аксёнко отца, мать поить, кормить; пошолъ Аксёнко тёмнымъ лѣсомъ, сырымъ боромъ, — нашолъ онъ въ темномъ лѣсу, во сыромъ бору на татей-воровъ-разбойниковъ: дилятъ онѣ золоту казну несчетную на двѣнадцать жеребьевъ. „Вамъ божья помочь, — татьи вы, разбойники, — дилить вамъ

золота казна несчетна на двѣнадцать жеребьевъ! Дилите вы золоту казну на двѣнадцать жеребьёвъ, а кладите мнѣ, Аксёнку, и на тринадцатой!“—Воспроговорилъ большой атаманъ: „охъ, ты, дѣтина-засельшина-деревеньшина! не пособлялъ ты намъ наживать золоту казну несчётную, — теперь сталъ паю прошать, ко казнѣ приступать! Охъ, вы, тати — говоритъ — разбойники! берите ко вы бердыши широкіе, сѣките Аксёнку буйну голову со могучихъ плечъ!“ Аксёнко-то не ослышился, и скоро скакалъ на рѣзвы ношки, вырвалъ сырой дубъ изъ корню изъ за-одного удару — большова замаху, и билъ онъ татей разбойниковъ до единова. Воспроговорилъ большой, старой атаманъ: „оставь ты, малютонька, хоть единова на симяна!“ Убилъ Аксёнко съ первова да и до послѣднёва, и склалъ онъ золоту казну въ лёхки сумочки да въ перемётные, и пошолъ Аксёнко во славной Румянцовъ монастырь. Не заходилъ Аксёнко въ соборну церкву Микольскую и не прикладывалъ онъ къ ей золотой казны, золотой казны не счетныя; и заходилъ Аксёнко въ бокъ да въ сторону, да на царевъ кабакъ и бралъ Аксёнко чару зелена вина, да въ полтора ведра, — выпивалъ Аксёнко на единой духъ; выходилъ Аксёнко на красно крыльцо, да на перильчато, и закрычалъ Аксёнко шибкимъ голосомъ: „доброхоты царски, голи кабатски! идите пить вина на мою золоту казну, золоту казну несчётную: я буду деньги заносить“. Монастырцы были догадливы, — догадалися, да къ Аксёнку-то и стали привязываться: гдѣ онъ взялъ золоту казну? Гораздо (вѣрно) онъ нашу церкву ограбилъ, церкву Микольскую? — и сковали у Аксёнка ношки рѣзвые, и связали бѣлы ручки во чумбуры во шолковые, повели Аксёнка казнить и висить. Доходилъ Аксёнко до висѣлицы, — говорилъ Аксёнко шибкимъ голосомъ: „ой, вы, монастырцы—мужички догадливые, дайте вы мнѣ при послѣднемъ времячкѣ выпить зелена вина зелена вина да полтора ведра!“ Дали выпить Аксёнку; выпилъ Аксёнко, да и воспроговорилъ, послѣ чары зелена вина, таково слово: „у ково-жо есь отецъ, мать, — не ходилъ бы тотъ смотрѣть смерти Аксёнковой!“ Тутъ у малюточки сердцо возъярилося, могучія плечи расходилися; тутъ малютонька трехнулся, ворохнулся, порвалъ онъ желѣза нѣмецкія и чомбуры шолковыя, да взялъ мужика за ноги, да ну-ко онъ имъ на оберучь [1]) косить да бить!... Ушолъ Аксёнко, сталъ отца и мать поить и кормить.

[1]) На обѣ стороны.

7. Ивашко-медвижьи уши.

Пошла въ лѣсъ попадья и попала бѣглецу (бродягѣ). Увелъ онъ іё, и стала жить она съ имъ. Спустя сколько-то время—попадья обрюхатѣла и зачала проситься домой. Только бѣглецъ іё не отпускатъ; она плачётъ—просится. Вывёлъ онъ іё на дорогу, самъ ушолъ въ берлогу и манитъ іё къ сибѣ,—она не воротилась, пошла домой. Мужъ, въ то время, какъ жила попадья у бѣглеца, сколько народу выгонялъ искать іё и не нашолъ ни гдѣ. Пришла домой попадья сама, стала жить и чрезъ сколько-то время родился у ей сынъ,—самъ человѣкъ, а уши медвижьи, и назвали его Ивашко—медвижьи уши. Сталъ рости Ивашко не по годамъ, а по часамъ; выбѣжитъ когда на улицу, схватитъ робенка, стукнётъ о уголъ—зашибетъ. Начали люди говорить попу: што у тибя это за сынъ,—всѣхъ прибьётъ! Попу захотѣлось сына съ рукъ сбыть, и говоритъ ему: „поди-ко, Ивашко, по бурую корову въ лѣсъ!"... А тамъ ходили съ однова медвиди, попъ и думалъ—на смерть посылатъ Ивашка. Не тутъ-то было: Ивашко отвитилъ попу: „пожалуй!"—пошолъ въ лѣсъ, поддѣлъ тамъ медвидя, пригналъ ево домой и засталъ[1]) въ пригонъ. А въ пригонѣ былъ скотъ, и заревѣлъ скотъ благимъ матомъ, какъ стала душить ево бурая короушка. На силу медвидя уходили. Погодя время, нисколько[2]) послѣ тово, попъ говоритъ сыну: „поди-ко, Ивашко, проси съ чорта за семь лѣтъ ругу!"[3]).—Пожалуй!—Пошолъ Ивашко. А рики застыли ужь, только лёдъ затрешшалъ, какъ Ивашко сталъ стукать по ему. Чортъ высунулъ голову и спрашиватъ: „што тибѣ, Ивашко, надо? не бей ты лёдъ,—всю семью у меня разбудишъ!"—Давай попу за семь лѣтъ ругу!—„Да вѣдь я не ево приходу"...—Давай, говорятъ!—„Ну, ладно, принесу сейчасъ, только не колоти больше ледъ!" Унырнулъ чортъ въ воду, да што-то и замѣшкался. Ивашко принялся колотить ешшо пушше старова: только лёдъ трешшитъ. Выбросилъ чортъ мѣшокъ съ деньгами. Ивашко взметнулъ ево на плечо и понёсъ къ попу. Пришолъ домой, бросилъ мѣшокъ на столъ, и столъ подломился. Попъ взялъ деньги. Мало время прошло, Ивашко сказалъ отцу да матерѣ: „колды вы меня не любите, дакъ испеките мнѣ калачикъ, — я гулять

[1]) Загналъ.

[2]) Немного.

[3]) Руга—доходъ церковно-служителей зерномъ, масломъ и т. под.

пойду". Испекли ему калачикъ, взялъ ево Ивашко и пошолъ путемъ-дорогой. Находитъ онъ на Усыню[1])—человѣка, и спрашиватъ ево: „куды ты, молодецъ, пошолъ?"—Пошолъ гулять.—„Возьми меня въ товаришши!"—Пойдемъ!—Пошли двоимя, шли опеть сколько-то мѣста, попадатся имъ Дубина-человѣкъ, и спрашиватъ: „куды, молодцы, пошли?" — Гулеть. — „Возьмите меня съ собой, въ товаришши!" — Ступай! — Пошли всѣ трое вмистѣ; шли долго-ли, коротко-ли—скоро сказка сказыватца, не скоро дѣло дѣлатца—доходятъ онѣ до дому,—середи поля дворъ, какъ садъ большой, домъ какъ теремъ. Зашли онѣ въ пригонъ и видятъ всякаго скота вдоволь, — коровъ и воловъ не перечтешъ! Вотъ, говорятъ, благодати-то сколько! „Ну, Усыня, ты оставайся, коли быка, жарь и вари! а мы не надолго сходимъ отъ тебя". Пошли куда-то Ивашко да Дубина, а Усыня сталъ быка колоть, закололъ ево, ввалилъ въ котёлъ вариться, самъ вышолъ потомъ на крыльцо и говоритъ: „Эко мѣсто мы нашли привольно: ѣшъ, сколько хошъ!" Въ оградѣ стоялъ столпъ; вдругъ изъ-подъ столба поднялась чугунна доска и выскочилъ изъ-подъ іё старичекъ,—самъ въ перстъ, борода въ локоть,—подкатился къ Усынѣ, сгрёпъ ево, и давай бить, и давай бить!... „Экъ — говоритъ — колёшъ, жаришъ, а спасиба никому ни сказывашъ!" Такъ уколотилъ Усыню, што тотъ не могъ быка уварить. Приходятъ Ивашко и Дубина, стали обѣдать, — мясо быково сыро. „Што такъ—говорятъ—Усыня, ты не уварилъ быка?" Усыня молчитъ, не сказыватъ про старичка. Въ другой разъ пошолъ Ивашко куда-то съ Усыней, а Дубину оставили обѣдъ готовить. Дубина такъ-жо закололъ быка, ввалилъ ево въ котелъ и вышолъ на крыльцо. Старичонко опеть вывернулся изъ ямы: „ахъ ты—говоритъ—Дубина,—самъ бьешъ, самъ варишъ, а спасиба никому не сказывашъ!" Давай-ко ево бить, давай-ко ево бить, — сколько надо побилъ и ушолъ. Дубина быка не ужарилъ. Пришли товаришши, стали обѣдать: „Эко дѣло—говорятъ—быкъ не ужаренъ, не упечёнъ!" Дубина молчитъ, про старика не сказыватъ. На третій разъ остался Ивашко — колоть и варить, а товаришши ушли, и думаютъ каждой про себя: попробуй-ко, Ивашко,—узнаёшъ што тутъ кроётся!... Ивашко тотчасъ быка закололъ, въ котелъ ввалилъ, огня подпустилъ, сталъ варить. Старичоночко — самъ въ перстъ, борода съ локоть или съ хвостъ, — выскочилъ и ударилъ Ивашка. Тотъ поддѣлъ ево за

[1]) Гусыню.

бороду, и давай стукать объ уголъ: стукалъ, стукалъ, да пошолъ въ баню, — бородой-то приткнулъ ево къ потолку, надъ каменкой. Пришли товаришши обѣдать, Ивашко и говоритъ имъ: „видите, што я упёкъ быка, а вы не могли; подите-ко, посмотрите въ банѣ, надъ каменкой, вашего лиходѣя!“ Пошли тѣ смотрѣть, а онъ ужь убѣжалъ, и слѣдъ простылъ. Начали онѣ быковъ всѣхъ колоть, да изъ кожъ ремни кроить; накроили ремней, Ивашко и говоритъ: „спускайте меня въ яму, изъ которой старичонко выходилъ!“ Стали спускать туда Ивашка,—спускали, спускали, таки спустили подъ послѣдъ въ каку-ту ограду. Стоитъ въ оградѣ большушшой домъ; Ивашко зашолъ въ домъ и видитъ въ ёмъ сидитъ у окна дѣвица и шьётъ ширинку. Сталъ іё Ивашко сватать, да и высваталъ. Собрала она животы (имущество), привезала ихъ къ ремнямъ, и потрёсъ Ивашко за ремни, — товаришши тотчасъ поташшили и выташшили ихъ. Потомъ ремни опеть спустили. Ивашко привезалъ къ имъ невѣсту, и невѣсту выташшили товаришши; а за имъ не стали спускать онѣ ремни. Только невѣста говоритъ: „спускайте, спускайте,—не отойду безъ тово!“ Спустили таки ремни, Ивашко приладился къ имъ, и потенули ево, да какъ до верху только доташшили,—взяли да и перерѣзали ремни. Ивашко палъ и зашибся до полусмерти,—едва отлежался и едва отдохнулъ. Сталъ[1]) послѣ кое-какъ Ивашко и пошолъ куды глаза гледятъ. Дошолъ онъ до избушки: избушка стоитъ на куречьёй голяшкѣ, и повёртыватца. „Избушка, избушка, — стань по старому, какъ мать поставила!“ Избушка повернулась къ лѣсу задомъ, къ нему передомъ.—Зашолъ онъ въ іё и видитъ старую, престарую старуху: „фу, фу! русской коски — слыхомъ не слыхать, видомъ не видать! — сказала она — а нынче, руска коска сама на дворъ пришла.... Куды ты, Ивашко — медвижьи уши, пошолъ?“ —Прежде, баушка, напой, накорми, потомъ висти распроси!— Старуха напоила ево, накормила и стала спрашивать. Розсказалъ ей Ивашко про себя: какъ товаришши оставили ево на чужой сторонѣ. Старуха подала ему ширинку и велѣла итти къ середней сестрѣ, за помошью. Пошолъ Ивашко путемъ—дорогой; доходитъ до избушки, што на куречьей голяшкѣ повёртыватца, сказалъ онъ ей: „избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила!“ Стала избушка, къ лѣсу задомъ, а къ ему передомъ. Зашолъ онъ въ іё и видитъ старуху, которая гово-

[1]) Всталъ.

ритъ: „Фу, фу! русской коски—слыхомъ не слыхать, видомъ не видать,—нынче руска коска сама на дворъ пришла.... Куды ты, Ивашко — медвижьи уши, пошолъ?“ Прежде, баушка, напой, накорми, и потомъ вистей распроси! Старуха напоила, накормила и висти у ево распросила. Потомъ дала она ему ширинку и велѣла итти къ большой іё сестрѣ. Пошолъ Ивашко впередъ. Шолъ — близко-ли, далеко-ли, — скоро сказка сказыватца, не скоро дѣло дѣлатца,—дошолъ до третьей старухи,—въ такой же избушкѣ-то жила, — сталъ онъ докуку доносить и помогательства просить. Дала старуха ему блюдо да ширинку и велѣла итти къ большой горѣ, помолиться тамъ и поклониться, штобы поднялся витёръ и пригнулась берёза, а колда пригнется береза, то велѣла ему за берёзу ширинкой ухватиться. Такъ онъ и сдѣлалъ—по сказанному, какъ по писаному. Пришолъ къ горѣ, помолился и за березу зацѣпился, да въ первой разъ только оборвался, въ другой разъ поддѣлся онъ ширинкой, а выбросило ево на гору, въ то само время, когда товаришши ево дилили животы да невѣсту. Ивашко тотчасъ товаришшей своихъ спустилъ на свое мѣсто, въ яму, а самъ женился на невѣстѣ и сталъ жить да поживать.

8. Скупой мужъ.

Жилъ мужикъ скупяшшей, жонѣ своёй всё мѣрой давалъ муку, на петь хлѣбовъ. Ежели сядутъ за столъ, жона станётъ только разъѣдаться, — онъ и выгонитъ іё изъ-за стола: „выходи, будётъ ись-то!“ и самъ выйдетъ. Вотъ, одинова, мужикъ куды-то уѣхалъ; къ бабѣ ево пришла сусѣдка [1]) и спрашиватъ: „добро-ли житье-то?“ — Ой, ты, голубушка, захотѣла доброё житьё! Сколько вотъ живу за-мужомъ, а досыта не ѣдала, досыта не пивала, и больше пети хлѣбовъ не пекала. — „Ты бы шестой пекла кратчи [2]), спрятала бы, да и съѣла послѣ одна“.—Нельзя вѣть никакъ! Покудова я стряпаю, — мужикъ съ полатей не слѣзатъ. „Постой ужо, баба, я тибѣ пособлю!“ сказала сусѣдка и ушла домой. На утро увидала она какъ у бабы истопелась печь, пошла къ ей, поздоровалась и стала звать мужика съ полатей сходить къ ей,—изладить чево-то. Мужикъ говоритъ: „нельзя! баба мяхки [3]) пекчи станётъ“. Сусѣдка безотвязно присту-

[1]) Сосѣдка.
[2]) Тайкомъ.
[3]) Т. е. хлѣбы.

пила звать ево: не отстаетъ, да и только. Нечево мужику дѣлать,—пошолъ не́-хотя къ ей. Та заманила ево, и давай задярживать тѣмъ да другимъ. Въ ту пору баба ево состряпала шесь хлѣбовъ, да шест-отъ хлѣбъ и спрятала. Пришолъ мужикъ домой и спрашиватъ: „скажи, баба, шесь хлѣбовъ состряпала?"—Нѣтъ,—петь.—„Э, шесь?"—Нѣтъ, петь.—„Скажи, баба,—шесь, не то умру!"—Нѣтъ, муженёкъ,—хоть умирай, хоть не умирай, а петь только.—Мужикъ пыталса, пыталса, не могъ допытаться отъ бабы,—она твердитъ всё свое... Мужикъ сталъ умирать, и умеръ. Оммыли [1]) ево, положили подъ святы, родные ходятъ и причитаютъ, и баба причитатъ, да какъ подойдётъ къ ему поближе-то, онъ и спрашиватъ іё тихонько: „скажи, баба, шесь хлѣбовъ состряпала?"—Нѣтъ, петь.—Вотъ, сдѣлали гробъ, стали класъ въ ево мужика, понесли ужь отпѣвать, онъ всё тихонько спрашиватъ бабу: „шесь состряпала хлѣбовъ?"—Нѣтъ, петь. — Отпили мужика, принесли къ могилѣ и стали ужь спускать, — онъ опеть спрашиватъ у жены тихонько: „шесь хлѣбовъ состряпала?"—Нѣтъ, петь—отвичатъ та. Вотъ мужика въ яму спустили, стали землю бросать, гробъ заваливать, мужикъ не шевелится, — бросать, бросать больше земли, больше, и завалили мужика. Баба тотчасъ скочила [2]) на могилу, затопала ногами и зашшолкала въ шшолчки: „шесь, да шесь состряпала,—говоритъ—хлѣбовъ, а не петь! да теперь, муженёкъ не выскочишъ, не выбѣжишъ, — не боюсь я тебя и не побаиваюсь!"

9. Салдатъ и медвидь.

Жилъ салдатъ и имѣлъ бурую кобылу. Отпустилъ онъ іё однажды на волю, гдѣ она заходилась и домой къ салдату не приходила. Пошолъ салдатъ кобылу искать, взялъ съ собой онъ узду, а у узды-то былъ привязанъ ширкунъ. Глаза у салдата были худы и ясно не видѣли. Зашолъ онъ въ лѣсъ и натакался на медвидя, да и не догадатца, што это медвидь, а думатъ—ево бурая кобыла. Тотчасъ подошолъ онъ къ ему, надѣлъ узду и хочотъ вести за поводъ. Вдругъ ширкунъ сбрякалъ и испужалъ медвидя, которой бросился бѣжать изо всей силы, што есь мочи; салдатъ-жо на бѣду задѣлся какъ-то ногой за поводъ, да и поташшилса за имъ. Ташшилса долго, и потомъ отпустилса и сказалъ: „будь она проклята, кобылка! давно-ли дома-та едва

[1]) Обмыли.

[2]) Вскочила.

ноги волочила, съ мѣста на мѣсто коё какъ переставляла, а теперь, вишъ, какъ отожралась, — и удержать не можно". Воротилса салдатъ домой безъ узды, безъ кобылы и въ добавокъ съ увичьемъ. Вскорѣ отъ увичья онъ самъ умеръ.

10. Салдатъ и нечистой духъ.

Как-отъ салдатъ, прослуживши двадцать петь годовъ въ службѣ, пошолъ въ чисту отставку. А денекъ было у ево всего на̀-всево три петака. Идётъ онъ сколько-то время,—доходитъ до церкви; помолилса Богу, да взялъ одинъ петачекъ и спустилъ въ колодку. Пошолъ дальше. Доходитъ тамъ до другой церкви, опеть петачекъ приложилъ въ кружку. Дошолъ до третей церкви, и послѣдней петачекъ приложилъ въ кружку. Остался нашъ салдатъ безъ копѣйки. Идетъ вперёдъ день, другой, и захотѣлъ онъ ись, — а ись нечево. Вдругъ, на стричу ему, коробшикъ со всякими питьями, явствами и пирошками изюмными, и со всякой всячиной. Салдатъ остановился и проситъ ево: „дай, пожалуйста, закусить мнѣ чево нибудь!" — Да хто тибѣ велѣлъ петаки спускать въ кружки? вотъ бы теперь и купилъ хлѣба... Салдатъ не сказалъ ни слова, пошолъ вперёдъ. Чрезъ сколько-то время попадатца опеть на стричу ему коробшикъ-ли, булошникъ-ли, тотъ-ли-жо, другой-ли,—салдатъ проголодался и проситъ опеть у ево наистись. „Хто тибѣ велѣлъ роздавать петаки по церквамъ?— отвѣчатъ ему коробщикъ — кабы не роздалъ, такъ вотъ бы и купилъ на ихъ калачики". Салдатъ подумалъ: это нечистой духъ надо быть; вишъ, старается искушать меня, штобы я пожалѣлъ опушшенные въ кружки петаки, и какъ де пожалѣю ихъ, такъ не въ прокъ онѣ для меня пойдутъ; не стану слушать ево!... Пошолъ салдатъ путемъ—дорогой, голодной, истошшалой, насилу таншитца на ногахъ. Гдѣ проходилъ онъ, вездѣ присматривалъ по сторонамъ кореньевъ или пеньевъ, штобы ихъ поись, но увидѣть ничево не могъ. Только стало салдата [1]), усталость одолила, лёгъ онъ на лужайку и уснулъ. Во снѣ опеть видитъ тово жо коробшика со всякими яствами и питьями, которой баётъ ему: экъ, ты, салдатъ, — вѣкъ служилъ, а добру не научился! умъ жо у тебя былъ спускать въ кружки петачки, вотъ теперь и голодай! Салдатъ пробудился, огля-

[1]) *Только стало салдата*, т. е. выбился солдатъ изъ силъ, дошелъ до крайности.

нулся и увидѣлъ на яву тово коробшика. „Дай, пожалуйста, ради души, кусочикъ хлѣба!“ — А хто велѣлъ тибѣ отдать петачки?—сказалъ онъ это, и скрылся,—невидимъ сталъ. Салдатъ, усмѣхнувшись, сказалъ: фу, ты, нечиста сила!... самъ пошолъ вперёдъ, а ись хочетъ съ нетерпѣніемъ. На дорогѣ попадатца ему сумка,—кожанна-ли, кака-ли,—онъ поднялъ іё и развернулъ. Вдругъ явились всяки кушанья, каки только есь на бѣломъ свитѣ. Напилса, наѣлса салдатъ, свернулъ сумку и пошолъ дальше путемъ—дорогой. Подходитъ онъ къ дому большушшому, заходитъ въ ограду и проситца ночевать. Ево пустили отдохнуть и сказываютъ, между разговорами, што домъ этотъ господской и живётъ въ ёмъ нечистой духъ, — господъ всѣхъ выжилъ изъ дому. Салдатъ баётъ на это: „давайте, ночую въ домѣ!“—Што ты, салдатъ, хочешъ ночевать въ домѣ! Тамъ нихто не сыпалъ, да и не уснуть въ ёмъ... развѣ на смерть идти!“ Нѣтъ, салдатъ задумалъ! Взялъ онъ свичъ восковыхъ, зашолъ въ домъ, забрался въ емъ въ как-отъ уголъ, засвитилъ свичку и сталъ молиться; а сумку, што на дорогѣ поднялъ, положилъ подлѣ себя. Вдругъ нечистой духъ и налетѣлъ въ домъ: счету нѣтъ дьяволамъ!... вотъ и зачали, онѣ шумѣть, ревѣть, плясать, гайкать, свистать... чево не поднялось!... ровно переставленье свѣту! Добѣжали онѣ до салдата въ углу и заревили ему: „а ты зачѣмъ пришолъ сюда? хто тебя звалъ? вонъ отсюда! застрелимте ево, убьёмте, задавимте, выбросимте за окно, домъ зажгёмте!“ и всяки-всяки страсти стали наводить на салдата. Салдатъ не слушатъ ихъ,—стоитъ да молитца. Онѣ хоть и страшшаютъ ево, а близко не подступаются. Долго бисились онѣ всяко около салдата, а сдѣлать ничево не могли: онъ молитца да молитца. Стали потомъ онѣ подговаривать ево, въ-заодиншину [1]) штобы вмистѣ съ имя гулять; сулили всякова добра ему. Салдатъ стоитъ, да свое дѣло правитъ,—свички только перемѣнятъ. Вдругъ зревѣлъ пѣтухъ и нечистой духъ весь изчезъ. Салдатъ вышолъ, и всѣ люди удивились, што онъ живъ остался. По три ночи сряду салдатъ ходилъ эдакъ въ домъ спать. Выжилъ всѣхъ вѣдь дьяволовъ, и домъ сдѣлалъ жилымъ. Сколько спасибъ-то ему было за это, отъ господъ угощенья-то, и казну онѣ ему зотворили: бери, сколько хочотъ! Онъ взялъ одинъ только золотой. „Што ты, што-ты, салдатъ, мало взялъ?“ говорили ему. —Мнѣ будетъ—сказалъ онъ, и ушолъ.

[1]) Т. е. за-одно̀, компаніей.

11. Купецъ и канторшикъ.

Жилъ въ одномъ городѣ именитой купецъ; имѣлъ тако онъ богатство, што на завидость міру; торговалъ счетовъ на сорокъ. Семьи только и было у ево што одна жена, а тутъ ни сына ни дочери. Сталъ онъ думать о своемъ богатствѣ, куды ему ево дѣвать? Не подалеку отъ ево жительства былъ городъ, къ которому прямо не издили, потому што были страшныя пȧди и топи, которыя объѣзжали верстъ двѣсти лишнихъ: между тѣмъ прямо-то до городу было всево нá-всё верстъ петьдесятъ. Вотъ, задумалъ купецъ устроить на свой счётъ пряму дорогу до городу, и говоритъ женѣ своей: „куды-жо мы, жона, дѣвамъ нашо богатство? дитей у насъ нѣтъ... я хочу строить пряму дорогу до городу, — хоть люди спасибо скажутъ за іё, да Бога помолятъ за насъ“. Жона отвичатъ ему: „ты больше знашъ, мужъ, какъ хочёшъ, такъ и дѣлай! — вѣдь богатство всё твоё“. Вотъ и сталъ именитой купецъ лѣсъ закупать, припасы всяки заготовлять, плотниковъ, рабочихъ и всякихъ людей нанимать. Скоро начали дорогу строить, проѣзды плотить, моста(ы) мостить. Купецъ забралъ всѣ счоты, торговлю свою прекратилъ и при себѣ оставилъ одново только канторшика. Дошло время, што и дорогу устроили, и издить по ей стали. На середкѣ дороги, купецъ поставилъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, домȧ; подѣлалъ спуски подъ плотину; колодцы выкопалъ въ землѣ для проѣзжаюшшихъ... ну, да настоящую станцію тутъ сдѣлалъ. Говоритъ, одинова, онъ своему канторшику: „поди-ко, братъ, западн подъ мостъ въ трубу и слушай, чево баютъ про меня проѣзжаюшіе люди?“ Пошолъ туда канторшикъ, западъ, и слушатъ: ѣдетъ как-отъ обозъ и ямщики остановились тутъ кормить коней; потомъ баютъ между собой: „дай Богъ добро здоровьё тому купцу, коёй выстроилъ эту дорогу, — если живъ онъ, а если умеръ, то царство небесно!... сколько сократилъ онъ околицы объѣзжать этѣ пȧди, да зыбуны!“ Выкормили ямшики коней и уѣхали. Канторшикъ не сказалъ правду купцу. На другой разъ опеть онъ подслушивалъ, и все тоже говорятъ про купца проѣзжаюшшіе люди. Вотъ, сѣлъ онъ въ трубу, и въ третью ночь идутъ три си(ѣ)диинькихъ старичка и вздумали онѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ засѣлъ канторшикъ, отдохнуть; достали себѣ водицы и потомъ баютъ межу собой: „чево-жо мы дадимъ за эту дорогу купцу? сы́на нѣтъ у ево, дакъ сына надо ему дать. Онъ-жо теперь истошшился на дорогу, и поить, кормить ево нѐкому будетъ

подъ старость, да и сына такова надо дать ему, штобы чево тотъ не попросилъ, всё у ево было". Переговоривши таки слова, старички ушли. Канторшикъ не сказалъ о ричахъ ихъ своему хозеину, а сталъ дожидаться, што будетъ по ихъ словамъ. Прошло сколько-то время, купцова жона очреватилась, а купецъ куда-то уѣхалъ; она родила безъ ево сына; сходили по баушку; баушка сходила съ купчихой въ баню и послѣ бани уснули обѣ. Канторшикъ взялъ, въ то время, разорвалъ шшененка[1]) и кровью умазалъ весь полъ, всю кровать, постелю, а робенка уташшилъ въ своё мѣсто. Купчиха проснулась, купецъ пріѣхалъ, хватились сына, — нѣтъ ево, не могутъ найти и положились, по кровѣ на полу и на кроватѣ, на то, што мать ево съѣла, пожрала сонная. Канторшикъ, между тѣмъ, пришолъ въ своё мѣсто и ворованова младенца сталъ кормить, какъ роднова сына. Ростетъ онъ у ево, и выросъ большинькой; зовётъ канторшика тятинькой, а канторшикъ велитъ ему просить то и другое отъ нёба, и што парень не попроситъ, то ему и даётца. Скоро сдѣлался чрезъ это канторшикъ такой именитой и богатой, што въ казнѣ ево счоту не могли дать. Здумалъ онъ потомъ жениться, высваталъ за себя купеческу дочь первой гильдіи, и женился. Ворованой сынокъ былъ у ево, видно, не ротозей, сталъ онъ подслушивать разговоры ево съ жоной и сталъ для тово тихонько ложиться подъ лёжню къ нимъ, то-есть подъ постелю или подъ кровать канторшика. Какъ только лягётъ съ жоной на лёжню, та и спрашиватъ, и пытатъ ево о сынкѣ: „какъ такъ— баётъ она—жонатъ, сказывался, муженёкъ, не былъ, а сынка имѣёшъ?" Тотъ всяко отвертывался, не сказывалъ ей правду; напослѣдокъ сказалъ всё, какъ было дѣло, и какъ укралъ онъ у купца сына. Парень подъ лёшкой выслушалъ это. Постой-жо ужо! —думатъ онъ самъ про себя. По утру встали всѣ, купчонокъ вышолъ на улицу, попросилъ себѣ коня со всей сбруей и тотчасъ прибѣжалъ къ ему такой конь, што цѣны нѣтъ и ни у ково такова коня не было и не бывало. Воротился потомъ онъ въ хоромы канторшика, обвернулъ ево кобелёмъ, а жону ево сукой, вышолъ опеть на улицу, сѣлъ на коня, то-есть на вершну (верхомъ), и поѣхалъ, а кобель и сука побѣжали за имъ. Люди спрашиваютъ ево дорогой: куды поѣхалъ? и коню дивуются, што такова коня на свитѣ не видывано. На охоту поѣхалъ—отвичалъ онъ спрашивателямъ. Между тѣмъ, на умѣ у ево

[1]) Щенка.

уѣхать къ родному отцу, въ родительской домъ. Отъѣхавши сколько-то верстъ, онъ подумалъ, што добро канторшикъ виноватъ въ покражѣ меня, а жона-та ево вѣдь ни въ чемъ не виновата. Взялъ, обвернулъ опеть iё женшиной и отпустилъ назадъ итти домой; самъ поѣхалъ впередъ, а кобель за имъ. Дорогой, гдѣ не попросится онъ переночевать, тутъ коню ево и дивуются, и говорятъ: што это за чудной конь, и гдѣ мы ево станемъ хранить? вѣдь украдутъ люди недобрые! „Не бойтеся, не украдутъ!"—Такъ доѣхалъ онъ до своева мѣста и отца. Въ жилѣ сталъ онъ про ево спрашивать и узнавать, гдѣ онъ живетъ, и насилу узналъ и доискался, потому што отецъ ево жилъ ужь на краю, за жиломъ, въ малинькой избёнкѣ, покрытой одной только землёй. Выпросился къ ему онъ ночевать и повелъ съ нимъ разговоръ за разговоромъ, тотъ да другой. Купецъ съ купчихой розсказали ему о сынѣ, какъ купчиха съѣла ево и каку за то положила она на себя эпетимью. Толда сынъ попросилъ ихъ раздуть каленыхъ углей побольше и кормить кобеля, но кобель не ѣсъ. „Вотъ,—сказалъ онъ хозеину съ хозейкой,—если кобель съѣсъ этѣ калены угли, дакъ и ты, хозеюшка, съѣла своево сына, а если не съѣсъ онъ ихъ, дакъ и ты не съѣла сына". Потомъ открылся онъ имъ, што сынъ онъ ихъ, и украденъ былъ канторшикомъ. „Узнаёте ли вы теперь канторшика?" —Узнаёмъ.—Тотчасъ перевернулъ онъ кобеля, и сталъ изъ ево канторшикъ. „Смотрите, вотъ, ево!" сказалъ онъ своимъ родителямъ. Канторшикъ повалился всѣмъ имъ въ ноги, раскаялся во всемъ и сталъ просить прошшенiе у ихъ. Онѣ простили ево и отпустили домой, а сами стали послѣ жить богачѣ прежнова.

12. Пустынникъ.

Одинъ пустынникъ тридцеть лѣтъ молился въ пустынѣ. Мимо ево стали ходить дьявола, большой артилью; впередъ идутъ нерадостны, невеселы, а обратно—скачутъ и пляшутъ. Куда такъ ходятъ дьявола?—думатъ про себя пустынникъ—дай-ко, ужо, я спрошу у ихъ... Видитъ, одинова, идутъ онѣ, и позади ихъ костылятъ и тапшится коё-какъ на хромой ногѣ Потанька—дьяволёнокъ. Пустынникъ остановилъ ево и спрашиватъ: „куды вы такъ ходите артилью?"—Ходимъ къ царю на обѣдъ; у ево всѣ стряпки, што ни дѣлаютъ — не говорятъ николда: Господи благослови! — Вотъ мы и ходимъ туда... Пустыннику отъ этова царя каждой день носили кушанья, обѣдать. Вотъ, онъ, одинова, взялъ да и

написалъ царю на блюдьяхъ, што стряпки ево пекутъ и стряпаютъ, не благословесь, и оттово хо́дятъ къ ему обѣдать дьявола̀, цѣлой артелью. На другой день пустынникъ видитъ дьяволовъ нерадостныхъ, невесёлыхъ... идутъ отъ царя... „Молчи! — говорятъ онѣ ему — каковы мы тибѣ не будёмъ, да будёмъ!“ Царь, по его письму, перемѣнилъ всѣхъ стряпокъ, и стали онѣ всё варить и стряпать благословесь. Прошло сколько-то время, пустынникъ живётъ спокойно. Вотъ, однажды, пришли къ ему гости и съ имя женьшина. Стали съ имъ разговаривать и соблазнять ево жениться; онъ соблазнился жениться и пошолъ съ имя вѣнчаться. Пришли куда-то онѣ и пустынникъ съ имя: къ вѣнчанью все тутъ было налажено. Вотъ стали ево вѣнчать съ женшиной, вотъ подошла пора ужь и винцы надѣвать. „Не крестись!“ говорятъ онѣ ему. Онъ взялъ, да и перекрестился, и какъ только перекрестился, увидѣлъ передъ собой петлю, направлену на ево голову. То были дьявола̀. Онѣ всѣ отскочили отъ ево, заржали, захохотали и убѣжали. Вотъ до чево обморочили онѣ пустынника, што чуть и не задавили. Таковы дьявола̀-те! Послѣ пустынникъ ешшо молился 30 лѣтъ.

13. Дьяволъ—подъ силой молитвы.

Баба кака-та заводила опару, и не говорила: Господи благослови! Потанька—дьяволъ узналъ это. Вотъ, однажды, баба завела опару, не благословесь. Онъ пришолъ, да и сѣлъ въ опару іё; она стала цѣдить опару, да и здумала заградить іё крестомъ съ молитвой: Господи благослови! — процѣдила іё потомъ, и выжимки снесла и вывалила на улицу, а съ имя и Потаньку. Лежитъ Потанька въ выжимкахъ, карапкатца выйти, а выйти и выбиться не можотъ. Свиньи пришли ись выжимки и чушками переталкиваютъ только Потаньку съ мѣста на мѣсто. Трои сутки вожгалса онъ въ выжимкахъ, и едва-едва выбился потомъ,—голодной какъ собака. Дома товаришши его ужь потерели, и колда пришолъ онъ, весь исхудалой, спросили: „гдѣ ты былъ, Потанька?“—Гдѣ былъ?... въ молитвѣ... Будь она проклята—баба! Прежде мѣшала опару — николда она не говорила: Господи благослови! а тутъ, какъ я сѣлъ въ опару, она, ровно нарошно, стала цѣдить іё, да и перекрестила меня съ молитвой, потомъ вывалила въ выжимкахъ, то-есь въ опаринѣ, на улицу, гдѣ и перепехивали меня свиньи съ мѣста на мѣсто цѣлые трои сутки,— насилуй выбилса я оттуда, и теперь ни за што не пойду къ ей больше въ опару...

14. Манахъ—спасенная душа.

Въ мірѣ легче спасаться, чѣмъ въ пустынѣ. Одинъ манахъ молилса въ пустынѣ двадцеть лѣтъ и, видно, подумалъ о своей святости, што онъ спасса въ пустынѣ. Вотъ, снитца, однажды, ему: хоть ты думалъ о сибѣ много, поди-ко, однако, въ міръ, посмотри тамъ, какъ спасатца мужъ съ жоной: и дити [1]), вѣдь, у ихъ есь!... Какъ такъ? — подумалъ манахъ, колда проснулся — какъ можно спастись въ мірѣ? Пойду, испытаю и узнаю... Во снѣ открылось ему въ какомъ мистѣ живётъ этотъ мужъ съ жоной и съ дѣтками. Пошолъ манахъ въ міръ; дошедши до тово мѣста, гдѣ жилъ мужъ съ жоной, онъ выпросился у ихъ ночевать, и усматриватъ всё у ихъ не святое: живутъ онѣ, какъ и всѣ живутъ, не вовсё набожно, не такъ какъ въ пустыняхъ... молятца Богу только утромъ да вечеромъ... Сталъ манахъ примѣчать пуште... Вечеромъ мужъ съ жоной и съ дитьми помолились Богу и легли спать. Вдругъ, ночью, понесло изъ избы ихъ благоуханье, и манахъ увидѣлъ ангеловъ около ихъ. Ушолъ онъ отъ ихъ утромъ и десять лѣтъ ешшо онъ молилса, не выходя изъ кельи, и глазъ никому не казалъ. — Въ мірѣ, видишъ, легко имъ спасаться было тѣмъ, что хотя онѣ грѣхъ грѣшатъ завсё, дакъ за то, за дѣлами-те, и не подумаютъ о сибѣ, што негрѣшны или безгрѣшны, а въ пустыняхъ молятца, молятца, да и давай думать, што, вотъ, спаслись, грѣхи всѣ замолили... Нѣтъ, думать надо только объ однѣхъ грѣхахъ, а безгрѣшьё само придётъ, безъ нашой печели [1]).

Сообщилъ А. Зыряновъ.

[1]) Дѣти.

[1]) Печали.

РАЗСКАЗЪ ШАДРИНЦА.[1])

(Образчикъ нарѣчія).

....„Кыргыская (1) степь — это большушшая степь, — и какъ зайдешъ въ iё, дакъ (2) ни коңця, ни краю не видать: все степь да трава!... А трава тамъ ростётъ чудо̀вая (3), и привольё-то (4), какое привольё для скотинушки... Господи ты мой!... Скота тамъ всякова много, и сы́тной такой да большой... А людей тамъ мало: все собаки—Кыргызы. Онѣ и скота ведутъ... и все мясо трескаютъ!... Хлѣба у ихъ нѣтъ; па́шенки онѣ не пашутъ; а вотъ, собаки, любятъ-жо хлѣб-отъ ись! Наши мужички туды издятъ, и берутъ у ихъ — припасъ ли какой, — больше для лошадушокъ сѣнко̀, ну и для себя, быватъ, берутъ бара́на или овцу́, — а денегъ не платятъ. Деньги Кыргызъ не беретъ; но (5), а на хлѣбъ, собака, падокъ. Дасъ ему мужичокъ колачь, дакъ Кыргызъ все для ево доспiётъ (6): и рыбу въ озерахъ пособлятъ ловить, и караулитъ—чево заставятъ... А вотъ, вѣдь, не воруютъ... такъ штобы чево украли... развѣ чево хлѣбное сожрётъ, а то такъ, знашь, большой пакости отъ ихъ нѣтъ. Ну, и начельсва своево—како́ у ихъ тамъ есь—у́жто (7) боятца тожо... По запрошлому году (8), да и лони́сь (9), издили у меня сусиди въ степь: — и рыбу ловить, да и по со́ль...

— А развѣ тамъ и соль добываютъ? спросилъ я.

„Какъ-жо, и соль... Тамъ славная соль, лучше коряковской, а ваша пермянка ей и въ подмётки не годитца...

[1]) Выдержка изъ дорожныхъ замѣтокъ.

— Ну, ладно. Разскажи ты мнѣ сначала, въ какихъ озерахъ мужички рыбу ловятъ, и далеко ли эти озера отъ васъ?

„Но, а какъ тибѣ сказать-то? — озеръ-то, вѣдь, въ степѣ множѐство; а вотъ отъ насъ-ту больше издятъ на Копчи. Копчи—это озеро большоё да рыбноё. Издятъ на ево черезъ Прѣсногорску крѣпось, челябинскова уѣзда, и отъ Шадрина это будётъ верстъ семьсотъ. Есь озёра и ближе, — версъ за дваста и триста въ степь, — да этѣ не больно велики и рыбы въ ихъ менѣ... Самы-жо большіе озёра — Большой Диванъ и Малой Диванъ. Этѣ больно рыбисты... ну, дакъ далекó отъ насъ,— версъ съ тысячу будётъ, коли не болѣ. А издятъ на Дива́ны изъ Шадрина черезъ Петропавловскую крѣпось, Тобольской губерніи. Около Дивановъ, и по дорогѣ къ имъ, есь русскіе поселенья. Первой поселился около Дивановъ — хресьенинъ изъ Томской губерніи. Сперва-та онъ какъ селиться за̀чалъ, дакъ привезъ съ собой пушки, ружья и другой снарядъ. Степь оно, што не говори, ну, да мужик-отъ онъ ѐстевой (10), дакъ ему и съ полўгоря было обзавестись домкомъ. Пашню зачалъ пахать; а теперь ужь около ево и много понаселилось народу... Рыбу ловятъ наши мужички о всяку пору, окромя̀ страды... Снасти возятъ съ собой: невода̀ у ихъ, знашъ, тамъ, да мерёжи (11), да котцы́ (12), да уды́, — всяка-всечина. Есь и большіе невода́, таки, што зимой изъ под-о-льду достаютъ за́-разъ возовъ петьдесятъ рыбы... И́ну морозятъ, и́ну суша́тъ, больше — солятъ... Соль съ собой привозятъ, съ границы, а то и тутъ-жо въ степѣ берутъ. Только степной соли засолъ бdevatъ крѣпкой, и рыба не портитца и не пахнётъ, какъ сиги чердынски, или семга, или, вонъ,—какъ ихъ зовутъ—судаки... Да и кака ваша соль? — Нѣтъ, ваша соль не то, што наша, ургачска или коряковска. А ургачска ешшо, пожалуй, басся̀я (13) коряковской...

— А что это за соль — ургачская? спросилъ я.

„А вотъ, вишь ты, въ той-жо въ Кыргыской-то степѣ есь озеро, — прозыватца Ургачъ, — въ ёмъ и родитца соль.

— Какъ же это она родится?

„Да какъ тибѣ сказать? Вотъ она какъ родитца. Озеро, знашъ, какъ есь, сыздале́, озеро... а къ ему подъидешъ ближе—и вода: будто какъ есь вода въ озёрахъ; а заѣзжай въ воду-ту, — іё только на четверть, а тамъ, подъ водой-ту, ро̀вно (14) ледъ: и телѣгу и лошадь подыматъ. Вотъ это соль-та и есь. Вотъ іё и

ломаютъ желѣзнымъ ломомъ, добываютъ изъ под-о-льду, да и кладутъ въ телѣги, комками. Она такая чистая да твердáя, а вода-та на ей горькая... А, вотъ, тамъ, гдѣ ешшо соль не окрѣпла — тутъ она ровно кисель... И ужь какъ она родитца, и киселемъ доспіётца, и отвирдіётъ какъ ледъ — Господь іё знатъ. Знать ужь така тутъ планида вышла... А, вотъ, вѣдь, собаки-те— Кыргызы іё мало достаютъ, и буди достаютъ чево, дакъ все везутъ на границу, въ Звѣриноголовенъ (15). Тутъ іё продаютъ больно дёшово. Съ нашихъ-ту, при проѣздѣ черезъ Звѣриноголовенъ, пошлину берутъ, и свидѣтельсва даютъ. Пошлина не велúка, дакъ оно и выгодно издить въ степь за солью... А изъ гамазей въ городѣ наши мужички рѣдко берутъ соль, а ешшо сами продаютъ ургачску... Рыбу, што изъ степи вывезутъ, продаютъ дома, на торжкахъ и ярманкахъ, въ камышловскомъ уѣздѣ, и въ шадринскомъ, и въ екатеринбургскомъ...

— А много крестьянъ ѣздятъ на рыболовство?

„Но, а кáкъ, дúвно (16). Тожно (17) многи стали издить... Рыба-та въ степѣ-то больно хороша: карась, окунь, шшука, ези,—да все большіе... помельче только чебакъ. А, вотъ, сырокъ, моксунъ, нельма, осетрина, стерледь — это рыба рѣшная. Іё ловятъ по Тоболу, Иртышу, а больше по Обѣ, да и издятъ-то туды водой, по рѣкѣ по Ницѣ, ирбецкой округи мужички. Тамъ есь въ бобровской волостѣ деревня Комлёва: въ ей все живутъ рыболовы, и мужики — богатѣи (18).

— Ну, а Киргизы не обижаютъ рыболововъ?

„Пошто? — Онѣ народъ смирёной (19), глупой... Вотъ, какъ мужики соберутца по уборкѣ хлѣбовъ — человѣкъ десять и болѣ, — возмутъ съ собой невода, и сѣти, и котцы, да хлѣба печёнова, да сухарей,—и поѣдутъ на своихъ коняхъ въ степь. Поклажи-то съ имя много; вотъ, онѣ проѣдутъ тамъ сколько, да што лишнее—и складутъ подъ караулъ Кыргызу; дадутъ ему хлѣба, онъ и караулитъ. А тамъ и ешшо, гдѣ можно, тожо доспіютъ... Ну, и ничево: послѣ поѣдутъ взадь — и возмутъ у ихъ што оставили, и все цѣло. Хресьяна берутъ съ собой и дробовики (20), и винтовки, да отъ Кыргызовъ никакой себѣ обиды не видятъ: онѣ ихъ не трогаютъ. Быватъ-жо эдакъ, што онѣ, собаки, кружатся на коняхъ около телѣгъ, да какъ только выпалилъ, — драло, што есь духу, въ степь: только ихъ и видѣлъ! Прямы собаки!“...

—

Примѣчанія.

1. Звукъ *и*, при согласныхъ гортанныхъ, въ словѣ Кыргызы, удержалъ древнее его широкое произношеніе, какъ Кыевъ.
2. *Дакъ* — то.
3. *Чуддвой*, *ая* — чудесный, ая.
4. *То* — мѣстоименная приставка. Подобнаго рода мѣстоименныя приставки въ концѣ словъ, — остатки древняго мѣстоименія: тъ — та — то, замѣняя собою членъ языковъ иностранныхъ, встрѣчаются въ рѣчи шадринца очень часто и, сообразно слову, къ которому онѣ приставлены, съ своего рода систематическою правильностію, измѣняются по родамъ, падежамъ и числамъ.

Для ясности приведемъ два примѣра:

Мужескаго рода:	Женскаго рода.
Мужикъ-отъ	Дорога-та
Мужика-то	Дороги-то
Мужику-ту	Дорогѣ-то
Мужика-то	Дорогу-ту
Мужикомъ-то	Дорогой-ту
О мужикѣ-то	Въ дорогѣ-то
Мужики-те	Дороги-те
Мужиковъ-то	Дорогъ-ту
Мужикамъ-то	Дорогамъ-ту
Мужиками-те	Дорогами-те
О мужикахъ-ту.	Въ дорогахъ-ту.

Имена средняго рода принимаютъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа прибавку *то*; въ остальныхъ падежахъ приставки тѣ же, что и зъ вышеприведенномъ примѣрѣ мужескаго рода.

5. *Ну*, употребляемое передъ союзомъ *а*, измѣняется въ *но*.
6. *Доспіётъ* — отъ глагола: *досппть* — сдѣлать.
7. *Ужто* — должно быть, вѣроятно.
8. *По запрошлому году* — въ третьемъ году.
9. *Лонись* — въ прошедшемъ году.
10. *Естевой* — зажиточной.
11. *Мерёжи* — сѣти, которыя ставятся въ воду и укрѣпляются противъ теченія ея кольями.

12. *Котцы*—тоже, что морды, только вяжутся изъ тонкихъ лычныхъ веревокъ.
13. *Баско*, *бассяя*—хорошо, лучше.
14. *Ровно*—точно.
15. Въ *Звѣриноголовенъ*, т. е. въ Звѣриноголовскую крѣпость.
16. *Дивно*—много.
17. *Тожно*—теперь, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—тогда; напримѣръ: колда позовутъ тебя, дакъ ты тожно и ступай.
18. *Богатѣй*—богачъ.
19. *Смирёной*—смирный.
20. *Дробовикъ*—ружье.

S.

III.

НѢКОТОРЫЯ СВѢДѢНІЯ ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ИРБИТСКОЙ ЯРМАРКИ И О РАЗВИТІИ НА НЕЙ ТОРГОВЛИ.

—

Въ Ирбити, одномъ изъ зауральскихъ городовъ Пермской губерніи, лежащемъ почти на самой границѣ ея съ Тобольскою губерніею, существуетъ ярмарка съ 1-го февраля по 1-е марта, справедливо пользующаяся извѣстностію: это не простой торжокъ, не обыкновенный съѣздъ, а торговля на десятки милліоновъ, и притомъ важное мѣсто мѣны Европейской Россіи съ Сибирью и отчасти съ Средней Азіей. Сюда пріѣзжаютъ Хивинцы, Бухарцы, Ташкентцы, Коканцы съ произведеніями своихъ странъ; здѣсь въ огромныхъ размѣрахъ производится торговля сибирскими мѣхами; сюда же Кяхта высылаетъ большія партіи чаю и другихъ произведеній Китая. Всё это скупается здѣсь купцами Европейской Россіи, тянется потомъ огромными транспортами сухопутно и по рѣкамъ на Нижегородскую ярмарку, откуда расходится по всѣмъ концамъ Россіи, а часть товаровъ идетъ и заграницу. По оборотамъ Ирбитская ярмарка занимаетъ первое мѣсто послѣ Нижегородской, подобной которой, по обширности торговли, мы не видимъ во всей Европѣ. Въ 1851 году на Нижегородскую ярмарку было привезено товаровъ на 60,000,000; въ томъ же году цѣнность привоза на Ирбитскую—простиралась до 35,500,000. Изъ прочихъ многочисленныхъ ярмарокъ Россіи, только въ Крещенской-Харьковской привозъ товаровъ достигалъ цѣнности 12,000,000. Къ этому прибавимъ, что при такой обширности своей, она чрезвычайно полезна и городу, въ которомъ происходитъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что ярмарка есть душа, жизнь Ирбити: безъ нее городъ, не имѣющій ни ка-

кой промышленности, былъ бы совсѣмъ не тотъ, какимъ представляется въ настоящее время. Но не распространяясь здѣсь объ этомъ, я разскажу теперь только о началѣ здѣшней торговли и о томъ, какъ она развивалась и достигла нынѣшняго положенія.

Трудно, почти невозможно, сказать что-нибудь основанное на актахъ объ исторіи города Ирбити, особенно о началѣ его; объ этомъ нѣтъ никакихъ документовъ. Старинные архивы города истреблены пожаромъ 1790 года, когда вся почти Ирбить сдѣлалась жертвой пламени. Можно предполагать, что архивы Верхотурья и Тобольска, если были бы разработаны, доставили бы много любопытнаго въ этомъ отношеніи. Предположеніе это вѣроятно потому, что слобода Ирбитская, при самомъ основаніи своемъ, зависѣла отъ Верхотурья; возведенная же въ послѣдствіи въ званіе города, она перешла въ зависимость отъ Тобольской провинціи. Въ здѣшнихъ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, восходящихъ не далѣе 1791 года, по этому предмету нѣтъ ни какихъ свѣдѣній. По необходимости приводится довольствоваться разбросанными кой-гдѣ въ старинныхъ книгахъ указаніями; только изъ нихъ можно извлечь отрывочныя, и притомъ не полныя, извѣстія.

Ирбитская слобода начала строиться въ 1633 и окончена въ 1635 году. Для поселенія выбрано то самое мѣсто, на которомъ стоитъ теперешній городъ Ирбить, при рѣкѣ Ирбити, въ верстѣ отъ впаденія ея въ рѣку Ницу. Въ то время земли по рѣкѣ Ницѣ занимали Татары, которые и были вѣроятно первыми жителями новой слободы. Фамиліи нѣкоторыхъ изъ ирбитскихъ старожиловъ и теперь еще напоминаютъ о своемъ татарскомъ происхожденіи: таковы фамиліи Колмаковыхъ, Асановыхъ, Кандабаевыхъ и другихъ [1]). Не-за-долго до основанія слободы, неожиданное открытіе дало новую жизнь здѣшней странѣ: это открытіе первой въ Сибири руды. Въ 1628 году одинъ изъ Татаръ, жившихъ при рѣкѣ Ницѣ, пришелъ въ Туринскъ и объявилъ, что нашелъ недалеко отъ Ницы желѣзную руду. Тогдашній туринскій воевода Воинъ Корсаковъ приказалъ изслѣдовать показаніе Татарина, и когда оно подтвердилось, то на мѣстѣ открытой руды заведена была плавильня [2]), долгое время снабжавшая Сибирь желѣзомъ.

[1]) Въ уѣздѣ городъ Ирбить называютъ *Ирбейскимъ* городомъ, потому что Татары именуютъ рѣку Ирбить *Ирбеемъ*

[2]) Въ 1637 году здѣсь населилась слобода *Рудная*, въ 40 верстахъ отъ Ирбити, существующая и въ настоящее время.

Этотъ случай, а еще болѣе плодородіе и другія выгоды мѣстности—привлекли сюда выходцевъ изъ Россіи. Слобода Ирбитская начала заселятся болѣе и болѣе. Распространенію ея много способствовало и то, что чрезъ нее проложена была новая дорога изъ Верхотурья въ Сибирь, которая сдѣлалась гораздо удобнѣе и короче прежняго тракта изъ Верхотурья чрезъ Туринскъ [1]). Въ слободѣ Ирбитской появилась тогда торговля. Сюда въ генварѣ мѣсяцѣ изъ окрестныхъ селеній стали съѣзжаться жители для покупокъ и продажи своихъ произведеній. Безъ сомнѣнія торговля слободы въ началѣ была не что иное, какъ обыкновенный торжокъ, какіе были во многихъ изъ тогдашнихъ селеній и отправлялись обыкновенно въ день храмоваго праздника. Особенно благопріятныя обстоятельства сильно развили ирбитскую торговлю.

[1]) Сообщеніе Москвы съ Сибирью производилось въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка по двумъ дорогамъ, которыя обѣ сходились въ городѣ Верхотурьѣ, очень важномъ въ то время въ коммерческомъ отношеніи и имѣвшемъ царскую таможню, гдѣ со всѣхъ товаровъ, шедшихъ изъ Россіи въ Сибирь и изъ Сибири въ Россію, брали въ казну десятую пошлину. Одна изъ этихъ дорогъ отъ Москвы шла чрезъ города Переяславль Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, Шуйскій Ямъ, Тотьму, Устюгъ, Лальскій посадъ, Кай-городокъ, Соль-Камскую, Верхотурье, Туринскъ и Тюмень—въ Тобольскъ. Другой трактъ направлялся отъ Москвы чрезъ Владиміръ, Муромъ, Нижній-Новгородъ, Козмодемьянскъ, Санчурскъ, Яренскъ, Котельничъ, Хлыновъ или Вятку, Кай-городокъ, Соль-Камскую въ Верхотурье, гдѣ онъ соединялся съ первымъ путемъ. Эта послѣдняя дорога была нѣсколько короче первой. Во время же основанія Ирбитской слободы, а можетъ быть и нѣсколько ранѣе, путь изъ Москвы въ Сибирь еще болѣе сократился, когда купцы и ихъ транспорты, вмѣсто того, чтобы отправляться изъ Верхотурья въ Тобольскъ чрезъ Туринскъ, начали ѣздить туда чрезъ Ирбитскую слободу. Для сличенія приводимъ здѣсь маршруты этихъ трехъ путей сообщенія:

ПЕРВЫЙ ПУТЬ:

Отъ Москвы —	Переяславль Залѣсскій	120 верстъ.
	Ростовъ	60
	Ярославль	60
	Шуйской Ямъ	210
	Тотьму	140
	Устюгъ	237
	Лальскій посадъ	60
	Кай городокъ	358
	Соль-Камская	255
	Верхотурье	276
	Туринскъ	207
	Тюмень	151
	Тобольскъ	254
Всего отъ Москвы до Тобольска . . .		2388 верстъ.

Скоро съѣздъ увеличился; явились коренные жители Сибири съ произведеніями своихъ лѣсовъ—мѣхами дикихъ звѣрей; сюда же стали пріѣзжать дальніе Татары, Калмыки, Бухарцы съ своими товарами, и этотъ простой торжокъ превратился въ ежегодную ярмарку, обратившую на себя вниманіе тогдашняго правительства. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ заботился въ то время о тѣснѣйшемъ сближеніи не-за-долго предъ тѣмъ покоренной Сибири съ Россіею. Усмотрѣвъ, что торговыя связи могутъ облегчить и даже ускорить достиженіе предположенной имъ цѣли, онъ возъимѣлъ мысль утвердить и распространить начинавшуюся торговлю Ирбитской

Второй путь.

Отъ Москвы —	Владиміръ.	175 верстъ.
	Муромъ.	120
	Нижній Новгородъ.	121
	Козмодемьянскъ.	117
	Санчурскъ.	120
	Яренскъ.	76
	Котельничъ.	127
	Хлыновъ.	97
	Кай городокъ.	258
	Соль-Камская	255
	Верхотурье.	276
и т. д., чрезъ	Туринскъ, въ Тобольскъ.	612
	Всего	2354.

И такъ, по обоимъ этимъ путямъ отъ Верхотурья до Тобольска, считалось 612 верстъ. Вновь проложенная дорога чрезъ Ирбить шла:

изъ Верхотурья въ	Салдинское село.	27 верттъ.
—	Мугайское село.	49
—	Невьянской монастырь.	36
—	Невьянскую слободу.	13
—	Рудную слободу.	21
—	Ницинскую слободу.	9
—	Ирбитскую слободу.	27
—	Киргинскую.	14
—	Чубарову.	14
—	Верхъ-Ницинскую.	12
—	Краснослободской острогъ. . . .	42
—	Усть-Ницинскую.	14
—	Тюмень.	70
—	Тобольскъ.	254

Слѣдовательно, по ней считалось отъ Верхотурья до Тобольска 622 версты. Разница съ первыми путями сообщенія, конечно, небольшая, но за то дорога чрезъ Ирбитскую слободу была гораздо удобнѣе и не представляла дремучихъ лѣсовъ и такихъ огромныхъ болотъ, какими наполнены верхотурскій и туринскій уѣзды.

слободы. Указомъ, изданнымъ около 1643 года, царь утвердилъ существованіе Ирбитской ярмарки. Вотъ начало ярмарки города Ирбити, возникшей, какъ изъ вышесказаннаго видно, въ одно время съ Нижегородской.

Выше сказано, что особенно благопріятныя обстоятельства содѣйствовали развитію ирбитской торговли и превратили обыкновенный торжокъ въ значительную ярмарку. Какія же это были обстоятельства? Развѣ ярмарка не могла установиться точно также въ какой-нибудь изъ окрестныхъ слободъ, изъ которыхъ иныя были гораздо извѣстнѣе незначительной тогда Ирбитской слободы? Развѣ города Верхотурье, Туринскъ, Тюмень и Тобольскъ, важнѣйшіе въ то время пункты Сибири, не представляли удобствъ для торговли? Вѣроятно, въ Ирбитскую слободу привлекло торговлю удобство ея мѣстоположенія и сообщенія съ Россіею чрезъ тѣ мѣста Уральскихъ горъ, гдѣ въ послѣдствіи былъ основанъ Екатеринбургъ. Хотя товарные транспорты отправлялись изъ Россіи по прежнему чрезъ Верхотурье; но купцы, опасаясь трудностей верхотурской дороги, мало по ней ѣздили, а стали предпочитать новую, которая была такъ удобна, что сюда же вскорѣ обратилась и большая часть товаровъ. Отъ этой дороги Верхотурье оставалось въ сторонѣ, что, можетъ быть, было одною изъ важныхъ причинъ, почему въ немъ не могла основаться ярмарка. Главнѣйшею же причиною усиленія ирбитскаго торга предположить должно то обстоятельство, что слобода занимала мѣстоположеніе внутри страны, населившейся большею частію Русскими, вышедшими изъ-за Урала; жившіе въ окрестности Татары были немногочисленны, а потому и нестрашны; слѣдовательно, торговля въ Ирбити представляла тогда неоцѣненную выгоду — безопасность, которой не могли бы доставить ей Туринскъ, Тюмень и Тобольскъ. Города эти были пограничными съ полудикими сибирскими народами и торговля въ нихъ находилась бы въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ мира или войны, которою могло угрожать любое изъ окружавшихъ племенъ, еще сильныхъ воспоминаніемъ своей прежней независимости.

Ирбитская ярмарка, утвержденная царскимъ указомъ, и пользуясь различными, ей предоставленными льготами, съ каждымъ годомъ стала развиваться болѣе и болѣе. Для пользы пріѣзжающихъ сюда купцовъ, тогда повелѣно было всѣ товары, идущіе въ Ирбить, пропускать чрезъ Верхотурье безостановочно, не взимая пошлинъ, которыя платились уже въ Ирбити. На время

ярмарки сюда пріѣзжалъ изъ Верхотурья воевода для сбора пошлинъ и наблюденія за правильнымъ производствомъ торговли. Тогда открывалась здѣсь временная таможня. Для большей безопасности жители обнесли слободу со всѣхъ сторонъ палисадомъ [1]), съ двумя воротами къ сторонѣ Верхотурья и Тюмени, которыя ночью запирались, а днемъ имѣли крѣпкій караулъ. Палисадъ этотъ ограждалъ, сверхъ того, и интересы казны, потому что давалъ таможнѣ полную возможность строго слѣдить за привозомъ и вывозомъ товаровъ, тайный провозъ которыхъ сдѣлался совершенно невозможенъ. Для торговли въ то время было выстроено около 150 лавокъ; сверхъ того торговали и на площади, въ шалашахъ и балаганахъ. Но чѣмъ торговали, какіе изъ товаровъ были преимущественно въ ходу, великъ ли былъ оборотъ ярмарки и много ли пріѣзжало купцовъ — на все это нельзя отвѣчать положительно, по недостатку вѣрныхъ данныхъ. О состояніи здѣшней торговли можно бы извлечь свѣдѣнія изъ тогдашнихъ таможенныхъ книгъ, которыя, если сохранились до настоящаго времени, должны находиться въ архивѣ города Верхотурья. Можно только сказать, что въ исходѣ XVII вѣка, въ торговлѣ Ирбити главная цифра оборота относилась къ произведеніямъ Сибири, изъ которыхъ важнѣйшимъ былъ пушной товаръ. Китайскіе товары, въ особенности чай, составляющій въ нынѣшнее время одну изъ главныхъ статей общаго оборота, въ первый разъ явились на Ирбитской ярмаркѣ уже по открытіи торговли съ Китайцами чрезъ Кяхтинскую таможню, слѣдовательно не ранѣе 1727 года.

Дальнѣйшимъ развитіемъ своимъ торговая слобода Ирбитская обязана была особенному обстоятельству. Въ 1774 году, Пугачевъ, разбитый Голицынымъ подъ Оренбургомъ, бросился съ остатками своихъ единомышленниковъ къ сѣверу, на уральскіе заводы; здѣсь шайки его снова увеличились и взволновали всю Башкирію. Бунтъ распространялся болѣе и болѣе, и, чрезъ Челябу, сообщился скоро и Пермскому краю. Приверженцы самозванца разсѣялись повсюду, приводя жителей къ присягѣ на вѣрность мнимому государю, и успѣли уже склонить на свою сторону большую часть окрестныхъ селеній Ирбити. Изъ слободы Киргинской, лежащей въ 14 верстахъ внизъ по теченію рѣки Ницы, они потребовали присяги и отъ жителей

[1]) Теперь нѣтъ и слѣдовъ этого палисада; нельзя даже опредѣлить мѣста, гдѣ онъ проходилъ.

Ирбити. Трудно было положеніе ирбитчанъ: окруженные почти со всѣхъ сторонъ бунтующими селеніями, не имѣвшіе никакой военной силы, и даже не приготовленные къ защитѣ, они не знали, что̀ дѣлать; но не поколебались въ вѣрности престолу царскому. Одушевленные писаремъ Мартышевымъ, они отвергли требованіе мятежниковъ и рѣшились вооружиться, чтобы общими силами отстаивать свою сло̀боду. Подъ предводительствомъ его, они счастливо отразили нападеніе бунтовщиковъ и ободренные успѣхомъ, приняли намѣреніе усмирить мятежъ даже въ окрестныхъ селеніяхъ. Дѣйствія ихъ сопровождались постоянной удачей, и разбитыя толпы приверженцевъ Пугачева преслѣдуемы были до Тагильскихъ заводовъ [1]. Такое вѣрноподданническое усердіе жителей Ирбитской слободы было достойно оцѣнено Императрицею Екатериною. Она повелѣла указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 13 февраля 1775 года, переименовать слободу въ городъ и приписать къ нему уѣздъ; жителей изъ крестьянъ и мастеровыхъ переименовать въ мѣщане. Городъ открытъ торжественно 6 іюля 1775 года тобольскимъ губернаторомъ Чичеринымъ; а въ слѣдующемъ году Императрица, указомъ 11 февраля 1776 года, даровала ему гербъ, долженствовавшій на вѣчныя времена свидѣтельствовать о заслугахъ его жителей. Гербъ этотъ представляетъ щитъ, раздѣленный на двое; въ верхней половинѣ его, въ голубомъ полѣ, изображенъ серебряный андреевскій крестъ, означающій непоколебимую вѣрность жителей къ Ея Императорскому Величеству; нижняя часть изображаетъ на̀-крестъ положенные саблю и меркуріевъ жезлъ, знаменующіе: первая—пораженіе этимъ оружіемъ злодѣя, а второй—упражненіе жителей въ торговлѣ [2].

[1]) Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ разсказовъ недавно умершаго въ Ирбити священника Матвѣя Удинцова, бывшаго во время пугачевскаго бунта однимъ изъ церковно-служителей Киргинской церкви.

[2]) Вотъ списки подлинныхъ актовъ, относящихся къ открытію города, полученные изъ ирбитской градской думы: 1. Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, изъ Правительствующаго Сената, господину генералъ-поручику, Тобольской губерніи губернатору и кавалеру, Чичерину. Въ именномъ Ея Императорскаго Величества указѣ, данномъ Сенату въ 3 день сего февраля за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, въ которомъ написано: съ особливымъ удовольствіемъ извѣстились Ея Императорское Величество, что жители Ирбитской слободы, во время бывшихъ замѣшательствъ, будучи со всѣхъ сторонъ окружены бунтующими селеніями и утѣсняемы нападеніями отъ злодѣйскихъ шаекъ, наблюдая истинное къ отечеству усердіе, нетокмо пребыли въ непоколебимой вѣрности, но и самопро-

Милости царицы безъ сомнѣнія имѣли благотворныя слѣдствія. Ирбить пріобрѣла новое значеніе, сдѣлалась своего рода тогдашнею знаменитостію; на нее обратилось вниманіе, и съѣздъ людей торговыхъ значительно увеличился; торговля приняла видъ правильной и уже укоренившейся ярмарки. Впрочемъ, гостинаго двора, въ томъ видѣ, какъ строятся нынѣ подобнаго рода зданія, тогда еще не было. Пріѣзжіе купцы торговали или на домахъ, или въ деревянныхъ лавкахъ и балаганахъ, выстроенныхъ частными людьми безъ всякаго порядка и симметріи. Причиною этого недостатка была, можетъ быть, незажиточность обывателей,

извольно избравъ и вооружа изъ самихъ себя немалую партію, храбро сопротивлялись даже до того, что и въ отдаленности отъ ихъ слободы устремлялись на злодѣевъ и ихъ поражали. Ея Величество, не оставляя никогда похвальныхъ заслугъ безъ достойнаго воздаянія, въ знакъ особливаго Ея Императорскаго Величества къ симъ вѣрноподданнымъ благоволенія, Ея Величество повелѣваетъ: Ирбитскую слободу учредить городомъ, на основаніи прочихъ Россійскихъ городовъ, и для того: 1) Всѣхъ желающихъ остаться въ оной слободѣ жителей, именовать тамошними мѣщанами, платить имъ въ казну обыкновенный сборъ, бываемый въ городахъ, торговать и промышлять по примѣру прочихъ городскихъ жителей, всякому по мѣрѣ своей возможности валовымъ и мелочнымъ товаромъ, а ремесленникамъ производить свои ремесла безпрепятственно и не принуждать ихъ записываться въ цѣхи. 2) Ради порядочнаго учрежденія магистрата и произведенія городовыхъ дѣлъ, опредѣлить на первой годъ въ члены магистрата одного иногороднаго купца съ однимъ повытчикомъ и отлученному въ члены магистрата сіе пребываніе въ новомъ городѣ зачесть въ службу. 3) Ирбитскихъ жителей строить ряды не принуждать, но дозволять имъ торговать по домамъ; а если сами пожелаютъ ряды строить, то имъ не запрещать; также дозволить имъ имѣть постоянные дворы и при нихъ лавки для продажи всякихъ харчевыхъ и конскихъ припасовъ. 4) Снабдить оной городъ на заведеніе городской школы выдачею изъ казны, безъ возврата, трехъ сотъ рублей, дабы обучать катихизисъ, читать и писать, ариѳметикѣ и держанію купеческихъ щетовъ и книгъ. 5) Для воеводской канцеляріи, магистрата и воеводы построить изъ казны каменные домы; а сколько на строеніе магистратскаго дома изъ казны денегъ издержано будетъ, оные возвратить съ купечества чрезъ десять лѣтъ, безъ процентовъ. 6) И сему городу приписать уѣздъ, по сношенію съ губернаторомъ, и учредить канцелярію, опредѣля воеводу, товарища и приказнослужителей изъ находящихся въ герольдіи не у дѣлъ и снабдя сверхъ того воинскою командою; на жалованье же и на всѣ прочія издержки употреблять сумму изъ доходовъ статсъ-конторы, а помянутой канцеляріи и магистрату именоваться нынѣшнимъ сего мѣста названіемъ и всѣ начатыя дѣла по тѣмъ селеніямъ, которыя въ вѣдомство сего новаго города вступаютъ, окончить въ тѣхъ канцеляріяхъ, въ которыхъ они производствомъ начаты, а въ канцеляріи онаго города производить начинающіяся вновь дѣла и состоять подъ аппелляцію Тобольской губерніи. 7) По причинѣ переименованія ирбитскихъ жителей мѣщанами, снесясь съ губернаторомъ—не приписаны ли они къ какимъ заводамъ, сдѣлать Сенату разсмотрѣніе, дабы не обременить другихъ въ припискѣ оставшихъ, а ежели

или можетъ быть, опираясь на слова указа объ открытіи города, гдѣ запрещено было принуждать ихъ строить ряды, они находили свой порядокъ постройки болѣе для себя выгоднымъ. Такъ продолжалось до 1790 года. Въ этомъ году Ирбить сдѣлалась жертвой страшнаго пожара, совершенно почти ее истребившаго. По разсказамъ старожиловъ, отъ бѣдствія осталось только нѣсколько домовъ. Тогда сгорѣла куча балагановъ, называвшаяся гостинымъ дворомъ; сгорѣли также всѣ присутственныя мѣста со своими архивами, изъ которыхъ ничего не постарались спасти. Бѣдствіе 1790 года, казалось, должно было

Сенатомъ и впредь что полезнос найдено будетъ, для приведенія сего новаго города въ желаемое состояніе, то представленіе о томъ всегда Ея Императорскому Величеству будетъ пріятно. Во исполненіе онаго Правительствующій Сенатъ приказали: 1) съ прописаніемъ онаго Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа, къ вамъ, господину генералъ-поручику и кавалеру, послать указъ, съ тѣмъ, чтобы вы по тому Высочайшему повелѣнію, что слѣдуетъ до учрежденія помянутой слободы городомъ учинили надлежащее распоряженіе. 2) Къ опредѣленію въ оной городъ воеводы, товарища и секретаря представить отъ герольдіи кандидатовъ въ общее Сената собраніе, а прочихъ нижнихъ приказно-служителей, выбравъ, опредѣлить вамъ, въ случаѣ же, ежели довольное число не найдете, имѣете требовать присылкой изъ герольдмейстерской конторы изъ находящихся не у дѣлъ; воинскою же командою снабдить оный городъ отъ военной коллегіи, а ради порядочнаго учрежденія магистрата къ произвожденію дѣлъ на первый годъ въ члены магистратскіе одного иногородпаго купца и къ нему повытчика выбрать и опредѣлить вамъ, господину генералъ-поручику и кавалеру. 3) Повелѣнное количество на заведеніе городской школы безъ возврату триста рублей отпустить, равно и жалованье канцеляріи и военной командѣ, сколько по штату 1763 г. для приписнаго города слѣдуетъ, ассигновать статсъ-конторѣ изъ своихъ доходовъ, а дабы на строеніе воеводской канцеляріи, для магистрата и для воеводы каменныхъ домовъ, извѣстное число денегъ опредѣлить было можно, то вамъ, сочиня тому строенію смѣты и планъ, представить Сенату. 4) Въ согласіе того, какъ и для учрежденныхъ въ Новгородской губерніи вновь городовъ учинено, герольдмейстерской конторѣ, сочиня тому городу гербъ, представить Сенату, для поднесенія Ея Императорскому Величеству на Высочайшую конфирмацію, и напослѣдокъ 5) о вышесказанномъ новомъ учрежденіи города, для вѣдома, въ здѣшнія с. петербургскія присутственныя мѣста, такъ въ губерніи, провинціи и въ приписные къ нимъ города послать указы; въ с. петербургскіе же Сената департаменты и въ Святѣйшій Синодъ, сообщить вѣдѣнія. Февраля 13 дня 1775 года. Подписали: оберъ-секретарь Андреянъ Васильевъ. Секретарь Александръ Полѣновъ. Канцеляристъ Семенъ Погладіевъ. Копія свѣрена коллежскимъ секретаремъ Петромъ Рязановымъ.

2. Ордеръ отъ генералъ-поручика, лейбъ-гвардіи преміеръ-маіора, тобольскаго губернатора и кавалера Чичерина, ирбитскаго магистрата члену Смирноборовскому. Ея Императорское Величество имяннымъ своимъ Всевысочайшимъ указомъ повелѣть соизволила: село Ирбить, за непоколебимую вѣрность

имѣть пагубное вліяніе на Ирбитскую ярмарку, которая по недостатку удобствъ торговыхъ, совершенно истребленныхъ огнемъ, должна была на долго остановиться въ своемъ развитіи. Но не такъ вышло. Государыня, получивъ донесеніе о бѣдствіи, постигшемъ Ирбить, зная возрастающую важность здѣшней торговли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая оградить прежде дарованныя жителямъ преимущества, указомъ 26 марта 1791 года повелѣла: построеніе сгорѣвшаго гостинаго двора снова предоставить градскому обществу, съ обращеніемъ въ пользу его и будущихъ съ него доходовъ [3]). Это оживило пострадавшихъ жителей:

онаго жителей во время прошедшихъ замѣшательствъ, по причинѣ бывшаго злодѣя лже-самозванца Пугачева, учредить городомъ, съ великимъ тѣмъ жителямъ преимуществомъ и выгодами. Учрежденіе же того отъ Правительствующаго Сената поручено мнѣ; а потому я сюда и прибылъ, и жителямъ еего мѣста имянное Ея Императорскаго Величества Всевысочайшее повелѣніе объявлено; а какъ вы въ ирбитскій магистратъ выбраны въ члены тобольскимъ губернскимъ магистратомъ, то магистратъ на первый случай учрежденъ, того ради должность члена магистратскаго и поручаю вамъ, въ которую имѣете сейчасъ вступить, для чего съ указа Правительствующаго Сената съ объявленіемъ имяннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго о учрежденіи сего города повелѣнія, прилагаю при семъ копію; рекомендую вамъ поступать при сей должности по точному разуму того Правительствующаго Сената указа, какъ равно и дѣла къ разсматриванію и рѣшенію присвоять сему новому магистрату одни только вступающіе вновь и обо всемъ, по примѣру городовыхъ магистратовъ, по командѣ въ Тобольской губернской магистратъ въ свое время рапортовать; для письменныхъ дѣлъ употребить того канцеляриста, который отъ Тобольскаго губернскаго магистрата определенъ и къ вамъ сюда прибылъ. Іюля 6 дня 1775 года. Подлинный подписалъ «Чичеринъ».

3) Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, изъ Правительствующаго Сената, правящему должность пермскаго и тобольскаго генералъ-губернатора, господину генералъ-поручику и кавалеру Волкову. По имянному Ея Императорскаго Величества указу, данному Сенату минувшаго марта въ 26 день, за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, въ которомъ написано: по разсмотрѣніи поданнаго Намъ отъ Сената доклада, о погорѣвшемъ въ городѣ Ирбити гостиномъ дворѣ, повелѣваемъ: построеніе онаго вновь предоставить тамошнему городскому обществу съ обращеніемъ въ пользу его и будущихъ съ него доходовъ, на основаніи изданнаго отъ Насъ городоваго положенія, чего ради помянутый гостиный дворъ и изъ числа оброчныхъ статей исключить. Правительствующій Сенатъ приказали: о должномъ по оному Высочайшему Ея Императорскаго Величества указу исполненіи въ Пермскую казенную палату послать указъ и таковымъ же увѣдомить о томъ и васъ господина генералъ-поручика и кавалера. Апрѣля 3 дня 1791 года. Подписали: оберъ-секретарь Андрей Еремѣевъ. Секретарь Петръ Степановъ. Подканцеляристъ Михайло Соколовъ. Съ подлиннымъ свѣрялъ: секретарь Алексѣй Мерзляковъ. № указа 1770-й.

тогда же общими силами былъ выстроенъ деревянный гостиный дворъ, въ видѣ четыреугольника, съ 410 лавками, — и торговля не остановилась. Изъ того же, что уже чрезъ 10 лѣтъ число лавокъ оказалось недостаточнымъ, можно заключить, что она продолжала усиливаться. Въ 1802 году положено было основаніе новому каменному гостиному двору съ 218 лавками. Это число торговыхъ помѣщеній достаточно показываетъ обширность тогдашней торговли, оборотъ которой въ 1809 году, въ суммѣ привозныхъ товаровъ, возросъ уже до 3.534.092 руб. — цифры по тому времени очень немаловажной. Изъ свѣдѣній видно, что тогда съѣзжалось сюда купечество изъ Москвы, Казани, Архангельска, Устюга, Оренбурга и прочихъ городовъ Россійскихъ, а также изъ Сибирскихъ губерній: Тобольской, Томской и Иркутской; изъ иностранцевъ бывали: Бухарцы, Хивинцы, Армяне и Греки. Въ числѣ товаровъ привозились изъ Россіи мануфактурныя шелковыя и бумажныя издѣлія, сукна, кожевенные товары, холстъ; иностранные: золотыя и серебряныя вещи, сахаръ, москатильные товары, виноградныя вина, жемчугъ, табакъ и проч.; Сибирь доставляла въ огромномъ количествѣ, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ своихъ, пушной товаръ всякаго рода; изъ Китая получались китайскія шелковыя матеріи: фанзы, канфы, камки, шелкъ сырецъ и сученый, чай разныхъ сортовъ, фарфоръ и разныя мелочи; земли Средней Азіи высылали хлопчатую бумагу простую и пряденую, полушелковыя матеріи, халаты, армяки, плоды и разную рухлядь. Товары сіи расходились частію по прилежащимъ губерніямъ, частію отправлялись далѣе въ Россію, но главная цифра сбыта относилась къ Сибири, для которой Ирбитская ярмарка, по отдаленности Макарьевской, сдѣлалась главнымъ мѣстомъ закупки.

Разсматривая далѣе развитіе ярмарки, видимъ, что торговые обороты, съ усиленіемъ требованій въ Сибирь, увеличиваются постоянно каждый годъ. Должно впрочемъ замѣтить, что увеличеніе это, до 1830 года, шло какъ-то медленно и самый ходъ торговли не всегда отличался особенною успѣшностію. Изъ таблицы ежегоднаго привоза и сбыта товаровъ видно, что въ 1824 году сумма привозныхъ товаровъ восходила еще только до 7.178.600 р. ассигнаціями, слѣдовательно, въ теченіе двадцати лѣтъ, ярмарка увеличилась не болѣе, какъ въ два раза. Годы 1825 и слѣдующіе представляютъ рядъ цифръ, выражающій также очень незначительное развитіе оборотовъ. Такъ:

				ассигнац.				ассигнац.	
Въ	1825	г.	привезено на	8.095.887	р.	продано на		5.457.847	р.
—	1826	„	„ „	7.719.887	„	„	„	3.311.315	„
—	1827	„	„ „	10.558.115	„	„	„	6.805.010	„
—	1828	„	„ „	10.724.020	„	„	„	7.324.141	„
—	1829	„	„ „	10.888.155	„	„	„	7.537.489	„

Съ тридцатыхъ годовъ начинается уже блестящій періодъ ярмарочнаго развитія. Скажемъ прежде, что это время прошедшихъ двадцати пяти лѣтъ, должно назвать временемъ внутренняго устройства Ирбитской ярмарки. Въ этотъ періодъ времени, торговля здѣшняя, не имѣвшая дотолѣ, по неудобству помѣщенія, стройнаго наружнаго вида, пріобрѣла тотъ порядокъ, какой она выказываетъ нынѣ. Въ 1844 году, вмѣсто прежнихъ лавокъ, оказавшихся по увеличившемуся привозу недостаточными, попеченіемъ бывшаго начальника губерніи, тайнаго совѣтника И. И. Огарева, возведено на счетъ городскихъ суммъ огромное красивое зданіе гостинаго двора, съ четырьмя внутри каменными отдѣльными корпусами; зданіе это доставило товарамъ прекрасное, безопасное мѣсто склада. Въ то же время приступлено къ устройству торговой площади предъ гостинымъ дворомъ съ сѣверной стороны. Здѣсь въ ярмарочное время строились балаганы для мелкихъ торговцевъ, лавки для желѣзныхъ и мѣдныхъ товаровъ, фруктовые, москатильные и сундучные ряды, но постройка ихъ обыкновенно производилась безъ всякаго правильнаго расположенія: каждый строился гдѣ хотѣлъ, или гдѣ находилъ для себя выгоднѣе. Такой непорядокъ устраненъ въ 1846 году составленіемъ новаго плана размѣщенія балагановъ, болѣе правильнаго и увеличившаго самое число этихъ помѣщеній. Въ 1850 году, съ цѣлію способствовать облегченію торговыхъ операцій, городское общество построило прекрасное зданіе биржи на самомъ видномъ мѣстѣ, противъ сѣверныхъ воротъ гостинаго двора. Въ числѣ учрежденій, принесшихъ торговлѣ очевидную пользу, должно замѣтить еще присутствіе здѣсь, въ ярмарочное время, Екатеринбургскаго отдѣленія Коммерческаго Банка и открытіе въ городѣ собственнаго, подъ названіемъ Общественнаго. Первое изъ нихъ, начавшее свои операціи съ 1848 года, облегчаетъ и ускоряетъ ходъ торговыхъ сдѣлокъ; второе учрежденіе полезно въ томъ же отношеніи для самихъ жителей города. Все это усилило внутреннюю сторону ярмарки, между тѣмъ, какъ другія обстоятельства,

благодѣтельно подѣйствовавшія извнѣ, быстро двинули торговлю впередъ и довели до той степени процвѣтанія, на какой она находится въ послѣднее время. Обратившись опять къ числамъ ежегоднаго привоза и сбыта, увидимъ слѣдующее развитіе оборотовъ въ прошедшіе 15 лѣтъ:

			серебромъ.				серебромъ.	
Въ 1839 г.	привезено	на	11.951.155	р.	продано	на	7.672.298	р.
— 1840 „	„	„	12.232.286	„	„	„	7.682.000	„
— 1841 „	„	„	12.800.386	„	„	„	9.478.826	„
— 1842 „	„	„	14.044.530	„	„	„	7.887.500	„
— 1843 „	„	„	14.483.926	„	„	„	10.303.325	„
— 1844 „	„	„	17.023.730	„	„	„	12.625.540	„
— 1845 „	„	„	20.222.326	„	„	„	17.426.355	„
— 1846 „	„	„	26.934.736	„	„	„	22.246.861	„
— 1847 „	„	„	28.090.931	„	„	„	23.642.150	„
— 1848 „	„	„	31.150.214	„	„	„	26.902.511	„
— 1849 „	„	„	32.547.233	„	„		свѣдѣній нѣтъ.	
— 1850 „	„	„	35.861.241	„	„	„	25.259.275	„
— 1851 „	„	„	35.530.600	„	„		свѣдѣній нѣтъ.	
— 1852 „	„	„	30.854.800	„	„		свѣдѣній нѣтъ.	
— 1853 „	„	„	36.955.122	„	„	„	29.263.070	„
— 1854 „	„	„	37.296.577	„	„	„	29.164.689	„
— 1855 „	„	„	23.343.520	„	„	„	17.601.200	„
— 1856 „	„	„	20.678.800	„	„	„	18.541.500	„

Цифры сіи, кромѣ развѣ только послѣднихъ годовъ, впрочемъ годовъ исключительныхъ по военнымъ обстоятельствамъ того времени, очень ясно показываютъ какими огромными шагами шла въ это время здѣшняя торговля впередъ.

Естественно, при этомъ раждается вопросъ: что же двинуло такъ сильно въ послѣднее время торговлю Ирбитской ярмарки? Такое громадное развитіе, конечно, не могло произойти безъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Отвѣтъ на это мы найдемъ, если разсмотримъ отношенія ярмарки къ Сибири. Ирбитская ярмарка, установленная на границѣ съ Сибирью и преимущественно для торговли съ сибиряками, всегда находилась въ зависимости отъ нихъ. Правда, что сибирскіе купцы и прежде дѣлали въ Ирбити закупки, но закупки ихъ были незначительны, по ограниченности потребленія Сибири. Этому и должно приписать медленный ходъ возрастанія оборотовъ, какой показываютъ числа двадцатыхъ годовъ. Въ тридцатыхъ же, и особенно

съ 1844 года, дѣла въ Сибири совершенно измѣняются: къ этому времени относится сильное развитіе тамъ золотопромышленности. Въ Сибири тогда быстро составились огромные капиталы, а съ ними, разумѣется, увеличилось и потребленіе, удовлетворить которому ближе и скорѣе всего могла только одна Ирбитская ярмарка. Требованія товаровъ въ Сибирь съ того времени увеличиваются ежегодно и составляютъ теперь главную причину процвѣтанія торговли на ярмаркѣ. Къ числу второстепенныхъ обстоятельствъ, благопріятно на нее подѣйствовавшихъ въ послѣднее время, по отзывамъ торгующихъ, должно отнести и неудавшееся учрежденіе Тюменской ярмарки, на которой торговля производилась, и то въ незначительныхъ размѣрахъ, только въ первые годы по ея учрежденіи. Между тѣмъ, купцы ежегодно отправляютъ туда значительныя пропорціи товара, который, не находя въ послѣднее время въ Тюмени сбыта, по недостатку покупателей, долженъ обращаться теперь оттуда въ Ирбить. Разумѣется, это много увеличиваетъ цифру привоза. Къ тому же и сроки Ирбитской ярмарки благопріятны для торговли болѣе, чѣмъ сроки, назначенные для ярмарки Тюменской; нѣкоторые изъ сибирскихъ товаровъ, особенно чаи, въ январѣ мѣсяцѣ еще находятся въ пути и только въ половинѣ февраля достигаютъ Пермской губерніи, слѣдовательно и сбытъ ихъ производится главнымъ образомъ въ Ирбити, которая потому составляетъ для этой торговли въ зимнее время столь же важное мѣсто, какъ лѣтомъ Нижегородская ярмарка.

Вотъ подробная вѣдомость о числѣ привезенныхъ и проданныхъ товаровъ въ 1856 году. Она показываетъ цифру оборота, какого достигла Ирбитская ярмарка въ послѣднее время; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ неё же видно, какими товарами болѣе и успѣшнѣе производится здѣсь торговля.

	Привезено.	Продано.	Осталось.
А. Русскіе товары.	Рубли серебромъ.		
Шубъ крытыхъ и разнаго рода мѣховъ и мягкой рухляди не выдѣланной.	3,650,000	3,625,000	25,000
Сафьянныхъ и кожевенныхъ издѣлій.	560,000	475,000	85,000
Кожъ сырыхъ юфтовыхъ и издѣлій изъ нихъ.	1,450,000	1,160,000	290,000
Козлинъ и овчинъ сырыхъ. . .	78,000	67,000	11,000

	Привезено.	Продано.	Осталось.
	Рубли серебромъ.		
Золота и серебра въ издѣліи. .	905,000	680,000	225,000
Мѣди въ слиткахъ, листахъ, посудѣ, колоколахъ и пр. . . .	420,000	360,000	60,000
Желѣза и желѣзныхъ издѣлій. .	87,000	74,000	13,000
Чугуну и чугунныхъ издѣлій. . .	38,000	29,000	9,000
Польскаго серебра въ издѣліяхъ.	7,800	4,600	3,200
Посуды фарфоровой, фаянсовой, хрустальной, стекла и зеркалъ.	670,000	595,000	75,000
Деревянныхъ издѣлій: экипажей, мебели, рессорныхъ колясокъ, бричекъ, фаэтоновъ, дрожекъ, повозокъ, саней городовыхъ и простыхъ, крестьянскихъ телѣгъ, колесъ, столовъ, стульевъ, шкафовъ, дивановъ, а также посуды деревянной и рогожъ. .	405,000	375,000	30,000
Виноградныхъ винъ и водокъ. .	102,000	85,000	17,000
Съѣстныхъ припасовъ разныхъ: хлѣба, рыбы, мяса, икры, птицъ, соли и проч.	975,000	820,000	155,000
Муки крупичатой.	280,000	245,000	35,000
Такъ называемаго бакалейнаго товару.	987,000	765,000	222,000
Меду.	117,000	117,000	—
Масла коровьяго.	198,400	198,400	—
Маслъ растительныхъ.	4,500	3,200	1,300
Сѣмя конопляпаго и льнянаго. .	40,500	40,500	—
Сала сырца и топленаго. . . .	78,000	78,000	—
Свѣчь сальныхъ, литыхъ и маканыхъ.	23,600	20,500	3,100
Воску.	9,500	9,500	—
Свѣчь восковыхъ и стеариновыхъ	36,000	32,000	4,000
Скапидару и нефти.	4,300	2,700	1,600
Клею рыбьяго и шубнаго. . .	6,100	5,700	400
Хмѣлю.	19,000	16,000	3,000
Птичьяго пуху и пера.	7,800	6,950	850
Щетины.	17,000	17,000	—
Волокна конопляпаго и льнянаго.	17,200	17,200	—
Мыла разныхъ сортовъ. . . .	7,600	6,200	1,400
Маслъ душистыхъ, помады и духовъ	26,400	21,250	5,150
Табаку листоваго, крошенаго, нюхальнаго и сигаръ внутренняго приготовленія.	28,000	24,500	3,500
Москательныхъ и аптекарскихъ товаровъ.	245,000	215,000	30,000

	Привезено.	Продано.	Осталось.
	Рубли серебромъ.		
Хлопчато-бумажныхъ тканей. . .	1,150,000	1,065,000	85,000
Шерстяныхъ тканей.	980,000	965,000	15,000
Льняныхъ и пеньковыхъ тканей.	560,000	514,000	46,000
Мелочныхъ издѣлій, бумажныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ, льняныхъ и пеньковыхъ, какъ то: чулокъ, перчатокъ, лентъ и пр.	17,500	10,500	7,000
Золотокружевныхъ издѣлій и офицерскихъ вещей.	22,700	15,200	7,500
Дамскихъ уборовъ, картузовъ пуховыхъ и другихъ.	56,000	48,700	7,300
Часовъ карманныхъ, стѣнныхъ, столовыхъ и принадлежностей къ нимъ.	96,200	62,100	34,100
Трубокъ, чубуковъ и табакерокъ.	3,100	2,900	200
Галантерейныхъ товаровъ, оптическихъ и хирургическихъ инструментомъ.	176,000	102,000	74,000
Подносовъ лаковыхъ и сундуковъ.	31,400	25,400	6,000
Игрушекъ дѣтскихъ.	4,400	2,800	1,600
Бумаги писчей, плановой, книжной и оберточной.	265,000	242,000	23,000
Книгъ, эстамповъ, ландкартъ и музыкальныхъ инструментовъ .	26,500	14,200	12,300
Образовъ въ ризахъ и безъ ризъ, съ драгоцѣнными камнями и финифтяныхъ.	22,600	17,400	5,200
Б. Европейскіе и колоніальные товары.			
Бумажныхъ издѣлій и бумаги пряденой.	390,000	340,000	50,000
Шерстяныхъ издѣлій и шерсти пряденой.	98,000	81,000	17,000
Шелковыхъ издѣлій.	960,000	820,000	140,000
Масла прованскаго и деревяннаго.	18,000	18,000	—
Винъ виноградныхъ, рому и другихъ крѣпкихъ напитковъ. . .	305,000	240,000	65,000
Сахару.	960,000	910,000	50,000
Кофе.	4,000	3,100	900
Индиго.	145,000	138,000	7,000
Другихъ красокъ и аптекарскихъ матеріаловъ.	94,000	58,000	36,000
Ладану роснаго и простаго. . .	7,200	6,500	700
Олова, свинцу и издѣлій изъ оныхъ.	19,400	16,800	2,600

В. Азіатскіе товары:	Привезено.	Продано.	Осталось.
1) Китайскіе:	Рубли серебромъ.		
Чаю всѣхъ сортовъ.	1,820,200	1,805,000	15,200
Матерій шелковыхъ и шелку швейнаго.	31,300	18,700	12,600
Платья шитаго и прочаго. . . .	4,200	2,400	1,800
Серебра въ дѣлѣ и ямбахъ и цвѣтнаго фарфору.	11,600	7,300	4,300
2) Бухарскіе:			
Бумаги пряденой.	115,400	109,800	5,600
Бумажныхъ матерій и халатовъ.	47,500	22,100	25,400
Мерлушекъ.	197,000	190,000	7,000
Верблюжей шерсти и издѣлій изъ оной.	16,800	12,200	4,600
Кошомъ и войлоковъ изъ коровьей, конской и овечьей шерсти.	10,500	7,000	3,500
Приведено лошадей изъ сибирскихъ степей, заводскихъ и крестьянскихъ.	21,600	17,200	4,400
Итого	20,188,800	18,101,500	2,087,300 [1]

Николай Эйгеръ.

[1]) Редакція Пермскаго Сборника надѣется въ слѣдующихъ книжкахъ представить читателямъ сколь возможно подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о торговыхъ оборотахъ Ирбитской ярмарки за послѣдніе годы; а потому и не приводитъ теперь, въ дополненіе къ статьѣ г. Эйгера, тѣхъ цифровыхъ данныхъ объ этомъ предметѣ, которыя можно было извлечь изъ разныхъ періодическихъ изданій *Ред.*

ПРИМѢРЫ ИЗСЛѢДОВАНІЯ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ХОЗЯЙСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ.

—

Статистическія свѣдѣнія о посѣвахъ у крестьянъ хлѣба, урожаяхъ, числѣ скота и прочихъ предметахъ экономіи крестьянской, собираемыя по распоряженію правительства, рѣдко бываютъ вѣрны, даже приблизительно. Это происходитъ частію отъ нежеланія крестьянъ выказатъ настоящее свое имущество по разнымъ причинамъ, частію отъ неумѣнія ихъ выразить употребительными мѣрами количество и число припасовъ, коихъ они къ тому же сами почти никогда не мѣряютъ, почитая это нѣкоторымъ образомъ за грѣхъ. Всѣмъ извѣстно, что нашъ пчеловодъ-крестьянинъ никогда не скажетъ, сколько у него чуролъ (ульевъ) въ лѣсахъ и ни за что ихъ не укажетъ, изъ боязни, чтобъ злой глазъ не *изурочилъ* (то-есть не сглазилъ). Точно также *лѣсникъ* (звѣроловъ, охотникъ) только тогда покажетъ шкурки добытыхъ имъ звѣрей, когда привезетъ ихъ снятыми и высушенными на рынокъ, и то старается продать въ разницу, дабы не удивлялись большому числу шкурокъ, которыя онъ даже и самъ боится считать. Если векошника встрѣтите въ лѣсу, то ни за что не узнаете, сколько у него бѣлокъ въ *пестерѣ* (ранецъ, плетеный изъ лыка), а куница завернута у него въ нѣсколько тряпокъ и такъ укрыта, что ее не скоро и найдешь въ немъ. Даже застрѣленнаго на облавѣ и убитаго въ тенетахъ волка, — при чемъ бываетъ множество *тенетчиковъ*, *ревуновъ* (загонщиковъ) и стрѣлковъ, — тотчасъ положатъ на розвальни, покроютъ сѣномъ и тенетами, и такъ провезутъ, молча и безъ всякаго шуму, въ деревню до дому, гдѣ обыкновенно снимаютъ

шкуры. Такая скрытность необходима, по мнѣнію крестьянъ, для будущаго успѣха ловли. Иначе, если не принадлежащіе къ облавѣ люди, особенно въ деревняхъ бабы и дѣвки, объахаютъ и изурочатъ убитаго волка, то другіе въ тенеты уже никогда болѣе попадать не будутъ. Предразсудки эти такъ глубоко укоренились въ народѣ, что отъ нихъ несвободны даже довольно образованные люди. Мнѣ знакомъ одинъ священникъ, — искусный и дѣятельный пчеловодъ и вмѣстѣ почтенный и набожный человѣкъ. „Сколько же у васъ добыто нынѣ меду?“ спросилъ я его однажды. — Да такъ, слава Богу, есть немного! — „Да сколько же?“—Бадьишки съ двѣ... А между тѣмъ мнѣ извѣстно было, что кладовая его заставлена полными бадьями! Какъ же тутъ добраться до истины?... Причины, глубоко укоренившія скрытность въ характерѣ нашего крестьянина, замаскированную, въ свою очередь, дикими и безсмысленными на первый взглядъ предразсудками, ясны въ наше время для всякаго мыслящаго человѣка; а потому я, проходя ихъ молчаніемъ, прямо обращаюсь къ результатамъ этой скрытности, на сколько они относятся къ русской статистикѣ.

Смѣшно и жалко смотрѣть на собираніе статистическихъ свѣдѣній чрезъ земскія начальства крестьянъ; лучше бы ихъ и совсѣмъ не собирать. Такія свѣдѣнія требуются обыкновенно отъ прикащика или другаго начальника крестьянъ къ сроку. Въ короткое время онъ долженъ бы былъ распросить у тысячи крестьянъ объ ихъ хозяйствѣ, а у него множество другихъ дѣлъ. Вотъ и велитъ онъ писарю составить поимянный списокъ крестьянъ и вписать противъ каждаго требуемыя начальствомъ свѣдѣнія. Писарь, дождавшись прихода десятскаго-старожила съ оброкомъ, который собирается всегда тугонько, спрашиваетъ у него объ урожаѣ хлѣба, сѣна и проч. у завѣдываемыхъ имъ мужиковъ. Старожилъ радъ случаю пожаловаться на неурожай, чтобы оправдаться въ худомъ сборѣ денегъ и хлѣба, и показываетъ всегда вдвое, втрое менѣе противъ дѣйствительности, притомъ еще наугадъ. Писарь передѣлываетъ еще свѣдѣнія по своему, чтобы не было большихъ несообразностей, переписываетъ вѣдомости на чисто; прикащикъ подписываетъ ихъ и отправляетъ къ начальству. И эти свѣдѣнія, переходя съ одной бумаги на другую, черезъ цѣлый рядъ канцелярій, попадаютъ въ наши печатныя статистическія таблицы и служатъ матеріаломъ для политико-экономическихъ выводовъ о производительныхъ силахъ государства Россійскаго. Власти дѣлаютъ по нимъ свои распоряженія; иностранцы уди-

вляются большой несообразности статистическихъ свѣдѣній и, не зная какъ это все объяснить, восклицаютъ только: terra incognita!... Г. Гакстгаузенъ пробовалъ было поднять завѣсу, скрывающую истинный бытъ нашего народа; но къ сожалѣнію, она непроницаемѣе щитовъ и полотенъ, коими Японцы скрываютъ свои крѣпости и города отъ глазъ любопытныхъ Европейцевъ. Потому-то, путешествуя по всей Россіи, хотя онъ и считалъ у крестьянъ всю живность, даже яица, и чуть ли еще не въ курицѣ, — все же наполнилъ свои два тома однимъ статистическимъ хламомъ.

Если кто, основываясь на собранныхъ описаннымъ путемъ статистическихъ свѣдѣніяхъ о достаткѣ и бытѣ крестьянъ, станетъ сообразоваться съ ними при введеніи какихъ-либо новыхъ мѣръ, тотъ естественно можетъ впасть въ большія ошибки. Укажу напримѣръ, бывшій у меня на глазахъ. Въ 1850 году былъ особенно скудный урожай на сѣно во всѣхъ обвинскихъ селеніяхъ. Помѣщичьи управленія, въ похвальной заботливости о благосостояніи крестьянъ, велѣли привести въ извѣстность количество сѣна, лошадей и рогатаго скота у крестьянъ, и цифры испугали ихъ, ибо обѣщали неизбѣжный падежъ лошадей. На наличное число скота, количество корму оказалось едва достаточнымъ до половины зимы. Надобно было указать мужикамъ, по крайности, мѣры спасенія лошадей и пріискать средства къ отвращенію опасности такого раззоренія. Одинъ управляющій предложилъ помѣщику купить для крестьянъ на 50 тысячь рублей серебромъ сѣна и раздать неимущимъ. Въ другомъ правленіи составился проэктъ еще рѣшительнѣе. Одинъ членъ, разсуждая въ длинной статистическо-экономической диссертаціи о бѣдственномъ недостаткѣ корма, подалъ мнѣніе: внушить крестьянамъ, чтобы они съ осени же половину лошадей продали, а ежели по причинѣ повсемѣстнаго неурожая никто покупать не будетъ, то хотя бы зарѣзали ихъ. Лучше-де лишиться половины скота, чтобъ имѣть средства другую хорошую прокормить, чѣмъ потерять всѣхъ лошадей, употребивъ въ началѣ зимы напрасно весь кормъ. Къ счастію эти проэкты не были исполнены, а мужики преблагополучно прокормили своихъ лошадей, бросивъ развѣ только осеннихъ жеребятъ. Въ самомъ дѣлѣ у нихъ оказалось болѣе средствъ къ содержанію скота, чѣмъ видно было на бумагѣ, по статистической таблицѣ.

Странно было бы отвергать пользу собиранія свѣдѣній о крестьянскомъ имуществѣ, о ихъ заработкахъ, ремеслахъ и за-

нятіяхъ, о ихъ расходахъ и нуждахъ, вообще обо всемъ, касающемся до ихъ общественнаго и домашняго быта; — они необходимо нужны и для ученаго и для администратора. Но важный вопросъ заключается въ томъ: ка̀къ собирать эти свѣдѣнія, чтобы они были хоть сколько-нибудь близки къ истинѣ и обнимали бы многоразличные предметы крестьянскаго хозяйства? Нужно знать весь годовой оборотъ прихода и расхода крестьянъ, какъ по денежному, такъ и матеріальному капиталамъ, чтобы вѣрно судить о силѣ и достаткѣ крестьянъ; но такія свѣдѣнія должны собираться не къ сроку, а постепенно, дабы могли характеризовать бытъ крестьянъ въ періоды многолѣтніе, а не годичные. Одно изъ средствъ, по моему мнѣнію, для достиженія таковой цѣли есть слѣдующее: на основаніи раздѣленія крестьянъ на состоянія, коихъ принимается обыкновенно 3 или 5 разрядовъ, причисляя къ первому зажиточныхъ, изслѣдовать какъ можно точнѣе бытъ нѣсколькихъ крестьянъ, по каждому изъ разрядовъ, и по этимъ частнымъ примѣрамъ, составлять свѣдѣнія о матеріальныхъ и нравственныхъ силахъ народа черезъ ариѳметическій выводъ, по числу семействъ, душъ и работниковъ, кои извѣстны бываютъ по спискамъ земскимъ и ревизскимъ сказкамъ. Такой способъ составленія статистическихъ таблицъ, можетъ быть впрочемъ вѣренъ, тоже болѣе при частномъ изслѣдованіи, чѣмъ оффиціальномъ.

Въ настоящей статьѣ представляются 12 примѣровъ такого изслѣдованія крестьянскаго быта, въ хозяйственномъ отношеніи, которые вѣрно характеризуютъ степень матеріальнаго благосостоянія крестьянъ. Свѣдѣнія собраны были по моему наставленію, въ 1856 году, не начальниками крестьянъ, коимъ мужики не скажутъ правды, но людьми для нихъ нѣкоторымъ образомъ посторонними, и именно лѣсничими. Лѣсничіе, находясь съ крестьянами въ лѣсахъ при разныхъ работахъ, раздѣляя съ ними труды, лишенія и непріятности непогоды и проводя долгіе вечера гдѣ-нибудь въ курной избѣ, въ шалашѣ углежеговъ, или въ лѣсу у костра, входили съ ними въ откровенные разговоры о житьѣ-бытьѣ крестьянскомъ, распрашивали обо всемъ, по приготовленной въ памяти программѣ, и записывали слышанное. Крестьяне начинали обыкновенно свой разговоръ жалобой на тяжесть налоговъ и многоразличность расходовъ, и конечно не съ разу можно было вызвать ихъ на полную откровенность. Увѣрившись, наконецъ, что крестьяне болѣе не скрытничаютъ, агенты мои начинали запись съ расходовъ матеріальныхъ и

денежныхъ. Выведя частныя и общую сумму расходовъ, можно было уже легко допытаться: откуда взялъ крестьянинъ деньги и матеріалы для покрытія издержекъ и узнать довольно вѣрно источники доходовъ, имѣя подъ рукой хорошія свѣдѣнія о землѣ, числѣ людей и скота.

Такъ какъ свѣдѣнія здѣсь сообщаемыя собраны были въ 1856 г., то и цѣны приняты въ расчетъ тогда существовавшія. Крестьяне живутъ въ вѣдомствахъ филатовскомъ, срѣтенскомъ, верхъюсвенскомъ. Первое лежитъ по рѣчкѣ Гаревой, недалеко отъ впаденія оной въ Каму, второе по рѣчкѣ Молу, впадающей въ Обву, тоже недалеко отъ Камы; оба ильинскаго округа; третье находится по рѣчкѣ Юсвѣ, впадающей въ Инву, въ соликамскомъ уѣздѣ, инвенскаго округа.

Примѣръ первый.

Крестьянинъ филатовскаго вѣдомства, ильинскаго округа, трудолюбивый и хорошій хозяинъ. Семейство его состоитъ изъ двухъ работниковъ и двухъ работницъ — ихъ женъ, сестры 17 лѣтней работницы, 5 малолѣтнихъ дѣтей, одного старика и старухи, не могущихъ работать. Домъ съ прислужными строеніями въ исправности.

Земляныхъ угодій находится въ пользованіи всего 26 десятинъ, а именно: пашни хорошей 3 десят., средней 10 десят., плохой 2 десят. и худшей 3 десят., всего 18 десят.; покосовъ 8 десятинъ, въ томъ числѣ хорошихъ 1 десят., среднихъ 5 и плохихъ 2 десятины.

Скота: 3 рабочихъ лошади и 4 подростка, коровъ дойныхъ 3 и 5 подростковъ; 6 головъ овецъ и подростковъ 10; 3 свиньи и подростковъ 10, всего головъ 44.

Оба работника никакого особеннаго ремесла не знаютъ, кромѣ приготовленія, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, нужныхъ въ домоводствѣ и въ хлѣбопашествѣ предметовъ; но по возможности стараются пріобрѣсти деньги отъ работы топоромъ и отъ перевозки тяжестей, особенно въ зимнюю пору, какъ это дѣлаютъ большая часть крестьянъ ильинскаго округа.

По количеству земельныхъ угодій, по имуществу и оплачиванію окладовъ, описываемое семейство считается, по спискамъ земской, средняго состоянія и многоземельнымъ.

Приходныя статьи этого семейства по домохозяйству, въ теченіе одного (1855) года, были слѣдующія:

1) Продано изъ оставшагося хлѣба, за исключеніемъ сѣмяннаго и необходимаго на содержаніе себя и кормъ скоту: ржи и ячменя 131 пудъ, по 18 коп., на 23 руб. 58 коп.; овса 200 пудъ, по 16 коп., на 32 руб., всего на 55 руб. 58 коп.

Выводъ 331 пуд. хлѣба, сдѣланъ изъ слѣдующаго расчета: На озимовой перемѣнѣ, на которой было засѣяно рожью 4 десят., яровымъ 2 десят., оказалось въ урожаѣ: ржи, по 56 суслоновъ съ десятины, 336 суслоновъ; изъ суслона вымолочено зерна 1 пуд. 10 фунт.; слѣд. получено ржи 420 пуд. Ячменя, по 200 суслоновъ съ десятины, 400 суслоновъ; а изъ 50 суслоновъ, помѣщаемыхъ за разъ въ овинъ, падаетъ по 25 пудовъ: съ 8 овиновъ будетъ 200 пудовъ.

На яровой перемѣнѣ было занято: 4 десят. подъ овсомъ, $1^1/_2$ подъ ячменемъ и $^1/_2$ десят. подъ горохомъ и льномъ. Полагая съ засѣянныхъ хлѣбомъ $5^1/_2$ десят., по 200 суслоновъ съ десятины, будетъ въ урожаѣ 1100 суслоновъ, или 22 овина, и по 20 пуд. выхода съ овина, такъ какъ здѣсь зерно бываетъ тонѣе,—окажется въ урожаѣ на яровой перемѣнѣ 440 пудовъ; а со всѣхъ дѣйствующихъ полей 1060 пудовъ. Изъ этого количества хлѣбныхъ запасовъ, крестьянинъ долженъ удѣлить на будущій посѣвъ, на озимовый: ржи на 4 дес. (на каждую по 16 пуд.) 64 пуда; ячменю на $3^1/_2$ десят. (по 18 пуд. на каждую) 63 пуда; овса на 4 дес. (20 пуд. на каждую) 80 пуд., всего сѣмяннаго хлѣба 207 пудовъ.

На пропитаніе семейства, 7 человѣкъ большихъ и 5 дѣтей, нужно положить: на первыхъ по 2 пуда и на послѣднихъ—по 1 пуду, всего 19 пуд. въ мѣсяцъ, или 228 пуд. въ годъ, да на солода для квасу, пива и браги 50 пуд., всего 278 пудовъ. На кормъ скота: муки для посыпки въ пойла и на мѣшанину въ продолженіи 7 мѣсяцевъ, по 12 пуд. въ мѣсяцъ, 84 пуд., овса въ 4 мѣсяца на 3 лошади 160 пуд., всего для скота 244 пуда.

2) Продано оставшагося, за прокормленіемъ скота, сѣна до 200 пуд., по 5 коп. пудъ, на 10 рублей.

3) Въ промежутокъ времени, между окончаніемъ посѣва яровыхъ и до сѣнокосной страды, одинъ изъ работниковъ, будучи свободенъ въ продолженіи 40 дней, находился въ повольной работѣ (при рубкѣ срубовъ или другихъ чернодѣльныхъ работъ) и выручилъ по 15 коп. серебромъ въ день, всего шесть рублей.

4) Осенью, по окончаніи жатвенной страды, онъ опять былъ свободенъ на 30 дней до установленія саннаго пути, и, въ вольной работѣ, выручилъ, по 10 коп. сереб. на день, три рубли.

5) Съ установленіемъ зимняго саннаго пути, одинъ изъ работниковъ на двухъ лошадяхъ, постоянно занимался перевозкою тяжестей въ окрестные заводы, на разстояніи отъ 100 до 150 верстъ. На проѣздъ туда съ оборотомъ, проходило времени не болѣе 10 дней; въ продолженіи всей зимы, сдѣлалъ 12 оборотовъ; перевезъ 480 пудовъ тяжести, среднимъ числомъ по 6 к. съ пуда, и заработалъ при томъ 28 рублей 80 копѣекъ.

Примѣчаніе. Съ окончаніемъ зимняго пути, этотъ работникъ отбывалъ господскую посылку за свое семейство.

Старшій изъ работниковъ, оставаясь при домѣ, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, занимался домашнимъ хозяйствомъ, наблюдалъ за исправленіемъ изгородъ, рубилъ дрова для дома, а зимой занимался молотьбой хлѣба, подвозкою корма для скота и другими многоразличными работами по домоводству, находя время также для помощи по выполненію случающихся господскихъ работъ.

6) Отъ продажи ненужнаго скота выручено: семнадцать рублей, и именно: за одного 4 годоваго быка 6 руб., за тушу свинины 2 руб., за подростка изъ жеребятъ 9 рублей.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что семейство выручило отъ продажи избытка хлѣба и сѣна 65 руб. 58 коп., отъ поденной работы, лѣтомъ 6 руб., осенью 3 руб., отъ извоза 28 руб. 80 коп., отъ продажи скота 17 руб., всего 120 руб. 38 коп.

Примѣчаніе 1. Подобный примѣръ продажи скота всегда почти бываетъ у крестьянъ въ означенномъ состояніи по четыре года, а на пятый этого доходу нѣтъ. Остальные изъ вырощаемыхъ свиней, овецъ и рогатаго скота полагаются на прокормъ самихъ себя.

Примѣчаніе 2. Случающаяся мелочная продажа другихъ произведеній земли, какъ-то: льна, льнянаго сѣмяни, огородныхъ овощей и прочаго, также животныхъ произведеній: шерсти, овчинъ, щетины отъ свиней, кожъ отъ заколотыхъ коровъ, сала, яицъ и прочаго, составляетъ большею частію статьи прихода въ пользу женщинъ, кои и покрываютъ имъ всѣ мелочные свои расходы, а именно: по покупкѣ бѣлой и красной бумаги, для тканья пестрядей, головныхъ и шейныхъ платковъ, поясковъ, шалей, лентъ, а иногда и ситцу на сарафаны и другихъ убранствъ, на которыя они не получаютъ отъ мущинъ нисколько изъ главныхъ доходовъ ихъ.

Статьи расхода были слѣдующія:

1) На уплату съ означенной земли 18 десятинъ

	Руб.	Коп.
пашни и 8 десят. покосовъ, поземельныхъ (по расцѣнкѣ 1855 завара) 30 руб. 65 коп. и податей съ 9 окладныхъ душъ 25 рубл. 92 коп., а всего . .	56	57
2) Процентовъ по застраховкѣ дома съ прислугами и всего скота, съ капитала 175 рубл. сер. .	3	25
3) По случаю постоянной хорошей погоды, хлѣбà поспѣли вдругъ, и чтобъ при большемъ посѣвѣ и недостаткѣ рабочихъ силъ не лишиться перезрѣлыхъ сѣмянъ ȍпалью, пришлось нанять вольныхъ работницъ, — нà 30 женскихъ поденщинъ, по 12 коп.	3	60
4) Также за молотьбу хлѣба одному работнику въ продолженіе мѣсяца	3	—
5) За размолъ жита, потребнаго на содержаніе себя и на кормъ скоту, 378 пудовъ, среднимъ числомъ по 1¼ коп. съ пуда	4	72½
6) За соль для хозяйства за 6 пудовъ, по 50 коп.	3	—
7) На поддержку сбруи для 3 рабочихъ лошадей.	1	50
8) За ковку 3 лошадей, въ четыре раза. . . .	1	20
9) На поправку 2 телѣжныхъ ящиковъ и 3 саней съ подполозками.	4	—
10) На наварку ральниковъ, за зубрю серповъ, возобновленіе зубьевъ у боронъ	1	50
11) На поддержку инструментовъ, какъ-то: косъ, серповъ, топоровъ, лопатъ, долотъ, шила, иголъ и прочихъ по хозяйству необходимыхъ принадлежностей.	1	50
12) На поддержку кухонныхъ принадлежностей, какъ то: кадокъ, ведеръ, корчагъ, кринокъ и прочихъ скоро разрушающихся вещей.	2	—
13) На распиловку теса для поправки крыши въ запасъ.	1	—
14) За шитье верхней одежды.	2	—
15) На рукавицы, одежду и обувь для всего семейства, коихъ нужно имѣть въ домѣ: одни сапоги, двои бахилы, двои коты и трои башмаки; также шляпу и шапку для зимы, теплыя рукавицы. . .	7	—
16) На закупку разныхъ лекарственныхъ веществъ для скота: скапидара, табаку, дегтя и прочаго.	1	50
17) Дегтя и смолы для смазки телѣгъ и сбруи.	1	50
18) За битье шерсти одного пуда	—	60

19) На покупку водки и хмѣлю въ два праздника, въ каждой разъ по $^1/_4$ ведра водки, и хмѣлю по 5 фунтовъ	3	50
Всего	102	$94^1/_2$

Если описанное семейство, при благополучномъ веденіи своего хозяйства, въ продолженіи 10 лѣтъ не потерпитъ значительнаго ущерба отъ какого-либо несчастія, то оно можетъ скопить капитала до 200 рублей, который ему нуженъ для временныхъ издержекъ, какъ-то для постройки и поддержанія строеній, на женитьбы и проч. Хотя остатокъ отъ расходовъ вычисленъ въ 17 руб. $43^1/_2$ к., однакожь таковый годами можетъ быть болѣе, ибо урожай хлѣба, принятый въ расчетъ, былъ самый посредственный, а количество его на содержаніе скота, въ продолженіе 4 мѣсяцевъ, весьма избыточно, даже роскошно, по обычаю вообще крестьянъ, нисколько не жалѣющихъ своихъ продуктовъ. При увеличеніи же цѣны на хлѣбъ, всякое крестьянское семейство будетъ дѣлать и болѣе сбереженія въ зерновомъ кормѣ, выручая отъ продажи его наличныя деньги.

Далѣе изъ настоящаго примѣра видно, что хлѣбопашество составляетъ важный источникъ дохода нашихъ крестьянъ; но у нихъ, по краткости удобнаго для земледѣлія лѣта, остается еще много свободнаго времени въ году. Это указываетъ на необходимость для нихъ въ какихъ-либо промыслахъ, которые служатъ къ увеличенію богатства народа и удобства жизни.

Примѣръ второй.

Ильинскаго округа, филатовскаго вѣдомства, крестьянское семейство, средняго состоянія, трудолюбивое, хорошаго поведенія; средне-земельное.

Въ семействѣ два работника, двѣ работницы, трое малолѣтныхъ дѣтей и старуха. Земельныхъ угодій въ пользованіи $13^1/_2$ десятинъ, а именно: пашни хорошей 1 десят., средней 3, плохой 5, всего 9 десят.; покосовъ хорошихъ $1^1/_2$ десят., среднихъ 1 и плохихъ 2, всего $4^1/_2$ десятины.

Скота имѣется: 2 рабочихъ лошади и 2 подростка, 2 коровы и 3 подростка, 3 овцы и 2 свиньи.

Всѣ хозяйственныя принадлежности и прочая крестьянская утварь въ должномъ порядкѣ и устройствѣ. Домъ посредственнаго устройства, съ необходимыми прислугами, кои лѣтъ 5 могутъ простоять безъ поправки.

Статьи прихода.

1) Выручено отъ продажи хлѣба, оставшагося за домашнимъ употребленіемъ: ржи и ячменя 22 пуд., по 18 коп., 3 руб. 96 коп.; овса 73 пуд., по 16 коп., 11 руб. 68 коп., всего 15 руб. 64 коп. Остатокъ 95 пуд. хлѣба произошелъ слѣдующимъ путемъ:

На озимовой перемѣнѣ 3-хъ десят., изъ коихъ 2 десят. подъ озимовымъ насѣвомъ и одна подъ яровымъ, было въ урожаѣ: ржи 160 суслоновъ, изъ коихъ вымолочено, по 1 пуд. 10 фун., всего 200 пуд.; ячменю 200 суслоновъ или 4 овина, изъ коихъ при умолотѣ падаетъ по 25 пудовъ, 100 пудовъ. На яровой перемѣнѣ, гдѣ засѣяно овсомъ $2^3/_4$ десят., а остальное пространство горохомъ и льномъ, получено овса въ урожаѣ 550 суслоновъ, или 11 овиновъ (а съ овину вымолочено по 20 пуд.), или 220 пудовъ.

Слѣдовательно было всего въ урожаѣ 520 пуд. озимаго и яроваго хлѣба.

Изъ сего количества было отдѣлено;

На будущій озимый насѣвъ: ржи на 2 дес. (по 16 пуд.) 32 пуда; ячменя на 1 десят. 18 пуд.; овса на $2^3/_4$ десят. 55 пуд., всего 105 пудовъ.

На пропитаніе семейства, 5 человѣкъ большихъ и 3 дѣтей, изъ коихъ на первыхъ по 2 пуд., а на послѣднихъ по 1 пуду, всего 13 пуд. въ мѣсяцъ, а въ годъ, 156 пудовъ. На солода для квасу, пива и браги 30 пудовъ. На кормленіе скота: муки для посыпки въ пойла и мѣшанину, въ продолженіи 7 мѣсяцевъ, по 6 пуд. въ мѣсяцъ, 42 пуда. Овса на пару лошадей въ 4 мѣсяца, 92 пуда. За тѣмъ весь домашній расходъ въ хлѣбѣ, составляетъ 425 пудовъ, и осталось еще ржи и ячменя 22 пуда и овса 73 пуд., всего 95 пудовъ, за кои выручено по продажѣ 15 р. 64 к.

2) При маломъ количествѣ земли, одинъ работникъ, безъ отягощенія себя, могъ управиться со всей полевой работой одинъ, допустивъ только въ страднее время нѣсколько вольныхъ поденьщинъ; а потому другой могъ на все лѣто отлучиться отъ дому и не зная никакого ремесла, ходилъ по примѣру многихъ близь Камы живущихъ крестьянъ на караванъ, то есть занимался бурлачествомъ, отъ котораго онъ, въ продолженіи всего лѣта съ апрѣля по ноябрь мѣсяцъ, легко выработалъ, при содержаніи себя, 35 рублей.

3) Въ извозѣ, въ продолженіи зимы, тотъ же работникъ, на парѣ лошадей, при тѣхъ же условіяхъ, какъ въ первомъ примѣрѣ, выработалъ 28 рублей 80 копѣекъ.

4) Отъ продажи скота: одного 4-хъ годоваго быка, за 6 рублей и жеребчика 3-хъ годоваго за 5 рублей, получено 11 рублей. И такъ всего прихода было 90 рублей 44 копѣйки.

Примѣчаніе. Остающійся дома работникъ, находилъ время заработать господскую посылку за себя, т. е. съ одного работника, а находящійся на волѣ заплатилъ за оную деньгами.

Расходъ.

	Руб.	Коп.
1) На уплату налоговъ пришлось поземельныхъ съ 13½ десятинъ	16	20
За 5¼ душъ пришлось подушныхъ.	15	12
2) Процентовъ, по застраховкѣ дома съ прислугами и скота, съ капитала 100 руб.	2	—
3) Посылочныхъ денегъ съ одного работника . .	5	—
4) На наемъ вольныхъ работниковъ въ страду, за 30 женскихъ поденьщинъ, по 12 копѣекъ.	3	60
5) За соль для хозяйства 5 пудъ, по 50 копѣекъ.	2	50
6) За размолъ жита на содержаніе 200 пуд. и солодовъ 50 пуд.	3	—
7) На поправку одного телѣжнаго ящика. . . .	1	50
8) Двухъ саней съ подполозками.	1	—
9) На поддержаніе сбруи для двухъ работниковъ.	1	—
10) На ковку двухъ лошадей, въ 4 раза . . .	—	80
11) На поддержку инструментовъ, какъ-то: косъ, серповъ, лопатъ, куштановъ, долотъ, шила, иголъ и проч. по хозяйству необходимыхъ принадлежностей.	1	50
12) На сварку ральниковъ, за зубрю серповъ, поправку бороны.	—	50
13) На поддержку кухонныхъ принадлежностей: кадокъ, ведеръ, горшковъ, кринокъ и проч. вещей. .	2	—
14) На шитье верхней одежды.	1	50
15) На рукавицы и обувь.	2	50
16) На лѣтнюю шляпу, шапку и рукавицы для зимы.	2	50
17) На синенье суконъ, холстовъ, на закупку бѣлой и красной бумаги.	2	50
18) На распиловку теса для поправки крыши. .	1	50

19) На закупку разныхъ лекарственныхъ веществъ для скота.	—	50
20) Дегтя и смолы.	1	50
21) За битье шерсти шерстобитамъ.	—	50
22) На закупку водки и хмѣлю въ два праздника, въ каждый разъ по $^1/_4$ ведра, и хмѣлю.	3	50
Итого	72	22

Этотъ примѣръ очень подходитъ къ быту наибольшаго числа нашихъ крестьянъ средняго состоянія, даже частію и бѣднаго. Изъ него можно видѣть и убѣдиться, что излишекъ земли, которой еще большая половина худаго разряда и рѣдко унавоживается, и, при достаточномъ числѣ работниковъ, не вознаграждаетъ употребленнаго посильнаго труда ихъ. Лучше имѣть малое количество земли, но чтобъ хоть одна половина ея была хорошаго качества, такъ напримѣръ изъ 10 десятинъ было бы 3 хорошей, 5 посредственной, а остальное худшей. При такой землѣ всегда можно расчитывать на остатокъ хлѣба до будущаго урожая, при значительномъ семействѣ и большемъ хозяйствѣ. Доказательствомъ сему можетъ служить хозяйство слудскихъ крестьянъ, ильинскаго же округа. Тамъ, если кто имѣетъ пахатной земли 5, а много 8 десятинъ, довольствуется своимъ хлѣбомъ весь годъ, и рѣдко ѣдетъ за сѣмяннымъ зерномъ въ общественные магазины. И если кто тамъ прибѣгаетъ къ закупкѣ хлѣба на содержаніе семейства и беретъ изъ магазиновъ, то вѣрно уже имѣющій большую пашню, съ которой онъ не можетъ справиться. Однимъ словомъ, излишество пахатной земли для тѣхъ крестьянъ, которые не имѣютъ средствъ и возможности хорошо ее обработывать, служитъ въ большую тягость, а малая запашка, при тѣхъ же средствахъ, какія употребляютъ на большую,—должна принести несравненно больше выгоды; а особенно если принять въ расчетъ сбереженіе дорогаго времени, въ которое одинъ или два работника могли бы заработывать деньги по волѣ.

Третій примѣръ.

Ильинскаго округа, срѣтенскаго вѣдомства. Семейство, записанное въ земской въ хорошемъ состояніи, состоящее изъ 4 душъ мужескаго и 4 женскаго пола, при двухъ работницахъ и одномъ полуработникѣ. Живетъ въ 15 верст. отъ Ильинска, въ 10 верстахъ отъ лѣсу и 9 отъ мельницы. Земли: 10 десят. пашни и 5 покосовъ. Скота: 3 лошади и 1 подростокъ, 6 коровъ и 1 под-

ростокъ; 3 головы мелкаго скота. Урожай: 180 пуд. ржи, 90 пуд. ячменя и 100 пуд. овса; 15 возовъ сѣна.

Приходъ: отъ продажи скота 10 руб., отъ господскихъ и общественныхъ заработокъ 11 руб. 50 коп., отъ торговли разными сельскими произведеніями 60 руб., всего 81 руб. 50 коп.

Расходъ продуктовъ: ржи на платежъ въ магазинъ 16 пуд., на содержаніе семейства 164 пуда; ячменя на содержаніе семейства 48 пуд., для скота 42 пуда; овса: въ магазины $5^1/_2$ пуд., на семейство 20 пуд., для скота $74^1/_2$ пуд. Слѣдовательно хлѣбъ вышелъ весь, и нужно было нѣсколько еще прикупить. За тѣмъ денежные расходы были слѣдующіе:

	Руб.	Коп.
1) На платежъ налоговъ.	29	—
2) На покупку сѣна.	5	—
3) За размолъ хлѣба	3	5
4) На покупку соли	4	—
5) На сбрую, упряжь и проч. тому подобныя вещи.	6	—
6) На покупку обуви, рукавицъ и овчинъ . . .	9	—
7) На пилы, топоры и проч. желѣзныя вещи . .	1	50
8) На деревянную посуду	1	—
9) На покупку разныхъ съѣстныхъ припасовъ .	20	—
10) На разные мелочные расходы	3	—
Итого	81	55

Четвертый примѣръ.

Семейство хорошаго состоянія, срѣтенскаго вѣдомства, занимающееся хлѣбопашествомъ и частію торговлею, — состоящее изъ 2 душъ муж. и 5 женск. пола, при 2 работникахъ и 2 работницахъ. Живетъ отъ Ильинска въ 7, Срѣтенска въ 5, отъ мельницы въ 6 и отъ лѣсовъ въ 20 верстахъ. Земли $14\ ^3/_4$ десят. пашни и 9 десят. покосовъ. Лошадей 4 и подростковъ 7, коровъ 7 и подростковъ 10, мелкаго скота 10 головъ.

Урожай: ржи 200 пуд., ячменя 225 пуд., овса 150 пуд.; сѣна 40 возовъ.

Доходъ: отъ извозовъ 48 р., отъ продажи скота 30 р., отъ переторжки хлѣбомъ и другими сельскими произведеніями 40 р., отъ мірскихъ заработокъ 24 р., за нахожденіе въ воскресные дни при покупкѣ хлѣба у торгующихъ людей 60 руб., всего 202 руб.

Расходъ продуктовъ: хлѣба въ господскіе магазины 43 пуда ржи и 18 пудовъ овса; на содержаніе семейства и двухъ ра-

ботниковъ: ржи 157 пуд., ячменя 109 пуд.; овса на солодъ 40 пуд.; на прокормленіе скота: ячменя 116 пуд., овса 242 пуд. и сѣна 40 возовъ.

Денежный расходъ.

	Руб.	Коп.
1) На платежъ налоговъ	75	—
2) На покупку 150 пуд. овса для лошадей	22	50
3) На наемъ работниковъ	40	—
4) За размолъ хлѣба	5	11
5) За соль 6 пуд.	3	—
6) На сбрую и упряжь	12	—
7) На обувь и рукавицы	8	—
8) На топоры, пилы, серпы и проч. тому подобныя вещи	1	40
9) На посуду домашнюю	1	—
10) На покупку говядины, рыбы и проч. съѣстныхъ припасовъ	25	—
11) На покупку ситцу для семейства	5	—
12) На разные мелочные расходы, вѣроятно и на вино	3	—
Итого	201	1

Изъ этого примѣра видно, какъ выгодна торговля для крестьянъ. Занимаясь прикащичествомъ у другихъ торгующихъ въ селѣ Срѣтенскомъ только по воскресеньямъ, одинъ работникъ достаетъ столько денегъ, что можетъ содержать самъ, для земледѣльческихъ работъ, двухъ батраковъ. За то торговля отвлекаетъ его отъ обязанности христіанина ходить въ церковь; удаленіе же отъ лѣсу отнимаетъ у него много времени и силы по заготовкѣ дровъ и ремонтнаго строеваго лѣса.

Пятый примѣръ.

Семейство бѣдное, срѣтенскаго вѣдомства, состоящее изъ одной души мужеск., 3 женскаго пола, одного работника и двухъ работницъ. Разстояніе отъ Ильинска 15 верстъ, отъ Срѣтенска 9, отъ мельницы 10, отъ лѣсу 5 верстъ. Въ пользованіи пашни $6^3/_4$ десят., покосовъ $2^1/_4$ десят. Скота: одна лошадь и одна корова съ 2 подростками; 4 головы мелкаго. Получилъ хлѣба: 35 пуд. ржи, 51 пуд. ячменя, 50 пуд. овса, и 9 возовъ сѣна.

Доходъ: при господскихъ и мірскихъ заработкахъ харчевыхъ 9 руб., отъ продажи скота 4 руб., за разныя вольныя работы у другихъ богатыхъ крестьянъ 30 руб.

Расходъ хлѣба и сѣна: въ господскіе магазины окладнаго: 9 пуд. ржи и 3 пуда овса; ссуднаго 21 пудъ ячменя, 30 пуд. овса; на содержаніе семейства: 93 пуда ржи, 13 пуд. ячменя и 4 пуда овса на солодъ; на содержаніе скота: 20 пуд. ячменя, 16 пуд. овса и 10 возовъ сѣна. Слѣдовательно собственнаго хлѣба подавну не достаетъ на домохозяйство.

Расходъ денегъ:

	Руб.	Коп.
1) На платежъ налоговъ	20	—
2) На покупку недостающаго количества хлѣба на содержаніе, ржи 67 пуд., овса и ячменя 6 пуд.	14	45
3) На покупку сѣна.	1	—
4) На размолъ хлѣба	1	70
5) На 3 пуда соли	1	50
6) На покупку разныхъ съѣстныхъ припасовъ . .	4	—
7) На сбрую и упряжь	1	50
8) На обувь и рукавицы	2	—
9) На топоры, серпы и проч.	—	60
Итого	46	75

3 рубли 75 коп. взято у богатыхъ крестьянъ съ обязательствомъ работать лѣтомъ, и частію заимообразно. Оплачиваетъ налоги и содержитъ семейство съ большимъ усиліемъ и перенесеніемъ всякаго рода нуждъ и недостатковъ. Главная причина бѣдности есть одиночество, указывающее на вредъ раздѣла семействъ.

Шестой примѣръ.

Бѣдное семейство, срѣтенскаго вѣдомства, состоящее изъ 2 душъ муж. и 6 женск. пола, при одномъ работникѣ и 2 работницахъ. Разстояніе жительства 10 верстъ отъ Ильинска, 5 отъ Срѣтенска и 20 отъ лѣсу. Въ пользованіи только $4^3/_4$ десят. пашни, 3 десят. покосовъ. Лошадей 2 и подростковъ 1, корова 1 и подростокъ 1; болѣе никого. Урожай: 66 пуд. ржи, 30 пуд. ячменю, 60 пуд. овса и 16 возовъ сѣна.

Источники доходовъ: господскія и общественныя работы, при чемъ получено харчевыхъ 30 руб., повольныя плотничныя работы и частію извозъ давшіе 25 руб., отъ срочныхъ работъ дочерей, въ найму у крестьянъ достаточныхъ, и отъ поденной работы 8 руб. 50 коп., всего 63 руб. 50 коп.

Расходъ продуктовъ превышаетъ далеко собственный урожай. Отдано оброчнаго: ржи 10 пуд., овса $3^1/_2$ пуда; ссуднаго: 16 пуд. ржи, 10 пуд. ячменя, 10 пуд. овса; на содержаніе семейства: ржи 190 пуд., ячменя и овса 15 пудовъ; на кормъ скота: ячменя 10 пуд., овса $41^1/_2$ и сѣна 16 возовъ.

Расходы денежные:

	Руб.	Коп.
1) На платежъ налоговъ	20	—
2) На покупку хлѣба 150 пуд. на содержаніе семейства	30	—
3) На размолъ хлѣба	2	20
4) На покупку соли.	2	—
5) На сбрую, упряжь и проч. тому подобныя вещи.	1	50
6) На обувь и рукавицы для всего семейства . .	3	—
7) На желѣзныя вещи и деревянную посуду для дому.	1	30
8) На покупку говядины и прочихъ съѣстныхъ припасовъ	3	—
9) На разные мелочные расходы	—	50
Итого	63	50

Опять примѣръ бѣдности крестьянина отъ одиночества и невозможности усилить хлѣбопашество, по недостатку рабочихъ рукъ мущинъ. Отдача дѣвокъ въ услуженіе приноситъ, какъ видно, мало доходу, да и тотъ поглощается закупкой хлѣба, который бы слѣдовало крестьянину добывать самому, если не знаетъ никакого ремесла. Отъ плотничества немного можно получить заработокъ, ибо этимъ дѣломъ можетъ у насъ заниматься всякій крестьянинъ.

Седьмой примѣръ.

Крестьянинъ срѣтенскаго вѣдомства, занимающійся въ свободное отъ хлѣбопашества время дѣланіемъ телѣгъ въ небольшомъ количествѣ. Въ семействѣ его 2 души муж. и 2 женск. пола; по спискамъ земской, считается въ среднемъ состояніи, въ $1^1/_2$ работникахъ и 2 работницахъ. Живутъ въ 3 верстахъ отъ Срѣтенскаго села и въ 12 отъ лѣсу. Пашни 7 десятинъ, покосовъ 3 десят. Лошадей 2 и подростковъ 2, коровъ 2 съ 3 подростками; мелкаго скота 2 гол. Урожай: 100 пуд. ржи, 82 пуда ячменя, 60 пуд. овса и 7 возовъ сѣна.

Доходы: отъ продажи приготовляемыхъ зимой телѣгъ, выручено 25 рублей; при общественныхъ работахъ, лѣтомъ, 10 руб.; отъ продажи сельскихъ произведеній 40 рублей, всего 75 рублей.

Расходъ продуктовъ: на содержаніе семейства: ржи 107 пуд., ячменя 23 пуда, овса 30 пуд.; для скота: 59 пуд. ячменя, 65 овса и 13 возовъ сѣна, и въ оброкъ: 13 пуд. ржи и $4^1/_2$ пуда овса.

Расходъ денегъ:	Руб.	Коп.
1) На платежъ налоговъ.	32	75
2) На покупку недоставшаго хлѣба, ржи 20 пуд. и овса 40 пуд.	10	—
3) На покупку сѣна	6	—
4) На размолъ хлѣба.	2	50
5) На покупку соли	2	—
6) На сбрую, упряжь и проч. тому подобныя вещи	4	—
7) На обувь, рукавицы и овчины для шубы . .	6	—
8) На топоры, пилы и проч.	1	—
9) На деревянную посуду, сита и рѣшета . . .	1	—
10) На покупку разныхъ съѣстныхъ припасовъ. .	10	—
11) Разныхъ мелочныхъ расходовъ	2	—
Итого	77	25

2 рубли 25 коп. занялъ у зажиточнаго крестьянина, что принужденъ дѣлать почти каждогодно. Покупка овчинъ доказываетъ, что своихъ овецъ не содержитъ, а это важный недостатокъ въ хозяйствѣ крестьянина.

Восьмой примѣръ.

Срѣтенскаго вѣдомства, семейство бѣднаго состоянія, состоящее изъ 4 душъ мущинъ и 2 женщинъ, при 2 работникахъ и 2 работницахъ. Занимается кромѣ хлѣбопашества выдѣлкою сыромятныхъ кожъ въ небольшомъ количествѣ. Живутъ въ разстояніи отъ Ильинска 8 верстъ, отъ Срѣтенска 5 верстъ, въ 4 верст. отъ мельницы и 20 отъ лѣсу. Земли: 7 десят. пахатной и 4 десят. худой покосной. 2 лошади, 2 коровы и 4 головы мелкаго скота. Урожай: 70 пуд. ржи, 26 пуд. ячменя, 45 пуд. овса и только 4 воза сѣна.

Получено денегъ:	Руб.	Коп.
За исправленіе караванныхъ и рудничныхъ работъ	13	—
Отъ другихъ господскихъ и общественныхъ заработокъ	20	—
Отъ вольныхъ работъ	27	40
Отъ выдѣлки сыромятныхъ кожъ	17	—
Всего	77	40

Употребленіе продуктовъ: отдано оброчнаго 8 пуд. ржи, 3 пуда овса; ссуднаго возвращено въ магазины экономическіе: 16 пуд. ржи, 14 ячменя и 20 пуд. овса. На содержаніе семейства вышло: 137 пуд. ржи, 12 ячменя и 5 овса; для скота: 10 пуд. ржи, 17 пуд. овса и 12 возовъ сѣна.

Денежный расходъ:	Руб.	Коп.
1) На платежъ налоговъ	32	—
2) На покупку недоставшаго хлѣба 101 пуд. на содержаніе семейства, по 20 коп. за пудъ . .	20	20
3) На покупку сѣна.	8	—
4) На размолъ хлѣба	1	70
5) За соль	2	—
6) На сбрую и упряжь	3	—
7) На обувь, рукавицы и проч.	3	—
8) На пилы, топоры и деревянную посуду . . .	2	50
9) Прикуплено разныхъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ	5	—
Итого	77	40

Составъ семейства дозволилъ одному работнику отлучаться на работы вольныя и господскія. При господскихъ работахъ дается нерѣдко, какъ напримѣръ на рудникахъ, вольная плата и всегда достаточные харчевые, такъ что прилежный и воздержный работникъ приноситъ домой значительную заработку, кромѣ прокормленія себя и часто еще лошади во время работы. Въ настоящемъ примѣрѣ заработка составляетъ значительную сумму въ 33 руб. серебромъ, которыми заплачены всѣ государственные, поземельные и общественные налоги.

Девятый примѣръ.

Семейство средняго состоянія, занимающееся кромѣ значительнаго хлѣбопашества — выдѣлываніемъ кожъ. Въ немъ мущинъ 2, оба работника, женщинъ 4, при 1 работницѣ. Живутъ въ разстояніи отъ селъ въ 8 верстахъ, отъ лѣсу въ 10; имѣютъ въ пользованіи 8 десят. пашни и 4 десят. покосовъ; скота: 2 лошади, 5 коровъ съ 4 подростками и 4 головы мелкаго. Урожай: 125 пуд. ржи, 76 пуд. ячменю, 75 пуд. овса, 20 возовъ сѣна.

Доходъ: отъ выдѣлки кожъ пріобрѣтаютъ 81 руб.

Потребленіе земледѣльческихъ произведеній: въ оброчный магазинъ 16 пуд. ржи, 4 пуда овса; на содержаніе семейства 125 пуд. ржи, 39 ячменя, 10 пуд. овса; на содержаніе скота 37 пуд. ячменя, 85 пуд. овса и 20 возовъ сѣна.

Денежный расходъ.

	Руб.	Коп.
1) На платежъ налоговъ денежныхъ и откупъ отъ натуральной повинности	42	—
2) За размолъ хлѣба	3	—
3) Куплено 5 пуд. соли	2	50
4) За сбрую и упряжь - . .	5	60
5) За обувь, рукавицы и овчины для одежды . .	10	—
6) За пилы, топоры и проч. посуду для дому и въ кожевню.	2	80
7) На покупку рыбы и прочихъ съѣстныхъ припасовъ	5	—
8) На разные мелочные расходы	3	—
9) Куплено 40 пуд. ржи и овса	7	—
Итого	80	90

Для выдѣлыванія кожъ, крестьяне употребляютъ вмѣсто дубовой коры ивовую и заготовляютъ ее сами въ помѣщичьихъ лѣсахъ. Кора отпускается безденежно, дабы распространить между народомъ употребленіе кожанной обуви и поощрить полезный промыселъ.

Десятый примѣръ.

Срѣтенскаго вѣдомства, бѣдный крестьянинъ, 1 работникъ съ женой, а семейство все состоитъ изъ 5 душъ мужескаго и 1 души женскаго пола. Живутъ въ 5 верстахъ отъ обоихъ селъ и 25 верстахъ отъ лѣсу. Земли 4 десят. пахатной и $2^1/_2$ покосной. Скота: 1 лошадь, 1 корова и 2 головы мелкаго. Урожай: 50 пуд. ржи, 33 п. ячменю, 21 п. овса и 7 возовъ сѣна.

Доходъ: отъ распиловки лѣса 30 руб., отъ разныхъ вольныхъ работъ и извоза 10 руб. и отъ господскихъ и мірскихъ заработокъ 9 руб. 60 коп., всего 49 руб. 60 коп.

Расходъ продуктовъ: оброчнаго хлѣба 5 пуд.; на содержаніе семейства: ржи 100 пуд., ячменя 18 пуд., овса 6 пуд. На кормъ скоту: ячменя 15 пуд., овса 24 пуд., сѣна 11 возовъ.

Расходъ денегъ.

	Руб.	Коп.
1) На платежъ налоговъ	20	—
2) На покупку хлѣба: ржи 53 и овса 11 пуд. . .	12	25
3) На покупку сѣна	4	—

4) На покупку соли	1	25
5) На размолъ хлѣба	1	40
6) На покупку съѣстныхъ припасовъ	5	—
7) На сбрую, упряжь, обувь и рукавицы	4	70
8) На пилы, топоры, посуду и разные мелочные расходы	3	—
Итого	51	60

2 рубли серебромъ задолжено у зажиточныхъ крестьянъ; и вообще съ большимъ затрудненіемъ оплачиваетъ налоги и содержитъ свое семейство.

Одинадцатый примѣръ.

Ильинскаго округа, срѣтенскаго вѣдомства, достаточный мужикъ, занимающійся кромѣ хлѣбопашества, выдѣлываніемъ овчинъ и торговлей разными сельскими произведеніями. Семейство его состоитъ изъ 4-хъ душъ мужескаго и 6 женскаго пола, между коими 2 работника и 2 работницы. Жительство ихъ отстоитъ въ 10 верстахъ отъ Ильинска, 3 верстахъ отъ Срѣтенскаго, 10 отъ мельницы и 15 отъ лѣсу. Въ пользованіи 10 десят. пашни и до 7 десят. покосовъ. Скота: 2 лошади и 6 подростковъ, 4 коровы и 2 подростка. Урожай годичный: 120 пуд. ржи, 90 пуд. ячменя, 87 пуд. овса и 28 возовъ сѣна, каковаго количества продуктовъ на собственное продовольствіе не достаетъ.

Приходъ: отъ выдѣлки овчинъ 85 руб., отъ переторжки разными сельскими произведеніями, каковы: холстъ, кожи, бѣлки и проч., 88 руб., всего 173 рубля.

Потребность въ сельскихъ продуктахъ: оброчнаго хлѣба внесено: ржи 20 пуд., овса 7 пуд.; на содержаніе семейства: 170 пуд. ржи, 90 пуд. ячменю, 10 пуд. овса; для скота: 30 пуд. ячменя, 120 пуд. овса, 30 возовъ сѣна; на дѣло овчинъ: 50 пуд. ячменя и 40 пуд. овса.

Расходы денежные.

	Руб.	Коп.
1) На платежъ налоговъ	55	48
2) На покупку недостающаго хлѣба: ржи 70 пуд., ячменя 80 и овса 90 пуд., на содержаніе семейства и скота	27	50
3) Куплено хлѣба, употребленнаго при дѣлѣ овчинъ	16	—
4) Куплено 2 воза сѣна за	2	—
5) За размолъ хлѣба	4	25

6) На покупку соли, для содержанія семейства и дѣла овчинъ	11	—
7) На сбрую и упряжь	7	70
8) На обувь и рукавицы для семейства	10	—
9) На покупку овчинъ для одежды	8	—
10) На пилы, топоры, серпы и проч. тому подобныя вещи	1	40
11) На посуду для дому и кожевни	1	50
12) Куплено говядины, рыбы и прочихъ съѣстныхъ припасовъ на	22	—
13) На бумажные товары для семейства	3	—
14) На разные мелочные расходы	3	—
Итого	172	83

Двѣнадцатый примѣръ.

Инвенскаго округа, верхъ-юсвенскаго вѣдомства, крестьянинъ 3-го, то есть малодостаточнаго состоянія, хлѣбопашецъ и коновалъ. Семейство состоитъ изъ 6 душъ муж. и 7 жен. пола. Два работника, изъ нихъ одинъ служитъ лѣснымъ сторожемъ, съ освобожденіемъ на 25 руб. серебромъ отъ денежнаго оброка и господской работы: 2 работницы. Жительство отъ главнаго села Кудымкора въ 25 верст., отъ мѣстнаго села въ 5, отъ мельницы въ 5 и отъ лѣсу въ 2 верстахъ. Земли въ пользованіи: 17 десят. пашенной и $5^1/_2$ покосной. Скота: коровъ 3 и подростковъ 3, лошадей 3 и подростковъ 1; мелкаго 8 головъ. Урожай: 320 пуд. ржи, 105 пуд. ячменя, 75 пуд. овса и 15 возовъ сѣна.

Денежный доходъ: отъ продажи ржи 8 рублей, заработали въ Пожевскомъ заводѣ разными работами 13 руб., отъ перевозки провіанта въ разныхъ мѣстахъ 17 руб. 40 коп., отъ продажи скота 8 руб. 50 коп., за вырубку дровъ въ имѣніи графа Строганова 1 руб. 50 коп., за холостьбу мелкаго скота 1 руб. 17 коп., за битье шерсти, катку войлоковъ, колпаковъ и пимовъ 3 руб. 15 коп., награды за служеніе лѣснымъ сторожемъ 1 руб. 50 коп., всего 54 руб. 22 коп.

Расходы по употребленію продуктовъ: оброчнаго: 16 пуд. ржи, 5 пуд. 34 фун. овса; на содержаніе семейства: на пищу 193 пуд. ржи. 35 пуд. ячменя, для питья на брагу 24 пуд. ржи и 36 пуд. овса; на кормъ скоту: 13 пуд. ржи, 47 пуд. ячменя, 23 пуд. овса и 15 возовъ сѣна; лопаточнаго сбора мельничнымъ слу-

жителямъ: 5 пуд. ржи, 5 фун. ячменя и 2 пуд. овса; на ругу священникамъ 4 пуда.

Денежный расходъ.

	Руб.	Коп.
1) На платежъ налоговъ	27	60
2) На проценты по застрахованію скота	1	—
3) По застрахованію домовыхъ строеній	—	58
4) На покупку говядины	5	50
5) Куплено овса 23 пуд. и сѣна 20 пуд. на . . .	5	10
6) За размолъ хлѣба	1	77
7) За требы священникамъ	1	20
8) На покупку косы 47 коп., серпа 35 коп. и топора 40 коп.	1	22
9) На наварку ральниковъ 30 коп., подковку лошадей 10 коп., 4 пары подковъ 24 коп. и разныхъ мелочныхъ поковокъ на 15 коп.	—	79
10) На покупку рукавицъ для семейства, 5 паръ, 1 руб. 20 коп. и бумажнаго товара на 50 коп. . . .	1	70
11) Соли 6 пуд.	2	60
12) Рыбы разной	1	—
13) Хмѣлю на 1 руб. 20 коп. и вина на 1 рубль .	2	20
14) Табаку простаго для куренія	—	60
Итого	52	86

Этотъ крестьянинъ Пермякъ, и расходы его характеризуютъ бытъ Пермяковъ, жителей инвенскаго округа, отличный отъ быта русскихъ крестьянъ, изображеннаго въ предыдущихъ примѣрахъ.

А. Т.

IV.

—

ОТЪ ЧЕРДЫНИ ДО НЫРОБА.

(Отрывокъ изъ путевыхъ замѣтокъ 1857 г.).

Съ высокаго увала, подмываемаго Колвой, на которомъ стоитъ Чердынь, далеко виднѣется почти болотистая равнина, поросшая лѣсами. Болота и лѣса составляютъ раму города съ сѣверной стороны. На самомъ краю все это широкое пространство хвои и березнику опоясано грядами синѣющихъ горъ. Ближе и выше всѣхъ ихъ, отдѣльнымъ великаномъ, поднимается *Полюдовъ камень*. Передъ ясной, ведреной погодой онъ, какъ вѣрный барометръ, предскажетъ ее: сниметъ шапку изъ сѣрыхъ облаковъ и какъ будто ближе придвинется къ городу, такъ что 25 верстъ прямаго пути къ нему превратятся какъ бы въ сажени. Но по этому прямому пути до него не добраться не-птицѣ: моховыя болота, трясины, частые лѣса лежатъ между нимъ и Чердынью, а дорога въ объѣздъ пролегаетъ слишкомъ на 60 верстъ. Въ ясное осеннее время и на немъ ясно обозначаются лощины и лѣса, — однѣ желтѣютъ, какъ позднія нивы, другіе синѣютъ волнистыми пятнами. Рѣзко очерчивается тогда его вершина и яркими пятнами бѣлѣютъ на ея скатахъ нетающіе льды и снѣга. Но въ ненастное время далеко въ синюю даль уходитъ камень и чуть отдѣляется отъ тучь, что лежатъ за нами. Нерѣдко вершина его вся увивается облаками, курится; а бываютъ и такіе дни, и также нерѣдко, что вся гора исчезаетъ за сѣрыми тучами. Низко, густымъ, волнующимся туманомъ плывутъ эти тучи надъ землею и сѣются какими-то безконечно-малыми каплями, холодной сыростью въѣдаются во все; ржавѣетъ отъ нихъ желѣзо, бухнетъ дерево.

Въ одинъ изъ такихъ плаксивыхъ дней, 29 августа, мы отправились за 70 верстъ отъ Чердыни, въ Ныробъ—историческое село, по воспоминаніямъ о ссыльномъ бояринѣ М. Н. Романовѣ. Но погода обманула къ лучшему, туманъ расплылся, тучи поднялись высоко и какъ бы потонули, растаяли въ блѣдно-голубомъ небѣ; настал ясный, но холодный осенній день. Въ 11 часовъ мы, въ легкомъ тарантасѣ, вмѣстѣ съ С. В. Д-мъ, спускались съ песчанаго увала въ равнину. Дорога вошла въ пихтовой рѣдкій лѣсъ и сквозь разбросанныя деревья, сквозь

вѣтви съ яркозелеными иглами, мелькало село Покча съ каменной бѣлой церковью; до него было пять верстъ. Когда же дорога всходила на пригорокъ и шире раскрывалась глазу площадь лѣсовъ, то между ними, вдали, за Покчой, выглядывала еще бѣлая церковь села Вильгородъ.

Покча стоитъ надъ Колвой, на песчаныхъ холмахъ. Имѣла-ли она, какъ и Чердынь, въ былое время какое-нибудь значеніе—преданіе молчитъ, и только въ одной пѣснѣ есть ссылка, вѣроятно, на старинное ея происхожденіе. Изъ древнихъ обрядовъ и обычаевъ сохранился одинъ, котораго мнѣ не привелось встрѣчать въ другихъ селахъ и деревняхъ Пермской губерніи. На Масляницѣ, изъ всѣхъ дѣвушекъ села выбирается, съ общаго мірскаго совѣта, болѣе пригожая и безупречная по поведенію; голову ея украшаютъ вѣнчальнымъ уборомъ (см. рисунокъ на стр. 154, отд. II): жемчужной лентой, бочькой съ *пелепелками* и т. д., и на всѣхъ пирушкахъ, катаньяхъ она считается царицею Масляницы.

Въ Покчѣ мы пробыли не болѣе часа, спѣша засвѣтло пріѣхать въ Ныробъ. Съ песчаныхъ холмовъ дорога снова сошла въ равнину и по насыпи хряща, щебня и песку мы поѣхали хвойными лѣсами. Пихта, да рѣдкій соснякъ, ель, изрѣдка мелкая, низкая береза шли по бокамъ дороги, составляли ея закраины. Въ этомъ краю, въ особенности осенью, уже чувствуется приближенье полярныхъ странъ, почти безлѣсныхъ, болотистыхъ тундръ, нѣмыхъ пустырей. Небо блѣдно, холодно, въ лѣсу мертвая тишина, всѣ деревья становятся вообще ниже, сосны, въ особенности, на мокрыхъ мѣстахъ какъ бы растутъ въ землю: низкій, но толстый штамбъ и приземистая вершина—шапкой. Береза также теряетъ прямую стройность, штамбъ вѣтвится, растетъ изгибами; попадается довольно много чисто сѣверной кустарной березы (Betula nana). Цвѣтовъ нѣтъ, трава чахлая, рѣдкая, — только оленій мохъ разрастается сплошнымъ сѣрозеленымъ ковромъ по прогалинамъ и краямъ дорогъ.

Въ параллель съ этою природною растительностію идетъ ростъ хлѣбовъ и овощей. Огороды рѣдки; рѣпа и картофель мелки и нерѣдко вымерзаютъ отъ лѣтнихъ утренниковъ и осеннихъ морозовъ. Земля торфяниста или песчана, яровые поздно вызрѣваютъ, и уборка ихъ совершенно своеобычна, примѣнена къ климату: вмѣсто складыванья въ снопы на полѣ, овесъ здѣсь подвѣшиваютъ снопиками на жердяхъ, у которыхъ выходы сучковъ заострены въ видѣ колышковъ,—вмѣсто солнца эти снопы обдуваетъ и присушиваетъ вѣтеръ. Рожь также скудно родится и нерѣдко бываютъ года, когда цѣлыя деревни ѣдятъ черный хлѣбъ по-поламъ съ пильной мукой, а иногда только четверть ржи идетъ на приправу. Трудно и тяжело разсказывать всѣ невзгоды, всю многострадальную борьбу съ жизнью, которую выноситъ почти все населеніе чердынскаго края. Исключеніе падаетъ на села, которыя лежатъ по большимъ, проѣзжимъ, ревизорскимъ дорогамъ, на села прибрежныя, которыхъ жизнь

до извѣстной степени обезпечена сплавными рѣками, да на скиты, защищенные непроходимыми болотами и лѣсами...

Вильгородъ такъ же довольно большое и повидимому цвѣтущее село. Мы пріѣхали въ базарный день, и небольшая площадь предъ сельской расправой шумѣла торговой жизнью. Кучками около возовъ толпились чердынцы и рѣчь ихъ съ удареніемъ на *о* и перестановкой *ц* на *ч* бойко раздавалась кругомъ; мѣстами слышались пѣсни и хохотъ.—Почти не останавливаясь мы проѣхали и это село, такъ же выстроенное на песчаныхъ холмахъ. Верстахъ въ шести отъ него стоитъ другое небольшое сельцо Бегичи, съ деревянной старинной церковью. Архитектура покачнувшейся колокольни этой церкви знакома каждому, кто ѣзжалъ по Пермской губерніи. Такихъ колоколенъ, остатковъ XVII и прошлаго вѣка довольно много,—это просто шестиугольные срубы, въ верхней части ихъ прорублены окна и висятъ колокола, плоская крыша далеко свѣшивается концами изъ-за сруба; все это увѣнчано низкой башенкой и главой, нерѣдко покрытой зеленой муравленой черепицей. Церковь и часть села стоятъ на горѣ, бывшей когда-то правымъ берегомъ Колвы, но теперь она отошла, передвинулась за двѣ версты отъ него, на ю. в. Довольно пологимъ спускомъ съѣхали мы въ поёмную равнину и на поромѣ переплыли Колву. Перевозъ здѣсь остается вѣренъ общему характеру перевозовъ черезъ русскія рѣки; тѣ же некрутые берега сыпучаго песку съ неизмѣнными кустами тальнику.

Въ 8 верстахъ отъ этого перевоза пересѣкаетъ лѣсную дорогу небольшая, но довольно глубокая и быстрая рѣчка Низьва. Она бѣжитъ въ частыхъ таловыхъ кустахъ, и въ холодныхъ, глубокихъ омуткахъ ея въ изобиліи водятся харюзы.

Въ 7 часовъ вечера мы были въ Искорѣ; солнце садилось, и холодные, туманные сумерки обхватывали лѣса и болота. Намъ хотѣлось осмотрѣть село, нѣкогда бывшее городомъ, порыться въ преданіяхъ; до Ныроба оставалось всего 10 верстъ, и мы рѣшились переночевать.—Къ сожалѣнію, расчеты на какія-нибудь историческія воспоминанія, археологическія находки оказались пустыми. Насущная практическая жизнь, какъ и вездѣ, загородила здѣсь остатки старины и все вѣтхое обновила на свой собственный ладъ.

Въ церкви отыскались нѣкоторые слѣды былой, давно минувшей жизни, да около села сохранилась небольшая роща и часовня историческимъ памятникомъ. Церковь каменная, самой простой и позднѣйшей архитектуры, но при входѣ на паперть бросаются въ глаза небольшія, низенькія, двустворчатыя, рѣшетчатыя двери. Ихъ деревянный переплетъ и вырѣзки напоминали мнѣ перегородку, видѣнную въ одной старинной (1662 г.) церкви. Эти двери были царскими вратами въ одной церкви окрестныхъ селъ,—какой и гдѣ именно, я не могъ узнать. Въ холодномъ придѣлѣ церкви огромное мѣсто занимаетъ печь; ея потемнѣвшіе, истрескавшіеся изразцы, расписанные желтой и зеленой краской, напоминаютъ тѣ печи, которыя существовали въ прежніе

вѣка въ теремахъ боярскихъ; изъ московскихъ палатъ перешли они въ покои воеводъ, дошли до Великой Перми, до города Чердыни и Ныробской волости. — Изъ старинныхъ образовъ, кажется, древнѣе другихъ явленный образъ св. Параскевы; но я—незнатокъ въ иконописи—не могъ рѣшить къ которому вѣку онъ принадлежитъ. Перебирая вѣтхія церковныя вещи, я нашелъ, между прочимъ, два старинныхъ вѣнца. Это просто деревянные обручи, расписанные арабесками; на каждомъ — въ черномъ полѣ желтый осьмиконечный крестъ. Между церковными рукописями, также не нашлось ничего замѣчательнаго; всѣ свитки, со временъ Алексѣя Михайловича, заключаютъ мѣстныя дарственныя записи или архіерейскіе и патріаршіе приказы о сборѣ церковныхъ податей.—Не вдалекѣ отъ церкви стоитъ небольшая деревянная часовня; въ ней поставлены царскія врата и часть иконостаса стариннаго письма, взятаго изъ какого-то раззореннаго скита: самая часовня видимо тоже была старовѣрческая; надпись, висѣвшая надъ ея дверями и теперь неизвѣстно почему снятая, говоритъ также о раззореніи, о сожженіи какой-то обители еще въ концѣ прошлаго вѣка (1772).

Въ верстѣ отъ села, къ с. в., на холмѣ, стоитъ другая часовня, окруженная заповѣдной рощицей изъ пихты и елей. Эта часовня просто навѣсъ и ограда надъ большимъ деревяннымъ восьмиконечнымъ крестомъ. Преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ была битва Русскихъ съ Татарами, при какомъ-то князѣ Корѣ, что на холмѣ была ставка Русскихъ и найденныя потомъ кости убитыхъ перенесены теперь въ Чердынь. Надъ этими остатками въ городѣ поставлена также часовня „убіенныхъ“ [1]), какъ зоветъ ее народъ, и имена этихъ убіенныхъ сохранились до сихъ поръ въ поминальной книгѣ искорской церкви и на чугунной доскѣ, прибитой къ часовнѣ. Никакихъ подробностей объ этомъ темномъ эпизодѣ исторіи Чердынскаго края, я не могъ добыть. Берхъ, въ своемъ „Путешествіи въ Чердынь и Соликамскъ“, опровергаетъ возможность нападенія на Искоръ со стороны Татаръ и приписываетъ этотъ эпизодъ междоусобному разладу. Кто правъ,— Берхъ или изустное преданіе — рѣшать не берусь.

Отъ Искора идетъ все таже плоская равнина, мѣстами песчанистая, поросшая лѣсомъ, но не вдалекѣ, на горизонтѣ, закраину этой равнины составляютъ горы. Это правый, нагорный берегъ Колвы изъ сѣраго извѣстняка, каменноугольной почвы. Изъ этого извѣстняка вода образовала отдѣльныя горы: камень Боецъ, Ветланъ; въ этомъ же берегу находится сталактитовая Дѣвья или Дивья пещера [2]).

Около самаго Ныроба бѣжитъ въ песчанистыхъ берегахъ рѣченка Ныробка. Невдалекѣ отъ нее поставлена довольно большая каменная бѣлая часовня. Подъ навѣсомъ плоской же

[1]) *Берхъ*, Путешествіе въ Чердынь и Соликамскъ, стр. 78.

[2]) Берхъ. id.

лѣзной крыши написано вязью слѣдующее: (на карнизѣ первой стѣны, въ которой входъ) „По указу Ея Императорскаго Величества въ вяцкой духовной преосвященнаго Лаврентія, епископа вяцкаго и великопермскаго консисторіи... (на второй стѣнѣ)... Въ 7109 г. присланъ былъ смосквы отъ царя Бориса Годунова впермь великую, вчердынской уездъ, впогостъ Ныробъ, взаточеніе, блаженной памяти болярииъ Михаилъ Никитичь Романовъ, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу братъ... (на третьей стѣнѣ)... родной, а по родству блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Россіи Самодержцу былъ дядя родной. Впогостѣ Ныробѣ, взаточеніи, въ земляной темницѣ сидѣлъ годъ; на томъ мѣстѣ построена была деревянная часовня... (на четвертой)... Нынѣ вмѣсто оной деревянной, по указу Ея Императорскаго Величества, въ 1793 году построена сія каменная часовня, единственно впамять бывшаго на томъ мѣстѣ взаточеніи болярина Михаила Никитича Романова, тщаніемъ и коштомъ здешней волости крестьянъ и усерднымъ стараніемъ крестьянина Максима Пономарева“.

Часовня надъ темницею М. Н. Романова.

Эта часовня дѣйствительно выстроена надъ темницей Романова. Въ каменномъ полу ея, около иконостаса, оставлено небольшое четырехугольное отверзтіе; сквозь это окошечко проходили свѣтъ и воздухъ въ темницу и спускалась пища узнику. На лѣво отъ входа сдѣланъ спускъ въ землянку по немногимъ каменнымъ ступенямъ. Вышина ея не болѣе $2^1/_2$ арш.; а все пространство подъ ней около 2 кв. саженъ. Стѣны ея выведены сводомъ въ одинъ кирпичь, на фунтаментѣ изъ дикаго камня Ветланскихъ горъ. На лѣво отъ входа, въ стѣнѣ, небольшое углубленіе, обложенное камнемъ, по всей вѣроятности — остатки печи. Во время заключенія входъ въ землянку былъ заваленъ, но и теперь, когда онъ открытъ, свѣту такъ мало, что глазу долго нужно присматриваться, чтобы разглядѣть ея сырыя, мокрыя стѣны и неровный полъ, заваленный камнями....

Такова темница, въ которой былъ уничтоженъ одинъ изъ Романовыхъ. Исторія ихъ гоненія, одна изъ темныхъ страницъ царствованія Бориса, очень обыкновенна и извѣстна болѣе или менѣе каждому. Люди мѣшали династическимъ интересамъ, и ихъ устранили. Личность Михаила Никитича вѣроятно была энергичнѣе, сильнѣе, болѣе способна для протеста, а потому Годуновъ считалъ ее безопасною только въ двухъ тысячахъ верстахъ отъ Москвы, въ землѣ, съ двухпудовыми цѣпями на рукахъ и ногахъ. Вотъ что передаетъ Берхъ, со словъ старожила, объ этомъ цинически наивномъ способѣ устраненія. „Михаила Никитича привезли сюда зимою въ 1601 году; при немъ находился нѣкто Романъ Тюшинъ[1]) и 6 человѣкъ сторожей, кои принялись немедленно выкапывать для него яму. Пока они трудились надъ дѣломъ симъ, то Михаила Никитича, стоявшаго подлѣ саней, завалило снѣгомъ. Утѣсненный онымъ, схватилъ онъ обѣими руками сани, и отбросилъ оныя шаговъ на десять въ сторону. Толь необыкновенная сила удивила Ныробцевъ; сани были такъ тяжелы, что едва пять человѣкъ могли оныя тронуть съ мѣста. Дорывши землянку, посадили въ оную Михаила Никитича, оставя только малое отверзтіе для свѣта, а стражи расположились въ ближнемъ домикѣ. Чрезъ нѣсколько времени, когда морозы очень усилились, сдѣлали въ землянкѣ маленькую печь. Въ семъ положеніи сидѣлъ всю зиму несчастный бояринъ“.

Но народъ не понималъ династическихъ интересовъ и не сочувствовалъ имъ; въ узникѣ онъ видѣлъ просто одну изъ жертвъ грубой физической силы, видѣлъ мученика. „Съ наступленіемъ весны — продолжаетъ Берхъ — ныробцы, узнавъ, что ему не даютъ ничего болѣе, кромѣ хлѣба и воды, научили дѣтей своихъ носить къ нему въ дудочкахъ квасъ, масло и

[1]) По списку о бывшихъ въ Сибири воеводахъ, составленному при тобольскомъ архіерейскомъ домѣ, видно, что въ 1608 году были воеводами въ Туринскѣ Иванъ Никитичъ Годуновъ и Романъ Андреевичъ Тюшинъ. *Берхъ.*

подобныя вещи. Дѣти, какъ будто играя около землянки, спускали въ оную дудочки свои и питали подобнымъ образомъ заточеннаго Михаила Никитича. Въ одинъ несчастный

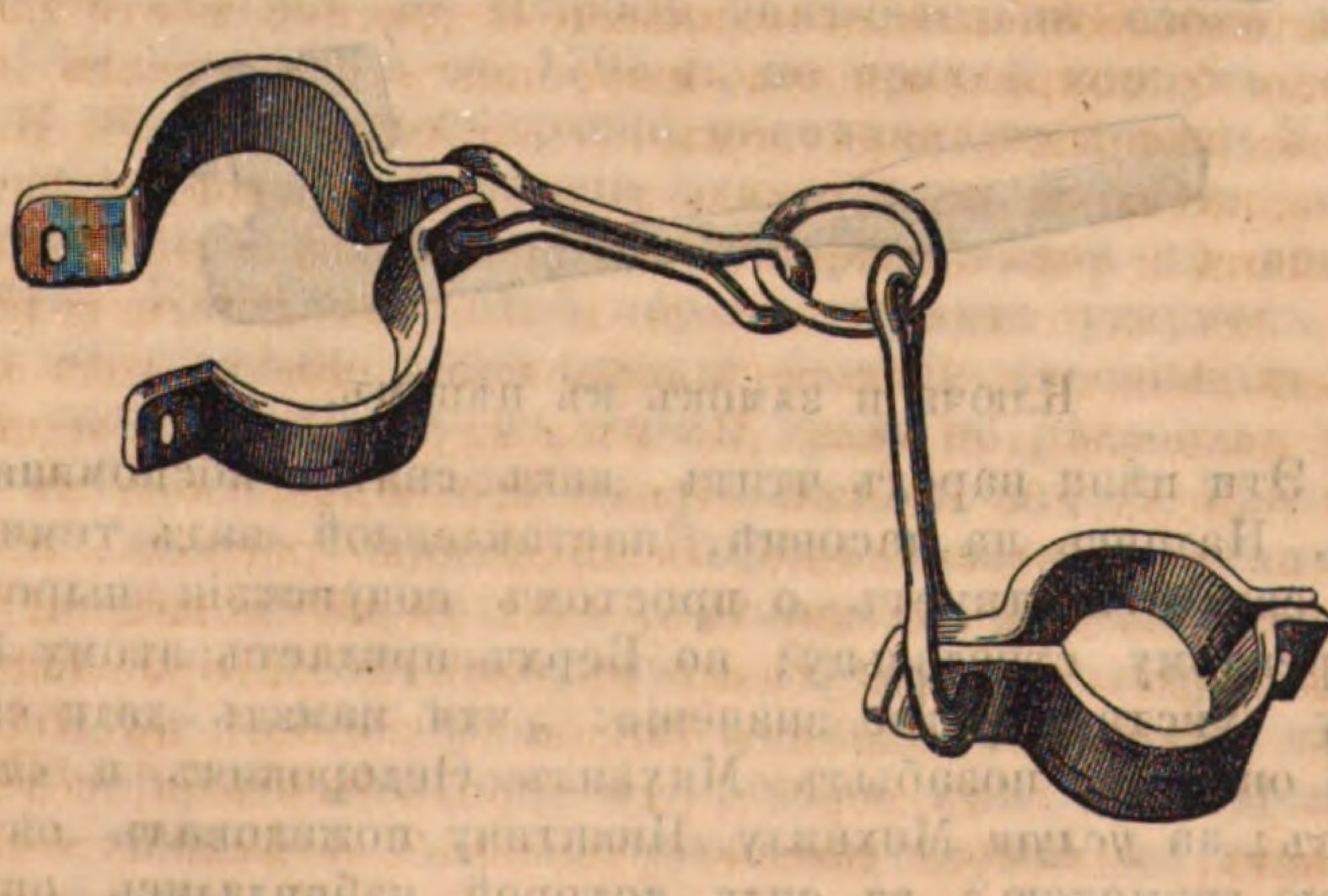
Землянаяя темница М. Н. Романова.

день, Романъ Тюшинъ, прохаживаясь по лугу, замѣтилъ, что дѣти спустили что-то въ подземелье; онъ схватилъ ихъ, началъ пытать и извѣдалъ, что они по приказу отцовъ своихъ носятъ пищу боярину. Злобный исполнитель Годуновой мести схватилъ немедленно 6 сопричастныхъ ныробцевъ и отослалъ ихъ въ Москву, за крѣпкимъ карауломъ. Въ царствованіе В. И. Шуйскаго возвратились въ Ныробъ только два человѣка изъ сихъ страдальцевъ и разсказывали, что остальные 4 товарища ихъ померли отъ жестокихъ пытокъ и изнурительнаго содержанія въ тюрьмѣ. Михаилъ Никитичъ, просидѣвъ только годъ въ подземельѣ, окончилъ дни свои. Носился слухъ, будто бы его уморили съ голоду; ибо буйная стража его, привыкшая къ табаку и вину, не имѣя здѣсь онаго, безпрестанно роптала, и ожидая съ нетерпѣливостію кончину его, едва-ли не споспѣшествовала оной. Миллеръ говоритъ также въ своихъ Историческихъ Отрывкахъ: „Михаилъ Никитичъ Романовъ сосланъ въ Пермь, въ древнюю Нырпу, семь верстъ отъ города Чердыня, содержался въ темницѣ, но вскорѣ потомъ удавленъ". — Еслибы послѣднее было справедливо, то память о семъ могла легко сохраниться въ Ныробѣ. Бывши самъ нѣсколько разъ въ помянутомъ под-

земельѣ, думаю, что Михайло Никитичъ умеръ не насильственною смертію, а еще удивляюсь, какъ могъ онъ прожить годъ въ такой тѣсной и сырой ямѣ. Максимъ Пономаревъ, ходячій памятникъ всѣхъ ныробскихъ происшествій, разсказывалъ, что М. Н. Романовъ былъ большаго роста, весьма плотенъ тѣломъ и имѣлъ необыкновенную силу. Послѣднему можно легко повѣрить, ибо бывшія на немъ желѣза хранятся по днесь въ церкви и удивляютъ тяжестію своею каждаго путешественника:

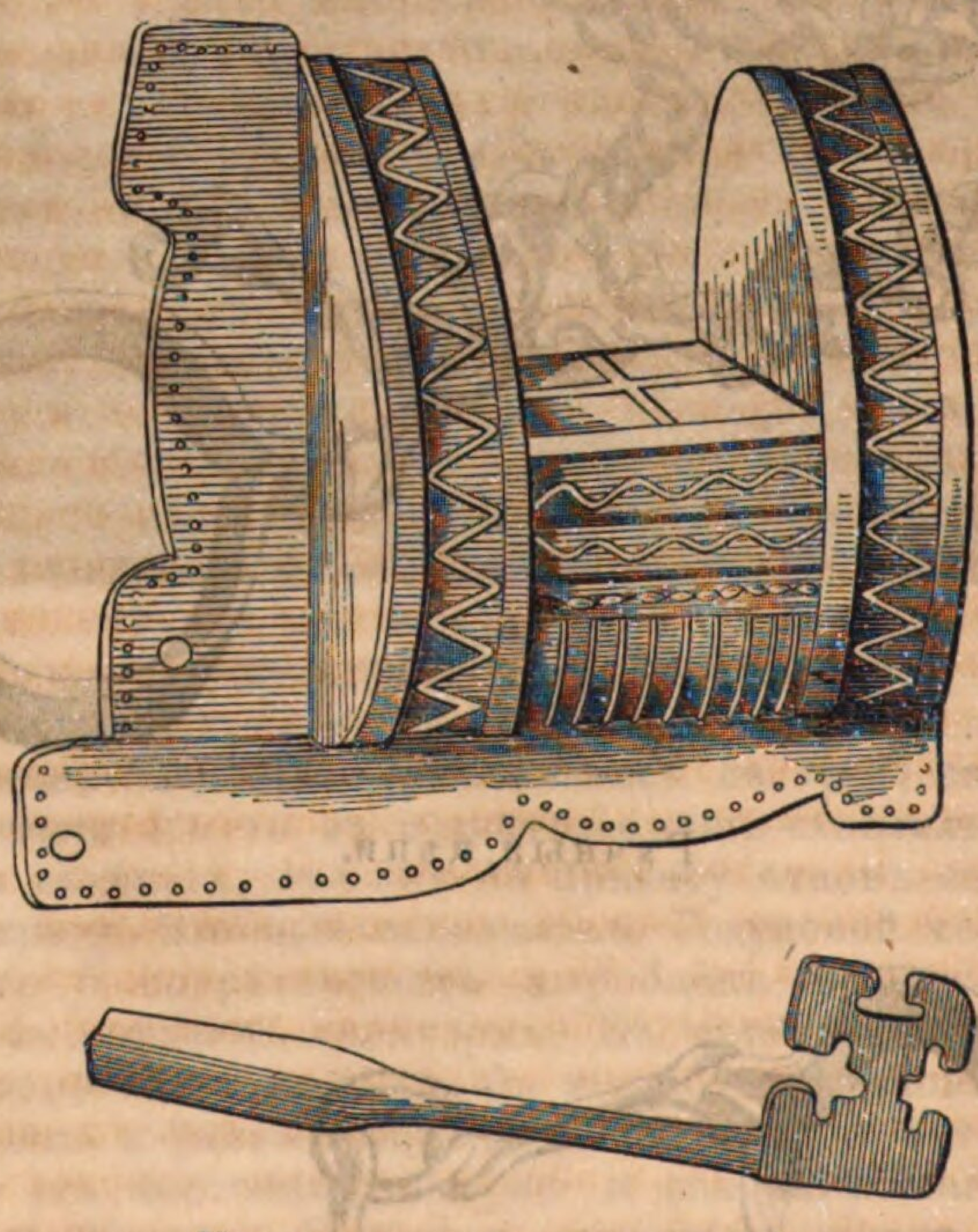
Ручныя цѣпи.

Ножныя цѣпи.

Плечныя желѣза, или такъ называемый стулъ, вѣсомъ	39 ф.
Ручныя желѣза	12 —
Кандалы или ножныя желѣза	19 —
Замокъ .	10 —
Итого	2 п.“

Замокъ имѣлъ особенное, хитро придуманное устройство; его душка вставлялась съ боку и замыкалась тремя штифтами на толстыхъ пружинахъ. Рукоять душки имѣла отверзтіе, точно также какъ и нижній гребень замка, и въ эти-то два отверзтія входили конечныя кольца ручныхъ цѣпей. Ключь, съ квадратной узорчатой бородкой, вставлялся въ заднюю стѣнку замка, поворотомъ въ бокъ прижимались пружины — и душка отпиралась. Но вѣроятно этотъ ключь строго хранился и не употреблялся

Ключь и замокъ къ цѣпямъ.

въ дѣло. Эти цѣпи народъ чтитъ, какъ святое воспоминаніе о мученикѣ. Надпись на часовнѣ, поставленной надъ темницей, такъ же свидѣтельствуетъ о простомъ сочувствіи ныробцевъ къ заморенному страдальцу; но Берхъ придаетъ этому безкорыстному чувству другое значеніе: „чтя память дяди своего, говоритъ онъ, не позабылъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и *вѣрныхъ* ныробцевъ; за *услуги* Михаилу Никитичу пожаловалъ онъ ихъ „Обѣльною грамотою“, въ силу которой избавлялись они отъ всѣхъ повинностей“ (стр. 103).

Тѣло Романова перевезено въ 1607 г. въ Москву. Въ теплой церкви стоитъ гробница, сдѣланная въ послѣдствіи по образцу старой, сгорѣвшей во время пожара. Вотъ что говоритъ объ эгомъ надпись на doскѣ, поставленной на гробницѣ: „Въ 1709 году присланъ былъ смосквы, отъ Царя Бориса Годунова, за стражею, Романомъ Тушинымъ съ командою, въ лѣтнее время, въ глухой кибиткѣ, впермь великую, вчердынскій уездъ въ погостъ Ныробъ въ заточенье блаженныя памяти бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, а по родству блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу и все Руси Самодержцу былъ дядя и святѣйшему Патріарху Филарету Никитичу братъ родной. Въ погостѣ Ныробѣ, взаточеньи вземляной темницѣ, бѣ годъ и преставися въ 7110-го. На той же темницѣ построена часовня деревянная и погребенъ былъ у церкви отца Николая Чудотворца, подлѣ олтаря на сѣверной сторонѣ, и гдѣ тѣло его лежало, построена была часовня, и въ ней гробница покрыта сукномъ и крестъ вышитъ, и повелѣніемъ Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи Самодержца, тѣло, по представленіи его въ пятое лѣто, изъ земли взято ничѣмъ невредимо отъ руки отъ перстія никоторой членокъ отъ земли взела и свезенъ въ Москвѣ, а положенъ въ монастырѣ паче на новомъ и гдѣ прежде тѣло лежало, то гробницу и все строеніе отъ пожару сгорѣло и послѣ, по указу преосвященнаго Іоны, архіепископа вяцкаго и великопермскаго, также часовня и гробница построены и покрыта сукномъ краснымъ и крестъ вышитъ. 7237-го деревянная церковь и часовня, грѣхъ ради нашихъ, Божіимъ попущеніемъ, паки сгорѣла, и ныне на томъ мѣстѣ построена каменная церковь и въ ней гробница покрыта сукномъ зеленымъ и крестъ вышитъ, такъ же и на семъ мѣстѣ построена каменная часовня, единственно въ воспоминаніе здѣ представившагося страдальца, болярина Михаила Никитича Романова“.

Холодная церковь въ Ныробѣ замѣчательна своей архитектурой. Она построена въ 1705 г., но прямой корпусъ, широкія три арки подъ карнизомъ крыши, напоминаютъ церкви XVI вѣка, а особенно окраска украшеній этихъ арокъ и оконъ: красная, зеленая и желтая, придаетъ всей церкви какой-то восточный характеръ. Въ куполъ этой церкви нерѣдко ударяетъ молнія; отъ нее же сгорѣли и двѣ прежде бывшія деревянныя церкви. Вообще сильныя грозы въ этомъ краю не рѣдкость; они вызываются близостью высокихъ уваловъ, предгорій Урала.

Мнѣ не удалось собрать въ Ныробѣ никакихъ преданій, археологическихъ находокъ; въ церковныхъ рукописяхъ не нашлось также ничего замѣчательнаго. Пробывъ полторы сутокъ и осмотрѣвъ что можно было, мы выѣхали 31 августа изъ села. Погода снова сдѣлалась сѣрою, кропилъ мелкій холодный дождь вмѣстѣ съ снѣгомъ; тучи все ниже спускались къ землѣ и заволакивали даль....

Н. Вагнеръ.

ЗАМѢЧАНІЯ О МѢСТНОСТИ И ЖИТЕЛЯХЪ ТРЕТЬЯГО СТАНА КРАСНОУФИМСКАГО УѢЗДА.

Третій станъ красноуфимскаго уѣзда лежитъ въ сторонѣ отъ большаго сибирскаго тракта, на лѣвомъ берегу рѣки Уфы, въ кругу казенныхъ и частныхъ заводовъ: Артинскаго, Михайловскаго, Саранинскаго и другихъ.

Въ лѣтнее время мѣстность эта, переръзываемая по направленію Уфы отраслями Уральскихъ горъ, весьма красива. Особенно привлекателенъ видъ съ Корзинской горы, на половинѣ дороги, идущей изъ села Сажинскаго въ село Новозлатоустовское.

При заселеніи этой мѣстности, Русскіе не мало терпѣли отъ исконныхъ жителей здѣшнихъ — Башкиръ и даже отъ жившихъ между ними — Черемисъ и Тептярей. Старики и теперь еще разсказываютъ, что бревна, сложенныя днемъ въ срубы для постройки домовъ, ночью были раскатываемы инородцами и сталкиваемы въ воду. Кромѣ того и открытою силою инородцы брали свое; набѣги и грабежи ихъ заставляли Русскихъ постоянно быть *на чику*, на готовѣ къ защитѣ. Съ увеличеніемъ числа Русскихъ поселенцевъ, инородцы стали въ болѣе мирныя къ нимъ отношенія.

У Черемисъ сохранилось преданіе, что передъ приходомъ Русскихъ въ эти мѣста были разныя предзнаменованія. Такъ, Черемисы, жившіе на мѣстѣ нынѣшняго села Манчажа, слышали по ночамъ колокольный звонъ на той горѣ, гдѣ теперь стоитъ церковь.

Въ настоящее время, въ 3-мъ станѣ красноуфимскаго уѣзда живутъ: государственные крестьяне (двѣ волости), Башкирцы, Мещеряки, Татары, Черемисы и Вотяки.

Русскіе поселенцы, впрочемъ, распоряжались непредусмотрительно тѣми богатствами природы, какія представлялъ имъ этотъ край. Они въ короткое время истребили лѣса. Отъ этого, рѣчки и ручьи, при которыхъ заводимы были селитьбы, нынѣ совершенно изсякли, такъ что настоитъ необходимость переселенія изъ многихъ жительствъ къ болѣе воднымъ мѣстамъ. За отдаленностію же лѣсныхъ дачъ, крестьяне нуждаются не только въ строевомъ лѣсѣ, но даже и въ дровахъ.

Хлѣбопашество, скотоводство и частію пчеловодство, составляютъ главную промышленность и богатство здѣшнихъ крестьянъ. Урожай хлѣба бываетъ почти всегда хорошій; но случается, впрочемъ рѣдко, что озимовые хлѣба, посѣянные на возвышенныхъ и открытыхъ мѣстахъ, выдуваются вѣтрами, а въ холодныя весны позябаютъ. Пшеница, по свойству почвы, скоро перерождается. При умноженіи населенія, а съ нимъ и хлѣбопашества, государственные крестьяне терпятъ недостатокъ въ землѣ; почему прибѣгаютъ къ найму оной у Башкирцевъ, кото-

рые вымогаютъ съ крестьянъ, кромѣ платы, разные подарки и требуютъ угощенія; при неудовлетвореніи же, увозятъ нерѣдко и самый хлѣбъ, уже снятый крестьянами и мстятъ кражею лошадей. Земское и сельское начальство цѣлое лѣто бываютъ обременены разборомъ и производствомъ возникающихъ изъ этого дѣлъ.

Сбытъ молотаго ржанаго хлѣба производится въ окрестные казенные и частные заводы: Артинскій, Сергинскій, Михайловскій, Саранинскій, Бисертскій, Александровскій (Голубцовскій) и другіе, а овесъ продается содержателямъ постоялыхъ домовъ на большомъ сибирскомъ трактѣ; также разные промышленники скупаютъ рожь и пшеницу на мѣстѣ и сплавляютъ внизъ по Уфѣ къ волжскимъ пристанямъ. Скотъ продается тоже скупщикамъ на мѣстѣ. Въ зимнее время, крестьяне занимаются перевозкой съ заводовъ чугуна, а сверхъ того, нѣкоторые, по пролегающему чрезъ сей станъ проселку, возятъ проѣзжающихъ.

Башкирцы и вообще народы, исповѣдывающіе магометанскую вѣру, при самомъ ничтожномъ хлѣбопашествѣ, вовсе не занимаются огородничествомъ, необходимымъ для поддержанія домашняго благосостоянія.

При изобиліи и удобствѣ сбыта хлѣба и скота, государственные крестьяне живутъ безбѣдно и всегда своевременно оплачиваютъ подати. Башкирцы, Мещеряки, Тептяри и Татары, мало занимаясь хлѣбопашествомъ, живутъ скудно: у нихъ нерѣдко въ двухъ домахъ одна лошадь, а въ трехъ домахъ одна соха; напротивъ Черемисы, не смотря на то, въ какомъ бы они вѣдомствѣ не находились, представляютъ собой примѣръ трудолюбія. Жалко только, что народъ этотъ, исправляя и свои и русскіе праздники, пропиваетъ большую половину вырученныхъ за хлѣбъ денегъ, хотя, не смотря на это, платежъ податей идетъ у нихъ исправно.

Народъ въ третьемъ станѣ вообще не развитъ, грубъ и суевѣренъ; мѣръ же противъ этого не принимается; даже заведенныя въ нѣкоторыхъ селахъ училища, по ходатайству управлявшаго округомъ, закрыты. Невѣжество здѣсь простирается до того, что рѣдкій можетъ прочесть, необходимыя для христіанина молитвы: Вѣрую и Отче нашъ. Грамотныхъ людей можно только встрѣтить между единовѣрцами, писарями и татарскими муллами, но число ихъ, по количеству народонаселенія, ничтожно. Да и гдѣ же имъ научиться грамотѣ? Въ третьемъ станѣ, почти на 40,000 обоего пола жителей, существуетъ только одно училище въ селѣ Поташкѣ, да школьный мусульманскій домъ въ деревнѣ Окѣ, для мещерякскихъ дѣтей; многолюднѣйшіе приходы: манчажинскій (въ коемъ волостное правленіе), сажинскій, новозлатоустовскій, березовскій, сухановскій и деревни приходовъ: саранинскаго, красноуфимскаго и артинскаго, остаются и вовсе безъ училищъ. Башкирцы, Татары и Мещеряки исповѣдуютъ магометанскую вѣру и говорятъ почти однимъ языкомъ; Черемисы же и Вотяки — язычники и говорятъ разными нарѣчіями.

Черемисы переселились сюда, какъ старожилы разсказываютъ, изъ Вятской губерніи и, живя всегда отдѣльными деревнями отъ Русскихъ и Татаръ, сохранили вѣру своихъ предковъ и языкъ. Исповѣдуя языческую вѣру, Черемисы отправляютъ свои богомолья всѣ одновременно, на извѣстныхъ горахъ, почитаемыхъ ими священными, гдѣ предъ пылающимъ огнемъ и народомъ, стоящимъ на колѣняхъ, Юктючи—старики, знающіе и крѣпко исполняющіе свои вѣрованія и обряды, произносятъ молитвы богу Юмо [1]). Чистота тѣла и бѣлизна одежды, непремѣнно своего приготовленія, и на ногахъ лапти, составляютъ необходимую наружную принадлежность богомольца. Пришедшіе въ одеждѣ, сшитой изъ фабричной ткани и въ сапогахъ, что бываетъ рѣдко, къ богомолью не допускаются. Юмо, создателю неба и земли, живущему на небѣ, Черемисы, кромѣ изліянія молитвъ, приносятъ въ жертву съѣстные припасы, возлагая или выливая ихъ на горящій во время богомолья огонь. Женщины и дѣти въ богомольи не участвуютъ. Черемисы, также какъ и Татары, празднуютъ еженедѣльно пятницу, подобно тому какъ христіане воскресенье [2]). Черемисы питаютъ особенное уваженіе къ Святителю Николаю Чудотворцу, предъ иконою котораго въ ближайшихъ церквахъ, какъ то: манчажской, красноуфимской, сажинской и другихъ, ставятъ свѣчи и становясь на колѣни, кланяются до земли, прося милости.

Отправляемые Черемисами праздники: Новый годъ (Василья Кугузя), Масляница (Эрня), Пасха (Куече), Семикъ и богомолья: весеннее — Ага-байрамъ и лѣтнее — Юмоталашъ, сопровождаются играми, плясками, музыкой и непомѣрнымъ пьянствомъ, въ коемъ участвуютъ не только мущины и женщины, но старики и дѣти всѣхъ возрастовъ, не исключая и качающихся въ зыбкѣ; послѣдніе, по увѣренію Черемисъ, напаиваются для того, чтобъ они крѣпче спали, не слышали ихняго шуму и крику. Многіе изъ Черемисъ и ихъ женъ курятъ и нюхаютъ табакъ.

Черемисы, кромѣ своихъ странныхъ обычаевъ и вѣрованій, имѣютъ убѣжденіе въ существованіи на землѣ въ чудовищномъ видѣ злаго духа — шайтана, котораго наканунѣ весенняго богомолья, Ага-байрама, ночью, выгоняютъ изъ своихъ деревень, бѣгая за нимъ съ палками изъ дома въ домъ, производя несносный шумъ, крикъ (шайтанъ-пастрамъ) и стукъ въ стѣны домовъ.

При болѣзни отъ кереметя [3]), родные и знакомые молятъ о здоровьѣ въ рощѣ и приносятъ ему въ жертву разныхъ живот-

[1]) У Черемисъ Юмо есть тотъ же, что въ древнія времена у Финновъ *Юмала*. Описаніе языческихъ народовъ, Миллера. Спб. 1791 г.

[2]) Въ сей день не служатъ у нихъ никакой службы и не знаютъ показать причины, для чего они пятницу паче другихъ дней въ недѣлѣ празднуютъ, и сіе, мнѣ кажется, паки мірское обыкновеніе, которое вошло къ нимъ отъ ихъ сосѣдовъ, Татаръ. Миллеръ.

[3]) Злаго духа, производящаго болѣзнь.

ныхъ и птицъ, смотря по тому, чего потребуетъ кереметь, что узнаютъ посредствомъ ворожбы (миркайдашъ). Замѣчу мимоходомъ, что въ бывшую въ 1840 году въ Пермской губерніи холеру, между Черемисами её не было, — тогда какъ между жившими вблизи отъ нихъ, въ Бугалышѣ, Татарами смертность отъ этой болѣзни была весьма значительна.

Умершихъ Черемисы одѣваютъ въ полную свою національную одежду, даже надѣваютъ рукавицы, а имѣющіе достатокъ кладутъ съ умершимъ въ могилу войлокъ и подушку. По умершемъ Черемисы совершаютъ поминки, въ третій, седьмой и сороковой день послѣ смерти, изъ коихъ послѣдній проводятъ въ пьянствѣ, пѣсняхъ и пляскахъ. Оставшіяся при поминкахъ кушанья, блины и оладьи, Черемисы бросаютъ собакамъ, и если при этомъ собаки раздерутся, то заключаютъ, что умершій живетъ весело.

Свадьбы у Черемисъ сопровождаются всегда кражею невѣсты, за которую при мировой родителей, платятъ калымъ, деньгами и вещами, сообразно съ состояніемъ жениха; въ этомъ, съ присовокупленіемъ надлежащей выпивки, состоитъ весь обрядъ черемисскаго бракосочетанія. Нѣкоторые Черемисы, имѣющіе достатокъ, держатъ, какъ и Татары, двухъ и трехъ женъ.

Черемисы, вообще, характера скромнаго, честны, терпѣливы и трудолюбивы, а главное близки и склонны къ принятію христіанской вѣры. Очень жалко, что у Черемисъ-Тептярей, за поступленіемъ въ башкирское вѣдомство, нынѣ всѣ ближайшіе начальники Башкирцы, нетерпящіе христіанъ и вообще иновѣрцевъ.

Съ смертію миссіонера Луканина, какъ окрещенные имъ Черемисы, такъ и оставшіеся въ язычествѣ, нынѣ оставлены безъ вниманія въ отношеніи утвержденія и распространенія между ними Св. Вѣры.

Григорій Городской.

ШАДРИНСКІЙ УѢЗДЪ ВЪ АПРѢЛѢ 1842 ГОДА.

(*Изъ воспоминаній очевидца*).

23 апрѣля, въ день великомученика Георгія, въ селѣ Томакульскомъ (шадринскаго уѣзда) бываетъ большой базарный съѣздъ. Въ 1842 году, праздникъ Георгія пришелся въ четвергъ на пасхальной недѣлѣ, и по этому съѣздъ былъ многолюднѣе обыкновеннаго. Кромѣ канашинцевъ, иванищевцевъ и сосновцевъ, пріѣхавшихъ съ пряниками, изюмомъ, орѣхами и кожевеннымъ товаромъ, собралось къ празднику много гостей изъ пограничныхъ шадринскихъ селеній.

Праздникъ начался весело и шумно. Но спокойствіе было нарушено крестьянами томакульской волости, безчеловѣчно избившими писаря Канахина, который вскорѣ и умеръ отъ побоевъ. Поводомъ къ этому были злонамѣренные слухи, будтобы крестьяне проданы какому-то барину и что ихъ сельскія власти получили уже приказаніе о сборѣ съ нихъ огромныхъ повинностей разнаго рода. Бывшіе у праздника крестьяне разнесли вѣсть о происшедшемъ по окрестности.

На другой день, въ селѣ Широковскомъ (долматской волости), находящемся въ 12 верстахъ отъ Томакульскаго, крестьяне собрались большою толпою къ сельскому управленію и стали требовать отъ старшины дѣло о продажѣ ихъ *подъ барина.* Толпа вскорѣ увеличилась мужиками, прибывшими изъ деревень Тропиной и Нижнеярской. Безграмотный старшина, ничего не зная, кричалъ только имъ въ отвѣтъ, что требуемаго дѣла нѣтъ въ управѣ, и что онъ ихъ никому не продавалъ, да и никто не продаетъ ихъ, а между тѣмъ послалъ нарочнаго съ извѣстіемъ о происходящемъ, къ долматовскому головѣ Игнатью Иванчикову. Послѣдній тотчасъ же отправился съ засѣдателемъ волостнаго правленія, Коуровымъ, въ село Широковское. Найдя тамъ огромную толпу крестьянъ, голова спросилъ ихъ: зачѣмъ они собрались? Крестьяне отвѣчали, что нѣкоторые изъ нихъ были въ селѣ Томакульскомъ, наслышались тамъ о поступленіи всѣхъ ихъ подъ барина, о разведеніи картофеля, о посѣвѣ какого-то хлѣба, и потому желаютъ знать, что у нихъ по этому во своемъ мѣстѣ дѣлается? Голова, человѣкъ грамотный, изъ писарей, старался убѣдить ихъ въ ложности слуховъ и въ доказательство своихъ словъ, читалъ и объяснялъ имъ предписанія начальства—о распространеніи картофеля и объ общественныхъ запасахъ. Крестьяне не вѣрили ему и кричали, что онъ самъ все это написалъ. Голова, ища средствъ успокоить волненіе, пригласилъ приходскаго священника, Дмитрія Попова, съ которымъ вмѣстѣ убѣждалъ ихъ разойтись, и совѣтовалъ имъ, если желаютъ удостовѣриться въ истинѣ, послать отъ себя нарочныхъ въ Шадринскъ, къ тамошнему начальству. На послѣднее, крестьяне, повидимому, согласились, но когда голова уѣхалъ въ Долматовъ, они послали не въ Шадринскъ, а въ Томакульское село, узнать, что намѣрены предпринять томакульцы?

Ложные слухи, между тѣмъ, быстро распространяясь по уѣзду, взволновали жителей волостей: иванищевской, ольховской, смолинской, петропавловской, уксянской, маслянской и частію батуринской и верхтеченской. Способствовали этому также не мало камышловскіе нищіе, разъѣзжавшіе большими ватагами за сборомъ подаянія.

Голова Иванчиковъ, возвратившись изъ села Широковскаго въ Долматовъ поздно вечеромъ, вообразилъ себѣ, что вразумить крестьянъ своей волости онъ можетъ только въ полномъ собраніи ихъ, на волостномъ сходѣ, на которомъ будутъ, вѣроятно, и люди здравомыслящіе. Вслѣдствіе этого, онъ тот-

часъ разослалъ приказы по деревнямъ и селамъ, къ выборнымъ и десятскимъ: оповѣстить всѣхъ домохозяевъ, чтобы на слѣдующій день, т. е. въ субботу (25 апрѣля), они явились на волостной сходъ, по дѣлу, касающемуся интересовъ цѣлой волости. Настала суббота. Этотъ день привыкли жители Долматова проводить особенно весело; послѣ обѣдни, густыя толпы гуляющихъ разсыпались по селенію и въ монастырской оградѣ, и колокольни были унизаны любителями трезвона. Между тѣмъ, при общемъ весельѣ, при обычномъ пасхальномъ благовѣстѣ, толпы крестьянъ тянулись со всѣхъ сторонъ въ Долматовъ и скоплялись около волостнаго правленія. Около полудня пришелъ въ правленіе голова. Въ толпѣ толковали о картофелѣ, о баринѣ и т. п. Голова ждалъ широковцевъ, наиболѣе взволнованныхъ сосѣдей села Томакульскаго. Въ толпѣ много было долматовскихъ жителей и даже кровли домовъ были унизаны ими.

Наконецъ, въ 2 часа по-полудни, раздались крики и шумъ, сопровождавшіе появленіе широковцевъ. Протолкавшись черезъ толпу впередъ, они потребовали отъ головы „указъ, за Высочайшимъ подписомъ, на трехрублевомъ гербовомъ листѣ, объ отчисленіи ихъ къ какому-то господину, со взысканіемъ съ каждой души, съ мужиковъ по 90 руб. и съ женщинъ по 70 руб., холста, и кромѣ того, по 6 пудъ хлѣба, съ души“; потомъ потребовали „распоряженіе о разведеніи картофеля и о неприкосновенномъ запасѣ хлѣба“. Голова неоднократно читалъ и разъяснялъ имъ послѣднія, но они не вѣрили ему, говоря, что онъ самъ написалъ ихъ. Такой говоръ быстро разнесся по Долматову и между жителями послѣдняго возбудилъ тревогу. Слова: бунтъ, бунтъ! передавались отъ одного къ другому и достигли наконецъ монастыря, гдѣ въ отвѣтъ на нихъ загудѣлъ набатъ, сперва на монастырской колокольнѣ, а потомъ и на николаевской приходской. Жители Долматова раздѣлились: одни, подъ вліяніемъ страха, бросились въ монастырь и заперли за собою ворота, другіе, заинтересованные происходящимъ, сбѣжались къ управленію. Мнѣ было тогда 11 лѣтъ, и я былъ въ комнатѣ волостнаго правленія, откуда, въ растворенное окно, видѣлъ разъяренную толпу. Писарь Иванъ Качалковъ замѣтно трусилъ и прятался за меня. Голова, между тѣмъ, безпрестанно выносилъ къ крестьянамъ цѣлыя кипы бумагъ, которыми старался убѣдить ихъ въ нелѣпости ихъ опасеній. Но все было напрасно; толпа шумѣла и волновалась. Безпокойнѣе другихъ были крестьяне села Широковскаго, деревень: Тропиной, Нижнеярской, Смирновой и Затеченской; прочихъ же селеній крестьяне, и даже нѣкоторые изъ долматовцевъ, ограничивались тѣмъ, что подстрекали шумѣвшихъ.

Въ толпѣ, кромѣ дѣтей и женщинъ, вѣроятно было до 400 человѣкъ, изъ которыхъ до полутораста были возбуждены до готовности на все. Священникъ николаевской долматовской церкви, Іосифъ Дилигенскій, видя опасное положеніе головы, не побоясь взволнованной толпы, старался, какъ могъ, убѣдить

крестьянъ, чтобы они оставили голову въ покоѣ; видя, однакожъ, что усилія его напрасны, пытался увести Иванчикова въ церковь; но крестьяне не пустили послѣдняго, прогнали священника и нѣкоторые изъ толпы ухватили голову въ припадкѣ ярости за воротъ чекменя, изорвали на немъ все платье, не исключая рубашки, били его и плевали ему въ глаза. Циркулярное предписаніе министра государственныхъ имуществъ о неприкосновенности запаса взяли они къ себѣ, называя голову *міропродавцемъ;* ругали сельскаго старшину Дегтерева и писаря Терехова, нанесли имъ также побои и изорвали на нихъ одежду. Волостной писарь Качалковъ успѣлъ выскочить въ растворенное окно и убѣжалъ въ монастырь. Мятежники повели голову, старшину и писаря Терехова къ рѣкѣ, въ намѣреніи пытать ихъ холодной водой: „морозить надо ихъ,—кричали въ толпѣ,— обливать пушше надо стюдёной водой ихъ, дакъ скоря скажутъ дѣло о баринѣ"... Что морозить водой,—кричали другіе,—что много толковать съ имя, а привязать-взять къ бревну, да и пустить по Исетѣ плавать!... Управлявшій монастыремъ казначей, іеромонахъ Николай, стоя на монастырской стѣнѣ и завидѣвъ толпу, ведущую связанныя жертвы ея ярости, вздумалъ подѣйствовать на мятежниковъ страхомъ и громко кричалъ, чтобъ вставщили на стѣну пушку. Мятежники дѣйствительно струсили, повернули назадъ и придя къ сельскому управленію, стоявшему на исетскомъ трактѣ, саженяхъ въ двадцати пяти отъ волостнаго, не знали что дѣлать. Воспользовавшись такой удобной минутой, крестьянинъ деревни Тропиной, Андрей Тропинъ, успѣлъ уговорить ихъ, чтобы они не трогали голову. Они однакожъ, накинувши на послѣдняго крестьянскій зипунъ, посадили его со старшиною и писаремъ подъ караулъ въ сельское управленіе. Вскорѣ со стѣнъ монастырскихъ раздались два пушечные выстрѣла, усугубившіе страхъ мятежной толпы. Но въ это время примкнувшій къ толпѣ священникъ николаевской церкви, Василій Гвоздевъ, закричалъ: „по дѣломъ вору и мука,— бейте его собаку!" При этомъ онъ прибавилъ, что съ крестьянъ велѣно собирать на господина съ каждой души по полупуду масла, по десяти фунтовъ маку и отъ сорока до ста аршинъ холста. Это снова ободрило бунтовщиковъ и они придумывали новыя пытки для головы. Въ это время сестра послѣдняго, жившая съ нимъ вмѣстѣ, крестьянская вдова, по имени Марья, упросила казначея, іеромонаха Николая, выдти съ образами къ расправѣ и отслужить молебенъ Божіей Матери. Казначей, посовѣтовавшись съ братіею, рѣшился исполнить ея просьбу. Въ шесть часовъ вечера раздался благовѣстъ и монахи вышли съ образами изъ монастыря. Іеромонахи Николай, Исаакъ и Минодоръ, дьяконъ Кирпищиковъ и множество долматовскихъ крестьянъ и мѣщанъ, непріставшихъ къ мятежникамъ, участвовали въ процессіи, которая произвела благотворныя послѣдствія. Мятежники снимали передъ нею шапки и молча давали дорогу, удаляясь къ волостному правленію. Воспользовавшись

этимъ обстоятельствомъ, мѣщане, пришедшіе съ крестнымъ ходомъ, успѣли арестовать трехъ крестьянъ, карауливщихъ голову, старшину и писаря, которые уведены были въ монастырь, вмѣстѣ съ своими приставниками. Никто не мѣшалъ имъ удалиться и монастырскія ворота были безпрепятственно заперты. Вечеромъ снова раздались выстрѣлы съ монастырскихъ стѣнъ, а три возмутителя, взятые во время процессіи, были прикованы въ монастырской оградѣ къ деревянному столбу за шеи желѣзными кандалами, а чтобъ отнять у нихъ всякую возможность къ побѣгу и вмѣстѣ съ тѣмъ защитить отъ холоду и вѣтру, ихъ завернули и завязали всѣхъ вмѣстѣ въ большую киргизскую кошму.

Широковскій священникъ Дмитрій Поповъ укрылся въ стѣнахъ монастыря. Монастырцы, не зная намѣреній мятежниковъ, боялись ночнаго нападенія, а потому нѣкоторые изъ извѣстныхъ своимъ постоянствомъ жителей Долматова приглашены были приходить на ночлегъ въ монастырь, что и продолжалось нѣсколько сутокъ до пріѣзда сюда становаго пристава съ солдатами шадринской инвалидной команды. По ночамъ, во все это время, постоянно производилась съ монастырскихъ стѣнъ пальба изъ пушекъ и ружей для внушенія страха волновавшимся крестьянамъ. Между тѣмъ, посланъ былъ въ Шадринскъ нарочный, мѣщанинъ Дмитрій Лавровъ, съ донесеніемъ о происходившемъ, куда, не смотря на нѣкоторыя препятствія, особенно при проѣздѣ чрезъ село Замараевское, онъ прибылъ благополучно. Домъ головы Иванчикова, между тѣмъ, не былъ тронутъ мятежниками. Вскорѣ, въ деревнѣ Затеченской (въ 4 верстахъ отъ Долматова) обнаружилось также волненіе. Крестьяне, собравшись около сельскаго управленія, потребовали отъ писаря Ивана Добрынина указъ о взысканіи съ нихъ, съ каждой души, по 70 руб. деньгами, кромѣ того, съ женъ ихъ—по 20 фунт. коровьяго масла и по 25 арш. холста, съ каждой. Писарь отозвался, что такого указа не было, да и быть не можетъ; тогда крестьяне растворили самовольно шкафы съ дѣлами и вынимая изъ нихъ бумаги, давали читать ихъ своимъ грамотникамъ, отыскивая упомянутый указъ. Ничего не найдя, они водили писаря въ его квартиру и тамъ произвели обыскъ, также неудачный. Разьяренные этимъ мятежники били писаря, приговаривая: „вы, писаря, разбойники, обирали, обдирали насъ, да мало вамъ этого показалось, дакъ вы еще насъ продали подъ барина: польстились, что онъ вамъ далъ жалованье, да съ прозументами кафтаны!“ Избивши писаря и изодравши на немъ одежду, они заперли его въ *чижовку* (въ тюрьму) при сельскомъ управленіи. На другой день его вывели въ толпу, состоявшую человѣкъ изъ 200, для новыхъ допросовъ. Писарь отъ страха палъ на колѣна предъ ними и просилъ пощадить его. На что ему сказали, что ждутъ першинскихъ крестьянъ и если они будутъ согласны, то не оставятъ его въ живыхъ. Въ иванищевской волости смуты возникли въ одно время съ появленіемъ ихъ

въ Долматовѣ. 24 апрѣля собралась толпа въ селѣ Кривскомъ (въ 25 верстахъ отъ Томакульскаго). Крестьяне разсуждали о средствахъ остаться при прежнихъ порядкахъ и не поддаваться *барину*. На другой день, такая же толпа сошлась къ сельскому управленію, съ намѣреніемъ требовать и искать дѣло о баринѣ. Дошло объ этомъ до свѣдѣнія иванищевскаго головы Ивана Бурдина; онъ отправился тотчасъ же въ Кривское село съ волостнымъ писаремъ. Найдя здѣсь большое сборище крестьянъ, онъ старался убѣдить ихъ разойдтись и объяснялъ имъ настоящій смыслъ послѣднихъ административныхъ распоряженій правительства; но послѣдствія были тѣ же, что и въ другихъ мѣстахъ,— крестьяне не хотѣли вѣрить ему и кричали свое, — о продажѣ ихъ подъ барина и т. под. Голова, видя убѣжденія свои тщетными, ушелъ въ домъ къ сельскому писарю; но его вскорѣ вытащили оттуда двое молодыхъ крестьянъ и привели насильно въ толпу. Здѣсь на него посыпались удары со всѣхъ сторонъ. Побои сопровождались угрозами посадить его въ бочку съ водой и лишить жизни. Одинаковой участи съ нимъ подвергся и волостной писарь. Оба они были, избитые, заперты въ расправѣ, но предварительно вынуждены дать записку, по которой крестьяне думали найдти дѣло о баринѣ. Нѣсколько человѣкъ крестьянъ отправились съ этою запискою въ село Иванищевское, взявши съ собою насильно кривскаго сельскаго писаря, какъ грамотника. Въ этомъ селѣ они нашли также толпы крестьянъ, которые готовы были имъ содѣйствовать въ поискахъ. Привезли сюда также и брата волостнаго головы, для допросовъ. Послѣдній могъ только показать имъ казенный ящикъ, гдѣ хранились деньги и документы. Деньги крестьяне не тронули, но бумаги пересмотрѣли всѣ и взяли нѣкоторыя, болѣе показавшіяся имъ подозрительными, къ себѣ. Отъ помощника волостнаго писаря они также требовали бумаги о баринѣ и грозили въ случаѣ невыдачи забить его до смерти. Иванищевцы, кромѣ того, кричали еще, что изъ одной книги писаря вырвали листы и отослали ихъ въ Шадринскъ къ окружному начальнику. 26 апрѣля въ Кривской деревнѣ и Иванищевскомъ селѣ прошло въ тѣхъ же розыскахъ и требованіяхъ. Въ Иванищевскомъ селѣ, одинъ крестьянинъ, выйдя отъ заутрени изъ единовѣрческой церкви, остановилъ народъ и внушалъ ему мысль о бунтѣ, говоря: „что за бѣда, если и десять человѣкъ будетъ убито, но вѣдь тысячи въ живыхъ останется, а на всѣхъ плетей не напасешся!“... Засѣдатель волостнаго правленія въ этотъ день уѣхалъ въ Шадринскъ съ донесеніемъ о происходившемъ. Въ крутихинскомъ обществѣ (уксянской волости) появились возмутители изъ Долматова, привезшіе ложныя вѣсти, что въ широковской расправѣ писарь Тереховъ нашелъ указъ о баринѣ, и съ поклономъ отдалъ міру, за что его крестьяне и помиловали, а въ Долматовѣ-де указъ этотъ нашли у головы въ перинѣ. Одинъ нижнеярскій крестьянинъ требовалъ отъ сельскаго писаря людей на помощь противъ суда и солдатъ, пріѣхавшихъ

будто бы въ томакульскую волость для принужденія крестьянъ отдаться подъ барина. Не смотря на все это, однакоже, крутихинцы остались спокойными. Между тѣмъ, шадринское уѣздное начальство, получивъ въ одно время донесеніе о смутахъ въ иванищевской и долматовской волостяхъ, раздѣлилось на двѣ части. Одна отправилась 27 апрѣля въ иванищевскую волость съ 30 человѣками солдатъ шадринской инвалидной команды, при подпоручикѣ Гоголинскомъ, другая — въ долматовскую волость съ нѣсколькими солдатами, при старшемъ унтеръ-офицерѣ. Первая тотчасъ приступила къ водворенію порядка, вторая — заперлась въ стѣнахъ Долматовскаго монастыря, ожидая прибытія сюда же команды, ушедшей въ иванищевскую волость. Между тѣмъ, крестьяне всѣхъ селеній долматовской волости собрались въ Долматовъ огромными толпами и толковали объ уничтоженіи всѣхъ сельскихъ начальствъ, кромѣ головы и писаря, которыхъ полагали выбрать вновь, а бывшихъ до того времени — смѣнить. Не смотря на все это, домъ головы и семейство его не тронуты. Временное отдѣленіе по прибытіи въ Иванищевское село, нашло тамъ толпу крестьянъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которая, на спросъ чиновниковъ о причинѣ сходбища, отвѣчала слухами о продажѣ крестьянъ подъ барина и т. д. Чиновники, оставивъ команду въ 3 верстахъ отъ Иванищевскаго села, около деревни Чувашей, справедливо полагали, что могутъ убѣдить крестьянъ благоразумными внушеніями и они, безъ участія военной силы, разойдутся по домамъ. Такъ и случилось, и чиновники, успокоенные этимъ, заняли квартиру. Но вдругъ появилась новая партія крестьянъ, человѣкъ въ 300, пришедшая изъ деревни Малоберкутской и села Сосновскаго. Вновь пришедшіе сгрудились около квартиры чиновниковъ и зашумѣли. Окружный начальникъ К. вышелъ къ нимъ и убѣждалъ ихъ успокоиться, опровергая возмутившіе ихъ ложные слухи. Крестьяне отвѣчали на его слова дерзостями и потребовали выдачи бумагъ, о которыхъ уже было говорено выше. Они кричали также, что „въ камышловскомъ уѣздѣ, ихъ сосѣди—крестьяне побили не только волостныхъ, но и повыше ихъ коекого, такъ пора-де и намъ за то же взяться“... Положеніе было опасное. Люди, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, не намѣрены были шутить; многіе молодые ребята отдѣлились отъ толпы и засучивъ рукава, были готовы на все. Только необыкновенный случай могъ спасти его: онъ замѣтилъ на небѣ родъ креста, образовавшагося изъ солнечныхъ лучей; сохраняя во все время полное присутствіе духа, онъ не упустилъ воспользоваться этимъ явленіемъ для своего спасенія; указывая съ притворнымъ удивленіемъ на небо, нѣсколькими удачно принаровленными къ случаю словами, онъ успѣлъ охладить раздраженную толпу и въ минуту ея недоумѣнія, подъ предлогомъ, что ему нужно осмотрѣть запасные магазины, потребовалъ, чтобъ за нимъ слѣдовали нѣсколько человѣкъ стариковъ. Найдя такимъ образомъ средство вырваться изъ толпы, онъ успѣлъ незамѣтно распорядиться,

чтобъ оставленная около деревни Чувашей военная команда немедленно прибыла въ Иванищевское село. Между тѣмъ, крестьяне опять отправились въ волостное правленіе для розыскиванія воображаемаго указа. Единовѣрческій священникъ Дмитрій Золотавинъ приходилъ въ облаченіи и съ крестомъ, увѣщевать ихъ; но, конечно, его трудъ былъ напрасенъ. Вскорѣ прибыла, впрочемъ, военная команда изъ Чувашей, а чиновники распространили слухъ, что за нею идутъ еще нѣсколько ротъ, и вслѣдствіе этого крестьяне успокоились и стали расходиться по домамъ, объявивъ, что они готовы вѣрить чиновникамъ на слово и признаютъ надъ собою существующія власти. Составивъ списокъ шумѣвшихъ крестьянъ, чиновники отправились въ село Кривское, гдѣ нашли толпу человѣкъ въ 400. И здѣсь крестьяне успокоились, и даже выдали главныхъ зачинщиковъ буйства. На пути изъ Кривскаго села въ Долматовъ, временное отдѣленіе встрѣтило въ деревнѣ Смирновой большое скопище людей, шедшихъ въ Долматовъ для утвержденія рукоприкладствомъ приговора о вновь избранномъ ими головѣ. Къ счастію и они послушались чиновниковъ и возвратились къ домамъ, выдавъ главныхъ зачинщиковъ, которые и были тотчасъ же взяты подъ стражу. При въѣздѣ въ Долматовъ, чиновники были встрѣчены огромною толпою крестьянъ, которые, увидя слѣдующую за ними военную команду, разбѣжались въ разныя стороны; на мѣстѣ остались не болѣе 100 человѣкъ, но вскорѣ къ нимъ присоединились новые пришельцы изъ разныхъ селеній. На встрѣчу къ временному отдѣленію вышелъ изъ монастыря приставъ Ждановъ съ отрядомъ солдатъ. Голова Иванчиковъ тотчасъ же былъ призванъ къ отправленію должности, и временное отдѣленіе приступило къ исправительному наказанію взятыхъ подъ стражу, а болѣе виновные изъ нихъ были забиты въ кандалы и отправлены въ шадринскую тюрьму, для слѣдствія и суда надъ ними. Во время перевоза послѣднихъ въ Шадринскъ, замараевскій сельскій старшина донесъ чиновникамъ, что по обѣимъ сторонамъ дороги, засѣли толпы крестьянъ съ кольями, въ намѣреніи отбить и освободить арестантовъ. Для разогнанія ихъ посланъ былъ подпоручикъ Гоголинскій съ своею командою; крестьяне открытые имъ въ засадахъ, оказали сопротивленіе и, въ схваткѣ съ солдатами, ранили нѣсколько человѣкъ послѣднихъ, а у двухъ изъ нихъ смяли ружейные штыки. Конечно, дѣло кончилось тѣмъ, что крестьяне были разогнаны, при чемъ нѣкоторые пойманы и взяты подъ стражу. По водвореніи въ Долматовѣ спокойствія, временное отдѣленіе отправилось въ другія волости. Въ первыхъ числахъ мая всѣ волости были окончательно усмирены. Военнымъ судомъ приговорено было около 700 человѣкъ къ различнымъ наказаніямъ, смотря по мѣрѣ вины каждаго; но покойный Государь, въ Бозѣ почивающій Николай Павловичъ, по милосердію своему, даровалъ мятежникамъ помилованіе, исключая 20 человѣкъ главныхъ зачинщиковъ, да и тѣ были наказаны только 200 роз-

гами и оставлены на мѣстахъ жительства, вмѣсто опредѣленнаго имъ военнымъ судомъ наказанія шпицрутенами и ссылки въ каторжную работу. Къ несчастію края, чрезъ одинадцать мѣсяцевъ, снова вспыхнуло въ зауральѣ волненіе, принявшее болѣе широкіе размѣры и имѣвшее болѣе серьёзныя послѣдствія.

А. Зырянов.

МУРЗИНСКАЯ ГОРА И ОКОПЫ НА НЕЙ.

Рѣка Исеть, протекая шадринскимъ уѣздомъ, приняла въ себя съ южной стороны, противъ села Мехонскаго, рѣку Міясъ. Возвышенный правый берегъ ея въ этомъ мѣстѣ, извѣстенъ подъ именемъ Мурзинской горы, отъ деревни Мурзиной, расположенной при подошвѣ возвышенія, на берегу Исети. Противъ деревни, изъ горы Мурзинской, выдается родъ землянаго выступа, примыкающаго заднею стороною къ горѣ; выступъ этотъ продолговатъ по діоганали отъ с. з. къ ю. в.; площадь его не ровна, изрыта ямами и поросла мѣстами березникомъ; въ одномъ мѣстѣ ея провалъ или искусственная яма, глубиною до 2 арш., а въ другомъ — курганъ до 3 саж. въ окружности и $1^1/_2$ аршина въ вышину. Высота выступа, отъ подошвы его, глазомѣрно, не болѣе 18 саж., длина площади простирается до 30, ширина отъ 8 до 12 саж. По окраинѣ площади видѣнъ ровъ, вырытый въ почвѣ черноземной и глинисто-песчаной, обведенный землянымъ валомъ; окружность ихъ до 90 саженъ; какъ тотъ, такъ и другой, видимо, дѣло рукъ человѣческихъ. Съ западной и южной сторонъ, ровъ и валъ значительно сгладились отъ стока весеннихъ водъ, а съ сѣверной и восточной — до сего времени довольно хорошо сохранились. Вышина отъ дна рва до гребня вала, около полуторыхъ саженъ; ширина рва $1^1/_2$ — 2 аршина. Кругомъ выступа, около окоповъ, растутъ смѣшанно соснякъ и березникъ. Позади выступа, раскидывается по Мурзинской горѣ другая обширная площадь, покрытая большею частію такимъ-же лѣскомъ. Къ выступу примыкаютъ слѣды другаго окопа, замѣтные на дугообразномъ протяженіи до 90 саж.

Когда, кѣмъ и для какихъ цѣлей сооружены описанные окопы-неизвѣстно. Знаемъ только, что во время Пугачевщины, въ первыхъ числахъ марта 1774 года, въ нихъ собирались Мехонцы и крестьяне другихъ селеній — защищаться отъ мятежниковъ [1]).

Мѣстные жители называютъ описанный выступъ *Лисьею горою*, и говорятъ, что встарь на ней водились лисицы большими ста-

[1]) См. Пермскій Сборникъ, книжка 1-я, отд. 1., стр. 81 и 82.

дами. Это преданіе довольно достовѣрно, ибо подтверждается историческими актами, свидѣтельствующими о существованіи въ здѣшней мѣстности въ XVI и XVII столѣтіяхъ лисицъ, барсуковъ и даже бобровъ, исчезнувшихъ вслѣдствіе быстраго прилива народонаселенія въ XVII столѣтіи, по усмиреніи Башкиръ, и вслѣдствіе истребленія пришельцами дремучихъ лѣсовъ. На горѣ Мурзинской, въ 7 верстахъ отъ деревни того же имени, внизъ по теченію Исети, къ деревнѣ Грачевой, по нынѣ сохранились ямы, которыя, по увѣренію старожиловъ, служили въ прежнія времена для ловли волковъ, барсуковъ и другихъ звѣрей, отчего и удержали названіе *волчьихъ* и *барсучьихъ* ямъ. По тому же свидѣтельству, самые окопы, описанные нами, служили для ловли лисицъ, хотя по всей вѣроятности, это не было ихъ единственнымъ и тѣмъ болѣе первоначальнымъ назначеніемъ.

Александръ Зыряновъ.

ЗАМѢТКА О ПРЕБЫВАНІИ ВЪ ПЕРМИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, ВЪ 1824 ГОДУ.

На сибирской улицѣ, противъ нынѣшняго канцелярскаго училища, существовалъ прежде домикъ, въ которомъ жилъ архитекторъ горнаго вѣдомства Свіязевъ, авторъ одного изъ употребительнѣйшихъ до сего времени руководствъ къ изученію гражданской архитектуры. Въѣхавши въ городъ, Государь велѣлъ остановиться экипажу у этого домика, вошелъ въ него и просилъ позволенія хозяина переодѣться въ его квартирѣ. Бриллiантовый перстень самому Свіязеву и такой же фермуаръ его хозяйкѣ были первыми милостями Государя въ чертѣ города. Квартира для Государя была приготовлена въ домѣ, принадлежащемъ теперь казенной палатѣ. Не смотря на послѣднія числа сентября, погода, какъ нарочно для пріѣзда августѣйшаго гостя, разгулялась, и всѣ три дня его пребыванія въ Перми простояла чудесная. Городничимъ здѣсь былъ тогда нѣкто Дамичъ, отставной гвардеецъ, какъ говорятъ, весьма походившій наружностію на покойнаго Государя и лично ему извѣстный. Александръ Павловичъ узналъ его съ перваго взгляда, назвалъ по имени и даровалъ ему тутъ же право носить общеармейскіе эполеты. На другой день пріѣзда, Государь дѣлалъ смотръ пермскому гарнизону передъ гостинымъ дворомъ, на теперешней Торговой площади, а на площади противъ Петропавловскаго собора смотрѣлъ горную команду, бывшую подъ начальствомъ подполковника князя Уракова. Въ этотъ же день, по желанію Государя, представленъ былъ ему отставной солдатъ екатерининскихъ временъ, служившій при канцеляріи губернатора сторожемъ и извѣстный подъ единственнымъ именемъ Кузмича. Онъ явился къ Государю въ старинной свой формѣ.

„При комъ ты началъ службу, старинушка?“ спросилъ его Государь.

— При Ея Благородіи, блаженной памяти, матушкѣ Екатеринѣ — отвѣчалъ Кузмичъ, видимо растерявшійся отъ неожиданнаго счастія говорить съ Государемъ.

Государь улыбнулся и пожаловалъ Кузмичу новенькую красненькую.

Во время пребыванія своего въ Перми, Государь навѣстилъ престарѣлаго пермскаго епископа Іустина, доживавшаго свой вѣкъ на покоѣ, въ одномъ изъ флигелей архіерейскаго дома, гдѣ нынѣ помѣщаются пѣвчіе. Бесѣдовали долго. Государь тотчасъ замѣтилъ, что воспоминанія старца обращались съ особенною любовію къ Венеціи, гдѣ онъ былъ въ молодости при посольствѣ; Александръ съ намѣреніемъ поддерживалъ разговоръ на этомъ предметѣ. — Епархіею тогда управлялъ преосвященный Діонисій, встрѣтившій и проводившій Государя рѣчами, напечатанными въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1824 года.

Егоръ Мухачевъ.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ О СЛУЖБѢ ДОКТОРА ГРАЛЯ [1]).

Врачебной управы инспекторъ, докторъ медицины и хирургіи, статскій совѣтникъ, орденовъ Св. Анны 2 степени съ Императорскою короною и Св. Владиміра 4 ст. кавалеръ, имѣетъ знакъ отличія за сорокалѣтнюю безпорочную службу, Федоръ Христофоровъ сынъ Граль, 65 лѣтъ, лютеранскаго исповѣданія, изъ пасторскихъ дѣтей. Начало ученія сдѣлалъ въ кіевской аптекѣ — аптекаря Бунге до 1786 г., потомъ продолжалъ ученіе въ медико-хирургическомъ институтѣ въ С. Петербургѣ до 1787 г., получилъ лекарское достоинство 1789 г. іюня 12, и, желая продолжать науки, уволенъ былъ въ чужіе края на собственномъ коштѣ, гдѣ удостоенъ званія доктора медицины и хирургіи, въ которомъ и утвержденъ бывшею медицинскою коллегіею 1791 г. мая 8 и опредѣленъ въ Пермскую губернію, въ города Ирбить и Алапаевскъ (нынѣ заштатный), а по открытіи врачебной управы перемѣщенъ губернскимъ врачемъ 1799 г. 5 Іюня; въ 1800 году опредѣленъ въ Пермскую врачебную управу операторомъ; 26 ноября 1800 г., за отличную службу, произведенъ надворнымъ совѣтникомъ; 5 марта 1801 г. сдѣланъ инспекторомъ. Отъ службы былъ уволенъ 1802 г. августа 21, опредѣленъ на ту же должность 1802 г. декабря 15; коллежскимъ совѣтникомъ произведенъ 1808 г. августа 4; статскимъ совѣтникомъ 1816 г. апрѣля 29. 1807 г. ноября 23 дня, по имянному Высочайшему повелѣнію, за отличную

[1]) Документъ этотъ доставленъ редакціи П. Сборника теперешнимъ инспекторомъ Пермской врачебной управы Васильемъ Антоновичемъ Поповымъ. *Ред.*

службу, награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ; 1810 г. сентября 8 дня получилъ Высочайшее благоволенie чрезъ г. тайнаго совѣтника сенатора и кавалера Обрѣзкова за похвальное отправленie обязанностей званiя своего. 1811 г. февраля 25, за усердную службу и отличные труды, по должности оказанные, награжденъ орденомъ Св. равноапостольнаго князя Владимiра 4 степени. 1820 г. апрѣля 29, по Высочайшему повелѣнiю, объявлена ему за отличную службу признательность чрезъ г. управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графа Виктора Павловича Кочубея. 1822 г. февраля 28, по уваженiю долговременной и отличной службы, по Высочайшему соизволенiю, въ поощренie впредь къ продолженiю службы съ равнымъ усердiемъ, прибавлено къ получаемому имъ по штату жалованью 1000 руб. въ годъ. 1826 г. февраля 12, въ вознагражденie отличныхъ трудовъ и усердiя къ службѣ Всемилостивѣйше пожалованъ ему орденъ Св. Анны 2 степени. 1830 г. августа 22, за 35 лѣтнюю безпорочную службу, награжденъ знакомъ отличiя. Всемилостивѣйше пожалованъ на перемѣну прежняго знака отличiя безпорочной службы за 40 лѣтъ. Къ ордену Святыя Анны 2-й степени Всемилостивѣйше пожалована Императорская корона 1833 года iюня 4-го. Въ походахъ, штрафахъ, подъ судомъ, въ отпускахъ не былъ; холостъ. Умеръ отъ болѣзни 1835 года, iюня 6 дня.

О ѲЕОНОВѢ.

— Ѳеоновъ воспитывался въ Вятской семинарiи. На философiи онъ споткнулся, запилъ, и былъ разжалованъ изъ учениковъ въ хлѣбопеки. Цѣлый годъ исполнялъ онъ новое свое назначенie, но не переставалъ учиться; занимаясь втихомолку, въ свободное время, чтенiемъ, онъ прiобрѣлъ свѣдѣнiй болѣе, чѣмъ могъ дать ему семинарскiй курсъ. Тогда, бросивши печенье хлѣбовъ, онъ бѣжалъ въ Казань и, по простотѣ старыхъ временъ, явился прямо на прiемный университетскiй экзаменъ, выдержалъ его и былъ принятъ въ число студентовъ.

— Разсказываютъ о Ѳеоновѣ еще слѣдующее. Однажды, передъ вскрытiемъ рѣкъ, сошлись въ ротондѣ, существовавшей въ Перми, на берегу Камы до пожара 1842 года, многie изъ пермяковъ. Между ними были Тюфяевъ съ своими приближенными, откупщикъ Пономаревъ и Ѳеоновъ. Толковали о томъ, велика-ли будетъ вода въ разливъ? Слышались разныя мнѣнiя; наконецъ Тюфяевъ обратился къ Ѳеонову съ вопросомъ: какъ онъ думаетъ объ этомъ? Ѳеоновъ отвѣчалъ слѣдующимъ экспромтомъ:

Дотолѣ ждать нельзя разлитья водъ большова,
Пока здѣсь откупа въ рукахъ Пономарева....

*

ДОМАШНІЯ ЛИСИЦЫ ВЪ ЮГОВСКОМЪ КАЗЕННОМЪ ЗАВОДѢ.

Въ Юговскомъ казенномъ заводѣ съ давнихъ поръ мастеровые держатъ при домахъ лисицъ. Они, обыкновенно, ловятъ весною въ гнѣздахъ молодыхъ щенятъ, вмѣстѣ съ самкою и помѣщаютъ ихъ при домахъ въ особыхъ бревенчатыхъ срубахъ, дѣлаемыхъ въ вышину около $2^1/_2$ аршинъ и въ ширину и длину по 6 аршинъ. Сверху закрываютъ ихъ крышей, снизу стелютъ крѣпкій полъ, а для прохода воздуха и кормленія, прорубаютъ продолговатыя отверзтія, на столько узкія, чтобы звѣри не могли вылѣзть. Если щенята пойманы безъ самки, то съ ними садятъ ощенившуюся суку, которая и выкармливаетъ лисенятъ. Когда послѣдніе станутъ подростать, то имъ даютъ мясо, а потомъ кормятъ разными остатками, уменьшая постепенно количество пищи къ осени, для того чтобы, при меньшемъ количествѣ жира, образовалась болѣе пушистая шкура. Вообще лисицы остаются въ состояніи совершенно дикомъ, и только рѣдкія изъ нихъ привыкаютъ къ хозяину на столько, что берутъ у него изъ рукъ кормъ и дозволяютъ себя ласкать. Осенью, обыкновенно, доморощенныхъ лисицъ давятъ, и шкуры ихъ продаютъ на базарахъ, въ Перми и другихъ мѣстахъ, а также торгующимъ пушными товарами купцамъ. Въ послѣднее время, число охотниковъ держать лисицъ стало меньше, и теперь можно насчитать во всемъ Юговскомъ заводѣ не болѣе пятидесяти штукъ лисицъ, выкармливаемыхъ при домахъ. Объяснить причину уменьшенія этого промысла трудно, ибо онъ даетъ хорошее вознагражденіе за трудъ. Сырыя шкурки продаются не дешевле 5—6 руб., и есть такія, за которыя берутъ рублей по тридцати серебромъ.

S.

СОЛОНОСКИ, СОВОШНИКИ И РОГОЖНИЦЫ.

Мѣстныя условія раждаютъ иногда совершенно особенные промыслы. Такъ, въ Перми существуютъ цѣлыя корпораціи солоносокъ, совошниковъ и рогожницъ. Выгрузка весною съ ладей соли въ магазины, расположенные по берегу Камы, составляетъ особый промыселъ, доставляющій кусокъ хлѣба множеству пермскихъ мѣщанокъ и крестьянокъ изъ подгородныхъ селеній. Вообще женщины, занимающіяся этимъ промысломъ, называются *солоносками* и раздѣляются на партіи, человѣкъ по пяти, подъ начальствомъ *нагребщицы*, которая, обыкновенно, не выходитъ изъ магазина, будучи обязана нагребать каждой носильщицѣ изъ своей партіи соль въ мѣшокъ; на ней же лежитъ полученіе денегъ отъ подрядившагося выгрузить соль и дѣлежъ заработка

между участвующими въ партіи. Счетъ съ подрядчикомъ ведется съ тысячи пудовъ, за переносъ которой платится отъ $1\frac{1}{2}$ до 4 руб. и болѣе серебромъ. Усердная солоноска можетъ *выробить* (заработать) отъ 2 до 5 руб. сереб. въ недѣлю. Вознагражденіе за трудъ удовлетворительное; но, зная тяжесть труда, нельзя не пожалѣть, встрѣчая между солоносками за частую беременныхъ женщинъ и едва вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста дѣвушекъ. За послѣднихъ прискорбно еще и потому, что солоноски вообще пользуются самою плохою репутаціею въ отношеніи нравственности.

Другой оригинальный промыселъ возникъ въ Перми вслѣдствіе большаго количества переваливаемыхъ здѣсь чаевъ, слѣдующихъ изъ Сибири въ Россію [1]). Чрезъ Пермь круглый годъ идутъ чаи, и значительнѣйшія партіи ихъ проходятъ съ апрѣля по августъ мѣсяцъ. Чаи, назначаемые для дальнѣйшей отправки водою, складываются до весны здѣсь въ амбарахъ, на берегу Камы или въ лавкахъ гостинаго двора. Передъ сдачею ихъ на суда, они испытываются въ качествѣ, и это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Въ *мѣсто* или цибикъ вонзается особеннаго рода инструментъ, извѣстный подъ названіемъ *совка;* это желѣзная палка съ выемкою въ концѣ, въ которой, когда вытаскивается совокъ обратно, остается нѣкоторое количество чая. Чай встряхиваютъ на ладонь, опредѣляютъ качество его на взглядъ, на запахъ, наконецъ на вкусъ; но истинная цѣль этой операціи вовсе не въ испытаніи качества чая. Караванному прикащику забота не велика, какого бы качества не получилъ чай его хозяинъ, лишь бы только совсѣмъ не забраковалъ. Но г. караванному прикащику, при подобной операціи, бываютъ *сходки*, и немаловажныя. Совки нарочно дѣлаются съ такимъ углубленіемъ, что въ немъ остается до четверти фунта и болѣе чая, и весь этотъ вынутый чай идетъ въ пользу прикащика, который и продаетъ его подъ именемъ *совошнаго*. Въ старыя времена этотъ промыселъ былъ очень выгоденъ, что явствуетъ изъ того, что многіе обозные прикащики, получавшіе по 200 руб. сереб. въ годъ жалованья, теперь ворочаютъ собственными большими дѣлами и пользуются извѣстностію между чайными торговцами. Теперь не то, но все-таки *сходки* есть. Впрочемъ рѣчь наша не объ обозныхъ прикащикахъ, а о промыслѣ, дающемъ не совсѣмъ чистый кусокъ хлѣба пермскимъ мѣщанамъ и мѣщанкамъ. Передъ испытаніемъ, о которомъ говорено выше, цыбики раскладываются по рогожамъ, рядами. *Совошникъ* пробиваетъ *ширу* (то есть телячью кожу, въ которую зашитъ чайный ящикъ) совкомъ и вытаскиваетъ чай. Чай этотъ, по испытаніи, бросается на рогожу или въ особый ящикъ. Ловкій совошникъ, сверхъ хорошаго заработка денежнаго, собираетъ такого бросоваго чая до нѣсколькихъ фунтовъ. Ящики, подозрѣ-

[1]) Какъ дополненіе къ свѣдѣніямъ объ этомъ предметѣ, см. статью: «Совошный чай», въ «Запискахъ Императорскаго Казанскаго Экономическаго Общества».

ваемые въ подмочкѣ или въ подмѣси, расшиваются и, по осмотрѣ, снова задѣлываются какъ были. Должно замѣтить, что подъ этимъ предлогомъ расшивается много такихъ ящиковъ, которыхъ вовсе нельзя заподозрить въ подмочкѣ или подмѣси, но дѣлается это собственно съ ящиками полновѣсными, изъ которыхъ есть возможность кое-что поубавить въ пользу прикащика. Совошникамъ помогаютъ *рогожницы*. Обязанность послѣднихъ заключается въ томъ, чтобы собирать чай съ рогожекъ за извѣстную плату; въ отношеніи же лично себя — собрать остающіяся за тѣмъ крохи вмѣстѣ съ соромъ въ свои передники, по возможности отдѣлить одно отъ другаго, сдѣлать запасъ этого чая для домашняго обихода, а при избыткѣ и продать фунтъ — другой пыли съ чаемъ или наоборотъ. Рогожницы, подобно солоноскамъ, дѣлятся на партіи, человѣкъ въ десять и больше, подъ командою *подрядчицы*, ведущей расчеты съ *молодцомъ*, то есть съ обознымъ прикащикомъ, ея старымъ знакомымъ. По окончаніи расчетовъ, подрядчица угощаетъ у себя на дому сотрудницъ— сначала чаемъ, а потомъ и водкою. При дальнѣйшемъ разгарѣ дѣла, водка покупается уже не хозяйкою, а всѣмъ соборомъ, въ складчину или какъ говорятъ въ *складыню*. Все это кончается оргіею, во время которой, по мѣстному выраженію, ***стоитъ дымъ коромысломъ***.

Е. Мухачевъ.

ЮДИНСКІЙ СѢРНЫЙ ИСТОЧНИКЪ.

Пермская губернія, столь извѣстная своими минеральными богатствами, изобилуетъ также и цѣлебными источниками. Большею славою изъ нихъ пользуются Сергинскіе сѣрные и Ключевскіе сѣрные и желѣзные (послѣдніе, впрочемъ, остаются пока безъ употребленія, и только одни сѣрные привлекаютъ больныхъ въ Ключевское село). Но кромѣ названныхъ есть много въ губерніи и другихъ ключей различныхъ составовъ, не только не уступающихъ имъ, но, можетъ быть, и превосходящихъ ихъ цѣлебными свойствами. Къ сожалѣнію они или вовсе неизслѣдованы или не приспособлены для больныхъ, и потому или втунѣ орошаютъ землю своими драгоцѣнными струями или привлекаютъ къ себѣ весьма мало публики. Къ послѣднимъ принадлежитъ и Юдинскій сѣрный источникъ, находящійся верстахъ въ шести на западъ отъ Камышлова, вверхъ по рѣкѣ Пышмѣ, на правомъ ея берегу. Названіе свое онъ получилъ отъ мельницы, стоящей саженяхъ во ста выше его, а мельница названа Юдинскою по имени строителя и перваго владѣльца ея, крестьянина Юдина. Почва земли, изъ которой вытекаетъ источникъ, песчаная, прикрытая саженяхъ въ десяти отъ берега тонкимъ сло-

емъ чернозема. Источникъ выходитъ на поверхность низменнаго берега нѣсколькими отверзтіями. Заливаемыя водою во время весеннихъ разливовъ и сильныхъ лѣтнихъ дождей и заносимыя при этихъ случаяхъ пескомъ [1]), они каждогодно мѣняютъ свое мѣсто, не выходя впрочемъ изъ предѣловъ площадки саженъ въ восемь въ поперечникѣ. Источникъ этотъ беретъ свое начало, вѣроятно, изъ возвышенностей, находящихся саженяхъ въ двухъ стахъ отъ него. По крайней мѣрѣ, въ этомъ предположеніи утверждаетъ слѣдующее наблюденіе: если по направленію отъ источника на юго-западъ, къ горамъ, дѣлать сильные удары по землѣ, то вслѣдъ за ними поднимаются со дна ключей пузырьки, наполненные газомъ. Это явленіе заставляетъ думать также, что источникъ проходитъ подъ землею не глубоко.

Юдинскій источникъ только въ послѣдніе три года сталъ привлекать къ себѣ больныхъ. Въ 1858 году камышловскій уѣздный казначей Б. построилъ близь него небольшой домикъ для своей дочери, пользовавшейся подъ руководствомъ медика Каменскаго завода, Рудановскаго. Результаты ея лѣченія мнѣ неизвѣстны. Лѣчился также въ одно время съ нею отставной медикъ Б., совершенно потерявшій зрѣніе. Поселившись въ избѣ мельника, онъ употреблялъ въ продолженіи мѣсяца воду внутрь, дойдя постепенно до 15 стакановъ въ день. Хотя онъ, какъ я слышалъ, и не излѣчился совершенно, но подъ конецъ лѣченія сталъ различать яркіе предметы, какъ напримѣръ солнце, зажженную свѣчу и т. п. Кромѣ этихъ больныхъ, лѣчились въ тоже лѣто водою Юдинскаго источника: какая-то ялуторовская дама и камышловскій купецъ Денисовъ, страдавшій ревматизмомъ. Послѣдній совершенно излѣчился.

Замѣчательно, что скотъ весьма любитъ воду Юдинскаго источника и никогда не пьетъ въ рѣкѣ воду выше его впаденія. Жители окрестныхъ деревень, бывая близь него, также считаютъ какъ будто обязанностію напиться сѣрной воды.

Нельзя не пожелать, чтобъ медицинское управленіе края обратило вниманіе на этотъ источникъ, и чтобъ вода его была подвергнута химическому анализу [2]).

Верстахъ въ 3 или 4 отъ Юдинскаго источника вверхъ по рѣкѣ Мостовкѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ Пышму, есть небольшая плотинка, устроенная для отвода воды во время разлитія Мостовки. Изъ-подъ этой плотинки тоже вытекаетъ небольшой сѣрный ключь; впрочемъ, онъ гораздо слабѣе Юдинскаго.

П. Протопоповъ.

[1]) Быстрое теченіе рѣки особенно способствуетъ наносамъ; въ обыкновенную воду быстрота ея теченія отъ 6 до $7^1/_2$ саж., а въ разливы отъ 10 до 12 саженъ въ минуту.

[2]) Едва ли не была разложена вода Юдинскаго источника еще въ 30-хъ годахъ докторомъ Гралемъ. *Ред.*

ПУБЛИЧНОЕ ИСПЫТАНІЕ ВОСПИТАННИКОВЪ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ 12 ІЮЛЯ 1859.

Редакція Пермскаго Сборника, интересующаяся всѣмъ, что прямо или косвенно касается того края, съ которымъ она имѣетъ цѣлью знакомить публику, вѣроятно, не откажетъ напечатать нѣсколько строкъ о публичномъ испытаніи учениковъ Пермской духовной семинаріи, бывшемъ 12 іюля 1859 года. Не думая давать подробнаго отчета о происходившемъ, я ограничусь только личными впечатлѣніями, которыя были тѣмъ живѣе, что, во первыхъ, я человѣкъ заѣзжій, слѣдовательно незнакомый съ мѣстными условіями, а во вторыхъ—мнѣ и въ другихъ городахъ не случалось до настоящей поры бывать на семинарскихъ экзаменахъ.

Въ назначенный для испытанія день, я первымъ изъ посѣтителей явился въ публичный залъ семинаріи. Воспитанники были уже всѣ на лицо, занимая половину комнаты. Изъ среды ихъ выдвигалась каѳедра со множествомъ золоченыхъ украшеній. По обѣ стороны отъ нее тянулись шесть рядовъ креселъ и стульевъ, кончавшихся у стола, покрытаго зеленымъ сукномъ съ золотыми кистями и бахрамою. Надъ столомъ этимъ возвышалась сѣнь, искусно устроенная изъ васильковъ, одуванчиковъ и другихъ полевыхъ цвѣтовъ. Здѣсь было приготовлено мѣсто для Его Высокопреосвященства, архіепископа пермскаго и верхотурскаго Неофита. Полевые цвѣты вообще обильно украшали залъ: ими была увита люстра, спускавшаяся съ потолка, расписаннаго масляными красками; изъ нихъ же искусно сплетены были коврики, положенные на полу, между рядами креселъ, каѳедрою и зеленымъ столомъ; коврики изображали двуглавыхъ орловъ, со щитами на груди, на которыхъ виднѣлся пермскій гербъ... Солнечные лучи, падая изъ оконъ, косвенно прорѣзали комнату голубоватыми столбами, въ воздухѣ слышалось тонкое благоуханіе ладона... Словомъ, все дышало праздникомъ... Вскорѣ залъ наполнился посѣтителями, которые почти исключительно принадлежали къ чиновному люду: шитые воротники, ордена и шпаги украшали чуть не каждаго входившаго, придавая нѣкоторымъ образомъ коллегіальную внѣшность дѣлу публичному. Я и два товарища мои были какъ бы исключеніемъ въ настоящемъ случаѣ, и намъ чувствовалось даже какъ-то неловко въ нашихъ фракахъ, при такой торжественной обстановкѣ.

По пріѣздѣ вице-губернатора, за отсутствіемъ начальника губерніи исправлявшаго эту должность, — вскорѣ вошелъ въ залъ и Его Высокопреосвященство въ сопровожденіи ректора семинаріи и другихъ духовныхъ лицъ, благословилъ присутствующихъ подъ пѣніе молитвы: Царю Небесный, сѣлъ на приготовленное для него подъ сѣнью мѣсто, и испытаніе открылось *привѣтственною* рѣчью, произнесенною однимъ изъ воспитанниковъ. Она нѣсколько напомнила содержаніемъ и реторикою извѣст-

ную рѣчь Георгія Кониекаго. Привожу здѣсь вполнѣ програму испытанія, которая раздана была посѣтителямъ.

„Для испытаній назначается:

1. Въ высшемъ отдѣленіи:

а) По Священному Писанію: объясненіе первой главы изъ посланія къ Евреямъ.
б) — Догматическому Богословію: о священныхъ преданіяхъ, какъ источникѣ христіанскаго вѣроученія.
в) — Ученію о Русскомъ Расколѣ: о Стоглавомъ соборѣ.
г) — Гомилетикѣ: о внутреннемъ характерѣ церковнаго собесѣдованія.
д) — Обличительному Богословію: о средствахъ, которыми латинская церковь удерживаетъ въ подчиненіи себѣ царства и народы латинскаго вѣроисповѣданія.
е) — Церковной Исторіи: о замѣчательныхъ событіяхъ и лицахъ 5-го вѣка.
ж) — Церковной Археологіи: изъясненіе принадлежностей святаго алтаря.
з) — Медицинѣ: экзаменъ болѣзней.
и) — Сельскому Хозяйству: о разведеніи разныхъ огородныхъ овощей и зелени.

2. Въ среднемъ отдѣленіи:

а) По Священному Писанію: объясненіе псалма 6-го.
б) — Психологіи: доказательство бытія души въ человѣкѣ изъ разсмотрѣнія ощущеній и свободныхъ движеній человѣка.
в) — Исторіи Церковно-Библейской: исторія о важнѣйшихъ событіяхъ въ жизни царя Давида.
г) — Русской гражданской Исторіи: о походахъ Суворова въ Италію.
д) — Физикѣ: о примѣненіяхъ гальваническаго тока къ химическимъ и механическимъ производствамъ.
е) — Естественной Исторіи: исторія о китахъ.

3. Въ низшемъ отдѣленіи:

а) По Православному Исповѣданію: о дарахъ Духа Святаго.
б) — Реторикѣ: о сочиненіяхъ историческихъ.
в) — Всеобщей гражданской Исторіи: о борьбѣ между Помпеемъ и Юліемъ Цезаремъ за владычество надъ Римомъ.
г) — Алгебрѣ: приложеніе свойствъ логариѳмовъ къ рѣшенію вопросовъ о сложныхъ процентахъ.

4. Во всѣхъ отдѣленіяхъ:

Испытаніе по языкамъ: еврейскому, латинскому, греческому, нѣмецкому, французскому и татарскому".

Программы этой, сколько я замѣтилъ, строго держались экзаменаторы, и только испытаніе „изъ исторіи о китахъ" было

почему-то пропущено. Ученики выходили, кланялись Его Высокопреосвященству и отвѣчали на задаваемые вопросы, пока не были останавливаемы словомъ: „довольно!“ Бойчѣе другихъ оказались: одинъ математикъ, быстро исписавшій всю доску алгебраическими знаками и цифрами и другой воспитанникъ, отвѣчавшій о разведеніи дыни-контолупы. Испытаніе изъ физики сопровождалось опытомъ примѣненія гальваническаго тока къ движенію машинъ. Миньатюрная, очень хорошая машинка, установленная на зеленомъ столѣ, работала долгое время весьма бойко, привлекая своимъ размѣреннымъ стукомъ общее вниманіе и невольно наводя на мысль о возможности perpetuum mobile. Вообще испытаніе шло, какъ заведенные часы. Особенныхъ неудачъ не было. Я замѣтилъ только, что воспитанники какъ будто смущались въ присутствіи публики, въ чемъ, конечно, винить ихъ нельзя, если принять въ соображеніе, что они видятъ ее раза два въ годъ и вѣроятно считаютъ принадлежащею къ какому-то недосягаемо для нихъ высокому сословію. Вѣроятно это же смущеніе было причиною и того, что нѣкоторые воспитанники, будучи вызваны, начинали отвѣчать, не получивши еще вопроса...

Замѣчательно также безмолвіе присутствовавшей при испытаніи *публики*, изъ среды которой не послѣдовало ученикамъ ни одного вопроса, ни одного замѣчанія[1]).

Испытаніе было заключено *благодарственною* рѣчью, въ которой говорилось, между прочимъ, о всеобщемъ въ наше время стремленіи къ образованію, раздачею наградъ и пѣніемъ молитвы: Достойно есть...

Р. Ч—в.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ГОРОДСКОЙ БАНКЪ ЧЕРКАСОВА ВЪ СОЛИКАМСКѢ.

Не смотря на то, что г. Соликамскъ находится въ центрѣ соляной промышленности Пермскаго края, что въ уѣздѣ его много соляныхъ варницъ, въ немъ все-таки нѣтъ ни одного купца первой гильдіи. Но это еще не можетъ служить признакомъ застоя. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что подобно многимъ отдаленнымъ городамъ Россіи, далеко не такъ выгодно расположеннымъ, городское населеніе Соликамска вообще не отличается живою дѣятельностью; онъ точно также, какъ и всѣ почти наши города, страдаетъ отсутствіемъ того мелкаго промышленнаго и торговаго класса, который въ городахъ Западной Европы со-

[1]) Себя мы не винимъ въ безмолвіи: мы народъ заѣзжій и знаемъ давно, что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, а потому и нашли приличнымъ, слѣдуя общему примѣру, слушать молча.

ставляетъ большинство городскаго народонаселенія, въ которомъ сосредоточиваются всѣ жизненныя силы тамошнихъ городовъ. Положеніе мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ вообще у насъ не блестяще. Не говоря уже объ общественномъ состояніи, въ которомъ они находятся, и той низкой общественной ступени, которую они занимаютъ, ихъ матеріальныя средства такъ ничтожны, что, безъ внѣшней помощи, рѣдкій, напримѣръ, мѣщанинъ достигаетъ той степени зажиточности, на какой мы часто видимъ бывшихъ крестьянъ. Можно вообще сказать, что состояніе крестьянина у насъ болѣе обезпечено и лучше положенія мѣщанина. Мы не думаемъ, конечно, чтобы одни матеріальныя пособія могли значительно поднять уровень общественнаго положенія и благосостоянія этого класса; но нельзя не сомнѣваться, что если первое имѣетъ огромное значеніе для втораго, то и второе въ свою очередь должно отразиться до нѣкоторой степени на первомъ, тѣмъ болѣе, что иногда мы видимъ примѣры, какъ съ упадкомъ благосостоянія теряются даже высокія степени общественнаго положенія.

Не будемъ приводить здѣсь избитыхъ фразъ о значеніи кредита въ вопросѣ о промышленной дѣятельности, какъ источникѣ благосостоянія. Если безъ кредита въ настоящее время почти невозможны обширныя предпріятія и торговыя операціи, то мелкія ремесленныя заведенія и мелочная торговля едва-ли не болѣе ихъ нуждаются въ пособіи кредита; по крайней мѣрѣ ремесленникъ и мелочной торговецъ, можно сказать навѣрное, чаще прибѣгаютъ къ нему и болѣе нуждаются въ немъ, чѣмъ большой капиталистъ, но въ тоже время условія кредита для нихъ несравненно тяжелѣе, по недостатку личныхъ и вещественныхъ гарантій. Удовлетворить между тѣмъ этому требованію мелкаго промышленнаго класса совсѣмъ не такъ трудно, какъ кажется съ перваго раза. Условія ссудъ для него могутъ быть иныя, чѣмъ для крупныхъ капиталистовъ, и особенности ихъ зависятъ отъ назначенія занимаемаго ими капитала. Назначеніе это можетъ быть двухъ родовъ: или на первое обзаведеніе или на текущіе расходы. Въ томъ и другомъ случаѣ срокъ займа, по ничтожному размѣру операцій, не можетъ быть продолжительнымъ, ибо маленькій капиталъ обращается скорѣе большаго; но различіе между двумя предназначеніями заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ срокъ долженъ быть длиннѣе, чѣмъ во второмъ, хотя и не такъ продолжителенъ, какъ сроки займа для фабриканта, строющаго фабрику на занятый капиталъ. Такъ какъ первое предназначеніе въ большей части случаевъ требуетъ бо́льшаго капитала, чѣмъ второе, то можно бы допустить различные сроки займа по мѣрѣ его размѣровъ: для мелкихъ займовъ маленькій срокъ, для большихъ — болѣе продолжительный. Другая особенность мелкаго кредита заключается въ томъ, что для него могутъ быть высшіе проценты на занятый капиталъ, въ сравненіи съ крупнымъ: для краткосрочныхъ и незначительныхъ займовъ одинъ и даже полтора процента въ мѣсяцъ

ничего не значатъ, тогда какъ для большихъ и долгосрочныхъ 12 или 18 процентовъ въ годъ невыносимо тяжелы и встрѣчаются только въ странахъ, гдѣ почти нѣтъ кредита. И здѣсь свойство операцій мелкаго и большаго капитала объясняютъ это различіе въ процентахъ, и здѣсь точно также должно быть сдѣлано различіе относительно назначенія и срока занимаемыхъ капиталовъ. Но самое главное условіе, которое должно принести величайшую пользу мелкому промышленному классу, — это преобладаніе *личнаго* кредита надъ *вещественнымъ*, т. е. кредита, основаннаго на личной гарантіи, надъ кредитомъ, основаннымъ на вещественныхъ гарантіяхъ или обезпеченіяхъ долга. Люди, наиболѣе нуждающіеся въ мелкихъ и кратковременныхъ займахъ, обыкновенно обладаютъ наименѣе вещественными гарантіями, напримѣръ золотыми и серебряными вещами, драгоцѣнными каменьями и т. п. Правда, бываетъ, что въ тоже время они имѣютъ и менѣе личныхъ гарантій; но высшій процентъ займовъ, напримѣръ $1^1/_2$ или даже 2 въ мѣсяцъ, а въ особенности хорошая организація судовъ и хорошее и быстрое коммерческое судопроизводство, могутъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ кредитора тамъ, гдѣ обыкновенный торговый процентъ простирается отъ 6 до 8%. Не менѣе важное условіе есть отсутствіе сложныхъ формальностей и офиціальнаго характера кредитныхъ учрежденій для мелкихъ ссудъ, при которомъ они смотрятъ на свои ссуды какъ на благодѣянія, а на прибѣгающихъ къ ихъ помощи, какъ на просителей, которымъ они оказываютъ великодушіе. Въ этомъ случаѣ гораздо лучше строгое законное взысканіе за неисполненіе обязательствъ, при 12—24% въ годъ, чѣмъ великодушіе чиновника и произволъ при 6% въ годъ.

При совершенномъ отсутствіи у насъ какого бы то ни было кредита для нашего городскаго народонаселенія, представляемаго мелкимъ торговымъ и ремесленнымъ классомъ, нельзя не встрѣтить съ полнымъ сочувствіемъ прекраснаго дѣла Петра Іоновича Черкасова, жертвующаго пятнадцать тысячъ рублей серебромъ въ вѣчную собственность соликамскаго городскаго общества на основаніе въ городѣ Соликамскѣ банка. Сумма эта будетъ служить основнымъ капиталомъ предполагаемаго учрежденія, которое станетъ называться *Соликамскимъ Общественнымъ Городскимъ Черкасова Банкомъ*, по примѣру Высочайше утвержденнаго въ г. Осташковѣ банка Савина. Чтобы познакомиться съ характеромъ этого учрежденія, мы приведемъ въ извлеченіи нѣкоторыя статьи изъ проэкта устава; замѣтимъ только предварительно, что при составленіи устава принято въ руководство Высочайше утвержденное 10 іюня 1857 года положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ, которое въ настоящее время, вмѣстѣ съ уставами другихъ кредитныхъ учрежденій, пересматривается спеціальными коммиссіями и вѣроятно будетъ измѣнено.

Цѣль городскаго банка Черкасова опредѣляется въ проэктѣ устава такимъ образомъ: „чтобы развить мелкую промышлен-

ность и облегчить оборотъ незначительныхъ капиталовъ для тѣхъ изъ обывателей города Соликамска, которымъ государственныя кредитныя установленія недоступны". Кромѣ того онъ имѣетъ еще благотворительную цѣль, о которой мы скажемъ послѣ. Имѣя прежде всего въ виду поощреніе мелочной промышленности и торговли, банкъ открываетъ свои дѣйствія ссудами; затѣмъ уже, если капиталъ банка значительно увеличится, а требованіе ссудъ будетъ продолжаться, то онъ приступитъ и къ другой операціи—къ пріему вкладовъ для приращенія процентами.

Ссудами могутъ пользоваться исключительно одни граждане города Соликамска, промышленники и торговцы, и первоначальный размѣръ ихъ не долженъ превышать трехъ тысячъ рублей серебромъ въ однѣ руки. По достиженіи капитала банка до 50,000 рублей, такія ссуды, съ согласія общества, допускаются и для гражданъ г. Чердыни, а при капиталѣ во 100,000 рублей онѣ распространяются на всѣ сословія.

Личнаго кредита банкъ не допускаетъ съ своей стороны; ссуды его производятся не иначе, какъ подъ вѣрные залоги недвижимаго и движимаго имущества (золотыя и серебряныя вещи и драгоцѣнные камни); но „для большаго облегченія жителей и особенно ремесленниковъ, не имѣющихъ у себя состоянія, дозволяется принимать и прочія, кромѣ золота и серебра, товары, неподверженные порчѣ и удобно сохраняемые"; это предоставляется впрочемъ на усмотрѣніе и отвѣтственность правленія банка. Ссуды подъ залогъ каменныхъ зданій не должны превышать двухъ третей стоимости залога, опредѣленнаго по оцѣнкѣ, и деревянныхъ—одной половины; золотыя и серебряныя вещи, равно какъ жемчугъ, банкъ принимаетъ въ залогъ въ половину, а прочія вещи въ третью долю противъ оцѣночной суммы; притомъ какъ движимое, такъ и недвижимое имущество должно быть застраховано, и только въ случаѣ затрудненія къ страхованію, допускается пріемъ незастрахованнаго имущества. Срокъ для ссудъ подъ залогъ недвижимаго имущества назначается: подъ залогъ каменныхъ и деревянныхъ домовъ и торговыхъ лавокъ не далѣе трехъ лѣтъ, съ допущеніемъ отсрочки для каменныхъ домовъ и лавокъ до восьми лѣтъ; подъ залогъ участковъ обработанной земли — до 12 лѣтъ. Подъ обезпеченіе товаровъ и драгоцѣнныхъ вещей, срокъ ссудъ назначенъ отъ трехъ до двѣнадцати мѣсяцевъ. Банкъ взимаетъ по 6 процентовъ на выдаваемыя деньги. при самой ихъ выдачѣ; изъ нихъ одинъ назначенъ для усиленія его капитала, и одинъ на составленіе капитала для благотворительной цѣли. Въ случаѣ невзноса заимщикомъ денегъ въ срокъ, по истеченіи десяти льготныхъ дней, съ него взыскивается за каждый по истеченіи срока мѣсяцъ, не выключая и льготныхъ 10 дней, по одному проценту съ занятой суммы; по прошествіи же трехъ мѣсяцевъ, банкъ продаетъ заложенное имущество и вознаграждаетъ себя частію вырученной суммы.

Кромѣ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній, драгоцѣнныхъ вещей и товаровъ, банкъ допускаетъ ссуды подъ залогъ

билетовъ кредитныхъ установленій, на основаніи устава приказовъ общественнаго призрѣнія, и сроки такихъ ссудъ полагаются отъ трехъ до девяти мѣсяцевъ. Наконецъ онъ можетъ выдавать ссуды за поручительствомъ, а именно: состоящимъ въ городѣ Соликамскѣ купцамъ, мѣщанамъ и цеховымъ, на каждый заемъ не болѣе 2000 руб. сер., и крестьянамъ соликамскаго уѣзда—не свыше 1000 руб. сер., въ первомъ случаѣ — за поручительствомъ двухъ гражданъ общества, извѣстныхъ своимъ состояніемъ, во второмъ—за поручительствомъ мірскаго общества. Изъ этихъ положеній видно, что не только размѣръ, но и условія операцій банка по ссудамъ довольно широки и должны оказать благодѣтельное вліяніе на промышленный классъ. Но этимъ еще не ограничиваются кредитныя операціи банка: „для большаго облегченія въ торговыхъ оборотахъ и чтобы усилить самую торговлю, дозволяется, по усмотрѣнію правленія банка, принимать на себя *въ учетъ* отъ купцовъ и мѣщанъ *векселя*, данные отъ купцовъ и мѣщанъ города Соликамска“, сообразуясь со степенью довѣрія, которой заслуживаютъ участвующія въ векселѣ лица. Банкъ ограничиваетъ размѣръ учета тѣмъ, что весь кредитъ каждаго изъ этихъ лицъ (векселедателя и предъявителя) порознь, не могутъ превышать: для купца 1-й гильдіи — трехъ тысячъ, 2-й гильдіи — двухъ тысячъ, 3-й — тысячи, для мѣщанина — 500 руб., такъ что, подъ учетъ векселя, подписаннаго купцомъ 1-й гильдіи на имя купца 2-й гильдіи, выдается не болѣе 4000, подписаннаго 2-й гильдіи купцомъ на имя купца 3-й гильдіи выдается не болѣе 2000, подписаннаго купцомъ 3-й гильдіи на имя мѣщанина не болѣе тысячи руб. серебромъ. Относительно сроковъ платежа дисконтируемыхъ векселей Соликамскій банкъ допускаетъ даже срокъ въ двѣнадцать мѣсяцевъ, тогда какъ, по уставу для учетныхъ конторъ, векселя, предъявляемые къ учету, должны имѣть сроки не болѣе девяти и не менѣе одного мѣсяца. Такое отступленіе отъ общаго правила, весьма благодѣтельное для торговаго класса, объясняется тѣмъ, что „многіе изъ купцовъ и мѣщанъ, не имѣя возможности извернуться въ платежѣ девятимѣсячнымъ срокомъ, нерѣдко даютъ векселя свои срокомъ и на двѣнадцать мѣсяцевъ“. Въ замѣнъ этого банкъ не возвращаетъ плательщикамъ процентовъ за недодержанное по векселямъ время, въ случаѣ уплаты по векселю до срока.

Наконецъ, къ числу чисто кредитныхъ операцій Соликамскаго банка будетъ относится и пріемъ вкладовъ для приращенія процентами. Къ этой операціи онъ намѣренъ приступить только по развитіи своихъ средствъ; вклады будутъ приниматься не только отъ мѣщанъ и купцовъ, но также отъ дворянства, чиновниковъ и вообще отъ лицъ всѣхъ сословій. Польза, оказываемая банкомъ въ этомъ отношеніи, значительно увеличилась бы, еслибъ онъ не ограничивалъ *minimum* вклада; по проэкту его устава, сумма одновременнаго вклада не можетъ быть менѣе десяти рублей: это должно, конечно, уменьшать поводъ къ

сбереженію, которое возрастаетъ по мѣрѣ возможности находить полезное помѣщеніе для малѣйшихъ частицъ капитала. Правда, счетоводство при этомъ дѣлается сложнѣе, но за то и польза увеличивается. — Далѣе, взносы могутъ быть допускаемы не менѣе какъ на годъ. Проценты, платимые съ нихъ, соразмѣряются съ величиной той суммы, на которую они платятся: на вклады, не превышающіе 1000 руб. сер. на одно семейство, уплачивается 4%; а на вкладъ свыше 1000 р. — 3%; нельзя не замѣтить, что такое правило весьма разумно, потому что должно привлекать въ банкъ преимущественно мелкіе вклады и содѣйствовать извлеченію большихъ. Противъ нарушенія равновѣсія между пріемомъ вкладовъ и ссудами, банкъ гарантируетъ себя слѣдующими тремя положеніями: во первыхъ, чтобы въ банкѣ наличность суммъ по возможности не превышала 10,000 руб. сер., вслѣдствіе чего пріемъ вкладовъ долженъ соображаться съ выдачами ссудъ; во вторыхъ, пріемъ значительныхъ суммъ, превышающихъ 5000 руб. сер., не можетъ быть произведенъ иначе, какъ съ согласія общества; въ третьихъ, хотя возвратъ капиталовъ дѣлается безъ всякаго замедленія, однако требуется предварительное увѣдомленіе объ извлеченіи вкладовъ, а именно: о капиталѣ не свыше 1000 руб.— по крайней мѣрѣ за недѣлю, отъ 1000 до 3000 р. — за мѣсяцъ, отъ 3000 до 5000 — за два мѣсяца, а свыше 5000 р. — за три мѣсяца до требованія. — Билетамъ банка присвоиваются тѣ же преимущества, какія имѣютъ билеты государственныхъ кредитныхъ установленій; они могутъ быть передаваемы отъ одного лица другому съ передаточными надписями и принимаемы во всѣхъ казенныхъ присутственныхъ мѣстахъ наравнѣ съ наличными деньгами.

Изъ всего этого видно, что программа Соликамскаго банка довольно широка и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличается отъ обыкновеннаго круга дѣятельности городскихъ общественныхъ банковъ, открывая болѣе значительный просторъ кредиту; но въ тоже время нельзя не замѣтить, что программа его имѣла въ виду не столько мелочной и личный кредитъ, который одинъ можетъ вызвать нуждающееся большинство изъ рукъ ростовщиковъ, сколько кредитъ вещественный и на суммы болѣе или менѣе значительныя. Можетъ быть положенію соликамской промышленности и торговли болѣе соотвѣтствуетъ эта форма банка; но во всякомъ случаѣ основаніе кредитнаго учрежденія, на какихъ бы то ни было условіяхъ кредита, должно принести значительную пользу краю. Притомъ планъ г. Черкасова, при всѣхъ его достоинствахъ, въ послѣдствіи можетъ быть еще измѣненъ, сообразно требованіямъ практики; прекрасная же мысль завести банкъ въ отдаленномъ городѣ и пожертвованіе на это капитала не могутъ остаться безъ вліянія на благосостояніе промышленнаго и торговаго класса, и будутъ лучшимъ памятникомъ благородныхъ стремленій г. Черкасова.

Мы сказали, что банкъ г. Черкасова имѣетъ еще благотво-

рительную цѣль; для этой послѣдней будетъ отдѣляться нѣкоторая часть изъ чистыхъ прибылей банка, а именно: $^1/_{10}$ прибылей назначена для покрытія недоимокъ бѣднѣйшихъ гражданъ всѣхъ сословій города Соликамска; $^2/_{10}$—для вспомоществованія бѣднымъ гражданамъ этого города; $^1/_{10}$ въ пользу собора и рождественской церкви по равной части и на священно-служителей [1]). Когда сумма чистыхъ прибылей достигнетъ 5000 руб. серебромъ, то для первой цѣли назначается постоянно 500 р. сер., для второй 1000, въ пользу церкви и собора 300, въ пользу священно-служителей 200 [2]). Съ дальнѣйшимъ возрастаніемъ прибылей, излишекъ идетъ на приращеніе капитала банка; но еслибъ общество нашло необходимымъ, то изъ остатковъ прибылей можно учредить богадѣльню или женское училище; кромѣ того, если дозволятъ средства, учредитель желаетъ, чтобы въ память его было назначено отъ 500 до 600 руб. для воспитанія двухъ мальчиковъ, дѣтей бѣднѣйшихъ гражданъ г. Соликамска, въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ той надеждѣ, что кто-нибудь изъ нихъ, по окончаніи курса, употребитъ свои знанія на дѣло общее — на служеніе по дѣламъ общественнаго банка. Наконецъ, съ той поры, какъ дѣйствія банка распространятся и на жителей города Чердыни, послѣдніе также могутъ пользоваться его благотворительностью: бѣднѣйшимъ гражданамъ этого города, по ходатайству городской думы, можетъ быть удѣляема четвертая часть изъ той суммы, которая назначена на покрытіе недоимокъ и на вспомоществованіе бѣднымъ.

Такимъ образомъ, Соликамскій банкъ г. Черкасова долженъ имѣть, если можно такъ выразиться, и благодѣтельное и благотворительное значеніе. Въ томъ и другомъ случаѣ г. Черкасовъ заслуживаетъ полной благодарности; онъ лучше умѣлъ распорядиться своимъ пожертвованіемъ, чѣмъ многіе, строющіе на свой счетъ высокія колокольни и льющіе колокола въ сотни пудовъ.

А. К.

ИВАНИЩЕВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Сельскимъ библіотекамъ назначено играть важную роль въ образованіи русскаго народа, и потому мы съ искреннимъ удовольствіемъ помѣщаемъ на страницахъ Пермскаго Сборника извѣстіе о недавно возникшей библіотекѣ въ селѣ Иванищенскомъ (въ 17 верстахъ отъ Шадрина). Возникла она совершенно слу-

[1]) Остальныя затѣмъ $^6/_{10}$ распредѣляются такъ: $^2/_{10}$ на содержаніе канцеляріи банка и на жалованье служащимъ, которымъ, по положенію, оно будетъ опредѣлено, и $^4/_{10}$ для увеличенія собственнаго капитала банка.

[2]) На жалованье и содержаніе канцеляріи 1000 руб.

чайно; въ ней пока всего до 30 названій книгъ, но всѣ они тщательно выбраны, принаровлены къ понятіямъ и нуждамъ крестьянскимъ и отличаются возможною популярностію изложенія. Библіотека получала также въ прошедшемъ году Русскую Газету и Народное Чтеніе. Завѣдываетъ библіотекою членъ Императорскаго Географическаго Общества, государственный крестьянинъ Александръ Никифоровичъ Зыряновъ. Почтенный Александръ Никифоровичъ сообщаетъ намъ, что дѣло идетъ успѣшно, читатели есть, и что чуждаются библіотеки только раскольники. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „желательно было бы намъ имѣть кромѣ Русской Газеты и Народнаго Чтенія, которыя мы получаемъ, еще какія-нибудь періодическія изданія. Читалъ я гдѣ-то извѣстія о томъ, что издатели охотно жертвуютъ для сельскихъ библіотекъ газеты и журналы. Что̀, еслибы и насъ они подарили своимъ вниманіемъ,—вѣдь для нихъ жертва одного экземпляра ихъ изданій не обременительна, а для насъ — бѣдняковъ, живущихъ среди тьмы и будничной суеты о кускѣ хлѣба — она была бы даромъ неоцѣненнымъ. Во всякомъ случаѣ, мы были бы ради, еслибы намъ представилась возможность имѣть за половинную цѣну, хотя еще два какихъ-нибудь изданія — журналъ и газету. Въ такомъ случаѣ, я готовъ половину расхода принять на себя, а другую, вѣроятно, редакція Пермскаго Сборника не откажетъ пополнить“.

Редакція, конечно, отвѣчала на это полнымъ согласіемъ. Далѣе интересны въ письмѣ Александра Никифоровича слѣдующія строки:

„Къ сожалѣнію, большая часть грамотныхъ нашего села — старообрядцы; многіе родители изъ православныхъ сильно желаютъ учить дѣтей грамотѣ, да школы у насъ нѣтъ, а сами они не знаютъ какъ ею обзавестись, да и не имѣютъ денежныхъ средствъ для этого. Для школы — ма̀ло ли что нужно! — домъ, топливо, сторожъ, не говоря объ учителѣ. Замѣчательно, что въ единовѣрческихъ приходахъ по нашему зауралью нѣтъ ни одного училища, между тѣмъ какъ они могли бы сильно содѣйствовать къ искорененію раскола. Въ нашемъ селѣ, единовѣрческій священникъ—человѣкъ прекрасный, умный, служитъ не давно. Онъ согласенъ бы былъ безвозмездно учить дѣтей, но не имѣетъ ни дому и ничего, что нужно для этого на первый разъ; занимаетъ квартиру тѣсную и своего дома, кажется, долго не заведетъ, по бѣдности его прихода. Единовѣрческіе приходы далеко не такъ прибыльны для духовныхъ, какъ православные. Мы мечтаемъ съ нимъ о заведеніи школы, но не знаю, что у насъ выйдетъ. Охота есть, да средствъ нѣтъ“.

Заявляя о существованіи библіотеки, мы обращаемся къ нашимъ соотечественникамъ съ просьбою: помочь, по силѣ-возможности, доброму начинанію. Гг. желающіе сдѣлать пожертвованія для Иванищевской библіотеки, благоволятъ адресовать ихъ на имя **Александра Никифоровича Зырянова, въ село Ивани-**

щевское, шадринскаго уѣзда. На этотъ разъ, мы считаемъ долгомъ выразить глубокую признательность г. непремѣнному секретарю Императорскаго Археологическаго Общества, Д. В. Полѣнову, доставившему намъ отъ имени Общества, въ даръ для Иванищевской библіотеки, одинъ экземпляръ издаваемыхъ Обществомъ „Извѣстій" и первый томъ Записокъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи и обѣщавшему исходатайствовать согласіе Общества на постоянную высылку въ библіотеку „Извѣстій", по мѣрѣ ихъ изданія.

S.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КО ВТОРОЙ КНИЖКѢ ПЕРМСКАГО СБОРНИКА.

—

I.

Указатель сочиненій, въ которыхъ заключаются географическія и статистическія свѣдѣнія о Пермской губерніи.

Едва-ли о какой либо другой губерніи написано и напечатано болѣе, чѣмъ о Пермской. И она заслуживаетъ таковаго вниманія по обширности своей, по разнообразію своей мѣстности, по минеральному богатству, по обширнымъ горнымъ и солоdареннымъ заводамъ, по множеству золотопромываленъ, по разноплеменнымъ народамъ, населяющимъ ее, по своимъ древностямъ—остаткамъ чудскихъ укрѣпленій и чудскихъ рудныхъ копей. Свѣдѣнія о Пермской губерніи разсѣяны во множествѣ книгъ и журналовъ старыхъ и новыхъ. Посему предлагаемый здѣсь указатель, надѣюсь, не будетъ безполезенъ для того, кто пожелалъ бы познакомиться съ этимъ любопытнымъ краемъ. Указатель составленъ въ хронологическомъ порядкѣ; такимъ образомъ онъ можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣтописью постепеннаго распространенія географическихъ свѣдѣній о Пермской губерніи. Я старался не пропустить ни одного важнаго сочиненія, но не ручаюсь, чтобы мнѣ удалось это совершенно исполнить. Пропуски, какіе окажутся, будутъ въ послѣдствіи пополнены.

1. **Путевыя записки Исбрантъ-Идеса.** Въ 1692 году московское правительство отправило въ Китай, для устройства торговыхъ сношеній и другихъ переговоровъ, иностраннаго купца Эверта Идеса Исбрантсона, обыкновенно называемаго Исбрантъ-Идесомъ или Исбрандесомъ. Исбрантъ-Идесъ составилъ описаніе своего путешествія, которое было тогда же издано въ свѣтъ, но на какомъ языкѣ первоначально—мнѣ неизвѣстно. Въ русскомъ переводѣ описаніе это помѣщено въ VIII томѣ Древней Русской Вивліоѳики Новикова (2 изданія). Кромѣ того путевыя записки Исбрантъ-Идеса напечатаны, въ сокращенномъ видѣ, на англійскомъ языкѣ, въ приложеніи къ 3-му тому Исторіи Петра Великаго, изданной въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Лондонѣ [1]).

[1]) John Mottley, The life of Peter the Great, Emperor of all Russia. London 1755.

Исбрантъ-Идесъ ѣхалъ черезъ Вологду, сѣверную часть нынѣшней Вятской губерніи, Соликамскъ, далѣе по Камѣ и вверхъ по Чусовой, потомъ чрезъ слободы Уткинскую и Невьянскую. Между прочимъ онъ подробно описываетъ нравы и обычаи Вогуловъ, жившихъ въ то время по Чусовой. Остальныя свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о здѣшнемъ краѣ, не важны.

2. **Путевыя записки Мессершмидта.** Въ царствованіе Петра Великаго, въ 1720 г., Медицинская Канцелярія (завѣдывавшая въ то время медицинской частью во всей Россіи) отправила въ Сибирь, для изслѣдованій по части естественной исторіи и этнографіи, доктора Мессершмидта, данцигскаго урожденца. Въ 1720 и 1726 годахъ онъ проѣзжалъ мѣстности, входящія въ составъ нынѣшней Пермской губерніи. По возвращеніи въ Петербургъ, въ 1727 году, Мессершмидтъ представилъ свои дневники и коллекціи въ учрежденную тогда Академію Наукъ. Онъ описывалъ все, что встрѣчалось ему замѣчательнаго: рѣки, города, чрезъ которые проѣзжалъ, горы, различныхъ народовъ, животныхъ, памятники, древности. Палласъ, отдавая справедливость трудамъ его, говоритъ: „нельзя не подивиться тому, что сдѣлалъ этотъ человѣкъ одинъ". Къ сожалѣнію, многотомныя записки Мессершмидта остались не изданными и хранятся до сихъ поръ въ рукописи въ Академіи Наукъ. Впрочемъ Георги напечаталъ изъ нихъ извлеченіе въ издававшихся Палласомъ съ 1781 до 1793 г. „Neue nordische Beiträge". Есть ли въ извлеченіи Георги что-либо касающееся до Пермскаго края—не могу сказать, такъ какъ никогда не видалъ этого изданія.

3. **Описаніе сибирскихъ заводовъ де-Геннина.** Генералъ де-Геннинъ, управлявшій уральскими и сибирскими заводами съ 1722 по 1734 годъ, составилъ въ концѣ своего управленія описаніе ихъ, которое хранится въ рукописи въ библіотекѣ института корпуса горныхъ инженеровъ, въ С. Петербургѣ. Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ огромныхъ фоліантовъ. Въ 1828 г. Берхъ напечаталъ большое извлеченіе изъ него въ Горномъ Журналѣ (въ нумерахъ 7, 8, 9, 10, 11 и 12). Описаны всѣ бывшіе въ то время въ здѣшнемъ краѣ заводы и важнѣйшіе рудники; кромѣ того тутъ заключаются географическія извѣстія объ окрестностяхъ Екатеринбурга и сѣверной части Пермской губерніи.

4. **Путешествіе по Сибири Гмелина.** Въ 1732 году, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, отправлена была большая ученая экспедиція для изслѣдованія Сибири до самаго Восточнаго Океана и Камчатки, въ физическомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, также для осмотра сибирскихъ архивовъ. Членами этой, такъ называемой *Камчатской*, экспедиціи назначены: астрономъ Делиль де ла Кройеръ, профессоръ химіи и ботаники Гмелинъ, Миллеръ (историкъ), Стеллеръ и Фишеръ. Экспедиція продолжалась десять лѣтъ (до 1743 года). Гмелину поручены собственно изслѣдованія по части естественной исторіи. Плодомъ этихъ изслѣдованій были: Сибирская Флора, изданная

на латинскомъ языкѣ въ 4 томахъ, съ рисунками, и нѣсколько отдѣльныхъ мемуаровъ. Но кромѣ того онъ велъ подробныя путевыя записки, въ которыхъ заключаются весьма интересныя свѣдѣнія по части географіи и статистики. Гмелинъ говоритъ, что въ этомъ сочиненіи „онъ описывалъ только то, что описалъ бы на его мѣстѣ каждый наблюдательный путешественникъ, вовсе неимѣющій ученаго образованія". Путевыя записки Гмелина вышли въ свѣтъ въ 1752 году, въ Геттингенѣ, подъ заглавіемъ: „D. Johann Georg Gmelins Reise durch Sibirien", въ 4 томахъ. Есть также французскій переводъ ихъ, но весьма сокращенный. Свѣдѣнія о здѣшнемъ краѣ заключаются въ 1-мъ (стр. 103—125) и въ 4-мъ (245—577) томахъ записокъ Гмелина, важнѣйшія въ послѣднемъ. Тутъ онъ описываетъ между прочимъ Долматовскій монастырь, Екатеринбургъ и окрестности его заводы Невьянскіе, Тагильскіе, Кушвинскіе, Алапаевскіе, Верхотурье, переѣздъ чрезъ Уральскія горы въ сѣверной части нынѣшней Пермской губерніи, Соликамскъ, Пыскорскій монастырь, Дедюхинскій и Новоусольскій соловаренные заводы.

5. Сохранился еще дневникъ другаго члена Камчатской экспедиціи, астронома **Делиля**, и письма его къ женѣ и къ знакомымъ, писанныя съ дороги. Всѣ эти бумаги, принадлежащія нынѣ Императорскому Русскому Географическому Обществу, разсматривалъ знаменитый нашъ астрономъ академикъ Струве и помѣстилъ о нихъ извѣстіе въ 3-й книжкѣ Записокъ Географическаго Общества. Изъ этой статьи видно, что Делиль въ обратный путь довольно долго былъ въ Пермскомъ краѣ (преимущественно въ Строгоновскихъ имѣніяхъ); по этому въ дневникѣ его должны быть свѣдѣнія о здѣшнихъ мѣстностяхъ. „Давно уже я не читалъ ничего занимательнѣе этой рукописи", говоритъ г. Струве о дневникѣ Делиля и изъявляетъ желаніе, чтобъ онъ былъ напечатанъ. Къ сожалѣнію, желаніе почтеннаго академика до сихъ поръ еще не исполнилось.

6. **Извѣстіе о торгахъ сибирскихъ**, статья помѣщенная въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ", періодическомъ изданіи историка Миллера, въ 1755 (стр. 205—262, 555—568) и въ 1756 году (стр. 180—191, 195—226, 339—360 и 381—421). Авторомъ статьи, по свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, былъ Ѳ. И. Соймоновъ[1]). Соймоновъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, учился при Петрѣ Великомъ въ морскомъ училищѣ въ Москвѣ, а потомъ въ Голландіи; послѣ того былъ морскимъ офицеромъ; описалъ, по порученію Петра, берега Каспійскаго моря и составилъ извѣстную карту его, которую Петръ Великій подарилъ Парижской Академіи Наукъ. При Аннѣ Іоанновнѣ Соймоновъ былъ оберъ-прокуроромъ Сената и вице-президентомъ Адмиралтействъ—Коллегіи; но въ 1740 году под-

[1]) Словарь Достопамятныхъ Людей Русской Земли, 3 дополнительная часть, Біографія Соймонова.

вергся немилости, лишенъ чиновъ, наказанъ кнутомъ и сосланъ въ каторжную работу на Охотскій соловаренный заводъ. По восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, Соймоновъ признанъ былъ невиннымъ, однакожь все-таки еще шестнадцать лѣтъ послѣ того жилъ въ Сибири безъ всякаго званія; наконецъ въ 1757 году пожалованъ прямо въ тайные совѣтники и опредѣленъ губернаторомъ всей Сибири. Двѣ статьи Соймонова, напечатанныя въ Миллеровскомъ журналѣ: „Извѣстіе о Торгахъ Сибирскихъ“ и „Сибирь—Золотое Дно“, показываютъ, что онъ изучилъ весьма основательно Сибирскій край. Въ первой статьѣ заключаются между прочимъ важныя свѣдѣнія о зауральскихъ мѣстностяхъ Пермской губерніи и о пролегавшихъ черезъ нихъ торговыхъ путяхъ.

7. **Дневныя записки путешествія Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ россійскаго государства.** 4 части. Спб. 1771—1805 г. Въ 1768 году, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, снаряжены были вдругъ пять ученыхъ экспедицій въ восточныя и южныя области Россіи. Три изъ нихъ назывались *Оренбургскими* и двѣ *Астраханскими.* Начальникомъ надъ одной изъ Оренбургскихъ экспедицій назначенъ адъюнктъ Академіи Наукъ, докторъ медицины Иванъ Ивановичъ Лепехинъ. Кромѣ Оренбургскаго края Лепехинъ объѣхалъ большую часть губерній: Пермской, Вятской, Вологодской и Архангельской. Путешествіе его продолжалось отъ 1768 до 1772 года. Путевыя записки Лепехина заключаютъ въ себѣ множество драгоцѣнныхъ географическихъ свѣдѣній; но кромѣ того они замѣчательны и въ иныхъ отношеніяхъ: Лепехинъ болѣе чѣмъ кто либо изъ современныхъ ему путешественниковъ обращаетъ вниманіе на бытъ, на нравы, на промыслы народа и съ рѣдкой искренностью раскрываетъ различныя обстоятельства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ препятствовавшія народному благосостоянію. Такъ напримѣръ онъ яркими чертами описываетъ тяжкое въ то время состояніе приписныхъ къ уральскимъ заводамъ крестьянъ. Не смотря на устарѣвшій языкъ (который вѣроятно и въ свое время не казался изящнымъ) и теперь еще весьма интересно читать простой безъискуственный разсказъ Лепехина, въ которомъ отразились вся доброта души, вся любовь автора къ правдѣ. Записки Лепехина напечатаны вторично въ „Полномъ Собраніи Ученыхъ Путешествій по Россіи“, во 2, 3 и 4 томахъ, изд. Академіею Наукъ въ 1822 и 23 годахъ.

8. **Путешествіе Палласа.** Другая Оренбургская экспедиція поручена была знаменитому натуралисту Палласу, незадолго предъ тѣмъ вызванному въ Россію изъ Берлина. — Путешествіе Палласа продолжалось шесть лѣтъ (1768 — 1774). Онъ изслѣдовалъ Уральскій хребетъ въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, Западную Сибирь и часть Восточной, часть Киргизскихъ степей, степь между Ураломъ и Волгой и прибрежья Каспійскаго моря. Записки Палласа вышли въ свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ

заглавіемъ: „Peter Simon Pallas Reisen durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. 1771 — 76“. Три тома, въ пяти частяхъ. Почти въ то же время изданъ и русскій переводъ: „Путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства Петра Симона Палласа. Перевели съ нѣмецкаго Ѳедоръ Туманскій и Василій Зуевъ. Спб. 1773—1778“. Свѣдѣнія о Пермской губерніи заключаются преимущественно въ первой книгѣ 2-й части (на стр. 158—362 русскаго перевода). Тутъ описаны Кыштымскія озера, Кыштымскій и Каслинскій заводы, Тюбукъ, Щелкунская крѣпость, Сысертскіе заводы, Кособродская крѣпость, Гумешевскій мѣдный рудникъ, Кособродскія и Горнощитскія мраморныя ломки, Горный Щитъ, Уктусскій заводъ, Екатеринбургъ, Березовскіе золотые рудники, Становская мраморная ломка, заводы Невьянскіе, Тагильскіе, Гороблагодатскіе, Турьинскіе мѣдные рудники и Богословскіе заводы, Сѣверный Уралъ, Вогуличи, Верхотурье, гора Качканаръ, обратный путь на югъ, берега рѣки Пышмы и Каменскій заводъ. Во второй книгѣ 2-го тома (стр. 7—20) содержится общее описаніе Исетской провинціи, въ составъ которой, вмѣстѣ съ зауральской частью Оренбургской губерніи, входили южная часть екатеринбургскаго и юго-восточная красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи. Во второй книгѣ 3-й части (стр. 18—41) Палласъ разсказываетъ о своемъ обратномъ пути изъ Сибири по южной части Пермской губерніи чрезъ Кыштымъ, Красноуфимскъ и Камбарскій заводъ и описываетъ Вотяковъ и Черемисъ. Къ путешествію Палласа приложена карта Пермской и Оренбургской губерній. Карта эта до сихъ поръ не потеряла своего значенія: на ней, кромѣ городовъ, заводовъ, важнѣйшихъ селеній, горъ, рѣкъ и озеръ, показаны рудники, мраморныя, яшмовыя и алебастровыя ломки, соляные и сѣрные ключи и проч.

9. **Журналъ или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства.** 2 части. Спб. 1770—72. Рычковъ, одинъ изъ спутниковъ Палласа, предпринималъ кромѣ того (въ 1769—1770 годахъ) и отдѣльныя путешествія по губерніямъ: Казанской, Вятской, Пермской, Оренбургской и Киргизской степи и описалъ эти поѣздки. Съ особенной подробностью описываетъ онъ чудскія городища, нѣсколько рисунковъ которыхъ приложено при его книгѣ. Во 2-й части записокъ Рычкова описывается, между прочимъ, сѣверозападная часть Пермскаго края (Пожевской заводъ, Усолье, Соликамскъ, Чердынь, Григоровскіе старинные мѣдные рудники; заводы: Чермосской и Висимскій, также чудскія городища въ окрестностяхъ Соликамска и Чердыни).

10. **Путевыя записки Фалька** (Johann Peter Falks Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Спб. 1785. 3 тома). Третья Оренбургская ученая экспедиція поручена была профессору ботаники Фальку. Онъ обозрѣлъ губерніи: Саратовскую, Астраханскую, Оренбургскую, Пермскую, Вятскую, Казанскую

и южную Сибирь до Томска. На возвратномъ пути, остановясь за болѣзнію въ Казани, Фалькъ, въ декабрѣ 1773 года, лишилъ себя жизни въ припадкѣ ипохондріи. Оставшіяся послѣ него путевыя записки, написанныя большею частію неразборчиво и на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги, были сколько возможно приведены въ порядокъ членомъ той же экспедиціи Георги и изданы въ свѣтъ. Въ Пермской губерніи Фалькъ былъ дважды, въ 1771 и 1772 годахъ. Свѣдѣнія объ этомъ краѣ заключаются въ 1-мъ томѣ его записокъ (стр. 200—243). Первые два тома Путевыхъ Записокъ Фалька вторично напечатаны въ „Полномъ Собраніи Ученыхъ Путешествій по Россіи", въ VI и VII томахъ, изданныхъ Академіею Наукъ въ 1824 и 1825 г.

11) **Путешествіе Георги** (Bemerkungen einer Reise in den Jahren 1772—1774 von Joh. Gottl. Georgi. Спб. 1775 года 2 тома). Георги, бывшій потомъ членомъ С. Петербургской Академіи Наукъ, причисленъ былъ по собственному желанію къ экспедиціи Фалька. Кромѣ того онъ ѣздилъ и отдѣльно.

12) **Описаніе народовъ, въ Россіи обитающихъ, Георги.** Книга эта первоначально вышла на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs. Спб. 1776—1780 г." 4 части, съ рисунками; вскорѣ затѣмъ явилась и въ русскомъ переводѣ. Описываются нравы, обычаи, религіозные обряды, одежды различныхъ племенъ (въ томъ числѣ и инородцевъ, живущихъ въ Пермской губерніи). Костюмы изображены на многочисленныхъ раскрашенныхъ рисункахъ. Надобно впрочемъ сказать, что раскраска довольно произвольна: одежды вышли слишкомъ пестрыми и иногда не тѣхъ цвѣтовъ, какъ въ самомъ дѣлѣ.

13) **Германа, Описаніе Пермской губерніи** (на нѣмецкомъ языкѣ). Иванъ Филиповичъ Германъ, иностранецъ, принятый въ русскую службу въ 1783 году, тогда же командированъ былъ правительствомъ на Уралъ; вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, онъ посланъ былъ снова туда же вводить приготовленіе стали по штирійскому способу. Въ послѣдствіи онъ былъ начальникомъ казенныхъ екатеринбургскихъ и всѣхъ частныхъ заводовъ уральскихъ и членомъ С. Петербургской Академіи Наукъ. Извѣстенъ многими учеными трудами. Германъ много разъ ѣздилъ по разнымъ мѣстностямъ Пермской губерніи, преимущественно съ минералогической цѣлью; при этомъ онъ занимался также собираніемъ географическихъ и статистическихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ. По матеріаламъ, собраннымъ имъ во время разъѣздовъ, и по тѣмъ, какіе могъ получить въ Перми, онъ составилъ весьма хорошее описаніе Пермской губерніи, помѣщенное въ 3 томѣ (стр. 55—225) его Сборника свѣдѣній о Россіи (Beiträge zur Physik, Oekonomie, Mineralogie, Chemie und zur Statistik besonders der russischen und angränzender Länder. Три тома, 1786—1788 г.). Вотъ предметы, о которыхъ говорится въ этомъ описаніи: Положеніе, границы, величина и раздѣленіе губерніи. Горы,

равнины, рѣки, озера, минеральныя воды. Свойства почвы. Климатъ. Естественныя произведенія. Луговодство и земледѣліе. Охота и рыболовство. Лѣсное хозяйство. Побочные промыслы сельскихъ жителей. Горное дѣло. Соловарни. Мануфактуры и фабрики. Торговля и судоходство. Цѣны съѣстныхъ припасовъ и другихъ товаровъ. Народонаселеніе. Доходы и расходы. — Краткое описаніе городовъ.

14) **Германа, Минералогическое описаніе Уральскихъ горъ.** Два тома, на нѣмецкомъ языкѣ. (Versuch einer mineralogichen Beschreibung des Uralischen Erzgebirges. 1789). Въ началѣ I тома (стр. 1—12) помѣщено общее географическое обозрѣніе Уральскихъ горъ; въ томъ же томѣ (стр. 120—161 и 188—202) заключается географическое и геогностическое описаніе восточнаго склона Урала въ Пермской губерніи, также береговъ рѣки Чусовой; далѣе (стр. 120—161, 188—218 и 233—236) описаніе другихъ мѣстностей въ Пермской губерніи. Потомъ слѣдуетъ краткое описаніе уральскихъ желѣзныхъ рудниковъ и заводовъ. Во второмъ томѣ помѣщены: описаніе мѣдныхъ рудниковъ и заводовъ, золотыхъ рудниковъ Березовскихъ и соловаренныхъ заводовъ; свѣдѣнія о лѣсномъ хозяйствѣ на заводахъ; объ углесженіи; о доходахъ, доставляемыхъ горными заводами; о торговлѣ горнозаводскими продуктами. Собственно топографическими подробностями это сочиненіе небогато.

15) **Германа, Минералогическія путешествія по Сибири**, на нѣмецкомъ языкѣ. (Mineralogische Reisen in Sibirien). Спб. 1796 г. Три тома. Заглавіе это не совсѣмъ точно; описаніе путешествій по Пермской губерніи и по Сибири занимаетъ только весьма небольшую часть этого сочиненія. Гораздо больше занимаетъ: географическій очеркъ Уральскихъ горъ, свѣдѣнія о геогностическомъ составѣ ихъ, краткая исторія горнаго дѣла и горнаго управленія въ Россіи, описаніе рудниковъ уральскихъ и сибирскихъ.

16) **Сочиненія о сибирскихъ рудникахъ и заводахъ, собранныя надворнымъ совѣтникомъ и академикомъ Иваномъ Германомъ.** Спб. 1797—1798 г. Три части. Подъ этимъ заглавіемъ изданъ былъ русскій переводъ предыдущаго сочиненія Германа, но не полный (не достаетъ описанія путешествій автора, географическаго и геогностическаго очерка Урала и исторіи заводовъ).

17) **Географическо-физическое и естественно-историческое описаніе Россійскаго государства, соч. Георги**, на нѣмецкомъ языкѣ. (Geographisch-physikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reichs. Königsberg. 1797—98). Пермская губернія описана въ первой книгѣ 2 тома этого сочиненія (стр. 256—286). Кромѣ того въ 1-мъ томѣ заключаются описанія здѣшнихъ горъ и рѣкъ, а въ 3-мъ описанія заводовъ. Все это составлено удовлетворительно; но собственныя имена мѣстами очень искажены. На-

примѣръ напечатано: Баеракъ вмѣсто Багарякъ, Кительна вмѣсто Кельтма, Шакша вмѣсто Шаква, Верхъ-Топильскъ вмѣсто Верхне-Тагильскъ.

18) **Историко-географическое описаніе Пермской губерніи, сочиненное для атласа 1800 года.** Пермь. Въ типографіи Губернскаго Правленія. 1801. О книгѣ этой упоминаетъ Поповъ въ своемъ „Хозяйственномъ описаніи Пермской губерніи"; но мнѣ никогда не случалось ее видать. Можетъ быть это есть ничто иное, какъ переводъ Германова сочиненія (см. выше № 13). Германъ говоритъ, что составленное имъ описаніе послано было, еще до напечатанія на нѣмецкомъ языкѣ, въ С. Петербургскую Академію Наукъ, по распоряженію которой было переведено на русскій [1]).

19) **Хозяйственное описаніе Пермской губерніи.** Двѣ части. Пермь. 1804. Описаніе это составлено было, по порученію пермскаго и вятскаго генералъ-губернатора Модераха, учителемъ Пермскаго главнаго народнаго училища Никитой Савичемъ Поповымъ (который былъ потомъ директоромъ Пермской гимназіи), при чемъ принята въ соображеніе программа для описанія губерній, разосланная отъ Вольнаго Экономическаго Общества. Матеріалами служили свѣдѣнія, потребованныя генералъ-губернаторомъ отъ городскихъ, уѣздныхъ и заводскихъ управленій, описанія нѣкоторыхъ городовъ и уѣздовъ, доставленныя частными лицами, также записки ученыхъ путешественниковъ; кромѣ того Поповъ, урожденецъ Пермской губерніи, былъ самъ хорошо знакомъ съ этимъ краемъ. Поповъ выполнилъ возложенный на него трудъ съ рѣдкой добросовѣстностью и знаніемъ дѣла. Сочиненіе его заключаетъ 1199 стр. in folio. Можно сказать, что до появленія Описанія Кіевской губерніи Журавскаго ни одна губернія не была такъ хорошо описана, какъ Пермская. Описанія Енисейской губерніи Степанова и Пестова, Саратовской губерніи Леопольдова, Вологодской—Брусилова, Олонецкой—Дашкова далеко ниже книги Попова по достоинствамъ. При Хозяйственномъ описаніи Пермской губерніи не приложено оглавленія; этимъ много затрудняется употребленіе ея. Затрудненіе еще болѣе увеличивается отъ того, что статьи помѣщены одна за другой не совсѣмъ въ надлежащей послѣдовательности (что зависѣло отъ несовершенства данной Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ програмы, которой придерживался Поповъ). Вотъ перечисленіе важнѣйшихъ статей книги съ указаніемъ на страницы:

Часть I. Предѣлы губерніи и пространство ея, стр. 1. Горы и составъ ихъ, стр. 1—45. О плоской землѣ, 45. Болота, 45. Лѣса и сбереженіе ихъ, 47—56. Поля и сѣнокосы, 56. Дороги, 57. Ключи, озера и рѣки, 82—101. Водныя сообщенія, 101. Пристани, 105. О судоходствѣ и отправкѣ карвановъ съ ме-

[1]) Mineralog. Reisen, т. 1, стр. 23.

таллами и солью, 107—118. Описаніе судовъ, 118. О мѣстахъ постройки судовъ, 120. Климатъ. О характерѣ временъ года въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи; о вліяніи климата на здоровье людей, на животныхъ и на растенія, 124—141. Естественныя произведенія Пермской губерніи по царству минеральному, 141—198. Сѣрные ключи, 145. Соляные разсолы, 145. Устройство разсолоподъемныхъ трубъ и способы выварки соли, 145—150. Описаніе соловаренныхъ заводовъ, 150. О горныхъ заводахъ. Историческій очеркъ, 198. Описаніе заводовъ казенныхъ и частныхъ, 210—395. Красочныя руды и земли 395. Стеклянные заводы, 396.

Часть II. Произведенія по царству растительному. Перечисленіе растеній Пермской губерніи, по системѣ Линнея, съ указаніемъ мѣстностей, гдѣ ростутъ, 3—47 (въ примѣчаніяхъ внизу страницъ). Рубка дровъ варничныхъ и поставка ихъ къ солянымъ промысламъ, 3. Строевой лѣсъ, 11. Употребленіе хвойныхъ деревьевъ, 31. Сидка смолы, 20. Углесженіе на горныхъ заводахъ, 23. Употребленіе лиственныхъ деревьевъ, 31. Сидка дегтя, 33. Приготовленіе лубья, мочалъ и лыкъ, 36. Добываніе поташа, 40. Употребленіе прочихъ деревъ и кустарниковъ, 44. Приготовленіе наливокъ, 47. Ядомыя растенія, 48. Растенія, употребляемыя въ сельскія лекарства, 50. Растенія полезныя въ хозяйствѣ и красильныя, 54. Вредныя растенія, 56. О земледѣліи. Почвы земли и пространство пашенъ, 58. Раздѣленіе пашенъ, 60. Удобреніе, 60. Палы и черченіе лѣсу, 61. Пахатныя орудія, также употребляемыя при кошеніи сѣна и молотьбѣ хлѣба, 65. Овины и гумна, риги и хлѣбные амбары, 66. Какіе роды житъ сѣютъ? 70. Жатва и уборка хлѣба, 73—79. Солодъ и солодовенные заводы, 76. Приготовленіе толокна, 78. Мукомольныя мельницы, 79. Винокуренные заводы, 86. Посѣвъ льну и обработываніе; тканье и бѣленіе холстовъ, 92—98. Полотняныя фабрики, 98. Бумажная фабрика, 99. Разведеніе и обработываніе конопли, 100. Маслобойни, 101. Посѣвъ рѣпы, 103. Разведеніе огородныхъ растеній, 104. Разведеніе хмѣлю, 110. Луга и сѣнокосы, 111. Пастьбы или выгоны, 113. Царство животное. О скотоводствѣ вообще, 113. Лошади и конскіе заводы, 116. Лекарства отъ конскихъ болѣзней, 121. Овцеводство и выдѣлка овчинъ, 123. Козы и свиньи, 124. Заводы: салотопенные, свѣчные, мыловаренные и кожевенные, 126—137. О звѣроловствѣ, 137—145. О продажѣ звѣриныхъ шкуръ и о выдѣлкѣ ихъ, 145. О птицеводствѣ, 147. О птичьей охотѣ, 149. Перечисленіе птицъ Пермской губерніи 150—156. Земноводныя, 156. Рыбы, 157. О рыбной ловлѣ и торговлѣ рыбной, 161—165. Насѣкомыя, 165. Черви, 169. О пчеловодствѣ, 170—181. О жителяхъ Пермской губерніи. Башкирцы, 181. Татары, 195. Черемисы, 199. Вотяки, 202. Тептяри и Бобыли, 203. Вогуличи, 304. Пермяки, 209. Русскіе; извѣстіе о населеніи ими Перміи и Сибири; исторія управленія края, 211—217. Число жителей по сословіямъ, 217. Языки, и нарѣчія, 219. Объ обычаяхъ жите-

лей, одеждѣ ихъ, торговлѣ, промыслахъ, 220—228. Вѣра; духовное управленіе, 228. Образованіе и училища въ Пермской губерніи, 230. Города, 234—332. (Описываются мѣстоположеніе каждаго города, замѣчательныя зданія, жители, промыслы ихъ, существующія въ городѣ фабрики и заводы, ярмарки, городскіе выгоны). О жителяхъ уѣздовъ. О состояніи и расположеніи обыкновеннаго крестьянскаго двора, 332. Устройство деревень, 335. Свойства сельскихъ жителей, нравы ихъ, образъ жизни, промыслы, 338—345. О товарахъ, вывозимыхъ изъ губерніи и ввозимыхъ въ нее, 345. Описаніе каждаго уѣзда порознь, 347—400. (Жители, волости, ярмарки, земля, хлѣбопашество, промыслы). Въ 1811—1813 годахъ Вольное Экономическое Общество издало во второй разъ сочиненіе Попова въ С. Петербургѣ, въ трехъ томахъ in—4°, съ слѣдующими, впрочемъ, отмѣнами: 1) большая статья о горныхъ заводахъ изложена въ сокращенномъ видѣ; 2) описаніе уѣздовъ совсѣмъ опущено. Къ этому изданію приложена довольно хорошая карта Пермской губерніи.

20) **Германа, Описаніе заводовъ, подъ вѣдѣніемъ Екатеринбургскаго Горнаго Начальства состоящихъ.** Печатано въ Екатеринбургѣ. Описаніе это печаталось сначала частями въ издававшемся Академіею Наукъ Технологическомъ Журналѣ, въ 1804 и слѣдующихъ годахъ, а потомъ издано было въ Екатеринбургѣ особой книгой, вѣроятно въ 1808 или 1809 году (на самой книгѣ не означено время выхода ея въ свѣтъ). Въ то время Екатеринбургскому Горному Начальству подчинены были, кромѣ казенныхъ заводовъ екатеринбургскаго округа, и всѣ частные уральскіе заводы. Всѣ они описаны весьма подробно. Принадлежащая къ этому сочиненію карта уральскихъ заводовъ приложена къ другой книгѣ, изданной Германомъ въ Екатеринбургѣ же, въ 1810 году: „*Историческое начертаніе горнаго производства въ Россійской Имперіи*. Часть 1. О первомъ началѣ горнаго дѣла въ Россіи до Елизаветы Петровны“.

21) **Севергина, Опытъ минералогическаго землеописанія Россійскаго государства.** Двѣ части. Спб. 1809. Въ 1 части заключаются между прочимъ свѣдѣнія о Уральскихъ горахъ и о рѣкахъ Пермской губерніи; во 2-й части, на стр. 75—95, минералогическое описаніе Пермской губерніи. (Мѣстоположеніе и качество земли; минералы и горныя породы; мраморныя ломки и рудныя мѣсторожденія).

22) **Н. С. Попова** (автора Хозяйственнаго Описанія), **Замѣчанія о Пермской губерніи,** цѣлый рядъ небольшихъ статей, которыя помѣщены были въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“, газетѣ, издававшейся профессоромъ Казанскаго университета Кондыревымъ съ 1811 по 1821 годъ [1]).

[1]) См. ниже подробный указатель статей о Пермской губерніи, помѣщенныхъ въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ». *Ред.*

23) **Берха, Письмо къ одному знаменитому любителю русской исторіи о слѣдахъ русскихъ древностей въ Пермской губерніи.** (Сынъ Отечества 1819 года, № 18-й). Отчетъ о поѣздкѣ, которую В. Н. Берхъ (извѣстный своими историческими трудами и находившійся нѣсколько времени на службѣ въ Перми) предпринималъ въ чердынскій и соликамскій уѣзды, по порученію этого любителя русской исторіи, къ которому написано письмо (вѣроятно графа Румянцова). Содержаніе письма: городъ Соликамскъ, о прежнемъ его состояніи и о постепенномъ упадкѣ. Чердынь. Волости Бондюжская и Ныробская. Чудское городище близь Чердыни. Уролъ.

24) Потомъ Берхъ ѣздилъ въ другой разъ въ чердынскій и соликамскій уѣзды для болѣе подробнаго обозрѣнія мѣстностей, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи, и описалъ поѣздку свою въ особой книгѣ, изданной подъ слѣдующимъ заглавіемъ: **Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ, для изысканія древностей.** Спб. 1821 г.

25) **Эрдмана, Сборникъ свѣдѣній о внутренней Россіи.** 3 части. На нѣмецкомъ языкѣ (Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland, von Dr. Johann Friedr. Erdmann). Эрдманъ[1]), профессоръ медицины Казанскаго университета (бывшій потомъ профессоромъ въ Дерптѣ), въ 1811 году ѣздилъ на Сергіевскія минеральные воды (Оренб., теперь Самарской губерніи), въ 1813 году по разнымъ губерніямъ средней части Россіи, а въ 1816 году въ Вятку, Пермь, Кунгуръ, Екатеринбургъ, многіе горные заводы Пермской губерніи, Тюмень и Тобольскъ, и собранныя имъ топографическія и статистическія свѣдѣнія помѣстилъ въ вышеназванномъ сборникѣ. Первая часть его, напечатанная въ 1822 году въ Дерптѣ, заключаетъ въ себѣ превосходное медико-топографическое описаніе Казанской губерніи, а во второй и въ третьей части, изданныхъ въ Лейпцигѣ въ 1825 и 1826 годахъ, содержится описаніе путешествій автора.

26) **Фукса, Уральскіе лѣса.** Подъ этимъ заглавіемъ помѣщены были въ „Казанскомъ Вѣстникѣ"[2]), въ 1824 году, въ 7 книгѣ, путевыя записки казанскаго профессора Фукса, который въ 1823 году ѣздилъ съ сенаторомъ Соймоновымъ на уральскіе заводы, Пермской губерніи.

27) **Фукса, О болѣзняхъ горныхъ и заводскихъ работниковъ на Уральскихъ заводахъ** (на латинскомъ языкѣ). По возвращеніи изъ вышеупомянутаго путешествія, профессоръ Фуксъ читалъ на торжественномъ актѣ Казанскаго университета рѣчь, въ которой сообщилъ интересныя свѣдѣнія о вліяніи горно-за-

[1]) Этого Эрдмана не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, тоже профессоромъ Казанскаго университета, оріенталистомъ, также извѣстнымъ своими учеными трудами.

[2]) Журналъ этотъ издавался при Казанскомъ университетѣ съ 1821 по 1824 годъ. 9 частей. Казань. 1821—1823 (8).

водскихъ работъ на сложеніе и здоровье рабочихъ и о болѣзняхъ, которымъ они наиболѣе бываютъ подвержены въ различныхъ мѣстностяхъ Урала. Рѣчь эта была потомъ издана отдѣльной брошюрой. Точнаго заглавія ея не припомню.

28) **Картина золотопесчаныхъ уральскихъ россыпей.** Помѣщена въ Отечественныхъ Запискахъ 1823 года (изданія Свиньина). Въ этой статьѣ заключается описаніе немногихъ еще, существовавшихъ тогда золотопесчаныхъ рудниковъ (большею частію въ Пермской губерніи) и промываленныхъ устройствъ, на нихъ употребляемыхъ.

29) **Статистическое описаніе Пермской губерніи.** (Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ, издававшійся М. Гавриловымъ, 1825 г., мѣсяцъ ноябрь). Это весьма дѣльное описаніе представлено было Императору Александру I, во время посѣщенія имъ Перми, въ 1824 году. Содержаніе: краткая исторія края; пространство губерніи; границы; раздѣленіе въ отношеніи управленія; число населенныхъ пунктовъ; различныя племена, населяющія Пермскую губернію; число жителей по сословіямъ; о увеличеніи народонаселенія; густота населенія; горы; качество почвы и климатъ; рѣки и озера; естественныя произведенія. За тѣмъ, въ слѣдующихъ нумерахъ, должно слѣдовать продолженіе статьи; къ сожалѣнію я его не видалъ, потому что имѣлъ у себя неполный экземпляръ Историческаго Журнала. Замѣчу нѣкоторыя ошибки въ этой статьѣ: 1) на стр. 98 сказано: „по высотѣ своей извѣстнѣйшія горы: Кваркушъ, Говорливый, Колжаковскій и Павловскій камень". Не Колжаковскій, а Конжаковскій. Говорливый—камень совсѣмъ не принадлежитъ къ высокимъ горамъ; гораздо болѣе стоили упоминанія Денежкинъ—камень и Качканаръ. 2) Р. Шаква неправильно названа *Шавкою* (стр. 103), а озера Иртяшъ и Силачъ—*Иртишемъ* и *Силатемъ* (стр. 105).

30) **Граматчикова, О Екатеринбургской шлифовальной фабрикѣ и о мраморномъ Горношитскомъ заводѣ.** (Горный Журналъ 1827 года, книжка 7). Въ статьѣ этой заключаются любопытныя свѣдѣнія: о началѣ и распространеніи выдѣлки каменныхъ вещей въ Екатеринбургѣ; о Екатеринбургской Императорской гранильной фабрикѣ, о находящемся вблизи Екатеринбурга Горношитскомъ заводѣ (нынѣ уничтоженномъ) и о приготовляемыхъ на нихъ издѣліяхъ.

31) **Галляховскаго, Геогностическія замѣчанія въ округѣ Горо-благодатскихъ заводовъ.** (Горн. Журн. 1827 г., нумера 10 и 11). Кромѣ геогностическихъ, тутъ есть и топографическія свѣдѣнія.

32) **Фелькнера, Объ уральскомъ каменномъ углѣ.** (Горн. Журн. 1828 г., нумеръ 4). Историческія свѣдѣнія о нахожденіи углистыхъ минеральныхъ веществъ въ окрестностяхъ Каменскаго завода (екатеринбургскаго округа); описаніе мѣстностей, гдѣ эти вещества до того времени были находимы.

33. **Энгельгардта, Описаніе мѣсторожденій золота и платины въ Уральскихъ горахъ.** (Горн. Журн. 1829 г., книжки 6 и 7).— Его же, **О мѣсторожденіи алмазовъ въ хребтѣ Уральскомъ.** (Горн. Журн. 1831 г., нумеръ 6). Энгельгардтъ, профессоръ Дерптскаго университета, путешествовалъ по Уралу и по Сибири въ 1826, 27 и 28 годахъ. Въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ онъ обозрѣвалъ преимущественно золотые и платиновые промысла.

34. **Состояніе фабрикъ и заводовъ въ Пермской губерніи, въ 1828 году.** (Журн. Мануфактуръ и Торговли 1830 г., книжка 8).

35. **Терлецкаго, О высотахъ Уральскихъ горъ.** (Горн. Журн. 1831 г., нумеръ 3). Обозначеніе высоты тринадцати пунктовъ Урала, находящихся въ предѣлахъ Пермской губерніи. Измѣреніе высотъ г. Терлецкій производилъ посредствомъ барометра.

36. Въ газетѣ: „Прибавленія къ Казанскому Вѣстнику", въ 1832 году, напечатаны были статьи неизвѣстнаго автора: **О числѣ и занятіяхъ фабрикъ по Гороблагодатскому округу** (въ нумерѣ 8) и **О народонаселеніи и пространствѣ Гороблагодатскихъ заводовъ** (въ нумерахъ 9 и 12).

37. **Купфера, Путешествіе на Уралъ** въ 1828 году. Извѣстный нашъ ученый г. Купферъ, академикъ Императорской Академіи Наукъ, въ бытность свою профессоромъ въ Казани, ѣздилъ оттуда лѣтомъ 1828 года на Уралъ. Описаніе этого путешествія, написанное на французскомъ языкѣ, было напечатано въ 1833 году въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: Voyage dans l'Oural, entrepris en 1828 par. A. Th. Kupffer. Въ первой половинѣ этой книги заключается простой и весьма занимательный разсказъ о различныхъ мѣстахъ, посѣщенныхъ г. Купферомъ, и о жителяхъ этихъ мѣстъ; наблюденія же барометрическія, наблюденія надъ температурой воздуха и почвы, геогностическія изслѣдованія— однимъ словомъ всё, что не представляетъ интереса для большинства публики, изложено отдѣльными статьями въ концѣ книги. На стр. 171 — 227 описаны Екатеринбургъ, Невьянскъ, Нижне-Тагильскіе заводы, Кушва, Верхотурье, Богословскъ, образъ жизни Вогуловъ. Во второй половинѣ книги помѣщены между прочимъ статьи: Температура земли въ Богословскихъ рудникахъ (стр. 329 — 342) и Температура почвы въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ и въ Верхотурьѣ (стр. 343 — 371). Къ путешествію г. Купфера приложенъ особый атласъ, заключающій въ себѣ 12 видовъ различныхъ мѣстностей, снятыхъ спутникомъ его г. Клаусомъ. Къ Пермской губерніи относятся виды: Екатеринбурга, Верхъ-Исетскаго завода, Верхотурья и Богословскаго завода.

38. **Эрмана, Путешествіе вокругъ свѣта.** (Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830 ausgeführt von Adolph Erman. Berlin, 1833, 1835 и 1838). Докторъ Адольфъ Эрманъ (нынѣ профессоръ Берлинскаго университета, издатель нѣмецкаго журнала: „Архивъ научныхъ

свѣдѣній о Россіи") путешествовалъ въ 1828, 29 и 30 годахъ по Европейской Россіи, по Уралу и по сѣверной Сибири, а потомъ изъ Камчатки возвратился моремъ въ Европу. Въ описаніи путешествія своего, онъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о Пермской губерніи (въ 1-мъ томѣ).

39) **Чеклецова, Геогностическое обозрѣніе чердынскаго уѣзда.** (Горн. Журн. 1833, № 5-й). Въ началѣ помѣщено географическое обозрѣніе этой мѣстности; къ статьѣ приложена карта чердынскаго уѣзда.

40) **Статистическія свѣдѣнія о Пермской губерніи.** (Журн. Минист. Внут. Дѣлъ 1834 г., № 5-й). Эта небольшая статья (всего 28 стран.), составленная по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, помѣщена въ нѣмецкомъ переводѣ, въ 10 нумерѣ за 1835 г., дерптскаго журнала: „Dorpater Jahrbücher". Кромѣ того извлеченіе изъ нея напечатано въ Земледѣльческой Газетѣ (№ 47-й за 1834 годъ). Въ эту статью вкралась одна важная ошибка: пространство Пермской губерніи показано въ 6,000 квадратныхъ верстъ, тогда какъ слѣдовало бы сказать 6,000 кв. миль. Ошибка эта перешла и въ статьи дерптскаго журнала и Земледѣльческой Газеты.

41) **Краткое извѣстіе о минеральныхъ водахъ Нижне-Сергинскаго завода.** (Горн. Журн. 1834 г., № 10-й). Нижне-Сергинскій заводъ находится въ екатеринбургскомъ уѣздѣ, къ ю. з. отъ Екатеринбурга.

42) **А. Покровскаго, Краткое обозрѣніе металлургическихъ работъ екатеринбургскихъ заводовъ, съ описаніемъ екатеринбургскаго округа.** Статья эта (весьма сухая и преисполненная числами) помѣщена въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета, въ книжкахъ 3-й и 4-й.

43) **Рудакова, Описаніе Горношитскихъ золотоносныхъ россыпей.** (Горн. Журн. 1835 г., № 11-й). Горношитскіе пріиски принадлежатъ къ округу екатеринбургскихъ заводовъ и находятся въ 40 верстахъ отъ Екатеринбурга, къ югу.

44) **Успенскаго, Медико-топографическое описаніе екатеринбургскаго уѣзда и города Екатеринбурга.** На латинскомъ языкѣ: (Medico-topographica districtus Ekaterinburgensis et urbis ejus descriptio, auctore Tichono Uspensky, Medicinae Doctore. Mosquae. 1835). Содержаніе: Географическое положеніе и границы уѣзда; пространство, горы и воды; климатъ; естественныя произведенія. Описаніе Екатеринбурга. Перечисленіе заводовъ, казенныхъ волостей, помѣщичьихъ имѣній и башкирскихъ юртъ екатеринбургскаго уѣзда. Число жителей въ городѣ и уѣздѣ по сословіямъ. Число родившихся и умершихъ и число браковъ въ городѣ и въ уѣздѣ въ 1832 году. Объ образѣ жизни, пищѣ, питьяхъ, одеждѣ, характерѣ, увеселеніяхъ и предразсудкахъ жителей. Тѣлосложеніе и общее состояніе здоровья жителей; о болѣзняхъ, свойственныхъ этому уѣзду; вліяніе на здоровье климата, образа

жизни и занятій жителей. Состояніе медицинской части. Народныя лекарства. Собственно топографическая часть въ книгѣ г. Успенскаго изложена весьма слабо, въ самыхъ общихъ чертахъ, и притомъ не безъ ошибокъ. Гораздо лучше обработаны статьи о климатѣ и о естественныхъ произведеніяхъ по царству растительному (гдѣ перечислено 443 растенія екатеринбургской флоры); интересны также свѣдѣнія о лекарствахъ, употребляемыхъ простымъ народомъ (стр. 20—36, 63—83 и 197—200). О вліяніи различныхъ горныхъ работъ на здоровье г. Успенскій упомянулъ какъ бы вскользь, въ нѣсколькихъ строкахъ; по-видимому, ему вовсе неизвѣстно было прекрасное разсужденіе профессора Фукса объ этомъ предметѣ. (См. выше № 27).

45. **О состояніи лѣсовъ и лѣснаго хозяйства на горныхъ заводахъ хребта Уральскаго.** (Лѣсной Журналъ 1836 г. № 2-й).

46. **Ирмана, О мѣсторожденіи цвѣтныхъ камней въ Мурзинской слободѣ.** (Горн. Журн. 1836 г. № 2-й). Мурзинская слобода, извѣстная по находящимся въ окрестностяхъ ея копямъ цвѣтныхъ камней (топазовъ, аквамариновъ, шерловъ черныхъ и малиновыхъ, аметистовъ), находится въ екатеринбургскомъ уѣздѣ, въ 100 верстахъ отъ города. Французскій переводъ этой статьи г. Ирмана помѣщенъ въ „Annuaire du Journal des Mines de Russie“, за 1836 годъ.

47. Съ 1830 года, по распоряженію Правительства, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, производились весьма дѣятельныя геогностическія изслѣдованія во всѣхъ округахъ Уральскихъ казенныхъ заводовъ. Геогностическія описанія, составленныя горными офицерами, помѣщаемы были въ Горномъ Журналѣ. Кромѣ описанія породъ и формацій, въ большей части этихъ статей заключаются еще свѣдѣнія о распредѣленіи возвышенностей, о теченіи рѣкъ и о свойствахъ ихъ береговъ. Къ Пермской губерніи относятся слѣдующія статьи:

Чайковскаго, Геогностическія изслѣдованія въ округѣ екатеринбургскихъ заводовъ. (Горн. Журн. 1830 г., № 6-й, 1833 года, №№ 4-й и 7-й).

Томсона, Геогностическое описаніе долины Чусовой. (Горн. Журн. 1835 г., № 8). Описаны верхняя часть этой рѣки.

Самойлова, Геогностическое обозрѣніе 1-го участка Юговскаго заводскаго округа. (Горн. Журн. 1831, № 6).

Чеклецова, Геогностическія изслѣдованія во 2-мъ участкѣ Пермскихъ заводовъ. (Горн. Журн. 1832, № 10).

Шумана, Геогностическія изслѣдованія въ 3-мъ участкѣ Пермскихъ заводовъ. (Горн. Журн. 1833, № 8).

Рышковскаго, Геогностическое описаніе 4-го участка Пермскихъ заводовъ. (Горн. Журн. 1835, № 10).

Мейера, Геогностическое описаніе въ разныхъ участкахъ округа Пермскихъ заводовъ. (Горн. Журн. 1834, № 12).

Архипова, Геогностическое обозрѣніе округа Гороблагодатскихъ заводовъ въ 1830 г. (Горн. Журн. 1833, № 3).

Старкова, Геогностическое изслѣдованіе части Гороблагодатскихъ заводовъ. (Горн. Журн. 1835, № 4).

Ширева, Отчетъ о дѣйствіяхъ геогностической партіи въ 1835 г. въ округѣ Гороблагодатскихъ заводовъ, по западную сторону Уральскаго хребта. (Горн. Журн. 1836, № 7).

Карпинскаго, Геогностическое описаніе богословскаго округа. (Горн. Журн. 1833, № 2 и 1835, № 10).

48. **Отчеты Сѣверной Экспедиціи.** Въ 1830 году учреждена была такъ называемая *Сѣверная Экспедиція* для изслѣдованія сѣверной части восточнаго склона Урала за предѣлами населенія и для поисковъ тамъ рудныхъ мѣсторожденій. Въ пять лѣтъ она прошла почти 400 верстъ по прямому направленію на сѣверъ (въ Пермской и отчасти Тобольской губерніи), и открыла значительное число золотыхъ пріисковъ и одинъ желѣзный рудникъ. Экспедиціей начальствовали въ разное время горные офицеры: Протасовъ, Стражевскій, Бурнашевъ и Пестеревъ. Отчеты ея печатались въ Горномъ Журналѣ (1831 г., № 11, 1833 г., №№ 6 и 12, 1834 г., № 9, 1835 г., № 4 и 8, 1836 г., № 6 и 1839 г., № 10) [1]. Въ отчетахъ Сѣверной Экспедиціи (особенно въ первыхъ двухъ) заключаются весьма важныя топографическія свѣдѣнія о мѣстностяхъ, бывшихъ до того совершенно неизвѣстными.

49. **Соколовскаго, Описаніе Перваго — Благодатнаго рудника.** (Горн. Журн. 1837 г., № 2). Рудникъ этотъ, находящійся въ екатеринбургскомъ округѣ, примѣчателенъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ золото, мѣдныя, свинцовыя и серебряныя руды. Послѣднія составляютъ большую рѣдкость на Уралѣ.

50. **Гельмерсена, Объ Уралѣ и Алтаѣ.** (Горн. Журн. 1838 г., № 4). Популярно и въ общихъ чертахъ изложенная характеристика обоихъ хребтовъ.

51. **Гельмерсена, Магнитная гора Благодать, въ сѣверномъ Уралѣ.** (Горн. Журн. 1838 г., № 8). Въ началѣ статьи исчисляются мѣсторожденія магнитнаго желѣзняка на Уралѣ; потомъ слѣдуетъ топографическое и геогностическое описаніе горы Благодати, этого неистощимаго источника желѣзной руды.

52. **Колтовскаго, Серебряные рудники въ дачахъ Нижне-Тагильскихъ заводовъ.** (Горн. Журн. 1838 г., № 3).

53. **Колтовскаго, Описаніе Гороблагодатскихъ заводовъ.** (Горн. Журн. 1839 г., №№ 1, 3 и 6). Вотъ содержаніе этой весьма хорошей, но къ сожалѣнію неоконченной статьи: I. Исторія заводовъ. II. Общее обозрѣніе округа: географическое положеніе, горы, озера и болота, рѣки; климатъ; произрастенія; составъ

[1]) Съ 1835 г. дѣйствія экспедиціи ограничивались только поисками золота въ прежде изслѣдованныхъ участкахъ и разработкой найденныхъ золотыхъ россыпей.

округа; народонаселеніе; промышленность; пути сообщенія. III. Заготовленіе заводскихъ запасовъ и матеріаловъ. IV. Заводскіе лѣса; лѣсное хозяйство, заготовленіе дровъ и выжегъ угля. V. Геогностическое обозрѣніе округа. VI. Рудники, золотыя и платиновыя россыпи.

54) **Платонова, Геогностическое описаніе округа Пермскихъ заводовъ** (Горн. Журн. 1839 г., № 5). Въ началѣ помѣщенъ топографическій очеркъ округа.

55) **Сонни, Нѣкоторыя свѣдѣнія о господствующихъ древесныхъ породахъ и употребленіи оныхъ въ чердынскомъ уѣздѣ.** Подъ этимъ заглавіемъ напечатано было въ Лѣсномъ Журналѣ, въ 8 нумерѣ за 1839 годъ, извлеченіе изъ лѣсохозяйственнаго описанія чердынскаго уѣзда, составленнаго г. Сонни, который осматривалъ чердынскіе лѣса въ 1835 и 1836 годахъ.

Въ 12 нумерѣ Лѣснаго Журнала того же года напечатаны еще два извлеченія изъ рукописи г. Сонни:

1) **О подсѣкахъ или новинахъ въ чердынскомъ уѣздѣ** и

2) **Объ употребленіи лѣса для строенія судовъ въ чердынскомъ уѣздѣ.**

Наркизъ Чупинъ.

(Будетъ продолженіе.)

II.

Указатель статей о Пермской губерніи, помѣщенныхъ въ Казанскихъ Извѣстіяхъ.

(1811—1820.)

Авторъ Хозяйственнаго описанія Пермской губерніи, директоръ училищъ Никита Савичъ Поповъ, и нѣкоторые изъ смотрителей и учителей уѣздныхъ училищъ пермскихъ сообщали постоянно въ Казанскихъ Извѣстіяхъ разнообразныя и интересныя свѣдѣнія о Пермской губерніи. Къ сожалѣнію изданіе это сдѣлалось въ настоящее время библіографическою рѣдкостію; полнаго экземпляра „Извѣстій" нѣтъ даже въ Казанскомъ университетѣ и въ Императорской публичной библіотекѣ. Мы считаемъ не лишнимъ, однакоже, напечатать подробный указатель статей, относящихся къ Пермскому краю, составленный нами по экземпляру, находящемуся въ Императорской публичной библіотекѣ.

1811 годъ.

№№

16, 17. Рѣчь, говоренная 22 мая 1811 года, которою г. тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ К. Ѳ. Модерахъ, бывшій пермскій и вятскій генералъ-губернаторъ, привѣтствованъ былъ чрезъ одного служащаго чиновника, по прибытіи на праздникъ, данный пермскимъ благороднымъ обществомъ въ честь его, при отъѣздѣ изъ Перми.

32. Пермь. Отъ 24 октября. Н. Попова. (Извѣстія о погодѣ, урожаяхъ и цѣнахъ на припасы).

34. Изъ Перми. О томъ же и того же.

1812 годъ.

4. Изъ Ирбити. (Извѣстія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на припасы, о вскрытіи рѣкъ).

5. Изъ Чердыни. (О движеніи народонаселенія въ 1811 году).

8. Изъ Шадрина. (Извѣстія объ урожаяхъ и цѣнахъ на припасы).

9. Изъ Перми. Попова. (Метеорологическое извѣстіе изъ Кунгура).

11. Изъ Шадрина. (Извѣстіе о публичномъ испытаніи учениковъ уѣзднаго училища).

13. Ирбить, 29 февраля. (О публичномъ испытаніи въ уѣздномъ училищѣ и о ходѣ ярмарки).

21. Пермь, отъ 2 мая. Попова. (Подробное описаніе хода Ирбитской ярмарки, съ таблицею привезенныхъ и проданныхъ товаровъ).

22. Нѣчто о торговлѣ Кунгура.

23. Изъ Верхотурья. (О церковныхъ достопамятностяхъ въ верхотурскомъ троицкомъ соборѣ).

24. Изъ Перми. Попова. (О древностяхъ Пермской губерніи).

35. Изъ Перми. (О публичномъ испытаніи въ уѣздномъ училищѣ).

37, 38. Нѣчто изъ путешествія моего по Пермской губерніи. Н. Попова. (Историческія свѣдѣнія о Долматовѣ и статистическія данныя).

38. О ярмаркѣ въ городѣ Шадринѣ. (Подробныя свѣдѣнія о Петровской ярмаркѣ, съ таблицею привезенныхъ и проданныхъ товаровъ).

1813 годъ.

13. Историческое извѣстіе о городѣ Екатеринбургѣ.

17. Шадринскъ, 7 марта. } (Извѣстія о публичныхъ испытаніяхъ въ уѣздныхъ училищахъ).
— Ирбить, 13 марта. }

20. Объ Ирбитской ярмаркѣ сего года. Попова. (Подробное извѣстіе о привозѣ и продажѣ товаровъ, съ таблицею).

1814 годъ.

№№

1. Чердынь, 11 декабря 1813 года. (Извѣстія объ урожаяхъ и цѣнахъ на припасы).
3. Кунгуръ, 12 декабря 1813 года. (Извѣстія объ урожаяхъ, погодѣ, цѣнахъ и скрывшемся сквозь образовавшуюся въ берегу расщелину Поваренномъ озерѣ. Вода изъ него ушла въ подземную пещеру, дно которой трехсаженнымъ шестомъ достать не могли).
7. Изъ Перми, отъ 31 декабря 1813 года. Попова. (Извѣстіе объ испытаніи учениковъ въ Чердыни и Соликамскѣ и о погодѣ).
— Изъ Соликамска. (Извѣстія о цѣнахъ, погодѣ и урожаяхъ).
14. Физическія и до домоводства касающіяся замѣчанія, сдѣланныя въ теченіе 1813 года при Кунгурскомъ народномъ училищѣ г. учителемъ Суворовымъ.
15. Изъ Перми, 31 марта. (Извѣстіе объ открытіи военносиротскаго училища въ 28-е марта, какъ отдѣленія Казанской военной школы).
21. Изъ Ирбити. (Подробныя извѣстія о ярмаркѣ 1814 года, съ таблицею).
25. Изъ Кунгура, 2 и 9 іюня. (Описаніе праздника девятой пятницы и ярмарки и празднества по случаю взятія Парижа).
30. Изъ Перми, отъ 14 мая. (Описаніе празднества по случаю взятія Парижа).
31. Пермь. 4 іюля 1814 года. (Описаніе испытанія учениковъ гимназіи, при которомъ присутствовалъ и тайный совѣтникъ Сперанскій).
— Изъ Шадринска, отъ 31 іюля. (Описаніе торжества по случаю взятія Парижа).
36. Шадринскъ, 30 іюля. (Петровская ярмарка, съ таблицею привоза и продажи товаровъ въ 1814 году).
39. Кунгуръ, отъ 15 сентября. (Метеорологическое извѣстіе).
42. Изъ Кунгура, отъ 1 августа. Суворова. (Объ успѣхахъ оспопрививанія).

1815 годъ.

Примѣчаніе. Экземпляръ 1815 года въ Императорской публичной библіотекѣ не полонъ. Въ немъ мы не нашли слѣдующихъ нумеровъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 55, 56, 60, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 76, 77, 79, 80, 81 и 83.

36. Изъ Перми. (О посѣщеніи гимназіи и училища попечителемъ округа Салтыковымъ, прибывшимъ изъ Вятки, вмѣстѣ съ профессоромъ Кондыревымъ).

№№

45. Изъ Перми, 13 мая. (О вскрытіи Камы, сплавѣ каравановъ и о погодѣ).

50, 51. Изъ Перми. Извѣстіе объ Ирбитской ярмаркѣ. Попова. (О движеніи торговли).

78. Кунгуръ, отъ 18 сентября. Суворова. (О погодѣ, урожаяхъ и тому под.).

1816 годъ.

19. Описаніе кунгурской пещеры. Суворова.

49, 50. Извѣстіе объ Ирбитской ярмаркѣ, бывшей въ февралѣ и мартѣ 1816 года. Попова.

53, 54. Замѣчанія о Пермской губерніи. Попова. (О климатѣ, промыслахъ и проч.).

71. Продолженіе замѣчаній о Пермской губерніи. Попова.

78. Объ открытіи въ Кунгурѣ уѣзднаго училища.

1817 годъ.

8, 41. Продолженіе замѣчаній о Пермской губерніи. Попова.

52. Извѣстіе объ устроенной въ Верх-Исетскомъ заводѣ отставнымъ землемѣромъ 10 класса Вяткинымъ паровой машинѣ въ четыре лошадиныхъ силы, для механическаго заведенія.

57, 58, 79. Извѣстія объ Ирбитской ярмаркѣ 1817 года. Попова. (Подробныя свѣдѣнія объ оборотахъ).

62. Шадринскъ. Назарова. (Извѣстіе объ оборотахъ Петровской ярмарки).

— Пермь. Попова. (О пожертвованіяхъ въ пользу Пермскаго уѣзднаго училища и объ испытаніи учениковъ).

71. Шадринскъ. Назарова. (Метеорологическое извѣстіе).

1818 годъ.

3. Продолженіе замѣчаній о Пермской губерніи. Попова. (Подробныя свѣдѣнія о судоходствѣ въ 1817 году).

4. Продолженіе того же. (О рыбной ловлѣ и нѣкоторыхъ промыслахъ).

11, 12. Продолженіе того же. (О неурожаѣ въ пяти зауральскихъ уѣздахъ).

12. Нѣчто о Шадринскомъ уѣздѣ. Попова. (О появленіи множества полевыхъ мышей въ хлѣбныхъ скирдахъ).

— Нѣкоторыя наблюденія по ирбитскому уѣзду. Попова. (О вскрытіи рѣкъ, прилетѣ птицъ, всходахъ, цвѣтеніи растеній и метеорологическія замѣтки).

13. Преосвященнаго Іустина, епископа пермскаго и екатеринбургскаго, архипастырское увѣщаніе. (Адресовано, по случаю голода въ губерніи, къ пастырямъ верхотурскаго, ир-

№№

битскаго, шадринскаго, камышловскаго и екатеринбургскаго уѣздовъ; въ немъ совѣтуетъ Іустинъ не словомъ только утѣшать народъ, но и дѣлиться съ нимъ послѣднимъ изъ своего имѣнія).

15. Пермь, 14 февраля. Попова. (Извѣстіе объ открытіи въ Перми отдѣленія Библейскаго Общества и описаніе торжества, по этому случаю бывшаго).

17. Рѣчь Іустина, читанная при открытіи отдѣленія Библейскаго Общества въ Перми, 5 февраля 1818 года.

51. 52. Извѣстіе о екатеринбургскихъ золотыхъ промыслахъ. Попова.

62. Примѣчательная порода землеройки (Sorex). Попова. (Описаніе этого животнаго).

63. Выродокъ черной лисицы.

— Уродъ овечьей породы о восьми ногахъ. Попова.

— Движеніе народонаселенія въ Пермской губерніи въ 1817 году. Попова.

1819 годъ.

41. Замѣчанія о Пермской губерніи. Мая 7 дня 1819 года. Попова. (Метеорологическія и т. п. замѣтки).

1820 годъ.

43. Пермь, мая 6 дня. Попова. (Метеорологическія извѣстія и объ урожаяхъ).

44. Пермь. Мая 20. Попова. (О томъ же).

66. Пермь. 1 іюля 1820 года. Попова. (О томъ же).

94. Объ открытіи уѣзднаго училища въ городѣ Екатеринбургѣ.

97. Объ открытіи уѣзднаго училища въ Ирбити.

III.

Указатель статей о Пермской губерніи, напечатанныхъ въ Пермскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

—

(1839—1858).

Просматривая Пермскія губернскія вѣдомости за 20 лѣтъ ихъ существованія, съ 1839 по 1859 годъ, въ которыхъ, конечно, насъ интересовалъ исключительно *неоффиціальный* отдѣлъ, мы нашли, что послѣдній открытъ только съ 1841 года. Въ этомъ году и въ послѣдующихъ, 1842, 1843 и 1844, онъ наполнялся, по большей части, разными статистическими данными, собранными,

сколько намъ извѣстно, оффиціальнымъ путемъ и послужившими въ послѣдствіи матеріаломъ для статистическаго описанія Пермской губерніи, помѣщеннаго въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1846 годъ. Затѣмъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, неоффиціальный отдѣлъ занятъ перепечатками изъ разныхъ изданій, объявленіями о выходѣ столичныхъ журналовъ и описаніями мѣстныхъ торжествъ. Съ 1854 года онъ замѣтно оживляется, статьи появляются весьма дѣльныя и интересныя, и это оживленіе поддерживается въ нѣкоторой степени даже до настоящаго времени. Впрочемъ, редакцію вѣдомостей грѣхъ винить въ такомъ казусѣ, ибо причиною оживленія было обстоятельство, не требовавшее съ ея стороны никакихъ усилій. Бывшій губернаторъ Клушинъ сдѣлалъ дѣлопроизводителемъ статистическаго комитета, существовавшаго до него почти номинально, весьма образованнаго человѣка, случайно и невольно попавшаго въ Пермь (къ его удовольствію, а къ нашему сожалѣнію, въ послѣдніе годы уѣхавшему на родину). Г. Г. ревностно занялся дѣлами комитета; въ члены его приглашены были многія лица, которыя могли быть полезны своими свѣдѣніями, и отъ нихъ-то въ короткое время пріобрѣтено много матеріаловъ для исторіи, статистики и этнографіи края, которые, подъ наблюденіемъ г. Г., печатались въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Немногія, добытыя редакціею вѣдомостей помимо этого источника статейки, не имѣютъ никакого значенія, кромѣ развѣ ихъ оффиціальности или фразерства.

Печатаемый здѣсь указатель статей, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія о Пермской губерніи, составленъ по экземпляру вѣдомостей, находящемуся въ Императорской публичной библіотекѣ, хотя немного не полному, но все-таки, вѣроятно, полнѣйшему изъ существующихъ гдѣ либо.

—

Статьи, отмѣченныя знакомъ † заслуживаютъ особеннаго вниманія.

—

Б.

Бабочки. Бобры.

О рѣчныхъ *бобрахъ* верхотурскаго уѣзда. А. Рудольскаго. 1854 года, № 41.

О перелетѣ бѣлыхъ *бабочекъ*. А. Рудольскаго.

Замѣчанія натуралиста по поводу предыдущей статьи. Иль.... скаго. 1855 года, № 3.

В.

Верхотурье. Воды минеральныя.

Описаніе Сергинскихъ минеральныхъ *водъ*, находящихся въ Пермской губерніи. 1842 года, №№ 1, 2 и 3.

Статистическія свѣдѣнія о городѣ *Верхотурьѣ* и *верхотурскомъ* уѣздѣ за 1841. 1842 г., №№ 9 и 10.

Свѣдѣнія о движеніи народонаселенія въ городѣ *Верхотурьѣ* и его уѣздѣ за 1841. 1842 г., № 51 и 1843, № 1.

Турьинскія минеральныя *воды*. 1844 года, № 12.

Краткое описаніе Сергинскихъ минеральныхъ *водъ*. Штабъ-лекаря Мичерлиха. 1856 года, № 17.

Г.

Ударъ *грома*, слышанный въ Соликамскѣ 8 января 1855 г. А. Рудольскаго. 1855 г., № 5.

Д.

Дедюхинъ. Дерево. Долматовскій монастырь. Древности.

О движеніи народонаселенія въ *Дедюхинѣ* въ 1841. 1843 г., № 2.

Способъ предохранять *дерево* отъ гнилости, употребляемый на пермскихъ соляныхъ промыслахъ. А. Рудольскаго. 1847 г., № 35.

† Нѣсколько словъ о *древностяхъ*, находимыхъ въ верхотурскомъ уѣздѣ, въ округѣ Нижнетагильскихъ заводовъ. Иродіона Рябова. 1855 г., № 28.

Время основанія и первые основатели *Дедюхина*. Кармалина. 1855 г., № 32.

† Описаніе мужескаго *Долматовскаго* Успенскаго монастыря и бывшаго къ нему приписнымъ женскаго Введенскаго монастыря. 1858 г., №№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14.

Е.

Екатеринбургъ.

Статистическія свѣдѣнія о городѣ *Екатеринбургѣ*. 1841 г., № 6 и 1842 г., № 22. О *екатеринбургскомъ* уѣздѣ за 1841. 1842 г., №№ 23, 24, 25 и 26.

З.

Заводы. Звѣроловство.

Взглядъ на округъ *Нижнетагильскихъ заводовъ*. 1841 г. №№ 9 и 10.

Статистическія свѣдѣнія о *Нижнетагильскомъ заводѣ*, за 1841. 1842 г., № 33.

Объ участкахъ непремѣнныхъ работниковъ *екатеринбургскаго заводскаго* округа, за 1841. 1842 г., № 34.

О *Каменскомъ* чугунноплавильномъ *заводѣ*, за 1841. 1842 г., № 35.

О деревняхъ *Байновой* и *Красногорской*, вѣдомства *Каменскаго завода*, за 1841. 1842 г., № 36.

Свѣдѣнія о *Юговскомъ* и *Мотовилихинскомъ* горныхъ *заводахъ*, за 1841. 1842 г., № 37.

О состояніи *Алапаевскихъ заводовъ*, наслѣдницъ Яковлева, за 1841. 1842 г., № 38.

О состояніи *Киштымскихъ заводовъ*, наслѣдницъ Расторгуева, за 1841. 1842 г., № 39.

О состояніи *Нижнетагильскихъ заводовъ*, за 1841. 1842 г., № 40.

О *заводахъ* пермскаго и кунгурскаго уѣздовъ: *Лысвенскомъ*, *Архангелопашійскомъ*, *Кусьеалександровскомъ*, *Бисертскомъ* и *Крестовоздвиженскихъ* золотыхъ пріискахъ, за 1841. 1842 г., № 41.

О *заводахъ* въ красноуфимскомъ уѣздѣ, *Сергинскихъ* и *Уфалейскихъ*, съ округами, за 1841. 1842 г., № 42.

О *заводахъ Ревдинскомъ*, *Бисертскомъ*, *Билимбаевскомъ* и *Шайтанскомъ*, за 1841. 1842 г., № 43.

О *заводахъ* гг. *Всеволожскихъ*, за 1841. 1842 г., №№ 44, 45 и 46.

О *Юговскомъ заводѣ* купца Кнауфа и *Уинскихъ* — наслѣдницъ Яковлева, за 1841. 1842 г., № 47.

Свѣдѣнія о *частныхъ заводахъ*, находящихся въ оханскомъ и пермскомъ уѣздахъ, за 1841. 1842 г., №№ 48, 49 и 50.

Начало *Каменскаго завода*. 1855 г., № 19.

† *Сысертскіе* горные *заводы*. К. И. Кокшарова. 1855 г., №№ 29, 30, 34, 36 и 37 и 1856 г., №№ 23, 24, 25 и 26.

Ловля *звѣрей* тенетами въ ильинскомъ округѣ графини Строгановой. А. Теплоухова. 1857 г., №№ 31.

И.

Инвенская дача. Ирбить.

Статистическія свѣдѣнія о городѣ *Ирбити* и его уѣздѣ, за 1841. 1842 г., №№ 27 и 28.

Ирбитская ярмарка въ 1846 году. 1846 г., № 13.

Ирбитская ярмарка въ 1847 году. 1847 г., № 15.

Историческія свѣдѣнія объ *Ирбитской ярмаркѣ*. 1849 г., № 8.

Обозрѣніе *Ирбитской ярмарки* въ нынѣшнемъ году. 1850 г., № 15.

† Опытъ статистическаго обозрѣнія *Инвенской* дачи. Рогова. 1856 г., №№ 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43 и 44.

К.

Каменный ленъ. Камышловъ. Канцелярское училище. Коннозаводство. Красноуфимскъ. Кунгуръ. Купоросъ.

Извлеченіе изъ отчета о состояніи Пермскаго *канцелярскаго училища* за 1839—40 учебный годъ. 1841 г., № 5.

Статистическія свѣдѣнія о городѣ *Камышловѣ* и его уѣздѣ, за 1841. 1842 г., №№ 6 и 7.

Статистическія свѣдѣнія о *кунгурскомъ* уѣздѣ, за 1841. 1842 г., № 8.

Статистическія свѣдѣнія о *Красноуфимскѣ* и его уѣздѣ за 1841. 1842 г., №№ 20 и 21.

О движеніи народонаселенія въ *Красноуфимскѣ* въ 1841. 1842 г., № 52.

Коннозаводство въ Пермской губерніи. 1846 г., №№ 43, 44 и 46.

Объ успѣхахъ дѣйствій пермской земской *конюшни* въ 1846. 1847 г., № 43.

Свѣдѣнія о *коннозаводствѣ* въ соликамскомъ уѣздѣ, за 1854 г. Карнаухова. 1855 г., № 7.

Матеріалы для статистики, собранные въ 1854 году о городѣ *Кунгурѣ*. 1855 г., №№ 17 и 18.

Краткая *лѣтопись Кунгура*. 1855 г., № 41.

† Описаніе заводовъ въ городѣ *Кунгурѣ*, по свѣдѣніямъ отъ промышленниковъ собраннымъ въ концѣ 1854 года. С. Буевскаго. 1855 г., №№ 42, 43, 44 и 45.

О состояніи *коневодства* въ шадринскомъ уѣздѣ. Священника Третьякова. 1856 г., № 21.

О *каменномъ льнѣ* въ округѣ Невьянскаго завода. Священника Оглоблина. 1856 г., № 32.

Мѣстонахожденіе *желѣзнаго купороса*. Священника Словцова. 1856 г., № 50.

† Матеріалы для статистики *Кунгура*. С. Буевскаго. 1857 г., №№ 12, 13 и 14.

Л.

Лошади. Лѣсохозяйство.

Обвинскія *лошади*. 1841 г., № 4.

Объ испытаніяхъ крестьянскихъ *лошадей* въ город. Перми и Екатеринбургѣ. 1847 г., № 43.

† *Лѣсохозяйственное* описаніе чердынскаго уѣзда. А. Теплоухова. 1855 г., №№ 47, 48, 49, 50 и 51 и 1856 г., №№ 1, 2, 3, и 4.

Статистическія свѣдѣнія *объ употребленіи лѣсовъ* въ заводскихъ и оброчныхъ имѣніяхъ графини Строгановой. А. Теплоухова. 1857 г., № 31.

М.

Медвѣдь. Метеоръ.

Метеоръ 12 октября 1854 г. А. Рудольскаго. 1854 г., № 45.

Метеорологическія наблюденія въ Ильинскомъ селѣ на рѣкѣ Обвѣ. Вас. Волегова. 1855 г., №№ 4 и 8.

Охота за *медвѣдемъ* на Уралѣ. Шлинке. 1857 г., № 11.

О.

Оса. Оханскъ.

Оханскъ (стат. св.). 1841 г., № 8.

Оса (стат. св.). 1841 г., № 14.

Статистическія свѣдѣнія о городѣ *Осѣ* и его уѣздѣ за 1841. 1842 г., №№ 4 и 5.

О движеніи народонаселенія въ *оханскомъ* уѣздѣ въ 1841. 1843 г., № 3.

П.

Пароходство. Пермь. Пермяки. Піявки. Прокопьевъ день. Пугачевщина. Путевыя замѣтки.

Очеркъ *исторіи Пермскаго края.* 1841 г., №№ 1, 2, 3 и 7.

Матеріалы для исторіи *Пугачевщины.* I. Краткое увѣщаніе преосвященнаго вятскаго и великопермскаго къ народу своей эпархіи. 1841 г., № 15. II. Рапортъ оренбургскаго казначея маіора Завороткова въ Казанское экономическое управленіе. 1841 г., № 28.

Статистическія свѣдѣнія о *пермскомъ* уѣздѣ за 1841. 1842 г., № 13.

Прокопьевъ день въ Усольѣ. А. Р...го. 1844 г., № 10.

Желѣзный *пароходъ*, выстроенный въ Суксунскомъ заводѣ въ 1845 году. 1845., № 20.

Біармія—Пермь. I. Древнѣйшія времена. 1846 г., № 3. II. Подъ властію Новгородцевъ. 1846 г., № 7.

Статистическое обозрѣніе *Пермской* губерніи. 1846 г., №№ 18, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 28, 29, 30, 31 и 32.

Отчетъ правленія *Пермскаго* общества *пароходства* за 1847. 1848 г., № 8.

Свѣдѣнія о *пермскихъ соляныхъ промыслахъ*, основанныхъ фамиліею гг. Строгановыхъ. Ѳ. В. 1854 г., № 43.

Пермяки. Ѳ. В. 1854 г., № 44.

О разведеніи врачебной *піявки* въ Нижнетагильскомъ заводѣ. Ирод. Рябова. 1854, № 49 и 1855 г., № 31.

† Историческій очеркъ *гражданскаго устройства Пермскаго края.* 1855 г., №№ 21, 22, 23, 24, 25 и 26. (Балбашевскаго).

Путевыя замѣтки отъ Каменскаго завода до Перми, составленныя въ 1853 году. Зырянова. 1856 г., № 11.

Матеріалы для *исторіи Пермскаго края.* 1857 г., №№ 23, 24 и 25.

Р.

Руда. Рыба.

О бобовидной *рудѣ*, открытой въ имѣніи графини Строгановой. А. Теплоухова. 1855 г., № 17.

Опыты искусственнаго размноженія *рыбы*, произведенные въ 1846 году въ Нижнетагильскомъ заводѣ. Рябова. 1856 г., № 34.

С.

Соликамскъ.

Статистическія свѣдѣнія о городѣ *Соликамскѣ* и его уѣздѣ, за 1841. 1842 г. № 30.

† Городъ *Соликамскъ въ историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ.* Священника Александра Луканина. 1856 г., №№ 5, 6, 7 и 8 и 1858 г., №№ 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48 и 49.

Т.

Обычай вымораживанія *таракановъ*. Андрея Рудольскаго. 1855 г., № 11.

У.

Уголь. Уралъ.

Очерки *средняго Урала* и заводской на немъ дѣятельности. Я. Р...ва. 1854 г., № 34.

О способахъ приготовленія *угля*, смолы и дегтя въ пермскомъ имѣніи графа Строганова. Ѳед. Волегова. 1855 г., № 27.

Очерки *верхкосвенскаго Урала*. Вас. Волегова. 1855 г., №№ 37, 38, 39 и 40.

Ч.

Чердынь. Чусовая.

Статистическія свѣдѣнія о *чердынскомъ* уѣздѣ и городѣ *Чердыни* за 1841. 1842 г., №№ 14, 15, 16, 17, 18 и 19.

О судоходствѣ вверхъ по рѣкѣ *Чусовой*, отъ впаденія ея въ Каму до Усть-Уткинской пристани. Ир. Рябова. 1855 г., № 20.

Ш.

Шадринскъ.

Статистическія свѣдѣнія о городѣ *Шадринѣ* и его уѣздѣ, за 1841. 1842 г., №№ 11 и 12.

О Петровской ярмаркѣ въ Шадринскѣ, въ 1853 году. 1853 г., № 39.

S.

IV.

ЗАПИСКА, НАЙДЕННАЯ ВЪ БУМАГАХЪ ПОКОЙНАГО КУПЦА С-ва [1]).

Отецъ мой, Емельянъ Меркурьевъ С-въ, былъ купцомъ въ городѣ Соликамскѣ, имѣлъ кожевенный и мыловаренный заводы, также имѣлъ выдѣлку краски лазори, входилъ въ подряды и

[1]) Предлагаемая вниманію читателей Пермскаго Сборника записка найдена въ дѣлахъ, оставшихся послѣ смерти пермскаго купца С-ва. Она писана имъ собственноручно, на двухъ листахъ писчей бумаги. Существовало-ли продолженіе этихъ мемуаровъ и когда они писаны — неизвѣстно; но и то, что сохранилось намъ кажется довольно интереснымъ, по тѣмъ подробностямъ, которыя характеризуютъ образъ воспитанія и нравы общества въ Пермскомъ краѣ, въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія. *Ред.*

поставки. Однажды онъ принялъ въ товарищество верхотурскаго купца Григорья Мелькова, обязавшись поставить изъ казенныхъ банковскихъ заводовъ желѣза изрядное количество, водянымъ путемъ, въ С. Петербургъ. Отъ этой поставки, въ которой распорядителемъ былъ Мельковъ, они понесли огромные убытки; Мельковъ, желая отъ нихъ избавиться, сдѣлалъ начётъ на моего отца, предъявилъ искъ судебнымъ порядкомъ, и тѣмъ раззорилъ его. Не могши перенести своего несчастія, отецъ мой занемогъ и умеръ въ началѣ 1789 г., оставя меня 9 лѣтъ.

На пятомъ году моего возраста, меня отдали въ выучку семидесятилѣтней дѣвѣ, пономарской дочери Александрѣ Ивановнѣ; я у ней обучался азбукѣ съ полгода, но сдѣлался болѣнъ и ученіе мое кончилось. На седьмомъ году меня отдали въ школу, гдѣ насъ обучалось до 120 человѣкъ. Учитель у насъ былъ одинъ (изъ духовныхъ, перешедшій въ свѣтскіе), Дмитрій Петровичъ Поповъ, кончившій курсъ ученія въ Вятской семинаріи— человѣкъ усердный и строгій. Въ то время получалъ онъ жалованья 150 руб.; но какъ былъ обремененъ огромнымъ семействомъ, то и не доставало ему онаго, и потому исправлялъ онъ должность сторожа, за кою отъ думы получалъ 30 руб. въ годъ. Учился я порядочно слѣдующему: читать, писать и ариѳметикѣ. Времена были не тѣ, что нынче,—все было просто и не такъ нѣжно какъ теперь. У учителя нашего была мѣдная указка, коею онъ билъ ослушниковъ и лѣнтяевъ по головамъ; въ томъ числѣ и мнѣ доставалось: какъ хватитъ по головѣ, то искры посыплются, и голову въ кровь раскроитъ. Столь же часто ставили насъ на горохъ, на колѣни, на нѣсколько часовъ. Былъ у насъ одинъ ученикъ, съ которымъ не могъ учитель нашъ способиться: и глупъ, и тупъ и дерзокъ. Надо его было выгнать изъ училища, то его высѣкли нещадно, поставили у воротъ, надѣвши на него рогожу изорванную, и трое сутокъ должны были товарищи, проходя мимо него, плевать и харкать *(на него)*. Учитель нашъ былъ страстенъ *(къ)* италіянскому церковному пѣнію, то и составилъ изъ учениковъ своихъ хоръ пѣвчихъ, гдѣ и я пѣлъ альта перваго, а самъ онъ занималъ *(обязанность)* регента и пѣлъ октаву баса, и всякій праздникъ намъ приказано быть въ церкви, на крылосѣ. Иногда утѣшалъ насъ, отпущая весною прогуляться по рѣкѣ Усолкѣ, въ лодкѣ,—пѣвали канты, а самъ учитель, стоя на берегу, повѣрялъ голоса нашего пѣнія. И сіе счастливое мое время прекратилось *(со)* смертію моего отца. Такъ какъ матери моей Ѳедорѣ Григорьевнѣ не было чѣмъ *(меня)* воспитывать, то послѣ смерти *(моего отца)*— на девятилѣтнемъ возрастѣ, въ 1798 году, оставя школьную скамью, пошелъ *(я)* тожъ *(къ)* соликамскому купцу Ивану Братчикову. Взялъ *(онъ)* меня на Ирбитскую ярмарку, гдѣ онъ и производилъ торговлю пушнымъ товаромъ, собираемымъ изъ первыхъ рукъ, *(отъ)* звѣроловцевъ. Продавалась у него также въ лавкѣ мѣдная посуда, *издѣлія своего города* (?) и точилы печерскія. Помѣщалась *(лавка)* въ гостиномъ дворѣ деревян-

номъ, полуразвалившемся. Ярмарка хотя начиналась съ 15 февраля, но морозы въ то время были довольно чувствительные, такъ что около 25 градусовъ. Изъ числа партіи точилъ, продали одно крестьянину, съ тѣмъ, чтобы для веретна, на коемъ оно должно вертѣться, пробить четыреугольную на сквозь диру. Исполняя хозяина приказаніе, пробивавши диру на камнѣ,— отъ морозу точило раскололось, и хозяинъ мой тѣмъ былъ чрезвычайно огорченъ,—принялъ за то, яко бы я нарочито (т. е. нарочно) это сдѣлалъ, и билъ меня такъ безчеловѣчно, что изо рта и изъ носу шла кровь. Увезли *(меня)* на квартиру и я съ недѣлю былъ болѣнъ, и къ окончанію ярмарки выздоровѣлъ. Когда я пріѣхалъ въ свой городъ — мать моя, желая имѣть въ содержаніи себя и меня помощь, отдала *(меня)* писать въ уѣздный судъ, гдѣ я пробылъ мѣсяцевъ десять. Между тѣмъ временемъ, зять нашъ, Яковъ Любимовъ, пріѣзжая съ сестрою въ Соликамскъ, убѣдилъ мать мою, что онъ возметъ на свое попеченіе устроить мое воспитаніе. И такъ, *(мать моя)* благословила меня и отпустила. По возвращеніи зятя въ домъ свой, проживавши онъ тогда въ селѣ Верхнихъ Муллахъ княгини Шаховской, отъ города Перми въ девяти верстахъ, и покуда желая помѣстить меня въ Пермское училище для обученія преподаваемыхъ тамъ наукъ,—чтобъ я не забылъ чистописаніе, испросилъ у членовъ Верхнемуллинскаго правленія позволеніе заниматься *(мнѣ)* въ ономъ перепискою. Это продолжалось не болѣе двухъ мѣсяцевъ, и зять мой помѣстилъ меня въ Пермское главное училище, въ науку, отдавъ на всемъ содержаніи тогда бывшему старшему учителю, коллежскому совѣтнику Никитѣ Савичу Попову, [1]) у котораго я и жилъ, ходя въ учебные часы въ классъ, начавши съ 1799 года. Хозяйка учителя моего—женщина слабая, придерживаясь чарочки, частовременно посылала меня за покупкою наливочки, во время откупа купца Ласкина, который былъ въ семъ случаѣ большой хозяинъ, дѣлалъ наитки сіи превосходно, и откупъ шелъ счастливо. По скупости его (т. е. Попова), я воспитанъ былъ не какъ пансіонеръ, а какъ слуга, не имѣя порядочнаго стола, а съ работникомъ и работницею, то и жилъ въ избѣ. Жила у нихъ (т. е. у Поповыхъ) племянница ихъ, а какъ ее звали—не припомню,—служила вмѣсто горничной дѣвушки, имѣя праздничное платье набивнаго холста, около, въ тогдашнее время, семи копѣекъ за аршинъ. Во время праздника Пасхи, подавая на столъ кушанье, шла обратно въ кухню съ тарелками, а я лежалъ на голбцѣ, т. е. на западнѣ спуска въ подполье, и, думая, что идетъ учительша, поспѣшно всталъ на ноги, но задѣлъ какъ-то тарелки, онѣ выпали изъ рукъ дѣвушки и расшиблись, и я за то подпалъ жестокому наказанію. Учитель мой, схватя *(меня)* за волосы, билъ и пинками столько, сколько его силы стало — окровавилъ меня и проломилъ мнѣ голову, не принимая никакихъ оправданій. Вотъ, и

[1]) Автору Хозяйственнаго описанія Пермской губерніи. *Ред.*

послѣдняя моя ученость кончилась, продолжавшись около семи мѣсяцевъ: по принесенной мною жалобѣ, зять меня взялъ оттуда (т. е. изъ училища), и какъ онъ занимался большею частію доставкою китайскихъ товаровъ отъ разныхъ кладчиковъ, взялъ меня съ собою на Макарьевскую ярмарку, обѣщая отдать въ Москву, для обученія торговымъ дѣламъ. Любилъ я мать свою горячо, писалъ къ ней: матушка! отпусти меня въ Москву! я слыхалъ, что тамъ такое богатство: и на церквахъ-то золотыя маковки... На что слезное пишетъ письмо и благословляетъ на добрыя дѣла—служить вѣрно, усердно: „не тебя посылаютъ, а ты бѣги и скорѣе исполни"... На дорогу дала мнѣ матушка семь рублей, да бабушка три рубля. Съ этими деньгами отправился (*я*) съ зятемъ на судахъ, къ Макарью, и былъ отдѣльно управителемъ на судахъ. Тогда мнѣ было 12 лѣтъ. Прибывши благополучно (*со*) судномъ на пристань сибирскую, бывшую тогда на Пескахъ, противъ села Исадъ, выгрузили на берегъ товары и здали ихъ хозяевамъ оныхъ. Какъ зять мой имѣлъ хорошую репутацію, то скоро пріискалъ мнѣ и хозяина—московскаго купца, Андрея Семеновича Ше...това[1]). Въ то время кончалась ярмарка 25 іюля. Переправивши онп (т. е. новый хозяинъ) свой экипажъ черезъ Волгу, остановились на лугу села Лыскова, а сами пріѣхали на судно зятя моего, дабы взять меня съ собою. Онъ (т. е. зять) угостилъ ихъ пельменями, при чемъ было и пито всякой всячины, при гласѣ пѣсенниковъ и при громѣ пушекъ, находившихся на суднѣ для обороны въ пути—слѣдованіи отъ разбойниковъ[2]). Пробыли на суднѣ гости и мой новый хозяинъ часовъ пять; отправилъ ихъ мой зять въ косной, раскрашенной лодкѣ, съ пѣсенниками, и меня съ ними. Переѣхавши за Волгу, вышли на берегъ, къ повозкамъ......

Здѣсь, къ сожалѣнію, кончается листъ, а продолженія записокъ не найдено.

[1]) Кажется, Шестова.

[2]) (Примѣчаніе автора записки). Разбойники не рѣдко нападали и грабили, а если оплошаютъ судохозяева обороною, то взошедши разбойники на судно — первое слово ихъ всегда было: «сарынь на кичку!» — и ни одинъ изъ рабочихъ не смѣй пошевелиться, ложась лицемъ въ полъ; а тутъ хозяина въ пытку и жгутъ на вѣникѣ, приговаривая: „давай деньги!... гдѣ спряталъ?"... и буди не отдастъ все, что имѣетъ — убьютъ и тѣмъ удовольствуясь, уѣзжаютъ, и суда нигдѣ на нихъ нѣтъ.

V.

Домашній Обиходъ. Рукописный сборникъ XVII вѣка.

Собирая различные матеріалы для нашего изданія, мы пріобрѣли случайно интересную старинную рукопись. Такъ какъ по содержанію своему она не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ Пермскому краю, то мы нашли за лучшее предоставить ее въ распоряженіе Императорскаго Археологическаго Общества, которое, можетъ быть, напечатаетъ ее, если найдетъ это полезнымъ, вполнѣ, съ потребными объясненіями, въ своихъ изданіяхъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагая, что нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія о нашемъ пріобрѣтеніи не будутъ совершенно лишены интереса для читателей Пермскаго Сборника, предлагаемъ вниманію ихъ нѣсколько словъ о наружности и содержаніи рукописи. Рукопись эта—въ полутора-вершковую четвертку форматомъ, къ сожалѣнію, досталась намъ безъ начала и безъ конца; сохранились листы 45—99. Судя по языку и письму, спеціалисты относятъ ее къ XVII столѣтію. Думаемъ, что названіе Домашняго Обихода, которое мы дали ей въ заглавіи этой статьи, вполнѣ характеризуетъ ея содержаніе, ибо вся она состоитъ изъ рецептовъ разныхъ народныхъ лекарствъ (многія изъ нихъ, сколько намъ извѣстно, употребительны въ простонародьѣ Пермской губерніи, а вѣроятно также и въ другихъ мѣстностяхъ, до сихъ поръ), изъ разныхъ суевѣрныхъ примѣтъ, заговоровъ, симпатическихъ средствъ и молитвъ на разные случаи. Вообще рукопись эта представляется какъ бы сводомъ различныхъ секретныхъ знаній, составляющихъ достояніе русскаго *знахарства* и можетъ служить—сколько хорошимъ матеріаломъ для исторіи нашей народной медицины, столько же и объясненіемъ многихъ, сохраняющихся до сего времени въ народѣ Русскомъ, суевѣрій и предразсудковъ. Для большей ясности нашихъ словъ, раздѣливъ содержаніе рукописи на нѣсколько категорій, мы приводимъ здѣсь изъ нея нѣкоторыя отрывки.

А. Лекарства.

I. *Отъ простуды. (Кто)*, спотѣвъ, изопьетъ и оттого болѣзнь придетъ,—овечьяго молока ложку, да желчи медвѣжей съ гороховое зерно, да, стерши, испити на тще сердце, уквасивъ дважды.

II. *Отъ кашля.* Аще хто кашляетъ, давай ему пити воду ячную съ сахаромъ, и поможетъ.

III. *Отъ хрипоты.* Аще человѣкъ охрипнетъ, горло ему затечетъ, то шелковую траву водяную, изгневши, лити въ него. Аще не будетъ шелковые травы вода, тогда пшеничные отруби съ укропомъ изгневши, пити, — и хрипота исчезнетъ и минетъ.

IV. *Отъ лихорадки.* 1) Аще кого трясца держитъ, и ты возьми чесноку да хрѣню, да истолки обое вмѣстѣ, да вяжи себѣ на шію, и какъ станетъ подрогивать, ино по суставамъ чесноковымъ хрѣномъ мазать, и хто станетъ говорить: чеснокомъ-де отъ тебя пахнетъ, — и не отпиратися. И тотъ чеснокъ и хрѣнъ дѣлатся, чтобы люди не знали. 2) Отъ трясавицы: комонинное кореніе варити въ пивѣ и пити на тще сердце, и она покинетъ.

V. *Отъ зубной боли.* 1) Змію живую добыть, вынуть изъ нее желчь изъ живыя; а *(буде)* змія живая безъ желчи съ того мѣста сползла, и тою желчью мазати, и въ тотъ часъ жерви (т. е. черви) пропадутъ; а буде змія съ того мѣста безъ желчи не ползетъ, и въ той желчи нѣтъ пособи.

VI. *Отъ глухоты.* 1) Аще человѣкъ оглохнетъ, возьми воронову желчь и пусти въ уши. 2) Сала свинаго, да сала курячья, да соку луковаго укапливай въ ухо, и услышитъ. 3) Возьми молока сучья, укапливай въ ухо трижды.

VII. *Отъ потери голоса.* Ясти чеснокъ печеной на тще сердце, и будетъ голосъ.

VIII. *Отъ шелудей.* Аще человѣкъ шелудивъ, ящерицу сожги на попелъ и смѣшай съ медомъ, и мажъ тѣло.

IX. *Отъ нарывовъ.* Аще варимъ и толчемъ и прикладываемъ (чеснокъ) къ чирьямъ на тѣлѣ или къ инымъ болячкамъ, кои бываютъ безъ верху, тогда гной выводитъ.

X. *Отъ ранъ.* 1) Раненому кому — желчь медвѣжья съ ячное зерно да приложити къ ранѣ, привить платомъ, — ино выдетъ кровь. 2) Возьми дрожжей, да вина горѣлаго, да ладану, да набити яицъ куречьихъ, и мазать раны. 3) Гусинымъ саломъ да утечьимъ и растворомъ ржанымъ мажъ ознобъ (т. е. отмороженный членъ), и живетъ отъ того, да мозгу коневаго, да истолчи все то вмѣсто и приложи къ озяблой ранѣ. 4) Коли не можешь излечить, возьми молодые листы (?), сожги на попелъ, да доспѣй щелокъ, да мой болячку, да присыпай, — ино заживетъ.

XI. *Отъ ушиба.* 1) Аще у человѣка изломъ, еловой пепелъ смѣси съ желкомъ яичнымъ, прикладывай къ излому; у кого нога гніетъ, собачье ребро сожги, истолки и приложи наверхъ раны листъ попутниковый или капустный, и заживетъ. 2) Прививать можжевеловымъ пепеломъ съ яичнымъ бѣлкомъ смѣси (смѣся?) вельми добро. 4) И противъ кровной струи, помазывай дрожжами медовыми, осоли, и поможетъ. 5) Масло древяное да соль жженая присыпати къ болячкамъ.

XII. *Отъ болѣзней глазъ.* 1) Егда бѣльмо на оцѣ, терніе изъ лѣсу изжещи, пепеломъ посыпай, — то и лекарство. 2) ресница стряхнется и прыски отъ него (?) пойдутъ въ очи человѣку, и съ того ресницы ростутъ въ очахъ и волосы кривляются, — тому помогати: держать клей вишневой и размачивати въ водѣ, обмывая рукой, и вытирати, и въ очи пущати тотчасъ. Стекло зеленое истолки мелко, да козью желчь, обое смѣшай вмѣсто, и мажъ тѣмъ—откуду волосы ростутъ. 3) Бѣлаго голубя кровь суши по холоду, а не на солнцѣ и не на вѣтрѣ; истерши та кровь, пущати въ очи рано. 4) Мазати мозгомъ заечнымъ изъ головы сырымъ. 5) Листъ смородинный да варити въ трехъ водахъ, и тѣмъ мажъ очи. (Къ приведеннымъ 2, 3, 4 и 5 статьямъ относится отмѣтка на полѣ: *у кого въ очахъ волосы ростутъ*). 6) Добыти сова, да совиною желчью мазать, и сгонитъ (т. е. бѣльмо). Яйцо куричье провертѣти, да бѣлокъ выцыдить, желтокъ оставить въ скорлупѣ, да утерти соли самосадки и положити въ яйцо, да обмажъ его глиною и сожги на попелъ, да просѣй ситомъ, и посыпли на бѣльмо. 7) Лебяжью желчь мазать, масло яичное жежчи, ящерицы польскіе жежчи-же, да тотъ попелъ смѣшати съ преснымъ медомъ и съ масломъ деревянымъ мазати. 8) Аще у человѣка глаза кровавы, изсуши сѣмя (?), смѣси съ тремя бѣлками яичными, да заткни хлопьемъ, да прикладывай къ очамъ. 9) Аще у человѣка прѣетъ, изотри сабуръ траву, да ртути, да масло древяное со сцѣмъ, помажъ вѣки, а въ очи не пущай. 10) Козьи го..., девять перд.... истолки, смѣшай съ медомъ съ преснымъ, впущай въ очи,—и будет*(ш)*ъ здравъ. 11) Изсуши желчь коровью, изотри и сыпли въ очи. 12) Сахаръ леденчатой да женское молоко, у котороe съ чужимъ не бывало, или черные коровы, пущай въ очи.

XIII. *Отъ обморока.* Аще у кого душа займетца напрасно, языкъ отъимется,—зажещи двѣ свѣчи вощаны, да погасити одна и подкурити подъ носъ, премѣняя.

XIV. *Отъ грыжи.* 1) Конской мозгъ добро отъ грыжи мазати. 2) Аще у кого грыжа, и ты помажъ собачьею кровью, и поможетъ ему.

XV. *Отъ зуда.* Возьми кропивки, да соли, да яичной желтокъ, да смѣшай вмѣсто, да мажъ по три дни кудѣ свербишь.

XVI. *Отъ недержанія мочи.* Который человѣкъ часто сц..., пити кровь заечья, да мясо ясти заячье.

XVII. *Отъ чахотки.* Аще человѣкъ чахнетъ, ходячи, не оживетъ, ни умретъ, въ ..день зарѣзати корова, да лѣсти на лохтяхъ въ брюхо до горла, и минетъ болѣзнь.

XVIII. *Косметическія средства.* 1) Аще у кого на головѣ волосовъ нѣтъ, возьми коневью брюшину и сожги на попелъ, да, истолкши, просѣй мелко, столкши съ древянымъ масломъ, и мажъ голову гораздо, да увяжы платомъ, — ино у человѣка волосы наростутъ. 2) Коневій калъ да козевій калъ истолки съ

древянымъ масломъ, мажъ голову гораздо, обвяжы платомъ,—въ три дни волосы (вырастутъ?). 3) Мазати саломъ волчьимъ, ино сгонитъ—у кого видѣніе (т. е. лицо) рябо и угриновато. 4) Колосъ (а?) пшеничной (аго?) цвѣтъ утри мелко, и смѣшай и въ бѣлокъ яичной, доспѣй какъ масть (т. е. мазь) и мажъ,—видѣніе рябое будетъ гладко. 5) Возьми мозгъ оленей изъ голеней, мажъ видѣніе. Платъ новой избери и тѣмъ платомъ росу снимай со пшеничнаго колоса, и тою росою мой видѣніе рябое и угриноватое. Дрожжи медвяные мазати. 6) Варити въ маслѣ орѣшки чернильные и приложити (?) и развести въ теплой водѣ жиденько, вшедъ въ баню, не подать пару, вымыти борода на чисто, высушить и вытирать, да пытать то зелье въ бороду и въ платъ, да посѣдѣть (т. е. посидѣть), тобъ не выпустить, да пытать рукою, не чернитъ-ли руки, въ тѣ волосы вошли (вошло?) ли, да вымой водою.

XIX. *Любовныя зелья.* Аще жена бѣгаетъ, и дай пити воробьево сердце (?), и начнетъ мужа любить. 2) Аще небретчи мужъ жены начнетъ, то помажъ его (?) саломъ медвѣжьимъ, внегда не будетъ ему на иную жену похотѣнія.

XX. *Разныя средства.* 1) Накопай кропивнаго коренія, изсуши, истолки, просѣй ситомъ, натирай лице, ноги и руки, — не зябнетъ. 2) Возьми дрова, наклади жару въ избѣ, и на тотъ жаръ положи козлецу траву снопъ, и запечатай, — ино съ того духу помрутъ клопы свари свекольнаго коренія въ водѣ, тою водою полевай стѣны, гдѣ клопы. Аще хощешь изморити, истопи избу ясневыми дровами, да вмѣси въ печь конопляныхъ головицъ, какъ поспѣютъ.

XXI. *О травѣ галанѣ.* Галганъ трава тепла и суха и пригодна, имѣетъ въ себѣ многи силы: хощешь кровь пускати, возьми галганъ въ ротъ свой, — своею силою выганиваетъ. А хто его ввечери по рану ѣлъ и съ виномъ земскимъ держалъ (?), тогды отъ женокъ испорченъ не будетъ. Аще у кого языкъ болитъ, порохомъ тое же травы мажъ. Аще которая рана вельми гніетъ, того же пороху смѣшай съ медомъ преснымъ и приложить на рану, и уздравливаетъ и сушитъ.

XXII. *О чеснокѣ.* Отъ духа чесноковаго бѣгаетъ всякъ гадъ, которой ядовитой. Хто такъ грызетъ, вельми вредительно есть очамъ. И хто пріемлетъ по разсужденію, того да глисты и змѣи, и жабы изнутри выганиваетъ. Чеснокъ въ маслѣ пряженъ древяннымъ, и тѣмъ пользуютъ елеемъ по укушенію ядовитаго звѣря, гдѣ на тѣлѣ ни будь.

XXII. *Составы пластырей.* 1) *Спускъ малхану живучему.* Масла коровья два жеребья, ветчины сала жеребей, сѣры пихтовые жеребей, меду преснаго жеребей—спусти вмѣсто въ горшкѣ, на огнѣ ростопить, да процыдить сквозь платъ. 2) *О малханѣ гноючемъ.* а) Сала ветчиннаго два жеребья, смолы жеребей, муки

ржаные положить немного, и согрѣти на огнѣ въ горшечкѣ все вмѣсто. б) Воску краснаго жеребей, сала ветчиннаго жеребей, смолы противъ того всего положить и стопить все вмѣсто. 3) *Спускъ зелью щепотному.* Масла коровья фунтъ, квашеннаго сала или коровья топленаго осьмой жеребей фунта, сала ворванья 10 золотниковъ, да коневаго калу свѣжаго жечи въ черепу на огнѣ на бѣлой попелъ,—положить четверть малой гривенки, да бити въ ставу на дню гораздо—какъ сметана густа, и въ теплѣ не держать.

Б. Симпатическія средства.

1) Возьми на пустой хороминѣ травы какіе нибудь, положи подъ голову больному, и онъ станетъ спати.

2) Совино сердце положить въ суконной платъ, приложить къ женщинѣ къ лѣвому боку,—ино все во снѣ на себя выскажетъ, что была безъ мужа.

3) Напиши на бумагѣ: помяни Господи сыны Едомскіе во дни Іерусалимовы, глаголющіе: истощайте до основанія его!—а то письмо положи къ роженицѣ за пазуху.

4) Аще ловишь лося, и урѣжи правые ноги копыта, и сдѣлай перстень и носи на руки, и на того человѣка не придетъ никакая злая пригода, ни золъ человѣкъ.

5) Возьми вѣникъ, которымъ отъ оводовъ отмахиваемся, тѣмъ вѣникомъ покрапливай капусту, — и червь выйдетъ.

6) Возьми осетрью кость и воткни въ улей ко пчеламъ, и того улью и больши пчелы держатся и пасутъ (несутъ?) медъ изъ чужихъ улей и бортей.

7) А коли скотъ умретъ, и ты съ умершаго скота сыми кожу, продай, да на тѣ пенязи купи сковраду желѣзную, да ѣшь самъ съ нее всякую ѣству:—скотъ твой не станетъ мереть.

8) А коли купишь коня и ты или вымѣняешь, и дай ему изъ рѣшета ясти въ ступу, — будетъ добра.

9) Есть камень синь въ жабѣ—черепахѣ, аноситъ она у себя въ головѣ, и хто тотъ камень выйметъ изъ жабы и держитъ у себя во устѣхъ,—и не боится никакого человѣкъ окорму; а коли, окормятъ, и тотъ камень подержи во устѣхъ.

В. Заговоры.

1) *Отъ червей.* Се умолвити червь въ человѣцѣ, или въ конѣ, или въ нивѣ: какъ зайдетъ солнце, плюни на камень или на руку и глаголи сіе надъ масломъ или надъ солью, да примолви сіе: сѣдла гремятъ, узды бречатъ въ порожныи мѣхи ѣхати по хмѣль по легкой товаръ червемъ и полетѣте за море, тамо у

червей сватьба, *овча яловица печена* (слова, напечатанныя курсивомъ, написаны на полѣ рукописи), а здѣсь червямъ огонь, сѣра горячая и смола кипящая, — побѣгите черви отселѣ за море!

2) *Отъ похмѣлья.* Господине есть хмѣль буйная голова! не вейся внизъ головою, вейся въ посолонь по , а язъ тебя не знаю, гдѣ ты живешь,—вверхъ сыра древа влѣзи къ своему господину въ мѣдныя бочки и пивные; какъ не жить на огнѣ, такъ на семъ человѣцѣ лихіе словеса, имярекъ, аще изопьешь чашу сію, доколѣ мои словеса изъ меня сіи изошли, изъ его раба божія, имярекъ, похмѣлье, господине хмѣль, какъ царь, сядетъ на царствіи своемъ: тако и ты сяди на мѣстѣ своемъ, гдѣ родился!

3) *Отъ всякой болѣзни.* Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Земля ты, мати, не пей крови, не губи дщи! желѣзо, братъ мой, выйми изъ тѣла болѣзнь и отъ сердца щепоту!... всегда и нынѣ и присно.

4) *Отъ лихорадки.* Молитва отъ святаго Силинія и Сихайла и четырехъ Евангелистовъ: Іоанна Богослова, Марка, Луки, Матѳея. Стоитъ среди моря столпъ каменъ, у столпа сидитъ Силиній и Сихайло и зритъ (съ?) святымъ Силиніемъ въ море: — возмутилася вода подъ небесемъ, изыдоша изъ моря 12 женъ простовласыхъ и окаянныхъ видѣніемъ ихъ діявольскимъ, и вопрошаше ихъ святой Силиній и Сихайло: что есте за жены?— и они рѣкоша ему: а мы есми трясавицы, а дщери Ирода царя. И вопрошаетъ ихъ святый Силиній и Сихайло: окаянніи діаволи! почто есте семо пришли?—и они рѣкоша ему: мы есмя пришли мучити христіанскаго роду: аще хто перепьетъ, того мы мучимъ; аще хто завтрену воскресенскую проспитъ, Богу ся не молитъ, въ праздники честные блудъ творитъ, не чистъ ходитъ, рано пьетъ и ѣстъ, то ваши (наши?) угодники. И помолился святый Силиній и Сихайло: Господи, Господи! избави родъ человѣчъ отъ окаянныхъ діаволей!— И услыша Господь Богъ молитву, и посла къ нимъ (т. е. къ трясавицамъ) Силинія и Сихайла и четырехъ Евангелистъ: Матѳея, Луку, Марка, Іоанна Богослова,—и велѣ мучити ихъ дубцы желѣзными, дати имъ по три тысящы на день ранъ. И они (онѣ?) рѣкоша и начаша молитися: святіи, великіи Силиній и Сихайло и четыре Евангелисты: Марко, Лука, Матѳей, Іоаннъ Богословъ! не мучите насъ! гдѣ ваши имени святыя заслышимъ, и не противимся ни въ коемъ родѣ, въ мужескомъ и въ женскомъ,—и мы того роду, мужескаго полу и женскаго, бѣгаемъ за тридевять поприщъ. — И вопрошаетъ ихъ святый Силиній и Сихайло и Апостоли—четыре Евангелисты: что ваши имяна? — Едина рѣче: мнѣ имя Огнія: коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ розгорится, аки пламень въ печи, — также я разжигаю всякаго человѣка. Вторая рѣче: мнѣ имя Ледиха: я коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ не можетъ въ печи согрѣться. Третья рѣче: мнѣ имя Желтая,—аки

цвѣтъ дубравной. Четвертая рѣче: мнѣ имя Глохня: котораго человѣка поймаю, тотъ человѣкъ можетъ глухъ быти. Шестая рѣче: мнѣ имя Юдея: коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ не можетъ насытиться многимъ брашномъ. Седьмая рѣче: мнѣ имя Корчея: коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ корчится вмѣсто руками и ногами, не піетъ, ни ястъ. Восьмая рѣче: мнѣ имя Грудея: котораго человѣка поймаю, лежу въ грудяхъ и выхожу храпомъ внутръ. Девятая рѣче: мнѣ имя Проклятая: коего человѣка поймаю, лежу у сердца, аки лютая змія, и тотъ человѣкъ лежитъ друдно (трудно?). Десятая рѣче: мнѣ имя Ломѣня: аки сильная буря древо ломитъ, такоже и азъ ломаю кости и спину. Одинадцатая рѣче: мнѣ имя Глядѣя: коего человѣка поймаю, тому человѣку сна нѣтъ, и приступитъ къ нему и мутится..... Двѣнадцатая рѣче: мнѣ имя Огнеястра: коего человѣка поймаю стараго, тотъ человѣкъ не можетъ живъ быти. ✝ Молитвами ✝ святыхъ Апостолъ, Ангелъ, Силинія и Сихайла и четырехъ Евангелистовъ: Матѳея, Марка, Луки, Іоанна Богослова, Царь славы Іисусъ Христосъ, Ника (?), Крестъ-хранитель всей вселенной, Крестъ-красота церковная, Крестъ-царевъ скипетръ, Крестъ-князем[ъ] держава, Крестъ-вѣрныхъ утвержденіе, Крестъ-бѣсомъ язва. Крестъ-трясавицамъ прогнаніе, прогонитель отъ раба Божія (имярекъ), всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. — А говорити сія молитва трижды надъ главою больнаго, положа крестъ въ воду, на блюдо, и та вода пити давати больному.

Г. Примѣты.

1) Аще хто боленъ, то тѣстомъ его измажъ всего теплымъ: лицо, и чрево, и нозѣ, и руцѣ,— и дай ему ясти и пити: аще учнетъ ясти и пити, то живъ будетъ, а не ястъ, то умретъ. Аще чашу пилъ больной, и что останетъ, то взлей на пса: аще отряхнется, то живъ будетъ, а не стряхнетъ, то умретъ скоро, яко три недуги суть....

2) Добыти кора старая дубовая, и положити та кора на то мѣсто, гдѣ хочешь хорому ставить, исподнею корою не движи до трехъ дней; на третій день, подъемши, посмотри подъ корою, и найдешъ паука или муравья, и ты тутъ не стави; а коли найдешь мурашенку (?) или мушенки, или червочки какіе нибудь, — и ставь тутъ.

3) А когда человѣкъ хочетъ домъ ставить, и гдѣ хочетъ мѣста искати, или какую хоромину,—добро или худо,—и вели испечь три хлѣбца маленькіе, и вели выбрать изъ печи; возьми два хлѣбца въ пазуху, а третей положи на сердце хлѣбецъ, да вшедъ на то мѣсто, испусти всѣ три хлѣбцы на землю: аще лягутъ вверхъ верхними корками вси, то мѣсто вельми добро; стави,—что хо-

чешь, — Богъ да поможетъ; аще два хлѣбца вверхъ верхними корками, и то мѣсто добро; аще одинъ хлѣбецъ верхними корками къ землѣ, ту ставли не ставь (ту ставь или не ставь?).

4) На Срѣтеньевъ день въ дорогу не ходи, и дому не основаи, ни портища не крои.

Замѣчательно, что неизвѣстный составитель сборника, изъ котораго сейчасъ приведены отрывки, ссылается не разъ на авторитетъ какого-то Ависена. Такъ напр.„ Ависенъ (не *Авиценна*-ли, извѣстный средневѣковый ученый?) глаголетъ: хто чеснокъ (ѣстъ?), у того не ростутъ внутрѣ черви или тѣмъ подобно, понеже мокрость нутреная истребится“.

S.

ОПЕЧАТКИ.

ВЪ ПЕРВОМЪ ОТДѢЛѢ:

Страницы.	*Строки.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
5 снизу	10	подъ коимъ	надъ коимъ
8 сверху	13	отъ утаившейся	отъ утаившихся
10 —	4	по извѣстной злодѣйской	по извѣстной отъ злодѣйской

ВЪ ЧЕТВЕРТОМЪ ОТДѢЛѢ:

7, подъ верхнимъ рисункомъ:		Ручныя цѣпи	Плечныя цѣпи.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

СОДЕРЖАНІЕ

второй книжки Пермскаго Сборника.

—

ОТДѢЛЪ I.

1) Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта.

I. Копія съ объясненія, поданнаго въ Пермскую провинціальную канцелярію, горное начальство и магистратъ отъ секундъ-маіора Папава. 1

II. Журналъ, какимъ (?) сего 1774 года злодѣйская башкирская и другихъ народовъ толпа дѣлала на городъ Кунгуръ нападеніе и оная съ какимъ пораженіемъ отбита. 4

III. Рапортъ кунгурскаго провинціальнаго магистрата казанскому генералъ-губернатору фонъ-Брандту объ осадѣ Кунгура пугачевскими толпами. . 9

IV. Возмутительный листъ Пугачева. 22

2) Архимандритъ Іакинфъ. 23

3) Пермскія древности въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ (съ тремя таблицами рисунковъ). *С. Ешевскаго.* 35

4) Древняя серебряная чаша. *S.* 41

ОТДѢЛЪ II.

1) Матеріалы для описанія быта Пермяковъ. *Рогова.* 1

2) Причитанья «по покойнику» въ кунгурскомъ уѣздѣ. *Сообщилъ крестьянинъ Е. Бурдинъ.* 128

3) О свадебныхъ обрядахъ г. Чердыни (съ рисункомъ въ текстѣ) *Я. П—аго.* . 132

4) Сказки и притчи, записанныя въ шадринскомъ уѣздѣ *А. Зыряновымъ.* . . 162

5) Разсказъ шадринца. *S.* 180

ОТДѢЛЪ III.

1) Свѣдѣнія объ учрежденіи Ирбитской ярмарки и о развитіи на ней торговли. *Н. Эйгера.* 1

2) Примѣры изслѣдованія быта крестьянъ въ хозяйственномъ отношеніи. *А. Т.* 18

ОТДѢЛЪ IV.

1) Отъ Чердыни до Ныроба (съ пятью рисунками въ текстѣ). Изъ путевыхъ замѣтокъ *Н. Вагнера.* 1

2) Замѣчанія о мѣстности и жителяхъ 3-го стана красноуфимскаго уѣзда. *Гр. Городскаго.* 10

3) Шадринскій уѣздъ въ апрѣлѣ 1842 года (изъ воспоминаній очевидца). *А Зырянова.* 13

4) Мурзинская гора и окопы на ней. *А. Зырянова* 21

5) Замѣтка о пребываніи Императора Александра Павловича въ Перми, въ 1824 году. *Е. Мухачева* . 22
6) Формулярный списокъ доктора Граля 23
7) О Ѳеоновѣ. * . 24
8) Домашнія лисицы въ Юговскомъ казенномъ заводѣ. *S.* 25
9) Солоноски, совошники и рогожницы. *Е. Мухачева* —
10) Юдинскій сѣрный источникъ. *Н. Протопопова* 27
11) Публичное испытаніе воспитанниковъ Пермской духовной семинаріи 12 іюля 1859 года. *Р. Ч—а* . 26
12) Общественный городской Черкасова банкъ въ Соликамскѣ. *А. К.* 31
13) Иванищевская библіотека. *S.* 37

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Указатель сочиненій, въ которыхъ заключаются статистическія и географическія свѣдѣнія о Пермской губерніи. *Наркиза Чупина* I
II. Указатель статей о Пермской губерніи въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ». *S.* . XVII
III. Указатель статей о Пермской губерніи, помѣщенныхъ въ Пермскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ (1838—1858). *S.* XXI
IV. Записка, найденная въ бумагахъ покойнаго купца Д. Е. С—ва. . . . XXVII
V. Домашній обиходъ. Рукопись XVII столѣтія. XXXI

Содержаніе первой книжки Пермскаго Сборника.

ОТДѢЛЪ I. 1) Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края. Александра Крупенина. 2) Пугачевскій бунтъ въ шадринскомъ уѣздѣ и его окрестностяхъ. Александра Зырянова. 3) О мѣрахъ предосторожности, которыя принимаемы были Пермскими заводами, во время Пугачевскаго бунта, въ 1774 году. Д. Планера. 4) Преданіе объ Улугушской крѣпости. Зырянова (съ планомъ). 5) Деревня Соликамскаго края въ XVI вѣкѣ. Священника Ипполита Словцова. 6) Сапца и Позмогъ. Священника Ипполита Словцова. 7) Замѣтка о курганахъ въ шадринскомъ уѣздѣ. А. Зырянова. 8) Замѣтка о пермскихъ древностяхъ. С. Ешевскаго (съ 4 таблицами рисунковъ. 9) Открытіе народныхъ училищъ въ Пермской губерніи. Н. Ѳирсова.

ОТДѢЛЪ II. 1) О свадебныхъ обрядахъ г. Чердыни. Я. Предтеченскаго. 2) Пѣсни. 3) Сказки. 4) Загадки.

ОТДѢЛЪ III. 1) Историко-статистическое описаніе Пермскихъ казенныхъ мѣдиплавиленныхъ заводовъ. Д. Планера. 2) Краткое описаніе лѣсохозяйства въ пермскомъ маіоратѣ графовъ Строгановыхъ. Александра Теплоухова.

ОТДѢЛЪ IV. Смѣсь. 1) Очеркъ югозападной половины шадринскаго уѣзда. Священника Тихона Успенскаго. 2) Воспоминанія о докторѣ Гралѣ. Модеста Киттары. 3) Нѣчто о Ѳеоновѣ. Егора Мухачева.

ПРИБАВЛЕНІЯ: 1) Предписаніе Акинфія Никитича Демидова Нижнетагильской заводской конторѣ. 2) Письмо Никиты Демидова.

ПРОГРАММА

ПОВРЕМЕННАГО ИЗДАНІЯ

«ПЕРМСКІЙ СБОРНИКЪ».

—

Исторія Пермскаго края, произведенія и различныя особенности его природы, мѣстныя условія, болѣе или менѣе благопріятныя для его благосостоянія, его промышленная дѣятельность, образъ жизни и языкъ различныхъ племенъ, населяющихъ губернію—вотъ предметы, изученію которыхъ посвящено предпринятое въ городѣ Перми изданіе «Пермскаго Сборника».

«Сборникъ» выдается въ неопредѣленные сроки, отдѣльными книжками, различнаго объема.

Каждая книжка дѣлится на четыре отдѣла; въ составъ каждой книжки могутъ входить статьи слѣдующаго содержанія:

1) Исторія: a) статьи, касающіяся различныхъ національностей, вошедшихъ въ составъ пермскаго народонаселенія, ихъ образа жизни, переворотовъ случившихся съ ними и т. п.; b) статьи, имѣющія своимъ предметомъ отдѣльныя событія, отозвавшіяся тѣмъ или другимъ образомъ на состояніи края; c) историческіе очерки отдѣльныхъ мѣстностей, городовъ, селеній, заводовъ и т. п.; d) біографіи замѣчательныхъ личностей; e) историческіе очерки администраціи, административныхъ и общественныхъ учрежденій; f) археологическія замѣтки о различныхъ зданіяхъ, памятникахъ, урочищахъ и другихъ предметахъ, уцѣлѣвшихъ отъ времени.

2) Этнографія: a) описаніе вообще образа жизни въ различныхъ пунктахъ края и различныхъ отдѣлахъ народонаселенія; b) обычаи, празднества, повѣрья, гаданья; c) пѣсни, сказки, преданія, словари мѣстныхъ нарѣчій, образцы нарѣчій въ видѣ разсказовъ.

3) Географія, статистика, естественныя науки, сельское хозяйство: a) описанія различныхъ мѣстностей, со стороны мѣстоположенія, климата, почвы и т. п.; b) описанія рѣкъ и другихъ водъ и лѣсовъ, съ показаніемъ, по возможности, практической пользы, которую можно извлечь изъ нихъ для края; c) статьи, имѣющія своимъ предметомъ описаніе естественныхъ произведеній края; d) статьи, касающіяся сельскаго хозяйства Пермской губерніи; e) состояніе торговли и промышленности въ краѣ или отдѣльныхъ пунктахъ его.

4) Смѣсь и приложенія: a) путевыя замѣтки; b) разсказы и наблюденія, касающіеся различныхъ сторонъ Пермскаго края; c) хроника современныхъ событій въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи; d) историческіе акты, записки частныхъ лицъ о прежнихъ временахъ и разнаго рода старинныя рукописи; e) указаніе сочиненій о Пермской губерніи, съ извлеченіями изъ нихъ и критическимъ разборомъ; f) объявленія.

По мѣрѣ надобности, статьи сопровождаются рисунками.

Желающимъ помѣщать свои статьи въ Пермскомъ Сборникѣ, редакція этого изданія предлагаетъ приличное вознагражденіе.

Издатель покорнѣйше проситъ Гг. желающихъ войдти въ сношенія съ редакціею, адресоваться непосредственно: ВЪ РЕДАКЦІЮ ПЕРМСКАГО СБОРНИКА, ВЪ ПЕРМЬ.

ИСКЛЮЧЕНО
Из Б-ки Г.И.М.
в
ОБМЕННЫЙ
ФОНД.

Государств. Центральная Книжная
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА.
ПАЛАТА

ИСКЛЮЧЕНО
Из Б-ки Г.И.М.
В
ОБМЕННЫЙ
ФОНД.

Государств. Центральная Книжная Палата
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА.

ИСКЛЮЧЕНО
Из Б-ки Г.И.М.
В
ОБМЕННЫЙ
ФОНД.

Государств. Центральная Книжная Палата
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА.

ИСКЛЮЧЕНО
Из Б-ки Г.И.М.
В
ОБМЕННЫЙ
ФОНД.

Государств. Центральная Книжная
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА.
ПАЛАТА

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Permskij Sbornik Povremennoe izdanie

Bd.: 2

Moskva 1860

Russ. 228 h-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783778-2